

Научный журнал
«ЭПОМЕН»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 67, январь 2022
No. 67, January 2022

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2022

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфилова Аполлинару Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikeev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khilus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Киселева В. Б., Смирных С. Н.

Развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях (стр. 10–24)

Клянова М. Е., Черненко О. Б.

Внедрение «умных городов» в Ростовской области: проблемы и перспективы (стр. 25–34)

Минеева Н. Н.

Проблемы цифровизации сельского хозяйства России (стр. 35–47)

Синдеев А. Ю., Черкашина Т. А.

Оценка контрактных прав предприятия как инструмент стратегического управления в постковидный период (стр. 48–59)

Сиротин Д. В.

Развитие интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности (стр. 60–77)

Юридические науки

Ашьралиева Б. С., Ицанова Г. Т.

Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки (стр. 78–100)

Иванова Е. В.

Личность преступника и жертвы при совершении угрозы убийством в семейно-бытовой сфере (стр. 101–113)

Коновалова М. А.

Подделка, изготовление, распространение поддельных сертификатов о вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также фиктивных медицинских справок: уголовно-правовые и криминологические аспекты (стр. 114–133)

Невдал О. В.

Генезис правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь (стр. 134–144)

Пантюхина И. В., Сидорова С. А.

Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний (стр. 145–162)

Хлус А. М.

Объект и предмет незаконного оборота наркотиков: уголовно-правовой и криминалистический аспекты (стр. 163–176)

Table of Contents

Economics

Kiseleva V. B., Smirnykh S. N.

Development of cost management tools in power grid companies (pp. 10–24)

Kiyanova M. Y., Chernenko O. B.

Introduction of "smart cities" in the Rostov region: problems and prospects (pp. 25–34)

Mineyeva N. N.

Digitalization in Russian agriculture (pp. 35–47)

Sindeyev A. Y., Cherkashina T. A.

Evaluation of contractual rights of an enterprise as a strategic management tool in the post-crisis period (pp. 48–59)

Sirotnin D. V.

Development of the intellectual capital of Russian semiconductor industry (pp. 60–77)

Law

Ashyraliyeva B. S., Ischanova G. T.

Religious extremism: concept, essence and signs (pp. 78–100)

Ivanova Y. V.

The identity of the criminal and the victim when making a death threat in the family and household sphere (pp. 101–113)

Konovalova M. A.

Forgery, manufacture, distribution of fake vaccination certificates against the new coronavirus infection COVID-19, as well as fictitious medical certificates: criminal law and criminological aspects (pp. 114–133)

Nevdach O. V.

The genesis of legal regulation of licensing of forensic examinations in the Republic of Belarus (pp. 134–144)

Pantyukhina I. V., Sidorova S. A.

Forms of interaction of the protective norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation: problems of differentiation and qualification of criminal acts (pp. 145–162)

Khilus A. M.

Object and subject of illegal trafficking in drugs: criminal legal and criminalistic aspects (pp. 163–176)

УДК/UDC 338.585

Развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях

Киселева Валерия Борисовна

магистрант

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:vladnikitenko24@gmail.com

Смирных Светлана Николаевна

кандидат экономических наук, доцент

Уральский государственный экономический университет

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:sns6@yandex.ru

SPIN-код: 3117-2689

Аннотация

В условиях высокой скорости технологических изменений, глобализации рынков, разнообразия социально-экономических кризисов и ужесточения конкуренции повышается актуальность всестороннего исследования затрат предприятий. Функционирование электросетевых компаний характеризуется рядом особенностей, связанных как с институциональной средой их функционирования, так и со спецификой осуществления технологических процессов. Поэтому необходимо совершенствовать инструментарий управления затратами электросетевых компаний. Цель исследования – разработка рекомендаций по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях. На основании изучения теоретических и методических аспектов управления затратами предложена пятиэтапная схема управления затратами в электросетевой компании, апробированная на примере АО «Екатеринбургская электросетевая компания» (АО «ЕЭСК»). Для каждого этапа разработан комплекс методических инструментов управления затратами, учитывающий специфику функционирования электросетевых компаний. Результаты апробации доказывают, что предложения по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях являются практически реализуемыми и позволяют повысить эффективность деятельности электросетевых организаций.

Ключевые слова: управление затратами, электросетевая компания, методический инструментарий управления затратами.

Development of cost management tools in power grid companies

Kiseleva Valeriya Borisovna

Master's student

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia

e-mail:vladnikitenko24@gmail.com

Smirnykh Svetlana Nikolayevna

Candidate of Economics, assistant professor of Enterprise Economics Department

Ural State University of Economics

Ekaterinburg, Russia

e-mail:sns6@yandex.ru

SPIN-код: 3117-2689

Abstract

The relevance of a comprehensive study of enterprise costs increases in the context of a high rate of technological change, globalization of markets, a variety of socio-economic crises and increased competition. Electric grid companies have some peculiarities associated with both the institutional environment of their functioning and the specifics of their technological processes. Consequently, the methodical toolkit for managing costs in power grid companies needs to be improved. The aim of the study is to develop recommendations for the development of methodical tools for cost management in power grid companies. Based on the study of theoretical and methodical aspects of cost management, we proposed a five-stage cost management scheme in an electric grid company and tested it on the example of Joint-stock company "Ekaterinburg Electric Grid Company" (JSC "EESK"). Methodical cost management tools are developed for each stage and take into account the specifics of the operation of power grid companies. The results of the study confirmed the practical feasibility and efficiency of using the proposed methodical tools for cost management in power grid companies.

Key words: cost management, power grid company, methodical tools for cost management.

В современных условиях высокой скорости экономических преобразований, масштабности кризисных ситуаций, жесткой конкуренции на рынках возникает необходимость во всестороннем исследовании затрат предприятия и оптимизации путей управления ими. Формирование финансовых результатов и управление затратами в электросетевых компаниях характеризуется рядом особенностей, связанных как с институциональной средой их функционирования (например, иерархичность структуры принятия решений о развитии электроэнергетической системы), так и со спецификой осуществления технологических процессов (значительная доля неподконтрольных затрат; большой удельный вес единовременных (инвестиционных) издержек и т. п.). В связи с этим развитие инструментария управления затратами в электросетевых компаниях является актуальной темой исследования.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях.

В ходе исследования были решены следующие основные задачи:

- 1) изучены теоретические и методические основы управления затратами в электросетевых компаниях;
- 2) проведен анализ и оценена эффективность управления затратами электросетевой компании АО «Екатеринбургская электросетевая компания» (далее по тексту АО «ЕЭСК»);
- 3) разработаны рекомендации по развитию инструментария управления затратами электросетевой компании и обоснована их эффективность.

Электросетевые компании могут успешно применять следующие методы управления затратами: стандарт-кост, директ-костинг, метод ABC, кайзен-костинг, CVP-анализ и кост-киллинг [1].

На основании изучения теоретических и методических аспектов управления затратами в электросетевых компаниях, а также результатов анализа эффективности управления затратами в АО «ЕЭСК» предло-

жена следующая схема управления затратами электросетевой компании (табл. 1).

Предлагаемая схема управления затратами в электросетевых компаниях

№ п/п	Наименование этапа управления	Применяемые инструменты управления затратами
1.	Установление стратегических целей управления затратами	Методы стратегического анализа и управления: PEST-анализ, анализ микросреды (отраслевого рынка), SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП) и составление стратегической карты
2.	Выявление резервов и факторов оптимизации/снижения затрат	Вертикальный и горизонтальный анализ затрат, факторный анализ затрат (в т. ч. на 1 рубль продукции). Анализ затратно-экономности и затратно-отдачи (в т. ч. по элементам и статьям затрат). Методы стратегического анализа и управления: SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП)
3.	Планирование мероприятий по оптимизации/снижению затрат	Методы технико-экономического обоснования (расчет абсолютного и относительного снижения (экономии) затрат, окупаемости затрат и др.). Методы бизнес-планирования и инвестиционного проектирования (расчет простых и дисконтированных показателей эффективности инвестиций)
4.	Организация и стимулирование внедрения мероприятий по оптимизации/ снижению затрат	Методы управления проектами, в т. ч. составление графиков Ганта, сетевых графиков, метод освоенного объема (EVA) и т. д. SWOT-матрица, система сбалансированных показателей (ССП) с декомпозицией по подразделениям и ответственным исполнителям. Установление ключевых показателей эффективности (KPI) для подразделений (исполнителей), изменение системы премирования

5.	Контроль выполнения мероприятий по оптимизации/ снижению затрат и их корректировка	<p>Методы управления проектами, в т. ч. мониторинг исполнения графиков Ганта, сетевых графиков, показателей метода освоенного объема (EVA).</p> <p>Методы АФХД, технико-экономического обоснования, инвестиционного проектирования: мониторинг фактических значений экономии затрат, эффективности инвестиционных проектов/ мероприятий, показателей затратно-экономности и затрато-отдачи.</p> <p>Мониторинг и контроль выполнения показателей системы сбалансированных показателей (ССП).</p> <p>Минимизация отклонений (разработка корректирующих мероприятий по оптимизации/снижению затрат)</p>
----	--	--

Таблица 1

Представленная в табл. 1 схема управления затратами позволит обеспечить выполнение основных принципов управления затратами в электросетевой компании, таких как системность, единство методов, управление затратами, на всех стадиях жизненного цикла продукции, повышение заинтересованности всех подразделений предприятия в снижении затрат и др. [2].

Далее приведем основные результаты апробации предложенной схемы управления затратами на примере АО «ЕЭСК» [3; 4]. Главные проблемы АО «ЕЭСК», мешающие компании в поддержании и усилении лидирующего положения на рынке транспортировки электроэнергии в границах муниципального образования город Екатеринбург, представлены в матрице SWOT-анализа (табл. 2).

SWOT-матрица среды функционирования АО «ЕЭСК»

	<p>Возможности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Естественное-монопольное положение. 2. Увеличение потребления электроэнергии физическими лицами. 3. Применение инновационных энергосберегающих технологий в отрасли. 4. Субсидирование электросетевых компаний со стороны государства. 5. Появление новых электронных торговых площадок с более удобным интерфейсом. 	<p>Угрозы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ужесточение регулирования тарифов на передачу электроэнергии. 2. Усиление бюрократизации (получение сертификатов на работу в осенне-зимний период, прохождение аттестации). 3. Усиление регулирования отрасли (повышение требований к безопасности подключения к электросетям и ремонтных работ). 4. Снижение уровня доходов населения. 5. Снижение потребления электроэнергии юридическими лицами в условиях распространения коронавирусной инфекции. 6. Необходимость проведения профилактических мероприятий по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции. 7. Закрывтие/сбой в работе электронных торговых площадок.
<p>Сильные стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Высококвалифицированный персонал. 2. Современное оборудование. 3. Периодическое повышение квалификации персонала. 4. Средний возраст работников — 35 лет. 5. Наличие второй пенсии от предприятия. 6. Устойчивое финансовое состояние. 7. Хорошая репутация. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Внедрение и применение инновационных энергосберегающих технологий. 2. Обучение, переобучение, повышение квалификации персонала. 3. Освоение новых электронных торговых площадок. 4. Сохранение высокого качества оказания услуг. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение необходимого уровня безопасности подключения к электросетям и проведения ремонтных работ. 2. Постоянное повышение квалификации персонала для освоения изменений, происходящих в отрасли, и соответствия всем предъявляемым требованиям. 3. Вакцинация работников от COVID-19. 4. Намаживание более тесного контакта с основными поставщиками (хорошие взаимоотношения с поставщиками позволяют сохранить деловые отношения даже в условиях отсутствия специальных торговых площадок).

<p>Слабые стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Раздутость штата в отдельных подразделениях. 2. Дочернее предприятие (необходимость согласования решений с вышестоящей организацией). 3. Низкая заработная плата в сравнении с другими компаниями отрасли. 4. Потери электроэнергии при ее транспортировке. 5. Большие расходы на ремонт электрических сетей. 6. Нарастающий износ сетей. 7. Ухудшение качества работы сотрудников в связи с отсутствием контроля в режиме удаленной работы. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение потерь электроэнергии при ее передаче за счет реконструкции электрических сетей. 2. Увеличение срока эксплуатации электрических сетей за счет применения инновационных энергосберегающих технологий, которые обеспечат снижение нагрузки на электрические сети. 3. Снижение себестоимости передачи электроэнергии за счет снижения потерь электроэнергии. 5. Повышение заработной платы сотрудников за счет увеличения прибыли от потребления электроэнергии. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сокращение штата работников в «раздутых» службах. 2. Разработка своими силами/покупка программного обеспечения, которое бы отслеживало активность работников во время работы в удаленном режиме. 3. Введение дополнительного стимулирования (премии/благодарственные письма/грамоты) во время работы в удаленном режиме для стимулирования производительности труда работников. 4. Найм дополнительного персонала/обучение уже работающего на предприятии персонала для работы с поставщиками в условиях неработающих торговых площадок.
---	--	--

Таблица 2

В текущей ситуации АО «ЕЭСК» необходимо провести модернизацию трансформаторных пунктов, уменьшить количество работников в «раздутых» подразделениях, часть сотрудников перевести на постоянный режим удаленной работы, а освободившиеся площади сдавать в аренду. В перспективе АО «ЕЭСК» следует оснастить свои подстанции системами регистрации параметров аварийных событий (РАС), внедрить концепцию Smart Grid («умная электросеть») и программно-технический комплекс iSAS — интегрированную систему защиты и управления подстанцией для обеспечения релейной защиты, противоаварийной автоматики и автоматизированной системы управления [5].

Ключевыми целями деятельности АО «ЕЭСК» являются:

- 1) поддержание высокого уровня эксплуатации электросетевого хозяйства,
- 2) обеспечение надежного электроснабжения потребителей города,
- 3) создание условий для развития электрических сетей.

Т. к. в компании отсутствует детализация стратегических целей развития, нами была разработана система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» на 2021 г., представленная ниже (табл. 3).

Система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» на 2021 г.

Стратегическая цель	Показатель	Целевое значение (в % от соответствующего значения 2020 г.)
Финансы		
Рост валовой прибыли	Валовая прибыль	Увеличение валовой прибыли на 5%
Сокращение себестоимости оказываемых услуг	Себестоимость	Снижение себестоимости оказываемых услуг на 3%
Клиенты		
Повышение удовлетворенности клиентов	Количество поданных жалоб	Сокращение количества жалоб на 15%
Внутренние бизнес-процессы		
Повышение качества осуществляемых работ	Количество ремонтов Быстрота устранения обрывов электросетей Производительность труда Изношенность оборудования Количество поломок оборудования Срок службы оборудования	Снижение количества ремонтов на 5% Обрывы электросетей должны устраняться в течение 3 часов Рост производительности труда на 5% Снижение изношенности оборудования на 10% Снижение поломок на 5% Срок службы действующего оборудования — 10–15 лет
Прирост обращений через сайт	Заявки, поданные через сайт	Увеличение количества заявок, поданных через сайт, на 10%
Сокращение затрат на покупную электроэнергию для компенсации потерь	Затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь	Снижение затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь на 5%
Обучение и развитие		
Повышение квалификации сотрудников	Количество работников с высшим образованием	Доля работников с высшим образованием — 75% от общего числа работников
Низкая текучесть кадров	Текучесть кадров	Сокращение численности уволившихся работников на 10%
Достойный уровень заработной платы персонала	Среднемесячная заработная плата работника (за год)	Размер среднемесячной заработной платы одного работника не ниже среднего по отрасли

Таблица 3

Система сбалансированных показателей АО «ЕЭСК» показывает, на что компании необходимо обратить внимание, чтобы улучшить свое положение на рынке электроэнергии.

Таким образом, для улучшения финансового положения АО «ЕЭСК» требуется грамотно подходить к выбору поставщиков, обращая внимание на соотношение цены и качества приобретаемых товаров, работ, услуг; совершенствовать механизм финансового и экономического планирования, управления дебиторской и кредиторской задолженностями. Периодические проверки потребителей электроэнергии на целостность пломб и правильность подключения приборов учета, оснащение контролеров современными приборами контроля для выявления мест несанкционированного подключения к линиям электропередач; организация работы по опломбированию электросчетчиков для предотвращения случаев несанкционированного доступа к ним помогут сократить затраты на покупную электроэнергию для компенсации потерь.

Для повышения удовлетворенности клиентов следует обновить сайт, сделав его максимально простым и удобным в использовании; своевременно обновлять информацию, расположенную на сайте. АО «ЕЭСК» необходимо также систематически повышать квалификацию работников, быстро реагировать на жалобы и обращения клиентов, выполнять работы в установленный срок и без ошибок.

Для улучшения функционирования бизнес-процессов АО «ЕЭСК» следует своевременно обновлять старое оборудование; обеспечить четкое выполнение планово-предупредительных и аварийных ремонтов; разработать и реализовать мероприятия по повышению производительности труда основного персонала. Для повышения эффективности деятельности и удовлетворенности персонала необходимо поддерживать комфортные условия труда; усовершенствовать систему материального стимулирования за выполнение и перевыполнение плана; обеспечить размер заработной платы на уровне не ниже среднеотраслевого; своевременно повышать квалификацию персонала.

Фактическая затратноёмкость оказания услуг АО «ЕЭСК» в 2020 г. (табл. 4) оказалась незначительно выше уровня 2019 г. (на 0,6%), но превысила плановое значение на 3,4 коп. (4,2%). Наибольший удельный

вес в затратах компании занимают материальные затраты и затраты на оплату труда.

Динамика затратно-емкости оказания услуг АО «ЕЭСК» в 2018–2020 гг. (руб./руб.)

Показатель	2018 г. (факт)	2019 г. (факт)	2020 г. (факт)	2020 г. (план)	Абс. отклонения		
					2019/ 2018	2020/ 2019	Факт 2020/ План 2020
Затратно-емкость	0,832	0,833	0,838	0,804	0,001	0,005	0,034
Материало-емкость	0,332	0,333	0,349	0,368	0,001	0,016	-0,019
Зарплато-емкость	0,219	0,234	0,239	0,227	0,015	0,005	0,012

Таблица 4

Нами предлагаются и обосновываются следующие мероприятия по управлению затратами АО ЕЭСК на 2021 г.

Во-первых, следует реализовать инвестиционный проект модернизации трансформаторных пунктов АО «ЕЭСК», предполагающий обновление 15% наиболее изношенных трансформаторов. Обновление трансформаторов не повлияет на выручку компании, однако снизит себестоимость на 5,6% за счет снижения затрат на покупку электроэнергии для компенсации потерь и затрат на ремонты.

Инвестиционный проект рассчитан на 8 лет (включая инвестиционную стадию), является прибыльным, финансово реализуемым и экономически эффективным (табл. 5). Чистый дисконтированный доход по проекту составит 1230 млн руб., инвестиционные затраты в размере 200,2 млн руб. окупятся за 2,4 г. Проект обновления наиболее изношенных трансформаторов является высокоэффективным, т. к. обеспечивает получение 6,15 руб. чистого дисконтированного дохода с каждого рубля вложенных инвестиций.

Показатели коммерческой эффективности проекта модернизации трансформаторных пунктов АО «ЕЭСК»

Показатель	Фактическое значение	Нормативное значение
Традиционные (учетные) показатели		
Рентабельность инвестиций (по чистой прибыли), %	332,60	0
Период окупаемости, лет	2,60	8 лет
Простые показатели		
Чистый доход, млн руб.	2130,30	0
Срок окупаемости (с начала проекта), лет	2,23	8 лет
Потребность в дополнительном финансировании, млн руб.	200,2	—
Индекс доходности инвестиций	11,64	1
Дисконтированные показатели		
Чистый дисконтированный доход, млн руб.	1230,24	0
Срок окупаемости с учетом дисконтирования, лет	2,37	8 лет
Потребность в дополнительном финансировании с учетом дисконтирования, млн руб.	200,2	—
Внутренняя норма доходности, %	79,68%	11,5%
Индекс доходности дисконтированных инвестиций	7,15	1

Таблица 5

Во-вторых, целесообразно оптимизировать численность персонала в «раздутых» подразделениях компании. Результаты анализа свидетельствуют о наличии «излишней» численности работников в Управлении технологического присоединения, Управлении по экономике и финансам, Юридическом отделе и Департаменте управления персоналом АО «ЕЭСК». Сокращение численности работников данных подразделений на 13 человек позволит снизить затраты на оплату труда (на 8,58 млн руб. в год).

В-третьих, рекомендовано около 20% работников (195 чел.) перевести на постоянный режим удаленной работы, а освободившиеся площади (300 кв. м) сдавать в аренду. Учитывая привлекательное территориальное расположение офиса АО «ЕЭСК» в центре Екатеринбурга, найти арендаторов будет несложно, а годовая прибыль компании от сдачи помещений в аренду составит 6,36 млн руб.

Безусловно, в рамках данного исследования мы смогли детально разработать и обосновать эффективность лишь некоторых мероприятий

по управлению затратами АО «ЕЭСК». Однако даже их практическая реализация позволит существенно повысить результативность деятельности компании (табл. 6).

Динамика основных экономических показателей деятельности АО «ЕЭСК» с учетом внедрения мероприятий по управлению затратами

Показатель	2020 г. (факт)	2020г. (с учетом мероприятий)	Изменение показателя	
			Абс-е	Относ-е, %
Выручка, млн руб.	5258	5264	6	0,11
в т. ч.:	31	37	6	19,35
- выручка от прочей деятельности				
Себестоимость продукции (услуг), млн руб.	4122	3883,4	-238,6	-5,79
в т. ч.: - покупная электроэнергия на компенсацию потерь	1408	1197	-211	-14,99
- затраты на ремонт	96	77	-19	-19,79
- затраты на оплату труда	855	846,4	-8,6	-1,00
Валовая прибыль, млн руб.	1136	1380,6	244,6	21,53
Среднесписочная численность персонала, чел.	989	976	-13	-1,31
Производительность труда, млн руб./чел.	5,32	5,39	0,08	1,45
Рентабельность активов, %	7,81	9,49	1,62	21,51
Рентабельность продаж, %	21,61	26,23	4,45	21,38
Рентабельность продукции, %	27,56	35,55	7,69	28,99
Затратоемкость, руб./руб.	0,838	0,792	-0,046	-5,49
Зарплатоемкость, руб./руб.	0,349	0,306	-0,044	-12,32
Материалоемкость, руб./руб.	0,239	0,237	-0,002	-0,84

Таблица 6

Для оценки суммарного влияния предложенных мероприятий на основные экономические показатели деятельности компании был использован принцип сравнения «С и БЕЗ проекта (мероприятия)»; расчеты произведены в текущих ценах на основе фактических показателей компании за 2020 г.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий позволит в полном объеме достичь следующих целевых показателей системы сбалансированных показателей АО «ЕЭСК»:

- 1) снижение себестоимости (на 5,8%),
- 2) рост валовой прибыли (на 21,5%),
- 3) сокращение затрат на покупную электроэнергию для компенсации потерь (на 15%).

Кроме того, разработанные рекомендации по управлению затратами обеспечат следующую динамику показателей: сокращение числа ремонтов (затраты на них сократятся на 19,8%), снижение изношенности оборудования (будет обновлено 15% трансформаторов), повышение производительности труда (на 1,5%), что окажет положительный эффект на деятельности организации.

Полученные нами на примере АО «ЕЭСК» результаты доказывают, что предложения по развитию методического инструментария управления затратами в электросетевых компаниях являются практически реализуемыми и позволяют повысить эффективность деятельности организаций данного типа.

Последний абзац текста.

Список литературы:

1. Барбарская М. Н., Колесникова Е. С. Основные направления оптимизации процесса управления затратами предприятия электросетевого комплекса // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2019. № 2. С. 63–72.
2. Подгорная А. Г., Тюрев В. К. Принципы и цели управления затратами // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 2. Т. 1. С. 136–139.
3. Екатеринбургская электросетевая компания // АО «ЕЭСК». URL: <http://www.eesk.ru> (дата обращения: 18.06.2021).
4. Сетевое издание Информационный ресурс СПАРК. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (дата обращения: 17.03.2021).
5. Егоров М. Топ-5 инноваций в энергетике: от интернета вещей до «умных» сетей // ИКС (ИнформКурьер-Связь). 2019. № 2. С. 12–15.

References:

1. Barbarskaya M. N., Kolesnikova E. S. The main directions of optimization of the cost management process of the enterprise of the power grid complex // Journal "U". Economy. Control. Finance. 2019. No. 2. Pp. 63–72.
2. Podgornaya A. G., Tyurev V. K. Principles and objectives of cost management // New Science: Experience, Traditions, Innovations. 2017. No. 2.Vol. 1. Pp. 136–139.
3. Yekaterinburg Electric Grid Company // JSC "EESK". URL: <http://www.eesk.ru> (access date: June 18, 2021).
4. Online edition SPARK information resource. URL: <http://www.spark-interfax.ru/> (access date: March 17, 2021).
5. Egorov M. Top-5 innovations in the energy sector: from the Internet of things to "smart" networks // ICS (InformKuryer-Svyaz). 2019. No. 2. Pp. 12–15.

УДК/UDC 332.14

Внедрение «умных городов» в Ростовской области: проблемы и перспективы

Киянова Мария Евгеньевна

магистрант кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:evgenevna.masha@list.ru

Черненко Ольга Борисовна

доктор экономических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и экономической безопасности

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:obch2911@yandex.ru

SPIN-код: 8992-2472

Аннотация

В современном мире при значительной степени урбанизации повышается интерес к проблемам умного и стабильного городского планирования, которое находится в основе разработки и осуществления концепции «умный город». Улучшение экономических возможностей, степени бюджетной обеспеченности, понижение экологической нагрузки, капитализация человеческих ресурсов на базе внедрения цифровых технологий в социальное развитие находятся в основе современных толкований и подходов к понятию концепции «умного города». В данной статье анализируется определение «умный город» как одно из главных направлений дальнейшего социально-экономического развития страны, которое может привести к организации качественно нового уровня жизни граждан при совершенствовании подходов к управлению. Выявляются основные проблемы цифровизации городского хозяйства и перспективы его развития в Ростовской области.

Ключевые слова: «умный город», цифровая трансформация, регион, Ростовская область.

Introduction of "smart cities" in the Rostov region: problems and prospects

Kiyanova Mariya Yevgenyevna

student in the master's programme of the Department of State, Municipal Management and Economic Security

Rostov State University of Economics (RSUE)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail:evgenevna.masha@list.ru

Chernenko Olga Borisovna

Doctor of Economics, professor of the Department of State, Municipal Administration and Economic Security

Rostov State University of Economics (RSUE)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail:obch2911@yandex.ru

SPIN-код: 8992-2472

Abstract

In today's world, with a significant degree of urbanization, there is an increasing interest in the problems of smart and sustainable urban planning, which is at the heart of the development and implementation of the "smart city" concept. Improving economic opportunities, the degree of budgetary provision, lowering the environmental burden, capitalizing human resources through the introduction of digital technologies in social development are at the heart of modern interpretations and approaches to the concept of a "smart city". This article analyzes the definition of "smart city" as one of the main directions of further socio-economic development of the country, which can lead to the organization of a qualitatively new standard of living of citizens while improving approaches to management. The main problems of digitalization of the urban economy and the prospects for its development in the Rostov region are identified.

Key words: "smart city digital transformation, region, Rostov region.

Во время увеличения количества кризисных явлений в экономическом и общественном пространстве разработка и реализация концепции «умный город» становится одним из важнейших направлений страте-

гического развития регионов и городов. Для решения проблем местные органы власти, организации и население взяли идею «умного города», в рамках которой путем применения различных технологий обеспечиваются благоприятные условия для жизни населения, а также гарантируется защита и сохранение окружающей среды. При этом прогнозируемая цифровизация экономики позволит увеличить число «умных городов». Широкомасштабное применение технологий ИКТ-сектора и автоматизация различных процессов управления хозяйством города учеными рассматривается как способ решения общественных проблем в социуме в силу того, что человек и его взаимодействие с внешними факторами, в т. ч. в рамках городской среды, обязаны оставаться базисом разработки и реализации концепции «умный город» [1]. Преимуществом представленной концепции также является взаимосвязь органов государственной власти и представителей социальных организаций, которые отвечают за ее реализацию.

Все возрастающий престиж городов в изменяющемся мире определяет новые задачи для городской сферы. Излишняя плотность, транспортные вопросы, экологические проблемы, трансформация запросов жителей и бизнеса к качеству городской среды и услуг — небольшой перечень вызовов, с которыми встречаются современные города. В данных условиях происходит поэтапный пересмотр подходов к управлению городским развитием, которое все больше базируется на прогрессивных технологических решениях, цифровизации и платформизации. В идеальном представлении речь идет о переходе к целостной цифровой городской экосистеме, которая соответствует появляющимся вызовам, содействует удовлетворению потребностей всех ее участников, а также обеспечивает более качественное объединение отдельных звеньев городской инфраструктуры.

Для осознания такого перехода обычно употребляют термин «умный город» (smart city). При этом важное место отводится информационно-коммуникационным технологиям (далее по тексту — ИКТ), поддерживающим качественное обеспечение актуальных процес-

сов городской жизни и помогающим находить различные решения появляющихся проблем благодаря вовлечению граждан, бизнеса и властей.

Российские города играют центральную роль в национальной экономике, однако все чаще встречаются с вызовами, которые мешают их действенному развитию. Такие вызовы можно увидеть на рис. 1.

Вызовы, препятствующие эффективному развитию городов

Рисунок 1

Большинство вопросов, связанных с преодолением обозначенных вызовов, могут быть решены за счет реализации в российских городах концепции «умного города».

В условиях развития цифровой экономики для «умного города» сценарий цифровой трансформации становится способом переустройства управления и его интеллектуализации за счет изменений, изображенных на рис. 2.

Сценарий преобразования «умного города»

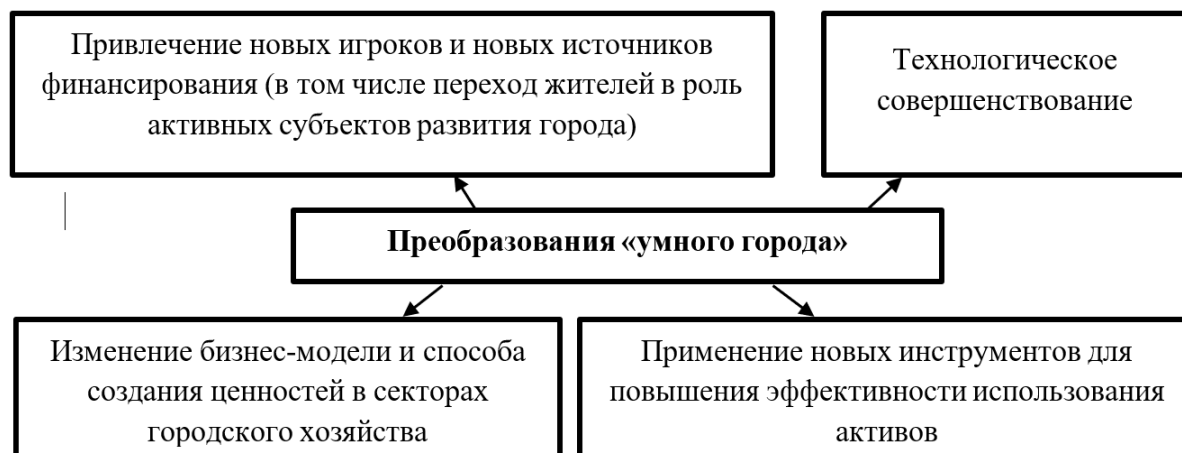

Рисунок 2

Умный стабильный город представляет собой инновационный город, в котором ИКТ, с одной стороны, применяются с целью обеспечения роста качества жизни населения, действенности функционирования города и предоставления городских услуг, а также для упрочения конкурентоспособности, а с другой — удовлетворяют нужды будущих поколений, не оказывая отрицательного воздействия на социально-экономические и экологические элементы города [2].

В рамках реализации национальных проектов «Жилье и городская среда» и «Цифровая экономика», регионального проекта «Умные города Ростовской области» и Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ростовской области проект «Умный город» будет исполнен в семи городах Ростовской области: г. Ростов-на-Дону, г. Волгодонск, г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Новочеркасск, г. Батайск, г. Таганрог.

На рис. 3 представлены основные направления развития городской среды Ростовской области.

Рассмотрим внедрение системы «Умный город» в г. Волгодонск Ростовской области. Волгодонск один из главных городов атомной отрасли. В этом месте размещен завод атомного машиностроения «Атоммаш» и находится самая южная российская атомная станция – Ростовская АЭС,

Основные направления развития городской среды Ростовской области

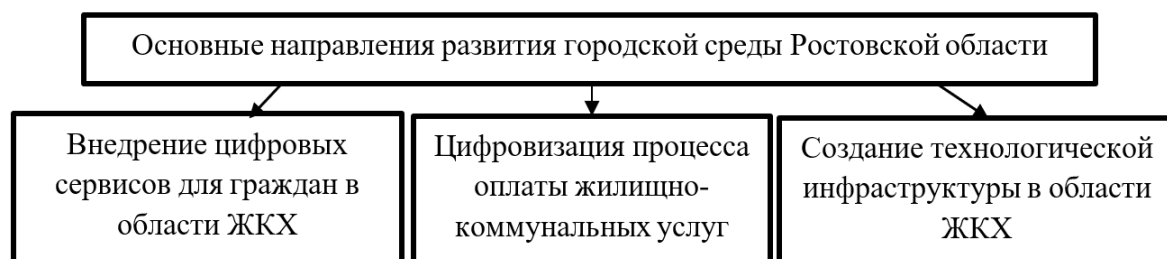

Рисунок 3

а также большинство жителей города заняты в сфере атомной промышленности [3].

Соглашение о запуске программно-аппаратного комплекса «Умный город Волгодонск» подписали губернатор В. Голубев и генеральный директор концерна «Росэнергоатом» А. Петров. Проект предполагает организацию цифровой городской инфраструктуры и управление всеми городскими системами из единственного центра.

Платформу «Умный город Волгодонск» можно охарактеризовать как программно-аппаратный комплекс со множеством сервисов для населения и муниципалитета. Это комплект инфраструктуры и модулей, связанных единым веб-ресурсом. Часть из них закрытые, а часть определена для социального обеспечения: информационные и бытовые сервисы, в т. ч. для взаимодействия между пользователями, представителями администрации г. Волгодонска и подрядными организациями. Проект включает все направления набора элементов «умного города», которые находятся в методических рекомендациях по подготовке регионального проекта «Умные города» Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. На реализацию проекта «Умный город Волгодонск» правительство Ростовской области и концерн «Росэнергоатом» направят по 12,5 млн рублей.

«Умный Волгодонск» содержит в себе 14 модулей, куда входят блоки инноваций для городской среды, транспорта, городского управления, ЖКХ, туризма. Модули помогут гражданам решать различные буднич-

ные дела в режиме онлайн. Например, оплата детских секций просмотр реального движения транспорта. Через сервисы обратной связи городские жители смогут участвовать в трансформации города, ускорят решение городских проблем [4].

Ряд модулей системы «Умный город» нацелен на рост эффективности сферы ЖКХ. В частности, начнет внедряться интеллектуальная система учета коммунальных ресурсов. На указанном этапе в нескольких школах города будут выполнены программы по оптимизации применения коммунальных ресурсов, которые в будущем будут размножены во все муниципальные учреждения. За счет внедрения «энергосервисных контрактов» и введения интеллектуальных систем энергопотребления расходы на электроснабжение и отопление школ должны уменьшиться на 30%. Программа позволяет автоматически понижать температуру в школе во время каникул и на выходные, а за несколько часов до начала занятий ее увеличивать.

Так, в рамках проекта «Умный город» начнут действовать виды систем, сервисов, технологий, представленные на рис. 4.

***Набор элементов инфраструктуры «Умного города»
Волгодонска***

Рисунок 4

В городе заработает система сбора жалоб на работу коммунальных и муниципальных служб: на электронной карте появится возможность

поставить «красный флажок» и загрузить фотографии, на которых будет видна проблема (городская свалка, прорыв водопровода, яма на дороге, проблемы с освещением и др.). Соответствующие службы должны будут в определенные сроки откликнуться на каждую жалобу.

На интерактивной карте горожане смогут следить за графиком вывоза твердых коммунальных отходов, отслеживать графики уборки улиц. Кроме того, в городе появится система видеонаблюдения за контейнерными площадками, позволяющая проверять их условия и соблюдение графика вывоза мусора.

На улицах города возведут 20 «умных» остановок, благодаря которым люди будут отслеживать прибытие транспорта.

Предусмотрена интеграция с уже имеющимися системами для граждан и администрации. Например, платформа будет объединена с областной программой «Активный горожанин». После интеграции систем и введения ключевых модулей эксперты АО «Русатом Инфраструктурные решения» проведут обучение для сотрудников администрации и ведомств [5].

На сегодняшний день нормативно-правовая среда, регулирующая механизмы применения «умных городов» и схемы субсидирования мероприятий по цифровизации городского хозяйства, проработана недостаточно. Это одни из первоочередных проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации. Решение отмеченных в данной статье проблем возможно при наличии «единого центра управления» проектом «Умный город» в лице одного из федеральных органов власти. Рассмотрим на рис. 5 пути решения проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации «умного города».

Пути решения проблем в части исполнения мероприятий в области цифровизации «умного города»

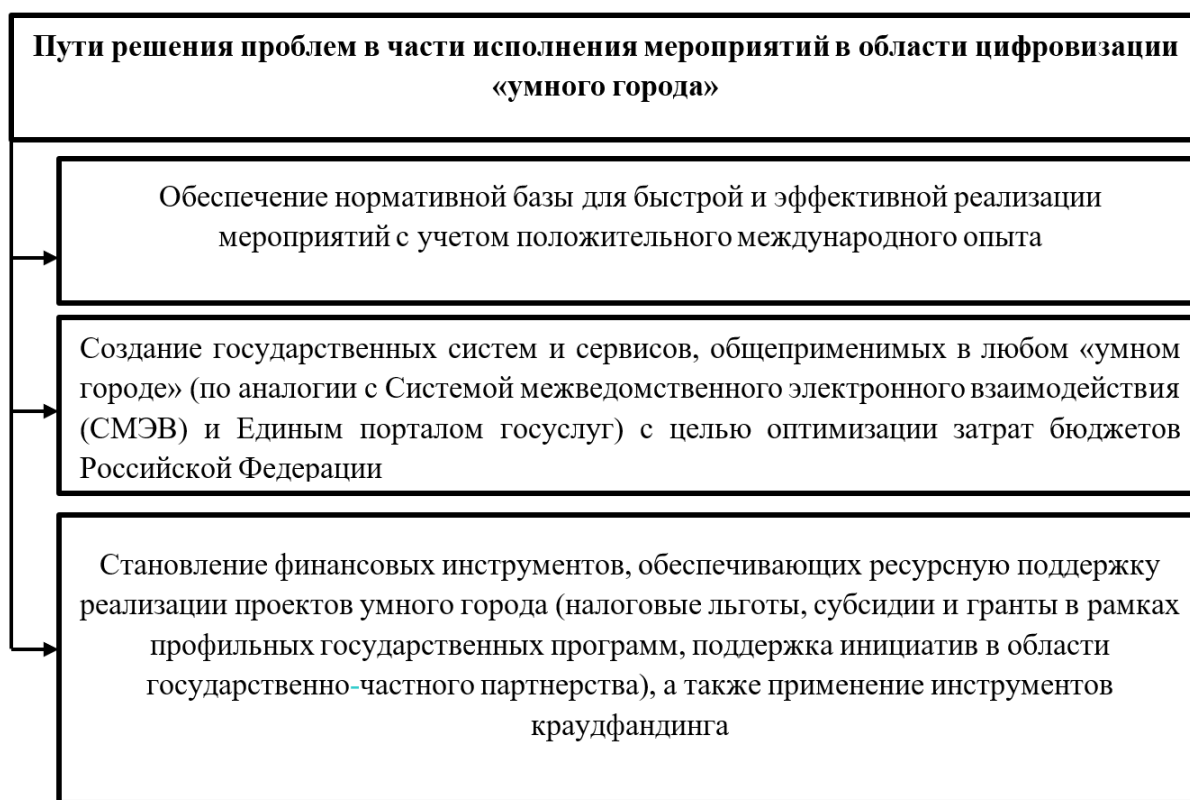

Рисунок 5

Таким образом, можно сделать вывод, что трансформация городов в «умные» является мировым трендом, а также в действительности достижимой возможностью для российских городов. Одновременно, модификация стратегий развития городов предполагает кардинальную реорганизацию системы управления муниципалитетами посредством смены направлений, стандартов, целей и задач их деятельности.

Итогом этих основательных переустройств станет привлекательный для жизни «умный город», объединенный в межрегиональную и международную интеллектуальную сеть, способный максимально качественно применить доступные ему территориальные и ресурсные возможности.

Список литературы:

1. Ганин О. Б., Ганин И. О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014. № 1. С. 124–135. 2. Макаренко

К. В., Логиновская В. О. «Умный город»: стандарты, проблемы, перспективы развития // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2019. № 3. С. 165–171.

3. Администрация Ростовской области (АПК «Безопасный город») // TAdviser.ru. URL. [https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Администрация_Ростовской_области_\(АПК_Безопасный_город\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Администрация_Ростовской_области_(АПК_Безопасный_город)) (дата обращения: 17.11.2021).

4. В Волгодонске внедряется комплекс «Умный город» // Министерство жилищно-коммунального хозяйства Ростовской области. URL. <https://minjkh.donland.ru/presscenter/news/79113/> (дата обращения: 17.11.2021).

5. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Ростовской области // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/2760/> (дата обращения: 20.11.2021).

References:

1. Ganin O. V., Ganin I. O. "Smart City": Prospects and Development Trends // *Ars Administrandi. The art of management*. 2014. No. 1. Pp. 124–135.

2. Makarenko K. V., Loginovskaya V. O. "Smart city": standards, problems, development prospects // *Bulletin of SUSU. Series "Computer technologies, control, radio electronics"*. 2019. No. 3. Pp. 165–171.

3. Administration of the Rostov region (APK "Safe City") // TAdviser.ru. URL. [https://www.tadviser.ru/index.php/Project:Administration_of_the_Rostov_region_\(APK_Safe_city\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Project:Administration_of_the_Rostov_region_(APK_Safe_city)) (access date: November 17, 2021).

4. The "Smart City" complex is being introduced in Volgodonsk // Ministry of Housing and Communal Services of the Rostov Region. URL. <https://minjkh.donland.ru/presscenter/news/79113/> (access date: November 17, 2021).

5. Strategy in the field of digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration of the Rostov region // Official portal of the Government of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/activity/2760> (access date: November 20, 2021).

УДК/UDC 338.43

Проблемы цифровизации сельского хозяйства России

Минеева Наталья Николаевна
кандидат экономических наук
Институт экономики УрО РАН
г. Екатеринбург, Россия
e-mail:9220350757@mail.ru
SPIN-код: 7591-7051

Аннотация

Предметом исследования являются процессы цифровизации агропродовольственной системы (АПС) России. Цель исследования — оценка возможности цифровой трансформации сельского хозяйства как основного звена АПС. Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью включения АПС России в процессы цифровизации экономики страны. Цифровизация сельского хозяйства необходима для повышения эффективности и устойчивости его функционирования путем кардинальных изменений качества производства и управления на всех стадиях и уровнях. Главная задача цифровизации — снижение затрат на производство продукции, повышение ее качества и конкурентоспособности на основе эффективного использования ресурсов и научно обоснованных подходов. Этап цифровизации является естественным продолжением этапов индустриализации, механизации и автоматизации экономики и непосредственно следует за ними. В настоящее время Министерство сельского хозяйства Российской Федерации рассматривает лишь два основных направления цифровизации, имеющих либо уже достаточно подготовленную техническую базу, либо насущную необходимость. В качестве вывода приводится обоснование невозможности полной цифровизации в основных отраслях сельского хозяйства.

Ключевые слова: цифровизация, агропродовольственная система, продовольственная безопасность.

Digitalization in Russian agriculture

Mineyeva Natalya Nikolayevna

Candidate of Economics

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Yekaterinburg, Russia

e-mail:9220350757@mail.ru

SPIN Code: 7591-7051

Abstract

The subject of the research is the processes of digitalization of the agri-food system (APS) in Russia. The purpose of the study is to assess the possibility of digital transformation of agriculture as the main link of the APS. The relevance of the study is due to the objective need to include the APS of Russia in the processes of digitalization of the country's economy. The digitalization of agriculture is necessary to increase the efficiency and sustainability of its functioning through cardinal changes in the quality of production and management at all stages and levels. The main task of digitalization is to reduce the cost of manufacturing products, improve their quality and competitiveness based on the efficient use of resources and scientifically based approaches. The digitalization stage is a natural continuation of the stages of industrialization, mechanization and automation of the economy and immediately follows them. Currently, the Ministry of Agriculture of the Russian Federation is considering only two main areas of digitalization, which either have a sufficiently prepared technical base, or an urgent need. As a conclusion, the substantiation of the impossibility of complete digitalization in the main sectors of agriculture is provided.

Key words: digitalization, agri-food system, food security.

Мировая практика показывает однозначную эффективность цифровизации сельского хозяйства. Цифровизация в аграрной сфере позволяет снизить риски и сезонность производства, адаптироваться к изменениям климата, повысить урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных, усилить контроль качества продукции от производства до продажи, а следовательно, повысить уровень продовольственной безопасности. Опыт стран с развитой аграрной отраслью свидетельствует о том, что внедрение IT-технологий в производство

позволит сократить незапланированные расходы до 20% от их первоначальной стоимости путем использования доступных мобильных или онлайн-приложений для принятия оптимальных управленческих решений. Кроме того, новые технологии посредством использования национальных и международных информационных систем позволяют проследить весь путь продвижения продукта от поля до потребителя, что гарантирует его качество и позволяет удовлетворить потребности клиентов.

Однако в России проведение процессов цифровизации сельского хозяйства не получает должного применения, что связано прежде всего с неготовностью большинства отраслей агропродовольственной системы (далее по тексту — АПС) к ее полному внедрению [1–3]. Частичное же внедрение цифровизации не приносит каких-либо значимых эффектов, а лишь усиливает ничем не компенсируемую бюрократическую нагрузку на конечных и промежуточных исполнителей.

По площади сельскохозяйственных угодий Российская Федерация занимает третье место в мире после США и Индии, но по уровню показателей продуктивности и эффективности существенно отстает от стран с высоким уровнем развития сельского хозяйства. Так, в частности, в АПС России занято около 9% работающего населения страны (непосредственно в сельском хозяйстве — около 7%). При этом доля сельского хозяйства в ВВП стабильно не превышает 5%, что косвенно свидетельствует о низкой производительности труда в агросфере Российской Федерации [4].

Прямой показатель — валовая стоимость сельскохозяйственной продукции, произведенной одним работником, в разы ниже, чем в странах, импортирующих продукты питания в Россию. И хотя такие показатели имеют некоторую положительную динамику в абсолютном выражении, это связано лишь с некоторыми диспропорциями в расчете стоимости продукции, в т. ч. за счет изменения технологии и снижения качества конечного продукта, но никак не с увеличением реального объема производства. Следствием недостаточного производства в совокупности с отсутствием четких стандартов качества является низкое

качество продукции на современном рынке продовольствия Российской Федерации. В структуре потребления преобладают дешевые и низкокачественные продукты питания, а потребление мясной, молочной продукции, овощей и фруктов находится ниже медицинских норм. Также большое количество посредников, технологическая сложность производства большинства продуктов питания, неконтролируемые торговые наценки в совокупности с рядом других факторов обуславливают высокую цену для конечного потребителя при низкой окупаемости затрат у производителя.

Совершенно очевидно, что АПС России нуждается в модернизации. Обеспечение продовольственной безопасности возможно лишь путем трансформации сельского хозяйства в высокотехнологичную отрасль [5].

Текущее состояние отечественной АПС вызывает серьезную обеспокоенность: в сельском хозяйстве преобладает инерционный тип организации производства, традиционные технологии с низким уровнем автоматизации. Такой тип АПС, несмотря на высокую степень использования преимуществ традиционных организационных форм, не сможет привести к необходимым результатам, обеспечивающим даже минимальное развитие или неухудшение существующего положения. Вследствие этого нормы обеспечения населения продовольствием за счет внутреннего производства не исполняются, поскольку имеющиеся на сегодняшний день базовые условия развития производства продуктов питания и сельскохозяйственного сырья являются неудовлетворительными, а баланс экспортно-импортных операций на рынке продовольствия не оказывает значимого стимулирующего влияния на АПС России.

Поэтому более предпочтительным представляется инновационный сценарий развития отрасли (включая цифровизацию всех этапов производственного цикла), предполагающий высокую эффективность аграрного производства, но требующий значительных институциональных трансформаций в АПС. Оптимальные условия такой трансформации могут быть созданы лишь путем государственного регулирования продо-

вольственного рынка через регламентацию технических и технологических процессов, стандарты качества, целевое финансирование, кредитные ставки, компенсации и тарифную политику. Любые меры государственной поддержки должны быть направлены не на лоббирование и защиту интересов отрасли или ее отдельных субъектов, а на прямое повышение интенсивности производства за счет прежде всего механизации и автоматизации АПС, стандартизации и контроля качества сельскохозяйственной продукции, диверсификации деятельности предприятий аграрного сектора.

Так, в ключевых отраслях АПС (растениеводство, животноводство) в России уровень механизации крайне низкий (например, количество тракторов в расчете на 100 км² обрабатываемых площадей в 6 раз ниже, чем в США, и в 17 раз ниже, чем в Германии), а уровень физического износа средств труда повсеместно превышает 70%. Комплексная автоматизация рабочих процессов в пределах всего технологического цикла практически отсутствует, за исключением отдельных случаев. Ограниченность технических и технологических возможностей расширения масштабов и объемов деятельности (даже в рамках одного предприятия путем диверсификации) исключает не только текущую, но и перспективную возможность инновационной трансформации АПС. Большая доля подсобных крестьянских и малых фермерских хозяйств, низкий удельный вес крупных агропредприятий в структуре категорий хозяйств, осуществляющих свою деятельность в аграрной отрасли [6], — еще одно ограничение перехода к цифровым методам работы.

Переход от стадии частичной механизации к полной цифровизации требует соответствующих инвестиций, а источники собственных средств у малых предприятий крайне ограничены. Объемы выручки, прибыли, основных и оборотных средств малого бизнеса объективно не сопоставимы с возможностями крупного производства, поэтому и внедрение инновационных технологий и полная цифровизация им (т. е. большей части АПС) недоступны и, очевидно, невыгодны. Впрочем, не все даже крупные сельскохозяйственные предприятия самостоятельно способны

финансировать такие масштабные инвестиционные проекты без соответствующего субсидирования.

В связи с чем следует однозначно констатировать отсутствие каких-либо исторических предпосылок к внедрению цифровых технологий в российском сельском хозяйстве.

Более заметны достижения цифровизации АПС в сферах обращения и государственного управления сельским хозяйством. Однако даже здесь по мнению аналитиков Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, данному процессу препятствуют такие факторы, как [7]:

- 1) отсутствие полной и актуальной информации о земельных, трудовых и других базовых ресурсах, природных факторах, капиталах, задействованных в сельскохозяйственном производстве, о сфере сбыта продукции с учетом экспортно-импортной составляющей, и, как следствие, низкий информационный обмен, слабая степень координации принятия управленческих решений на всех уровнях, невозможность полномасштабного планирования;
- 2) дефицит специалистов, способных эффективно работать с инновационными цифровыми технологиями, на отраслевом рынке труда;
- 3) отсутствие реальных и эффективных стимулов для производства продукции с гарантированными потребительскими качествами в условиях отсутствия национальных и международных информационных систем, позволяющих отслеживать движение продукции от стадии получения сельскохозяйственного сырья до продажи конечного продукта покупателю;
- 4) высокая цена импортных цифровых технологий в сочетании с неконкурентоспособностью отечественных разработок;
- 5) отсутствие достаточных технических, технологических и финансовых средств для внедрения и использования цифровых технологий.

Существуют и институциональные проблемы всеобщей цифровизации. Так, в частности, невозможно цифровизировать отдельные отрасли, не затрагивая экономику в целом. Или цифровизировать экономику, не затрагивая при этом правоохранительную или налоговую систему. И в том, и в другом случае эффект от цифровизации будет минимальным и несопоставимым с ростом непроизводительных расходов и трудозатрат.

Материалы и методы цифровизации сельского хозяйства в Российской Федерации.

Научно-технологическое развитие в области цифрового сельского хозяйства предполагает внедрение в субъектах Российской Федерации не менее шести проектов полного инновационного комплексного научно-технического цикла сквозных цифровых систем: «Цифровые технологии в управлении АПК», «Цифровое землепользование», «Умное поле», «Умный сад», «Умная теплица», «Умная ферма», основанных на современных конкурентоспособных отечественных и зарубежных технологиях, методах, алгоритмах [8].

Система «Цифровые технологии в управлении АПК» предполагает широкое использование экономико-математических моделей анализа, управления и прогнозирования на основе объемных массивов и баз данных и возможностей их цифровой обработки.

Программа «Цифровое землепользование» представляет собой интеллектуальную систему управления, планирования и использования земель сельскохозяйственного назначения, функционирующую на основе цифровых, дистанционных, геоинформационных технологий и методов компьютерного моделирования с целью улучшения контроля за использованием земель.

Введение системы «Умное поле» предназначено для обеспечения стабильного роста производства сельскохозяйственной продукции растениеводства за счет внедрения цифровых технологий сбора, обработки и использования массива данных о состоянии почв, растений и окружающей среды. В настоящее время в России только 10% пашни обрабатываются с применением цифровых систем, что является крайне низким пока-

зателем, препятствующим интенсификации сельского хозяйства в части использования земельных ресурсов, и выражается в низкой урожайности. В свою очередь, внедрение цифровых методов позволит сократить потери урожая на 40%.

Интеллектуальная техническая система «Умный сад» осуществляет в автоматическом режиме анализ информации о состоянии агробиотенноза сада, принятие управленческих решений и их реализацию роботизированными техническими средствами.

Программно-аппаратное решение и роботизированная интеллектуальная технология выращивания сельскохозяйственных растений в закрытых системах «Умная теплица» позволяет снизить издержки производства и повысить производительность работ.

Технико-технологическое решение нового поколения на основе интеллектуальных цифровых технологий «Умная ферма» представляет собой комплекс роботизированных машин для фермерских хозяйств с привязным и беспривязным содержанием животных, что позволяет на 20–30% повысить эффективность работы фермы.

Общими результатами цифровизации процессов в агросфере в целом должны стать:

- 1) формирование новых и совершенствование имеющихся информационных систем данных в сфере сельского хозяйства;
- 2) цифровое планирование сельскохозяйственного производства во всех регионах России;
- 3) комплексное освоение территории, природо- и ресурсосберегающее ведение деятельности;
- 4) снижение затрат на производство сельскохозяйственной продукции и продовольствия, оптимизация землепользования;
- 5) повышение производительности труда на сельскохозяйственных предприятиях;
- 6) рост экспортной выручки в 2,5 раза;
- 7) повышение эффективности сельскохозяйственного производства;

8) повышение качества жизни работников сельского хозяйства.

Дискуссия и результаты.

Очевидно, что большинство целей решает лишь текущие управленческие запросы, включая создание новой информационной структуры, а насущные проблемы населения сельских территорий (уровень жизни и его составляющие), равно как и обеспечение продовольственной безопасности, идут лишь дополнением, но даже и в такой подаче эти прогнозируемые результаты остро необходимы переживающему кризис сельскому хозяйству. Вместе с тем реальность достижения таких результатов непосредственно зависит от промежуточных этапов и прежде всего от суммы финансирования затрат на их осуществление.

Международные эксперты предупреждают, что даже самая эффективная национальная АПС в мире не способна трансформироваться в наукоемкую постиндустриальную структуру да и просто развиваться без государственной помощи. Связано это не только с тем, что продовольственная безопасность — один из основных приоритетов государственной политики любой страны, но и с объективно существующими факторами — спецификой сельского хозяйства. Согласно ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство», для реализации цифровой трансформации сельского хозяйства планируется выделить в период с 2021 по 2024 гг. 300 млрд руб. (из федерального бюджета — 152 млрд руб. и 8 млрд руб. — из бюджетов субъектов Российской Федерации). Однако, по мнению Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [9], существенная часть цифровизации процессов в отечественной аграрной сфере должна осуществляться только за счет внебюджетного финансирования — 140 млрд руб., что однозначно указывает на изначальную невозможность проведения каких-либо этапов цифровизации (за исключением разве что таких направлений, как «Цифровые технологии в управлении АПК» и частично «Цифровое землепользование»).

Как показывает практика, сумма инвестиций в агротехнологии в мире неуклонно растет, и наибольшую долю — свыше 50% — таких инвестиций осуществляет США, а доля России в общемировом рейтинге

даже не прослеживается. При этом наиболее привлекательными инвестиционными сегментами в последнее десятилетие стабильно являются (по объему вложенных средств):

- 1) продуктовый маркетплейс, фермерская электронная коммерция, торговля продуктами питания;
- 2) технологии растениеводства (сортовое семеноводство и пр.), технологии обработки земли, биотехнологии;
- 3) приложения для управления мини-фермой или теплицей.

Из этого следует, что последовательное повышение уровня технической оснащенности отечественных сельскохозяйственных предприятий до уровня «Индустрия 4.0» не является приоритетным направлением для частных внешних инвесторов. Не стоит ожидать и инвестиций частных лиц, поскольку реальные располагаемые доходы населения стабильно сокращаются, а расходы непропорционально растут начиная с 2014 г., и предпосылки к изменению этой тенденции в обозримом будущем отсутствуют.

Надеяться на собственные источники финансирования также не имеет смысла по причине несопоставимости размера прибыли агропредприятий и необходимой минимальной стоимости фрагментарного внедрения новых технологий. При этом, как отмечают разработчики и поставщики IT-технологий, имеет смысл устанавливать весь комплект целиком, а не частично, т. к. расходы на обслуживание практически одинаковы, а отдача от отдельных элементов несопоставима с отдачей комплексного использования.

При этом все необходимые предпосылки для цифровизации наблюдаются в отраслях, смежных с сельским хозяйством, — материально-техническое снабжение, переработка, сбыт, логистика, транспорт и торговля — во многом благодаря высокой оборачиваемости средств, низкой капиталоемкости и отсутствию специфической инертности основных отраслей АПС (растениеводства, животноводства). Можно прогнозировать постепенное снижение (до 35% от базового уровня) полной себестоимости продуктов питания благодаря исключению из добавленной стоимости из-

быточных промежуточных посредников. Но эти позитивные изменения вряд ли коснутся производителя сельскохозяйственного сырья и конечного потребителя. При существующем положении дел разницу между продажной ценой и полной себестоимостью получит торговая сеть, которая не заинтересована в снижении розничных цен при неэластичном спросе, а производитель сельскохозяйственного сырья никак не сможет повлиять на этот процесс. Таким образом, реальная возможность получения положительных результатов цифровизации в ключевых отраслях сельского хозяйства России оценивается в настоящее время как маловероятная.

Проведенное исследование показывает наличие системных диспропорций в процессах цифровизации сельского хозяйства России. Очевидно, что цифровизацией в ближайшее время будут охвачены все без исключения управляющие и регулирующие структуры АПС. В то же время основных отраслей сельского хозяйства (растениеводство, животноводство) цифровизация коснется лишь частично в плане расширения разного рода бюрократических процедур и прежде всего составления и представления информации органам управления и контроля по новым формам, параметрам и методикам. В основных производственных процессах программы цифровизации при имеющемся состоянии дел не могут быть задействованы как-либо масштабно. Из чего однозначно следует вывод: главнейшая цель цифровизации — общий качественный экономический рост сельскохозяйственного производства — носит лишь декларативный характер и никаких экономических предпосылок для реализации не имеет.

Список литературы:

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71937200> (дата обращения: 11.11.2021).

2. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71551998> (дата обращения: 11.11.2021).

3. О мерах по реализации государственной научно-технической политики в интересах развития сельского хозяйства: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2016 № 350 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71450102/> (дата обращения: 11.11.2021).

4. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2017 № 996 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71755402> (дата обращения: 11.11.2021).

5. Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71734878> (дата обращения: 11.11.2021).

6. Об утверждении Прогноза научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года: Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 12.01.2017 № 3 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/71599570> (дата обращения: 11.11.2021).

7. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/73438425> (дата обращения: 11.11.2021).

8. Цифровая трансформация сельского хозяйства России: официальное издание. Минсельхоз России. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 80 с.

9. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание Минсельхоз России. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 48 с.

References:

1. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 // Garant. URL: <http://base.garant.ru/71937200> (access date: November 11, 2021).

2. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 No. 642 // Garant. URL: <http://base.garant.ru/71551998> (access date: November 11, 2021).

3. On measures to implement the state scientific and technical policy in the interests of agricultural development: Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2016 No. 350 // Garant. URL: <https://base.garant.ru/71450102/> (access date: November 11, 2021).

4. On the approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Agriculture for 2017–2025: Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2017 No. 996 // Garant. URL: <http://base.garant.ru/71755402> (access date: November 11, 2021).

5. On the approval of the Program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r // Garant. URL: <http://base.garant.ru/71734878> (access date: November 11, 2021).

6. On the approval of the Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated January 12, 2017 No. 3 // SPS Garant. URL: <http://base.garant.ru/71599570> (access date: November 11, 2021).

7. On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated January 21, 2020 No. 20 // Garant. URL: <http://base.garant.ru/73438425> (access date: November 11, 2021).

8. Digital transformation of agriculture in Russia: official publication. Ministry of Agriculture of Russia. M.: FGBNU "Rosinformagrotech 2019. 80 p.

9. Departmental project "Digital Agriculture": the official publication of the Ministry of Agriculture of Russia. M.: FGBNU "Rosinformagrotech 2019. 48 p.

УДК/UDC 658.1+336.66

Оценка контрактных прав предприятия как инструмент стратегического управления в постковидный период

Синдеев Андрей Юрьевич

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:andrei_sindeev@mail.ru

Черкашина Татьяна Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:ТКCherkashina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7010-0256

SPIN Code: 3033-8123

Аннотация

В работе представлен анализ постковидной ситуации в реальном секторе экономики, мер государства, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса, сохранение рабочих мест, занятости трудоспособного населения. Обоснована необходимость в этом контексте оценки контрактных прав предприятий и фирм как стратегического инструмента управления. Обоснованы проведение оценки и постановка на бухгалтерский учет контрактных прав в составе нематериальных активов с целью начисления амортизации и уменьшения налогооблагаемой базы; повышение стоимости контрактных прав как дополнительного источника роста прибыльности предприятия; сохранение стабильных контрактных отношений как залога и успешности бизнеса в будущем. Используются различные методы исследования: абстрактно-логический, исторический, статистический, индуктивный, дедуктивный, а также анализ и синтез, системный подход, наблюдение, позволяющие обеспечить достаточную надежность и достоверность выводов.

Ключевые слова: нематериальные активы, интеллектуальная собственность, контрактные права, оценка, стоимость, COVID-19.

Evaluation of contractual rights of an enterprise as a strategic management tool in the post-crisis period

Sindeyev Andrey Yuryevich

student in the master's program «Assessment and Management of the Assets and Business»

Rostov State University of Economics (RSUE)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail:andrei_sindeev@mail.ru

Cherkashina Tatyana Alekseyevna

Candidate in Economics, assistant professor at the Department of Financial Monitoring and Financial Markets

Rostov State University of Economics (RSUE)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail:TKCherkashina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7010-0256

SPIN Code: 3033-8123

Abstract

The paper presents an analysis of the post-image situation in the real sector of the economy, government measures aimed at supporting small and medium-sized businesses, maintaining jobs, employment of the able-bodied population. The necessity in this context of assessing the contractual rights of enterprises and firms as a strategic management tool has been substantiated. Substantiated the assessment and registration of contractual rights as part of intangible assets in order to accrue depreciation and reduce the tax base; increasing the cost of contractual rights as an additional source of growth in the company's profitability; maintaining stable contractual relations as a guarantee and business success in the future. Various research methods were used: abstract-logical, historical, statistical, inductive, deductive, as well as analysis and synthesis, a systematic approach, observation, allowing to ensure sufficient reliability and reliability of conclusions.

Key words: intangible assets, intellectual property, contractual rights, valuation, value, COVID-19.

В реальном секторе экономики последние два года наблюдается отрицательная динамика развития малого и среднего бизнеса. По данным

Минэкономразвития России, ВВП в 2020 г. снизился на 3,0% по сравнению к допандемийному 2019 г. Самое большое падение произошло в следующих секторах: общественное питание (22,6%), оказание платных услуг населению (14,8%), грузооборот транспорта (4,9%) и розничная торговля (3,2%).

Реальные располагаемые доходы населения упали на 2,4% по сравнению с 2019 г. и продолжали снижение до -3,7% в I квартале 2021 г. Численность работающих граждан снизилась на 1,9%, численность безработных увеличилась на 24,7% по сравнению с 2019 г. Уровень безработицы вырос на 5,8% [1].

Несмотря на то, что по состоянию на середину 2020 г. не зафиксировано значительного роста числа закрывающихся предприятий, в мае 2020 г. прекратили свою деятельность 65,9 тыс. организаций, в апреле — 54,1 тыс., а 2019 г. этот показатель составил 54,2 и 61 тыс. соответственно, заметным является падение числа вновь открываемых предприятий. Так, в мае 2019 г. было зарегистрировано 71,8 тыс. новых организаций, а мае 2020 г. — всего 39,07 тыс. [2].

В условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), снижения деловой активности государство выделяет значительную долю денежных средств на поддержку малого и среднего бизнеса. По состоянию на июнь 2020 г. банки заключили кредитные соглашения на сумму около 935 млрд руб. в рамках трех льготных программ, разработанных Министерством экономического развития Российской Федерации. Из них около 95 млрд руб. — кредитные соглашения по фонду оплаты труда (ФОТ) под 0% и 304,6 млрд руб. — по ФОТ под 2%. По кредитам под 8,5% заключено около 9 тыс. договоров на сумму около 535 млрд руб.

В рамках кредитной программы с возможным списанием при сохранении занятости (ФОТ-2) 32 банками участниками программы заключено 68 тыс. кредитных договоров на общую сумму 170 млрд руб. Эти виды кредитных программ были доступны следующим организациям: предприятиям малого и среднего предпринимательства (МСП) и

крупному бизнесу из пострадавших отраслей; компаниям производственных отраслей, ориентированных на потребительский рынок; социально ориентированным некоммерческим организациям (СОНКО).

Созданными при поддержке Минэкономразвития гарантийными организациями выданы гарантии по льготной ставке на сумму 5,3 млрд руб. Это позволило субъектам МСП привлечь более 16,2 млрд кредитных средств.

Также по состоянию на 7 июля 2020 г. было выдано 132,9 млрд руб. льготных кредитов системообразующим предприятиям, банками, участниками программы. Средний размер кредита составил 900 млн руб., средняя ставка составила 2,9%. Все превышения ставки были субсидированы государством.

В 2021 г. реализуется программа ФОТ-3. Льготные кредиты предоставляют бизнесу 17, а не 11 отраслей под 3% при условии сохранения штата работников, участия в первой программе государственной поддержки (ФОТ-2) или создания организации после 1 июля 2020 г. Все эти меры, безусловно, имеют большое значение и направлены на поддержание бизнеса. Однако, за исключением некоторых безвозвратных кредитов, все полученные средства необходимо будет возвращать. Очевидно, что при снижении реально располагаемых доходов населения ожидать увеличения потребительского спроса необоснованно. Наоборот, на фоне снижения потребительского спроса усиливается конкуренция среди предпринимателей за «обладание» кошельком потребителя, и нередко это ценовая конкуренция.

В то же время, по данным Минэкономразвития, инфляция в России в 2020 г. выросла до 4,9% и достигла 6% к маю 2021 г. [3]. Это означает, что себестоимость производимых малым и средним бизнесом товаров и услуг растет, а прибыль и рентабельность бизнеса снижаются.

В этих условиях необходимо задействовать новые инструменты повышения рентабельности бизнеса, увеличения прибыльности предприятия. И одним из таких инструментов является снижение налоговой на-

грузки через уменьшение налоговой базы предприятия путем увеличения амортизационных отчислений предприятия.

Эти возможности открывает перед предприятием оценка и постановка на бухгалтерский учет интеллектуальной собственности предприятия и нематериальных активов.

Безусловно, не каждое предприятие обладает зарегистрированными правами и патентами на объекты интеллектуальной собственности. Это применимо к технологичным предприятиям. Однако каждое предприятие в рамках осуществления хозяйственной деятельности ведет договорные отношения с другими хозяйствующими субъектами. Договорные отношения являются основой деятельности любого предприятия. Это могут быть договора аренды земли, недвижимости, оборудования, договора поставки и закупки продукции, договора на использование технологий и т. д.

Значимость некоторых контрактных прав вытекает из договоров, которые предоставляют возможность получить дополнительный доход при поставке товаров другим лицам. Эти контракты представляют собой «заранее проданный бизнес, поскольку они способны обеспечить положительный поток доходов» [4, с. 32]. Например, договоры на обработку данных, рекламы, консалтинговых услуг, кредитные соглашения, договоры на предоставление товаров под обязательства будущей поставки.

Все договоры (контракты) имеют своей целью обеспечить бесперебойную хозяйственную деятельность предприятия, которая направлена на получение прибыли. Таким образом, договора (контракты), являются активами предприятия, способными приносить прибыль в долгосрочном периоде. Но т. к. сами договора не имеют вещественного, материального выражения, они являются нематериальными активами предприятия.

Понятие нематериальных активов закреплено в Налоговом кодексе Российской Федерации, а также в Положении по бухгалтерскому учету 14/2007 «Учет нематериальных активов». Нематериальными активами признаются приобретенные или созданные организацией объекты интеллектуальной собственности, которые используются в производстве

(работах, услугах) или для управления организацией свыше 12 месяцев. Согласно положениям указанных выше документов нематериальные активы должны отвечать следующим условиям:

- 1) отсутствие у объекта материально-вещественной формы;
- 2) объект способен приносить организации экономические выгоды в будущем; в частности, объект предназначен для использования в производстве продукции, при выполнении работ или оказании услуг, для управленческих нужд организации либо для использования в деятельности, направленной на достижение целей создания некоммерческой организации (в т. ч. в предпринимательской деятельности, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации);
- 3) организацией не предполагается продажа актива в течение 12 месяцев или обычного операционного цикла, если он превышает 12 месяцев;
- 4) организация имеет права на данный актив (патенты, свидетельства, другие охранные документы, договор об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, документы, подтверждающие переход исключительного права без договора и т. п.), на основании которых организация может ограничить доступ иных лиц к использованию актива;
- 5) фактическая (первоначальная) стоимость актива может быть достоверно определена.

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации к нематериальным активам относятся, например:

- 1) исключительное право патентообладателя на изобретение, промышленный образец, полезную модель;
- 2) исключительное право автора и иного правообладателя на использование программы для ЭВМ, базы данных;
- 3) исключительное право автора или иного правообладателя на использование топологии интегральных микросхем;

- 4) исключительное право на товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товаров и фирменное наименование;
- 5) исключительное право патентообладателя на селекционные достижения;
- 6) владение ноу-хау, секретной формулой или процессом, информацией в отношении промышленного, коммерческого или научного опыта;
- 7) исключительное право на аудиовизуальные произведения.

Таким образом, из определения видно, что сам по себе нематериальный актив не может являться предметом оценки. Предметом оценки всегда являются права на него. При этом нужно понимать, что эти права должны быть защищены. Рассмотрим, как возникают и каким образом должны и могут защищаться права на нематериальные активы.

В Международных стандартах оценки 2020 [5] выделяют пять категорий нематериальных активов (см. рис.1).

Нематериальные активы как объекты оценки

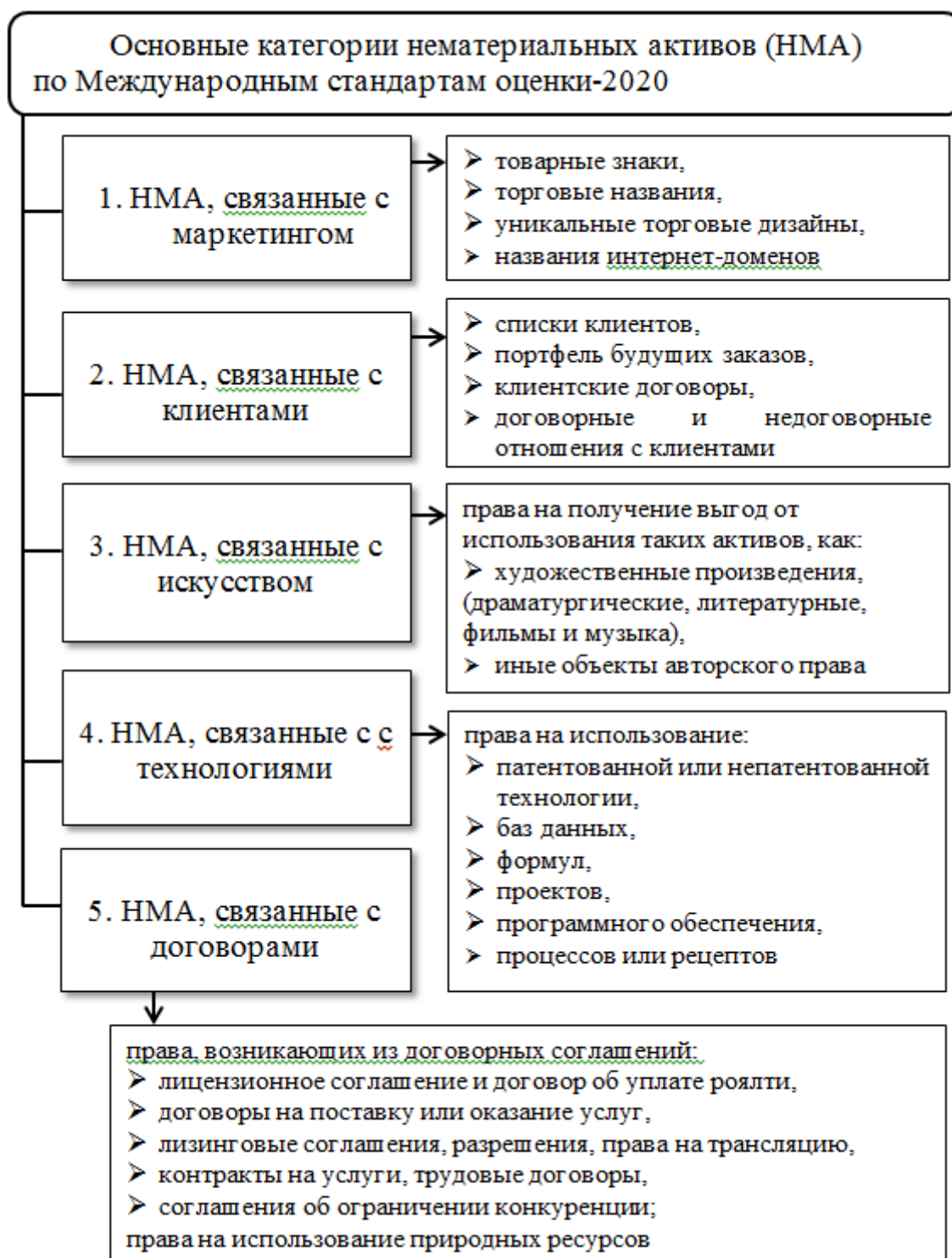

Рисунок 1

Контрактные права относятся к 5-й категории нематериальных активов.

Все нематериальные активы можно также классифицировать по типам:

- 1) технологические: изобретения, полезные модели, промышленные образцы; секреты производства (ноу-хау); конструкторская и техническая документация, учебно-методические материалы;
- 2) маркетинговые: это могут быть товарные знаки, в т. ч. логотипы компаний, маркетинговые стратегии и концепции продвижения товара, оформление этикеток и упаковок, оформление витрин, заявки на государственную регистрацию товарных знаков, организация пространства в магазинах и другие подобные НМА;
- 3) нематериальные активы, связанные с обработкой данных, а также компьютерное программное обеспечение и электронные базы данных;

Таким образом, контрактные права предприятия могут быть учтены в составе нематериальных активов предприятия, как и другие виды нематериальных активов фирмы.

На основании вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что контрактные права организации могут быть оценены и поставлены на бухгалтерский учет предприятия с целью начисления амортизации и уменьшения налогооблагаемой базы.

Рассмотрим амортизацию имущества предприятия и как она влияет на прибыль предприятия.

Существуют ограничения для начисления амортизации. Таким правом обладают только предприятия, работающие на общей системе налогообложения.

Все основные материальные средства со временем теряют свои первоначальные качества, что выражается в физическом износе или функциональном обесценении. Амортизация предназначена для покрытия этих издержек путем переноса части стоимости основных средств на

счета затрат. Можно сказать, что амортизация оказывает прямое влияние на себестоимость конечной продукции.

Н. Н. Гончаров в своей статье «Дискуссионные аспекты амортизации нематериальных активов в отечественной и зарубежной практике» указывает на неоднозначность определения амортизации для нематериальных активов. С одной стороны, как уже было сказано выше, амортизация — это перенос стоимости актива на готовую продукцию или обесценивание актива. С другой стороны, в хозяйственной деятельности предприятия могут использоваться нематериальные активы, которые не подвержены износу. Как правило, это отдельные права на торговые знаки, права на фирменное наименование. К этой же категории можно отнести и контрактные права предприятия. В данном случае амортизация будет иметь место, а износ — нет. Таким образом, трактовать амортизацию нематериальных активов как обесценивание актива с течением времени в результате физического или функционального (морального) устаревания не совсем правильно [6, с. 92].

И здесь трудно не согласиться с автором. По отношению к контрактным правам предприятия нельзя использовать понятие «износ» или «функциональное устаревание» как показатель обесценивания, т. к. контрактные права предприятия не связаны с физическим состоянием объекта или его моральным устареванием. В данном случае можно говорить об обесценивании контрактных прав в связи с изменением рыночной ситуации, изменениями, связанными с производством продукции контрагентом, условиями поставки, изменениями в хозяйственной деятельности поставщика, изменениями в законодательстве, которые влияют или могут повлиять на размер получаемой прибыли предприятием благодаря наличию контрактных прав по данному договору поставки. Возможно даже увеличение стоимости контрактных прав благодаря увеличению емкости рынка, уходу с рынка конкурентов, изменениям законодательства, стимулирующим развитие данного сегмента рынка.

Таким образом, вопрос оценки контрактных прав как стратегического инструмента управления, несмотря на неоднозначность и необходи-

мость индивидуального подхода в каждом конкретном случае, является актуальным для поддержания существования малого и среднего бизнеса в постковидный период.

Список литературы:

1. Экономический обзор Минэкономразвития: О текущей ситуации в Российской экономике сентябрь–октябрь 2021 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_sentyabr_oktyabr_2021_goda.html (дата обращения: 30.10.2021).
2. Картина деловой активности. Январь 2021 / Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_delovoy_aktivnosti_yanvar_2021_goda.html (дата обращения: 30.10.2021).
3. Картина инфляции. Июнь 2021 // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_inflyacii_iyun_2021_goda.html (дата обращения: 30.10.2021).
4. Практическое руководство по проведению оценки активов в рамках проектов, реализуемых с участием Открытого акционерного общества «РОСНАНО». Часть.1. М.: Делойт и Туш СНГ, 2010. 132 с.
5. Международные стандарты оценки: пер. с англ. / Под ред. А. И. Артеменкова, С. А. Табаковой. М.: Саморегулируемая общероссийская общественная организация «Российское общество оценщиков», 2020. 193 с.
6. Гончарова Н. Н. Дискуссионные аспекты амортизации нематериальных активов в отечественной и зарубежной практике // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации. Культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции / Под ред. С. В. Беспаловой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. С. 91–94.

References:

1. Economic review of the Ministry of Economic Development: On the current situation in the Russian economy, September – October 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_sentyabr_oktyabr_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).
2. The picture of business activity. January 2021 / Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <http://epomen.ru/issues/2022/67/Epomen-67-2022.pdf>

https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_-delovoy_aktivnosti_yanvar_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).

3. The picture of inflation. June 2021 // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/kartina_inflyacii_iyun_2021_goda.html (access date: October 30, 2021).

4. Practical guidance on assessing assets within the framework of projects implemented with the participation of Open Joint Stock Company RUSNANO. Part 1. Moscow: Deloitte and Touche CIS, 2010. 132 p.

5. International valuation standards: per. from English / Ed. A. I. Artemenkova, S. A. Tabakova. M.: Self-regulating All-Russian Public Organization "Russian Society of Appraisers 2020. 193 p.

6. Goncharova N. N. Discussion aspects of amortization of intangible assets in domestic and foreign practice // Donetsk readings 2018: education, science, innovation. Culture and challenges of our time. Materials of the III International Scientific Conference / Ed. S. V. Bespalova. Donetsk: Donetsk National University, 2018. Pp. 91–94.

УДК/UDC 338.45

Развитие интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности

Сиротин Дмитрий Владимирович

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий

Институт экономики УрО РАН

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:sirotin.dv@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-3794-3956

Scopus ID: 57194002454

ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/K-2490-2018>

Аннотация

В работе приведены тенденции развития мировой и отечественной микроэлектроники. Отражена структура производств полупроводниковой электроники и динамика их развития в России. Проверена гипотеза о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций в сфере регистрации топологий интегральных электронных схем. Приведено распределение мирового производства микросхем по проектным нормам. Оценена динамика патентной активности отечественных организаций в целях регистрации топологий интегральных микросхем. Выявлена структура базы зарегистрированных в Российской Федерации в 2020 г. топологий интегральных микросхем по технологическому уровню, выделены основные сферы их применения и оценены возможности освоения на базе внутренних ресурсов страны без привлечения импорта. Отмечена системообразующая роль государства в развитии интеллектуального капитала полупроводниковой промышленности Российской Федерации. В условиях отсутствия в стране фабрик по производству микросхем по низким технологическим нормам проявляется низкая активность организаций в разработке интегральных микросхем для наиболее требовательных (по уровню производительности и размеру микросхем) сфер применения. Сделан вывод об умеренных темпах развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой индустрии.

Ключевые слова: микроэлектроника, полупроводниковая электроника, патентный анализ, интеллектуальный капитал, высокотехнологичные производства, интегральные электронные схемы, локализация производств.

Development of the intellectual capital of Russian semiconductor industry

Sirotin Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Economics, Senior Researcher of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS

Ekaterinburg, Russia

e-mail:sirotin.dv@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-3794-3956

Scopus ID: 57194002454

ResearcherID: <http://www.researcherid.com/rid/K-2490-2018>

Abstract

The paper presents the development trends of world and domestic microelectronics. The structure of semiconductor electronics industries and the dynamics of their development in Russia are reflected. The hypothesis about the possibility of considering the indicators of patent activity of organizations in the field of registration of topologies of integrated electronic circuits as an indicator of the development of the intellectual capital of the semiconductor industry is tested. The distribution of world production of microcircuits according to design standards is given. The dynamics of the patent activity of domestic organizations in order to register the topologies of integrated circuits is estimated. The structure of the base of the topologies of integrated circuits registered in the Russian Federation in 2020 by the technological level is revealed, the main spheres of their application are highlighted and the possibilities of development on the basis of the country's internal resources without attracting imports are assessed. The systemic role of the state in the development of the intellectual capital of the semiconductor industry of the Russian Federation is noted. In the absence of factories in the country for the production of microcircuits with low technological standards, there is a low activity of organizations in the development of integrated microcircuits for the most demanding (in terms of performance and size of microcircuits) applications. The conclusion is made about the moderate rates of development of the intellectual capital of the Russian semiconductor industry.

Key words: microelectronics, semiconductor electronics, patent analysis, intellectual capital, high-tech production, integrated electronic circuits, production localization.

Функциональность и современность электронной промышленности прежде всего определяют темпы развития микроэлектронной подотрасли, на которую приходится около 40% от общего объема инвестиций в мировую индустрию электроники. Микроэлектроника — это системообразующая отрасль развитых государств, определяющая динамику развития промышленности в целом [1–3]. Она является одной из самых рентабельных, капиталоемких и наукоемких производств. Микроэлектронная продукция отличается высокой долей добавленной стоимости, средняя рентабельность производств таких изделий составляет около 30%.

Мировыми лидерами в области микроэлектронного производства являются Тайвань, Республика Корея, Государство Япония, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика (материковая часть) и Федеративная Республика Германия (табл. 1). Общемировые объемы производства полупроводников¹ в 2019 г. находились на уровне 18,9 тыс. ед. пластин в месяц (эквивалентных 200 мм).

Мировое микроэлектронное производство по регионам в 2019 г. [4].

Регион	Производство, из расчета на тысячу эквивалентных двухсотмиллиметровых пластин в месяц, тыс. ед./м	Доля, %
Тайвань	4,126	21,8
Республика Корея	4,033	21,3
Государство Япония	3,168	16,8
США	2,426	12,8
КНР (материковая часть)	2,361	12,5
Европа	1,138	6,0
Остальной мир	1,646	8,7

Таблица 1

¹Микроэлектронная индустрия включает полупроводниковое производство, изделия на базе микроэлектромеханических систем (МЭМС) и продукты функциональной электроники. Полупроводниковые изделия составляют основу микроэлектронной промышленности.

Доля России в мировом распределении микроэлектронных производств в 2019 г. оценивалась на уровне 0,8%. На российском рынке микроэлектроники 82% продукции составляет импорт, 15% и 3% — отечественная микроэлектроника военного и гражданского назначения соответственно. Имеющаяся на сегодняшний день база данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) не позволяет четко классифицировать микроэлектронные и, в частности, полупроводниковые производства в рамках товарных групп (ОКПД2) и видов экономической деятельности (ОКВЭД2). Тем не менее возможно выделение отдельных видов продукции в рамках полупроводниковых производств (табл. 2).

Производство в России основных видов полупроводниковой продукции в натуральном выражении, тыс. шт. [5]

Вид полупроводниковой продукции	Год			
	2017	2018	2019	2020
Схемы интегральные электронные	971 322,5	1 034 776,2	903 506,6	495 088,4
Приборы полупроводниковые и их части	64 457,4	48 139,6	29 389,2	25 504,1
Диоды	6 362,5	13 513,8	11 786,9	10 878,2
Светодиоды, светодиодные модули и их части	5 137,1	6 272,8	7 413,2	9 660,8
Транзисторы	398,7	4 254,2	3 434,3	2 798,8

Таблица 2

В территориальном разрезе основные мощности полупроводниковой промышленности Российской Федерации сосредоточены в городах Москве и Зеленограде. Здесь расположены крупнейшие фабрики по выпуску интегральных микросхем (более 99% от общего объема производства в Российской Федерации), транзисторов (74%), полупроводниковых приборов и их частей (62,3%). В Северо-Западном федеральном округе расположены крупносерийные производства светодиодов (76,2%), также здесь производится около 26% отечественных транзисторов. В Северо-Кавказском федеральном округе налажен выпуск полупроводниковых приборов и их частей небольшими партиями (7,5% от общего объема

производства в Российской Федерации), чуть меньший объем продукции данного вида выпускается на территории Сибирского федерального округа (7%). Предприятия Приволжского федерального округа обеспечивают 85% отечественных производств диодов, 22% полупроводниковых приборов и их частей и более 17% светодиодов, светодиодных модулей и их частей.

Структура потребления полупроводников учитывает сферы: коммуникационное оборудование (33%), компьютерная (28,4%) и бытовая техника (13,3%), автомобилестроение (12,2%), прочие отрасли промышленности (11,8%) и ОПК (1,3%) [6]. Ключевым продуктом полупроводниковой электроники и микроэлектронной индустрии в целом являются интегральные электронные схемы (далее по тексту — ИЭС). В 2019 г. на мировом рынке полупроводников доля ИЭС составила 81%, оптоэлектроники и сенсоров — 13%, дискретных полупроводников — 6% [7].

Важной качественной характеристикой разработки и выпуска ИЭС является норма технологического процесса их изготовления. Освоение наиболее точных проектных норм (ПН) требуется в сфере создания коммуникационной и компьютерной техники (вычислительной техники), на которые в сумме приходится 61,4% полупроводников. ПН здесь находятся в пределах 5–28 нм. Доля продукции, изготовленной по нормам более 65 нм, в мире сегодня составляет около 38% и по прогнозу IC Insights к 2023 г. сократится не более чем на 3% [8]. Распределение производства интегральных микросхем по нормам технологического процесса в мире различно (табл. 3).

Распределение мирового производства микросхем по проектным нормам [4]

Проектная норма, мкм	Доля используемой проектной нормы в структуре производства микросхем в странах, %							
	Тайвань	Респ. Корея	Гос-во Япония	США	КНР (материковая часть)	Европа	Остальной мир	Всего
0,2 и выше	11	4	23	26	22	49	24	18
0,19 - 0,065	23	10	19	20	28	23	21	20
0,064 - 0,028	27	6	4	17	13	14	16	14
0,027 - 0,020	14	23	2	6	14	6	15	13
0,019 и менее	25	56	51	31	23	7	24	35

Таблица 3

Доля используемой проектной нормы в структуре производства микросхем в странах, %

Как видно из данных табл. 3, фабрики по производству микросхем по наиболее низким проектным нормам сосредоточены в Республике Корея и Государстве Япония. Тем не менее самой крупной и наиболее инновационно-активной в рамках разработки и освоения новых ПН является тайваньская компания Taiwan Semiconductor Manufacturing Co (TSMC), за последние годы одной из первых осваивающая все более низкие технологические нормы (7 нм, 5 нм и др.) [9]. Помимо TSMC, к числу крупнейших в мире контрактных производителей микросхем относятся Samsung Electronics (Республика Корея), GlobalFoundries (США), United Microelectronics Corp (UMC, Тайвань) и Semiconductor Manufacturing International Co (SMIC, КНР), причем доля TSMC превосходит суммарный вес остальных лидеров.

На сегодняшний день в России существует около 10 производителей кремниевых микросхем с технологическими нормами 3–6 мкм, использующих пластины диаметром 100 мм. Пластины с диаметром 150 мм используют АО «Микрон» (ПН до 800 нм, г. Зеленоград), АО «Ангстрем» (ПН до 600 нм, г. Зеленоград), АО «ВЗПП-Микрон» (ПН до 2

мкм, г. Воронеж), Мини-фабрика ФГУ ФНЦ НИИСИ РАН (КМОП² по ПН 500, 350 и 250 нм, г. Москва). Производство интегральных микросхем на базе пластин диаметром 200 мм осуществляет АО Микрон (ФАБ-200) по нормам 180 и 90 нм, в разработке техпроцесс по норме 65 нм. На базе бывшего «Ангстрем-Т», а ныне ООО «НМ-ТЕХ», возможно создание производства микросхем по нормам 180 и 130 нм. Освоение технологий уровня 28 нм возможно только на пластинах 300 мм, для производства которых на сегодняшний день в России нет фабрик соответствующего технико-технологического уровня обеспечения [10].

Норма освоенного технологического процесса является одним из основных показателей развития в стране полупроводниковой индустрии. Но для того чтобы создать финансовую заинтересованность в строительстве современных высокотехнологичных фабрик, прежде всего необходимы технологии, использующие данные мощности для получения конечного продукта, востребованного на рынке. Такие технологии составляют основу интеллектуального капитала микроэлектронной отрасли.

Обзор работ в области развития микроэлектронных технологий, обобщение результатов анализа развития микроэлектронной промышленности в мире в целом и в России в частности явились основой формирования гипотезы исследования о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций отрасли в сфере регистрации в стране топологий ИЭС. Для проверки гипотезы и уточнения особенностей развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой промышленности проведен патентный анализ. Порядок выполнения анализа в целом соответствует основным методическим положениям проведения наукометрических исследований в сфере анализа публикационной и патентной активности, большой вклад в развитие которых внесли Ю. Гарфилд, И. Маршакова, М. Мэйер, О. Перссон. В ходе работы была оценена динамика получения свидетельств о

²КМОП — комплементарная логика на транзисторах металл-оксид-полупроводник.

государственной регистрации топологий ИЭС в стране (рис. 1), исследованы технологические и структурные особенности патентной базы [11].

*Динамика патентной активности в целях регистрации топологий интегральных электронных схем Федеральным институтом промышленной собственности (ФИПС), ед. (с учетом зарубежных заявителей)**

Рисунок 1

Как видно из данных рис. 1, до 2019 г. наблюдалась положительная динамика подачи заявок и регистрации в ФИПС топологий интегральных микросхем. В 2020 г. активность заявителей немного снизилась — было подано 275 заявок (277 в 2019 г.), 261 из которых была зарегистрирована (263 в 2019 г.). Из числа зарегистрированных топологий 14 принадлежат зарубежным заявителям, а именно холдингу «ИНТЕГРАЛ» (Белоруссия). Разработанные холдингом новые ИЭС базируются на нормах 0,5–3 мкм.

В рамках пространственного развития интеллектуального капитала создания ИЭС более 88% топологий (231 ед.) в 2020 г. разработано в Центральном федеральном округе. Прежде всего это Москва и Зеленоград. Также в этом году топологии были зарегистрированы предприятиями, расположенными в Северо-Западном (4 ед.), Приволжском (3 ед.) и Сибирском (8 ед.) федеральных округах, а также в Севастополе (1 ед.).

Большой вклад в развитие интеллектуального капитала российской микроэлектроники вносит государство, от имени которого высту-

пает Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, ГК «Росатом», а также войсковые части, в качестве самостоятельных или совместных правообладателей для подавляющего числа зарегистрированных топологий (59,9% от общего числа отечественных правообладателей). Это характерно не только для технологий, соответствующих целям сохранения национальной безопасности государства, или отвечающих интересам, связанным с развитием цифровой инфраструктуры в стране. Назначение разрабатываемых для государственных нужд микросхем включает выпуск систем обработки и преобразования сигналов, радиолокации, навигации и связи; DC/DC преобразователей и многофазных инверторов; аппаратуры космического назначения, ГЛОНАСС, систем управления атомными объектами и производством; радиационно-стойкой аппаратуры и др.

В 2019–2020 гг. свидетельства на регистрацию топологий ИЭС были выданы 49 негосударственным предприятиям различных организационно-правовых форм. В числе российских разработчиков интегральных микросхем большей активностью в 2020 г. отличились ФГУ «ФНЦ НИИСИ РАН», АО «ППК «Миландр», ООО «Центр инновационных разработок ВАО», АО «НПФ «Микран», ЗАО «Группа Кремний Эл» и ООО «Артек Электроникс», в совокупности получившие более половины свидетельств, зарегистрированных отечественными организациями без отчуждения прав в пользу государства или совместного с ним владения.

В целом зарегистрированные в ФИПС топологии предполагают производство микросхем по технологическим нормам в пределах от 5 мкм до 28 нм (рис. 2) [11].

Из 170 свидетельств, имеющих указание технологической нормы изготовления микросхем, 83 зарегистрированные топологии ориентированы на ПН 180 нм (рис. 2). Сферы применения разработанных в 2020 г. ИЭС, соответствующих такой норме, включают:

- 1) смарт-карты и защищенные устройства;
- 2) электронные проездные документы с криптографической защитой;

Структура базы зарегистрированных в ФИПС топологий интегральных электронных схем по технологическому уровню, мкм

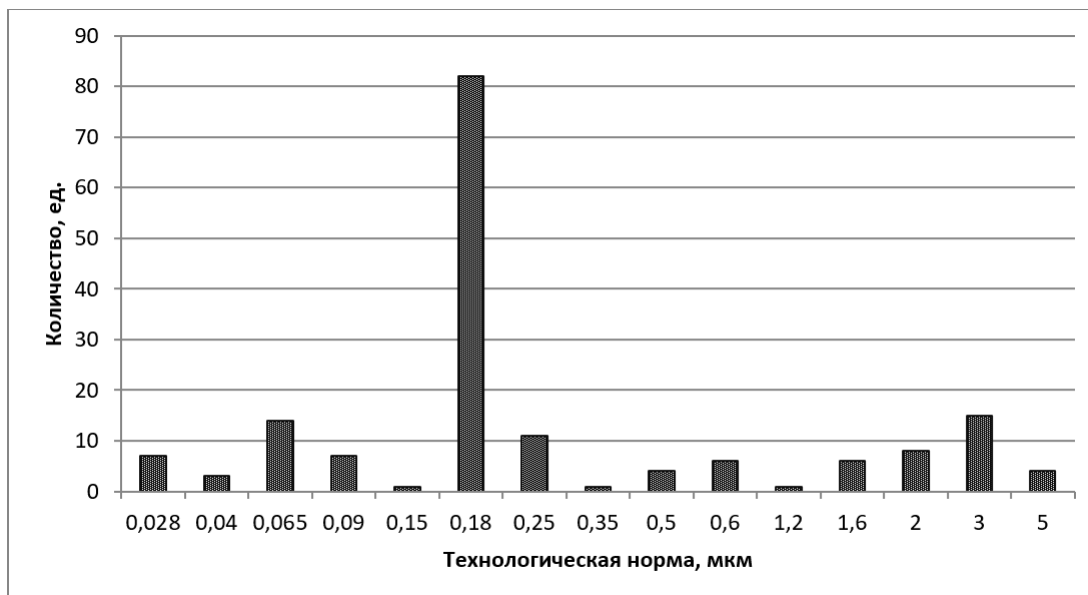

Рисунок 2

- 3) системы цифрового преобразования кода, приема и передачи информации;
- 4) постоянные запоминающие устройства (ПЗУ) для энергонезависимой памяти;
- 5) центральный процессор карт памяти microSD;
- 6) управляющие системы, датчики (давления, света, температуры и др.), системы связи;
- 7) цифро-аналоговые и аналого-цифровые преобразователи;
- 8) информационно-измерительную технику и автоматику (в качестве операционных, формирующих и регулирующих устройств) и др.

Технологии, соответствующие нормам до 0,1 мкм (28, 40, 66, 90 нм), составляют 18% от общей патентной базы. Области применения зарегистрированных технологий учитывают:

- 1) процессоры для осуществления многостандартной навигации при параллельном функционировании операционной системы

- (для поддержки решений специальных вычислительных задач) (28 нм);
- 2) космические аппараты, беспилотные летательные аппараты (обеспечение системного интерфейса навигации для идентификации и контроля), иную авиационно-ракетную технику (40 нм);
 - 3) твердотельные накопители информации (40 нм);
 - 4) унифицированные интегрированные бортовые информационные системы для модернизируемых и перспективных космических аппаратов (65 нм);
 - 5) радиационно-стойкие аналого-цифровые преобразователи (65 нм);
 - 6) систему сопряжения микропроцессоров на базе «Эльбрус» с периферийными устройствами (65 нм);
 - 7) процессоры цифровой обработки сигналов для радиолокации, обработки видео- и аудиоданных (90 нм);
 - 8) системы криптографической защиты, идентификации и контроля (90);
 - 9) блоки памяти ОЗУ (оперативного запоминающего устройства) и ПЗУ для СБИС (сверхбольшой интегральной схемы) и СнК (системы на кристалле) (90 нм) и др.

Некоторые из разработанных микросхем АО «ПКК Миландр» (на базе ПН 90 нм), АО «Крафтвэй корпорэйшн ПЛС» (по ПН 40 нм), АО «МЦСТ» (65 нм для «Эльбрус»), АО НПЦ «ЭЛВИС» (40 нм) и даже АО «Российские космические системы» совместно с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (65 нм) регистрировались для производства за рубежом на фабриках TSMC (что понятно из анализа реферата свидетельств). Так, для отечественной компьютерной техники на базе процессоров «Эльбрус» в 2020 г. были зарегистрированы топологии двух новых микросхем («КПИ 1991ВГ2Я» и «КПИ 1991ВГ1Я») для их дальнейшего контрактного производства на Тайване.

В целом можно сказать, что отечественные разработчики микросхем сегодня ориентируются на внутренние рынки. Сферы их применения включают вычислительную технику, в т. ч. специализированную, системы криптографической защиты, аппаратуру космического назначения, системы навигации и связи (в т. ч. беспроводной), управляющие системы (в т. ч. атомными объектами), ГЛОНАСС, системы хранения информации, мемристивные устройства, СВЧ-технику, дисплеи, метки и др. Данные направления являются востребованными на внутреннем рынке. Возможность локализации производств выделенных технологий оценена на базе сопоставления рефератов свидетельств с данными Единого реестра российской радиоэлектронной продукции (в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2019 г. № 878) [12]. Полученные результаты подтверждают вхождение микросхем, однотипных зарегистрированным в 2020 г., в данный реестр, но отражают низкий уровень локализации их производств на территории Российской Федерации.

В России сегодня большую часть рынка микроэлектроники составляет импортная продукция. Тем не менее в результате вступления в силу правительственных указов по субсидированию производителей микроэлектроники и импортозамещению компьютерной, телекоммуникационной техники, систем связи в государственном секторе (бюджетных учреждений и организаций) для микроэлектронной индустрии складываются благоприятные условия развития, в т. ч. создается спрос на микроэлектронные изделия.

Действующими программами развития микроэлектроники учтено выделение 320 млрд руб. на создание интеллектуальных систем учета электроэнергии, 37 млрд руб. на освоение производства современных систем хранения данных и 36 млрд руб. на развитие производств радиочастотных меток для маркировки физических объектов.

Во второй половине 2021 г. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации было сделано несколько важных шагов в целях локализации полупроводниковых производств. Во-первых,

было принято решение о выделении 1,2 млрд руб. на организацию выращивания в России кристаллов, используемых при изготовлении радиоэлектронной аппаратуры [13]. На сегодняшний день подобных производств в стране нет, а необходимые монокристаллы GaAs и Ge импортируются в Россию из США и стран Европы. Создание комплекса по выращиванию таких кристаллов особенно важно для развития производств СВЧ-техники, оптоэлектроники, лазерного оборудования [14]. Во-вторых, был проведен тендер на разработку фотолитографического оборудования для печати чипов на кремниевых пластинах (подложке) [15] с топологией 130 нм (ПН 130-65 нм), который выиграл АО «Зеленоградский нанотехнологический центр». Технологические нормы 130-65 нм наиболее востребованы сегодня для современных микроконтроллеров и большинства периферийных микросхем. Сферы их использования включают интернет вещей, электронное оснащение автомобилей, кассовое оборудование и др. Работы по разработке, стоимостью 5,7 млрд руб., должны быть выполнены до декабря 2026 г. [16]. Можно полагать, что на возведение установки и подготовку ее к запуску потребуется также немало времени.

Несмотря на прилагаемые усилия, сохраняющееся многолетнее отставание российской микроэлектроники от мировых лидеров вынуждает ориентироваться на реализацию промышленной политики, учитывающей применение подхода на базе привлечения контрактных производителей за рубежом для изготовления наиболее технически сложных микроэлектронных изделий, получаемых по низким технологическим нормам. Реализуемые сегодня решения по строительству в стране современных фабрик имеют единичный характер, что не позволяет надеяться на скорое изменение ситуации. В сложившихся условиях необходимы изменения, связанные с развитием институциональной среды, прежде всего за счет усиления взаимодействий бизнеса и власти [8; 17]. Тем не менее можно полагать, что бизнес-модели, учитывающие промышленное освоение российских разработок микроэлектронных компонентов за рубежом на

контрактной основе, с их последующим импортированием в Россию и корпусированием, до 2030 г. будут рассматриваться в качестве базовых.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о возможности рассмотрения в качестве индикатора развития интеллектуального капитала полупроводниковой индустрии показателей патентной активности организаций в сфере регистрации топологий интегральных микросхем. Динамика активности отечественных разработчиков в регистрации микросхем отражает замедление темпов развития в стране их интеллектуальных производств.

В процессе работы удалось выделить качественную структуру технологической базы топологий микросхем, выражаемую через проектные нормы технологического процесса их изготовления. Российские микросхемы, топологии которых были зарегистрированы в 2020 г., предназначены преимущественно для реализации на внутреннем рынке, но в большинстве своем не могут быть произведены внутри страны в промышленных масштабах. Отечественные интеллектуальные производства ИЭС имеют достаточно широкий охват сфер применения, но отличаются единичным характером (малым числом технологий) по большинству важнейших направлений. Такая ситуация обусловлена отсутствием спроса в наиболее высокотехнологичных секторах и слаборазвитой производственной базой, на которую ориентируются разработчики.

Полученные результаты проделанной работы позволяют сделать вывод об умеренных темпах развития интеллектуального капитала российской полупроводниковой индустрии. Рассматривая подход к развитию микроэлектронной промышленности на базе Fabless-моделей в качестве основного, стимулирование интеллектуального капитала полупроводниковых производств будет играть основополагающую роль³.

³Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021 г.

Список литературы:

1. Aspelund A., Azari M. J., Aglen A. F., Graff S. G. The birth and development of a born global industry: The case of microelectronics in Norway. *Journal of International Entrepreneurship*. 2018. Vol. 16 (1). Pp. 82–108.
2. Mody C. C. M. Academic centers and/as industrial consortia in American microelectronics research. *Management Organizational History*. 2017. Vol. 12 (3). Pp. 285–303.
3. Schroth F., Haussermann J. J. Collaboration Strategies in Innovation Ecosystems: An Empirical Study of the German Microelectronics and Photonics Industries. *Technology Innovation Management Review*. 2018. Vol. 8 (11). Pp. 4–12.
4. Яковлев Р. Роль локального производства в новой геополитической реальности // Материалы международной выставки Semiexpo Russia 2020. URL: <https://semiexpo.ru/docs/digital-economy-2020.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).
5. Производство основных видов продукции в натуральном выражении с 2017 г. (в соответствии с ОКПД2) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58636> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Григорьева А., Дзюбаненко С. Российская и мировая полупроводниковая промышленность. Цифры и факты // Живая электроника России. 2021. URL: <https://russianelectronics.ru/poluprovodnikovaya-promyshlennost/> (дата обращения: 14.10.2021).
7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China. Working Paper 20–16. December 2020. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp20-16.pdf> (Дата обращения: 18.10.2021).
8. Сиротин Д. В. Состояние и возможности дальнейшего развития российской микроэлектронной отрасли // Экономическое возрождение России. 2021. Т. 69. № 3. С. 105–122.
9. Бондарь Д. Полупроводниковая микроэлектроника — 2020. Часть 1. Мировая пандемия COVID-19 — форс-мажор для мировой экономики, но не микроэлектроники // Электронные компоненты. 2020. № 12. С. 6–14.
10. Шелепин Н. А. Материалы интервью в рамках российского форума «Микроэлектроника 2021». URL: <https://microelectronica.pro/novosti/rossiyskaya-mikro-i-nanoelektronika-zastyila-v-ozhidanii-intervyu-s-n-a-shelepinyim/> (дата обращения: 14.10.2021)
11. Сайт Федерального института промышленной собственности. URL: <https://www1.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegisterregName=TIMS> (дата обращения: 02.11.2021).

12. Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Минпромторг России. URL: <https://gisp.gov.ru/rep/marketplace//products/%257B%2522PP719%2522%253A%255Btrue%255D%257D> (дата обращения: 09.11.2021).

13. Минпромторг выделит 1,2 млрд рублей на изготовление полупроводников в России. URL: <https://industry-hunter.com/minpromtorg-vydelit-12-mlrd-rublej-na-izgotovlenie-poluprovodnikov-v-rossii> (дата обращения: 18.10.2021).

14. Сиротин Д. В. Обеспечение российской полупроводниковой электроники минерально-сырьевыми ресурсами // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник статей Восьмой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: УГГУ. 2020. С. 140–144.

15. Митин В. В., Кох А. А. Развитие рынка и технологии производства поликристаллического кремния // Известия вузов. Материалы электронной техники. 2017. № 2. С. 99–106.

16. Минпромторг вложит 5,7 млрд рублей в оборудование для радиоэлектроники // Industry Hunter: новостной портал. URL: <https://industry-hunter.com/minpromtorg-vlozit-57-mlrd-rublej-v-oborudovanie-dla-radioelektroniki> (дата обращения: 23.11.2021).

17. Романова О. А., Пономарева А. О. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Часть I // Экономика региона. 2019. № 1 (15). С. 13–28.

References:

1. Aspelund A., Azari M. J., Aglen A. F., Graff S. G. The birth and development of a born global industry: The case of microelectronics in Norway. *Journal of International Entrepreneurship*. 2018. Vol. 16 (1). Pp. 82–108.

2. Mody C. C. M. Academic centers and / as industrial consortia in American microelectronics research. *Management Organizational History*. 2017. Vol. 12 (3). Pp. 285–303.

3. Schroth F., Haussermann J. J. Collaboration Strategies in Innovation Ecosystems: An Empirical Study of the German Microelectronics and Photonics Industries. *Technology Innovation Management Review*. 2018. Vol. 8 (11). Pp. 4–12.

4. Yakovlev R. The role of local production in the new geopolitical reality // Materials of the international exhibition Semiexpo Russia 2020. URL: <https://semiexpo.ru/docs/digital-economy-2020.pdf> (access date: November 08, 2021).

5. Production of main types of products in physical terms since 2017 (in accordance with ОКПД2) // Federal State Statistics Service. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58636> (access date: November 04, 2021).

6. Grigorieva A., Dzyubanenko S. Russian and world semiconductor industry. Figures and facts // Live electronics of Russia. 2021. URL: <https://russianelectronics.ru/poluprovodnikovaya-promyshlennost/> (access date: October 10, 2021).
7. Bown C. How the United States marched the semiconductor industry into its trade war with China. Working Paper 20-16. December 2020. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/wp20-16.pdf> (access date: October 18, 2021).
8. Sirotin D. V. The state and possibilities of further development of the Russian microelectronic industry // Economic revival of Russia. 2021. Vol. 69. No. 3. Pp. 105–122.
9. Bondar D. Semiconductor microelectronics — 2020. Part 1. The global pandemic COVID-19 — force majeure for the world economy, but not for microelectronics // Electronic components. 2020. No. 12. Pp. 6–14.
10. Shelepin N. A. Interview materials within the framework of the Russian forum "Microelectronics 2021". URL: <https://microelectronica.pro/novosti/rossiyskaya-mikro-i-nanoelektronika-zastyila-v-ozhidanii-intervyu-s-n-a-shelepinyim/> (access date: October 14, 2021).
11. Site of the Federal Institute of Industrial Property. URL: <https://www1.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegisterregName=TIMS> (access date: November 11, 2021).
12. State information system of industry (GISP). Ministry of Industry and Trade of Russia. URL: <https://gisp.gov.ru/rep/marketplace//products/%257B%2522PP719%2522%253A%255Btrue%255D%257D> (access date: November 09, 2021).
13. The Ministry of Industry and Trade will allocate 1.2 billion rubles for the manufacture of semiconductors in Russia. URL: <https://industry-hunter.com/minpromtorg-vydelit-12-mlrd-rublej-na-izgotovlenie-poluprovodnikov-v-rossii> (access date: October 18, 2021).
14. Sirotin D. V. Provision of Russian semiconductor electronics with mineral resources // Actual problems of economics and management: a collection of articles of the Eighth All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Yekaterinburg: USMU. 2020. Pp. 140–144.
15. Mitin V. V., Koh A. A. Market development and production technology for polycrystalline silicon // Izvestiya vuzov. Electronic engineering materials. 2017. No. 2. Pp. 99–106.
16. The Ministry of Industry and Trade will invest 5.7 billion rubles in equipment for radio electronics // Industry Hunter: news portal. URL: <https://industry-hunter.com/minpromtorg-vlozit-57-mlrd-rublej-v-oborudovanie-dla-radioelektroniki> (access date: November 23, 2021).

17. Romanova O. A., Ponomareva A. O. Theoretical, institutional and ethical foundations for the implementation of modern industrial policy. Part I // Economy of the region. 2019. No. 1 (15). Pp. 13–28.

УДК/UDC 343.34

Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки

Ашыралиева Баян Советбековна

кандидат юридических наук, доцент

Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева

г. Алматы, Казахстан

e-mail: bayan.ashiralieva@mail.ru

Ищанова Гульнар Тулемисовна

кандидат юридических наук, доцент

Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева

г. Алматы, Казахстан

e-mail: gulnar_tore@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2912-2752

Аннотация

Текст аннотации. В статье анализируется понятие «религиозный экстремизм», рассматриваются его сущность и особенности. Отмечается, что термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Анализируются положения Конституции Республики Казахстан, Уголовного кодекса Республики Казахстан и международного законодательства (Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и др.), а также религиозные трактаты (в частности, Аяты Корана). Приводятся различные точки зрения ученых, правоведов, политических деятелей и иных лиц, касающиеся видов и целей экстремизма, соотношения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». Формулируется авторское определение понятия «религиозный экстремизм», выделяются его характерные черты.

Ключевые слова: религия, экстремизм, понятие, признаки, сущность.

Religious extremism: concept, essence and signs

Ashyraliyeva Bayan Sovetbekovna

Candidate of Law, assistant professor

Kenzhegali Sagadiyev University of International Business

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail:bayan.ashiralieva@mail.ru

Ischanova Gulnar Tulemisovna

Candidate of Law, assistant professor

Kenzhegali Sagadiyev University of International Business

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail:gulnar_tore@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2912-2752

Abstract

The article analyzes the concept of "religious extremism examines its essence and features. It is noted that the term "religious extremism" does not have a generally recognized single interpretation both at the doctrinal and legislative levels. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and international legislation (the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, etc.), as well as religious treatises (in particular, Ayats of the Koran). Various points of view of scientists, lawyers, politicians and other persons concerning the types and purposes of extremism, the correlation of the concepts of "extremism" and "religious extremism" are presented. The author's definition of the concept of "religious extremism" is formulated, its characteristic features are highlighted.

Key words: religion, extremism, concept, signs, essence.

Сегодня проблема религиозного экстремизма распространена не только в Республике Казахстан, но и по всему миру. Сам термин часто встречается в научной литературе, законодательных актах, используется в международном праве. Однако, несмотря на это, термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на док-

тринальном, так и на законодательном уровне. В свою очередь, разъяснения, данные в законодательстве, далеки от научной обоснованности.

Не имеется и единообразной научной точки зрения в методах отнесения религиозных текстов и сообществ к категории экстремистских, а понимание данного явления вызывает немало затруднений: смысловое содержание понятия не определено конкретными границами. Такое положение вещей не только порождает неясность в теоретическом аспекте, но и затрудняет борьбу с данным общественно опасным явлением на практике.

При изучении любых явлений, особенно если речь идет о крайне опасных для общества, следует на самом начальном этапе исследования понять их сущность и содержание, поскольку трудно исследовать то или иное явление, содержание которого не уточнено и не обобщено в науке и законодательстве.

Так, из понятия религиозный экстремизм можно сделать вывод о двух составляющих: религии и экстремизме.

С психологической и философской точки зрения религию рассматривают в контексте внутренних мотивов ее проявления. Например, немецкий философ Ф. Шлейермахер считал, что в основе религии лежит «чувство и вкус к бесконечному», личное внутреннее переживание Бога, созерцание, а не познание Универсума. У. Джемс полагал, что религия имеет эмоциональную, но не интеллектуальную основу; З. Фрейд писал, что в основе религии лежит сам человек и его внутренний мир; К. Юнг утверждал, что в основе религии лежит коллективное бессознательное, возникающее из чувства страха человека перед неведомыми опасностями его души, в религии человек находит пространство для психического здоровья, защиту от проявлений бессознательного.

Совет Европы в пособии по образованию в области прав человека с участием молодежи дает свое определение религии — система убеждений и ценностей, которая связывает человечество с духовностью. Религия призвана объяснить смысл и происхождение жизни, Вселенной. В максимально простом объяснении религия описывает отношение че-

ловека к тому, что он считает божественным, святым или духовным. Исторические свидетельства показывают нам различные системы верований, начиная с поклонения природным силам, богам или богиням и заканчивая верой в единого Бога.

Можно сделать вывод, что религия на всех этапах существования человечества имела, имеет и будет иметь особую «духовную» значимость. В этом контексте особое значение приобретает и такой вид экстремизма, как религиозный.

Слово «экстремизм» образовано от лат. *extremus*, что означает «крайний», «выходящий за пределы границ». В поведении человека это может выражаться нарушением прав других лиц, противостоянием сложившимся традициям и нормам морали, а также другим устоям общества.

Как полагает Е. Н. Плужников, в той или иной степени экстремизм может проявляться во всех аспектах жизнедеятельности человека: политике, религии, природе, гендерных взаимоотношениях и т. д. При этом автор считает необходимым отличать агрессию, которая может быть как осознанной, так и неосознанной, от экстремизма, который в своей основе всегда имеет мотив, идею или концепцию. Е. Н. Плужников утверждает, что экстремизм — это следствие не только неправильного воспитания, но и других внешних факторов, влияющих на формирование у личности агрессии, нетерпимости к тому, с чем он не согласен. К таким внешним факторам Е. Н. Плужников относит социальные, политические, экономические и культурные [1].

Как считает Н. Койчукулов, именно протестный характер определяет природу экстремизма: недовольство сложившейся политической обстановкой, экономическими условиями, расовыми, этническими и профессиональными группами, социальным неравенством [2, с. 9].

Некоторые ученые придерживаются позиции о том, что в определении понятия экстремизма следует фокусировать внимание на действиях людей, но не на самих людях, мотивируя это тем, что отнесение человека или группы людей к категории экстремистских не может быть од-

нозначным, поскольку зависит от позиции лица, использующего данное понятие. Так, одна и та же группа людей может быть расценена одними людьми как борцы за справедливость, а другими — как экстремисты.

В частности, как полагает Л. Левинсон, неопределенность в понятии экстремизма продиктована возможностью широкого охвата действий различного характера, попадающего под данное понятие. Если рассматривать экстремизм как все, что выходит за рамки общепринятого, то к таковому можно отнести марши мира, движение «Гринпис» и тому подобные вещи [3, с. 20].

А. К. Жарменова полагает, что не каждое столкновение мнений и убеждений принимает форму антиобщественности, противоправности и насильственности, отмечая, что исключительно наличие конкретных признаков должно устанавливать, является действие экстремистским или не более чем проявлением нестандартных взглядов в рамках соблюдения правопорядка [4].

А. Имомов, в свою очередь, считает, что сам по себе экстремизм как приверженность к крайним взглядам и установкам не следует рассматривать в качестве преступного, но преступность должна определяться его проявлениями и последствиями в виде общественно опасного деяния, создающего угрозу обществу, государству и личности в отдельности [5, с. 170].

Спецдокладчик ООН Фионнула Ни Аолэйи на пресс-конференции 17 мая 2019 г. в Представительстве ООН в Казахстане выразила мнение о том, что законодательство по противодействию терроризма, а также методы борьбы с экстремизмом в Республике Казахстан часто используют в политических целях против объединений гражданского общества, в частности против религиозных меньшинств, и призывает правительство позволить этим организациям заниматься своей деятельностью, которая защищена международным правом [6].

Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечает М. М. Хадысов, на международном уровне, в т. ч. и в документах ООН, нет единообраз-

ного понимания экстремизма, а присутствует исключительно перечень деяний, которые государства — члены ООН признают таковыми [7].

В Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» дается определение экстремизму — это идеология и практика, направленная на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий [8].

В ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» закреплены три вида экстремизма:

- 1) политический — насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни;
- 2) национальный — разжигание расовой, национальной и родовой розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию;
- 3) религиозный — разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [9].

Как видим, на международном уровне не выработано единого определения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». На уровне Шанхайской организации сотрудничества и национального законодательства существует легальное определение понятия «экстремизм», на основе которого мы попытаемся сформулировать определение понятия «религиозный экстремизм»:

- 1) идеология и практика, направленная на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий;
- 2) разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан.

Если насильственные и иные антиконституционные действия при решении религиозных конфликтов нельзя признать допустимыми, то расценивание в качестве экстремизма применения любой религиозной практики, угрожающей нравственности, вызывает обоснованные сомнения хотя бы потому, что в Конституции Республики Казахстан прямо не предусмотрено право человека на сохранение своей нравственности.

Вместе с тем перечень прав и свобод граждан как на уровне Конституции Республики Казахстан, так и на уровне нижестоящих законодательных актов является достаточно широким, в связи с чем мы не можем утверждать, что любое из нарушений таких прав в результате применения любой религиозной практики должно расцениваться как религиозный экстремизм.

Мы считаем, что при таких обстоятельствах определение понятия «экстремизм» в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» необходимо привести в соответствие с определением экстремизма, которое дается в Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму».

Как отмечает докладчик ООН Ни Оалин, посетившая Казахстан в мае 2019 г., хотя документы ООН и признают вызовы экстремизма, самого термина «экстремизм» нет в юридически обязывающих международных правовых стандартах, и его использование в качестве уголовно-правовой категории несовместимо с принципом юридической определенности и противоречит некоторым фундаментальным правам человека.

Ни Оалин отмечает, что термин «экстремизм» применяется не как средство борьбы с данным общественно опасным явлением, но в качестве совершения самого преступления. Обеспокоенность у докладчика вызывает применение ст. 174, 179, 405 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее по тексту — УК РК).

В частности, как полагает Ни Оалин, ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» часто применяется в отношении религиозных групп и активистов гражданского общества. Данная диспозиция УК РК лишь в общих чертах описывает признаки данного преступления, тем самым не обеспечивает необходимую защиту от необоснованного уголовного преследования. Такое положение вещей дает возможность правительству преследовать гражданских активистов. Неопределенность таких пунктов в ст. 174 УК РК, как «рознь», «пропаганда исключительности, неполноценности либо превосходства граждан», «оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств» дает возможность правительству преследовать не только гражданских активистов, но и религиозные и другие группы граждан. В пример преследования за инакомыслие Ни Оалин приводит дела Т. Аяна и М. Бокаева. В целом у докладчика имеется обеспокоенность, что термин «экстремизм» применяется против религиозных убеждений, тогда как свобода вероисповедания является универсальным правом и неотделимой частью гражданского общества [10].

Нельзя назвать утверждения Ни Оалин касательно проблемы термина «терроризм» необоснованными. Так, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» множество публикаций о привлечении к уголовной ответственности по экстремистским статьям УК РК за репосты или «лайки» в социальных сетях. В частности, в 2018 г. по ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» был привлечен к уголовной ответственности Т. Давлетов — приверженец салафизма (религиозного течения ислама), который в социальной сети «Вконтакте» сделал репост публикации другого автора о негативном отношении к запрещенной в Республике Ка-

захстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ». К выводам о признаках разжигания межрелигиозной розни пришли эксперты (филологи и лингвисты). На защиту Т. Давлетова встал международный фонд защиты свободы слова «Адил соз». Как считает юрист фонда, эксперты не имеют права отвечать на вопросы правового характера, поскольку это является исключительной компетенцией суда. Юрист фонда Т. Симахина отмечает, что в 2018 г. по ст. 174 УК РК осуждено более 41 человека, и количество случаев привлечения к уголовной ответственности по данной статье неуклонно растет. В пример юрист приводит 2014 г., когда по данной статье было осуждено всего 7 человек. Т. Симахина делает вывод, что является достаточно размытой грань, когда человек просто высказывает свое мнение и когда он умышленно разжигает рознь. Не исключает она и случаи, когда репост или «лайк» был сделан или поставлен случайно. Солидарными с ее мнениями оказались адвокат Алматы Дж. Утебеков и автор ютуб-канала «За нами уже выехали» Д. Дубовицкий [11].

Из проведенного выше анализа можно сделать предположение, что на сегодняшний день законодательно закрепленное определение понятия «экстремизм» в правоприменительной практике конфликтует с конституционными положениями:

- 1) никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотиву социального положения, пола, расы, национальности, отношения к религии, убеждений или по любым иным обстоятельствам (ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан);
- 2) свобода слова гарантируется (ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
- 3) каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом (ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
- 4) каждый имеет право на свободу совести (ч. 1 ст. 22 Конституции Республики Казахстан).

Кроме того, в соответствии с п. 6 ст. 3 Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Примечательно, что ранее упомянутый Закон Республики Казахстан именовался «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», где в качестве основной задачи было провозглашена свобода вероисповедания, но утратил силу 11 октября 2011 г., тогда как действующий Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в качестве основной задачи выделяет свободу совести. Новый закон ввел более жесткие требования к регистрации деятельности религиозных объединений и миссионерской деятельности относительно редакции ранее действовавшего закона.

В целом вышеприведенный анализ дает понять, что существует тонкая, а порой даже и невидимая грань, когда распространение религиозных убеждений переходит в действия, которые могут быть расценены в качестве экстремистских. Это заставляет нас продолжить исследование и попытаться сформулировать собственное определение понятия «религиозный экстремизм».

Так, большинство исследователей полагают, что религиозный экстремизм в своей основе имеет доктринальные концепции, представители многих религий претендуют на исключительную истинность своего вероучения, что порождает конфликты на данной почве, примерами чему является история: крестовые походы, противостояние буддистов, индуистов мусульманам, террористические акты запрещенной на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ» и т. п. Однако мы знаем и примеры мирного сосуществования различных вероучений. В частности, как утверждает представитель ООН, Российская Федерация является таким примером, где мирно сосуществуют ислам и православие [12].

Как считает Е. Н. Плужников, в развитие мирного сосуществования религий в России внесли свой вклад и представители таких вероучений, как иудаизм, католицизм и буддизм [1].

В 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (далее по тексту — Декларация), где в ст. 18 постулируется свобода мысли, совести и религии. Провозглашая данные свободы, Декларация признает право каждого свободно менять свою религию, убеждения, свободно исповедовать религию как единолично, так и коллективно. В ст. 19 Декларации закрепляется право на свободное выражение своих убеждений, а также право на свободный поиск, получение и распространение информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ [13].

Права и свободы, провозглашенные данной Декларацией, в той или иной степени способствовали закреплению веротерпимости или во взаимном признании права следовать своим религиозным убеждениям. Однако всему, в т. ч. и веротерпимости, определена своя мера.

Так, ст. 18 и 19 Декларации, хотя практически в той же редакции и были интегрированы в ст. 18 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. (далее по тексту — МПГПП), однако были дополнены следующими положениями:

1. Свобода исповедания религии или убеждений подлежат ограничениям, установленным законам и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (ст. 18 МПГПП).
2. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (ст. 19 МПГПП) [13].

Напомним, что МПГПП ратифицирован Республикой Казахстан Законом от 28 ноября 2005 г. № 91-II [14].

Нельзя не отметить позицию ООН по ст. 18 и 19 МПГПП о том, что эти положения относятся не только к традиционным религиям, но и к любым другим вероучениям, поэтому не должны подвергаться какой-либо дискриминации и религиозные меньшинства. Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека [15].

Таким образом, позиция международного сообщества едина во мнении о необходимости свободы вероисповедания, но указывает ее границы, когда она не должна нарушать общественную безопасность, порядок, здоровье, мораль, а также основные свободы и права других лиц. Мы считаем, что при переходе через эту границу и начинает проявлять себя религиозный экстремизм.

В последнее десятилетие сам термин «религиозный экстремизм» не только употребляется чаще, но и толкуется шире. В этой связи проблема определения данного понятия становится все более актуальной, однако, несмотря на это, в доктрине не имеется единообразного понимания данного общественно опасного явления.

В 1967 г. Дж. Ванеко был одним из первых, кто попытался дать определение исследуемому понятию. Ученый отмечал, что данное явление — это следствие одного из двенадцати изменений религиозного поведения верующего человека, различные стадии проявления которого можно определить в границах двух главных переменных: 1) умения исповедующего ту или иную веру обозначать отличия важных от второстепенных составляющих вероучения религиозной организации; 2) степени и характере отрицания им других религиозных организаций [16, с. 118].

В начале 1970-х гг. США и Европа стали апеллировать данным термином в контексте противодействия различным сектам и оккультным организациям, которые проявляли акты агрессии и нетерпимости не только к «инакомыслящим», но и к представителям своих вероучений. Несмотря на употребление термина «религиозный экстремизм» в США и Европе в 1970–80-х гг., он больше использовался в контексте

других основных терминов, таких как «экстремистские секты», «экстремистские культы», которые используются и до сегодняшнего дня. Часто термин «религиозный экстремизм» использовался в контексте борьбы с сектами и оккультными организациями во времена СССР, но, несмотря на это, не получил фундаментального теоретического исследования [17].

В 1983 г. Ч. Либман высказал предположение о том, что «религиозный экстремизм» необходимо рассматривать с двух точек зрения: как набор характеристик, которых могут придерживаться верующие, и как процесс подавления этих характеристик. Ч. Либман выделял основные составляющие данного общественно опасного явления: 1) желание навязать свою систему религиозных ценностей другим; 2) отделение экстремистом себя от социума; 3) отрицание экстремистом иных вероучений, нетерпимое и бескомпромиссное отношение к таковым.

Ч. Либман небезосновательно считал, что экстремизм наносит вред самой религиозной организации, которая его применяет. Он акцентировал внимание на необходимости изучения мирного сосуществования различных религий, отмечая, что на ранних этапах интеграции религий вместе с имеющимися социальными институтами данное общественно опасное явление наблюдалось в меньшей степени и появилось как следствие защитной реакции на снижение роли религии в обществе. В заключение Ч. Либман сделал вывод, что чем дальше государство будет отдаляться от религии, тем интенсивнее религиозный экстремизм будет проявлять себя [18, с. 77].

В этом контексте нельзя не упомянуть такое явление, как религиозный фундаментализм, трактуемый А. М. Кырлежевым как тенденция, выражающая отрицательную реакцию консервативных религиозных кругов (XIX–XX вв.) на секуляризацию, т. е. отделение науки, культуры и общественной жизни от религии, что стало причиной маргинализации последней [19].

К исследователям, которые не разделяют точку зрения о состоятельности рассматриваемых терминов, относится Л. Иннаконе, издавший в 1992–1999 гг. ряд научных статей по исследуемой проблеме. Он по-

лагал, что данные термины применяются в политике, в борьбе за власть, однако при этом справедливо замечает, что нельзя отменять факта социальной напряженности на религиозной почве. В этой связи Л. Иннаконе предлагает называть экстремистские группы сектами или экстремистскими сектами, полагая, что именно изучение сущности сектантства даст больше ответов на поставленные вопросы, нежели изучение теоретических аспектов экстремизма. При этом ученый считает, что отсутствие свободы вероисповедания — одна из главных причин этого общественно опасного явления [20].

Среди исследователей 2000-х гг. можно отметить Д. Каннети-Низим, которая, изучая в 2004 г. индуистский экстремизм и еврейский экстремизм, рассматривала эти явления в контексте форм их проявления, а именно в форме насилия, подавления прав по отношению к светской власти, религиозным группам со стороны других религиозных групп [21, с. 48].

Между тем, справедливым, на наш взгляд, является замечание А. Айтжановой о том, что религиозный экстремизм может проявляться как к представителями других религий, так и в разных течениях одной и той же религии, возникая в связи с различием в толковании ее основных догм [22]. Т. А. Скворцовой, М. Ю. Вертием и А. М. Семенцовой понятие «религиозный экстремизм» толкуется как исповедание идеологии нетерпимости к представителям иной или своей религии, ведущее к совершению противоправных деяний, к нарушению прав других лиц, общества и государства в целом [23, с. 114]. Как полагает М. А. Яворовский, религиозный экстремизм характеризуется крайней формой радикальной религиозной идеологии, направленной на совершение по религиозным мотивам преступлений, а также пропагандой совершения таких преступлений в отношении «инакомыслящих».

Из исследованных точек зрения можно выделить следующие признаки религиозного экстремизма:

- 1) приверженность к крайним взглядам, убеждениям;

- 2) отсутствие толерантности, бескомпромиссность к лицам иной веры, «инакомыслящим»;
- 3) такое же отношение между представителями одной конфессии (внутриконфессиональный религиозный экстремизм);
- 4) пропаганда насилия, религиозной вражды, совершения правонарушений по религиозным мотивам;
- 5) создание угрозы нарушения суверенитета государства, его территориальной целостности и стабильности в обществе.

Продолжая выявлять проблемы определения понятия «религиозный экстремизм», нельзя не отметить, что в самих религиях нет понятия экстремизма, но встечаются такие термины, как «джихад», «священная война», «крестовый поход», «охота на ведьм», «борьба за веру» и др., которые часто используются для обоснования экстремистской пропаганды.

Некоторые исследователи данной проблемы полагают, что причиной религиозного экстремизма может быть сама религия, а точнее содержащиеся в ней тексты священных писаний. При такой точке зрения становится несостоятельной версия о неправильном толковании и применении религиозных текстов как причине возникновения экстремизма. В противоположном контексте это дало бы возможность видеть корень проблемы исключительно в экстремистах, но не в самой религии. Однако, как отмечает Д. Б. Петров, многие экстремисты хорошо понимают религиозные тексты и посвятили их изучению всю свою жизнь [24].

Аналогичную точку зрения высказывает и Н. Дж. Крессель, полагая, что большинство вероучений в той или иной степени могут препятствовать развитию общества, а корень проблемы кроется в самих религиозных текстах, истинность которых не ставится под сомнение верующими [25, с. 18].

Противоположного мнения придерживается Е. Н. Плужников, который в результате своего исследования пришел к выводу, что представители основных мировых религий убеждены в том, что проявление экстремизма чуждо религии и критикуется верующими. Представители традиционных религий утверждают, что религиозного экстремизма как

такового нет ввиду того, что религия — это Истина, а значит благо и добро, где нет место подобному «уродству» [1].

Аналогично думает Л. К. Танкенова, которая, исследуя вопросы о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм», отмечает, что главной причиной данного общественно опасного явления является отсутствие необходимых знаний о религии, что приводит к недостатку религиозного воспитания и формирует идеи и взгляды радикального характера, особенно в среде молодежи [26].

В своем исследовании на тему «Религиозный экстремизм и терроризм» В. В. Малышев и В. М. Василенко указывают, что религия используется как инструмент в руках религиозных лидеров и политиков для достижения собственных целей. Религиозный экстремизм, как правило, не проявляет себя в чистом виде, но истинными причинами являются политические и экономические интересы, которые выступают в «маске» якобы благородных религиозных идей [27, с. 235].

Не отдавая предпочтения тем или иным точкам зрения, нельзя не констатировать тот факт, что в мировом сообществе видение религиозного экстремизма прочно ассоциируется с таким термином как «ИГИЛ», «Исламское государство» (запрещенная на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организация) и др., которые создают негативный образ в отношении большинства мирных представителей данного вероучения.

Следствием такого понимания религии является множество примеров антиисламских настроений по всему миру: создание для мусульман лагерей перевоспитания в Синьцзяне (Китай), подавление мусульман во Франции, Египте, взрывы мечетей по всему миру, запрет на ношение хиджаба в некоторых странах и т. д .

Протестный настрой в отношении мирных представителей ислама подтвердил и Президент Турции Р. Т. Эрдоган на церемонии открытия Центральной мечети Кембриджа в Великобритании (декабрь 2019 г.), отмечая, что понятия «исламский терроризм» не существует, а страны, которые долгое время считались центром демократии, сегодня заражены

болезнью исламофобии. Президент подчеркнул, что мировую религию ислам необоснованно отождествляют с терроризмом, поскольку настоящий мусульманин террористом быть не может. Эрдоган также отметил попытки террористов запрещенного на территории РК и РФ ИГИЛ изказать нормы ислама.

На официальном сайте Духовного Управления Мусульман Казахстана приводится пять Аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают религиозные экстремисты, призывая к нетерпимости и крайностям в отношении иноверцев, инакомыслящих и тут же приводятся доказательства неправильности такого толкования со ссылкой на другие Аяты Корана, а также исторические свидетельства ниспослания Аятов.

В исследовании делается акцент на основной способ экстремистов — «вырывание» Аятов Корана из общего контекста предыдущих и последующих Аятов, не учитывание исторического контекста и того обстоятельства, что некоторые Аяты содержат как нормы предписания, так и нормы повествования, где рассказывается о жизни мусульман, иудеев и христиан. В целом исследование дает понять, что религиозные тексты используются экстремистами в «нападательном» контексте, тогда как их действительный контекст «оборонительный» [28].

Примеры других Аятов, используемых экстремистами, террористами приводятся на информационно-аналитическом портале «Голос Ислама» [29].

Можно выделить основные Аяты из Корана, неправильно толкуемые экстремистами в «нападательном» контексте (2:191, 4:89, 8:12, 8:60, 9:5, 29:9, 47:4), а также Аяты из Корана, опровергающие «нападательный» контекст вышеперечисленных Аятов и указывающий на их «оборонительный» контекст (2:216, 2:190, 2:192, 2:256, 3:20, 4:82, 4:90, 5:68, 8:26, 8:61, 9:4, 9:6, 9:13, 9:32, 9:36, 10:99, 15:9, 16:125, 25:52, 25:63, 29:46, 41:34, 47:1, 60:8). В частности, Коран 2:256: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения». При этом о противоречиях в Коране сказано следующее:

1. 4:82 «Неужели они не задумываются над Кораном? Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы в нем много противоречий».
2. 15:9 «Поистине, Мы ниспослали [Коран как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]».

Таким образом, необходимо размышлять над Аятами из Корана и не «сталкивать» их друг с другом, но вместо этого комплексно извлекать из общего контекста Аятов зерно сути, исследовать мнения известных ученых-богословов, интересоваться соответствующей историей раннего исламского периода.

Исходя из того, что Коран признает такие Святые писания, как Евангелие и Тору, в христианстве и иудаизме также не должно быть идей нетерпимости, агрессии и крайностей к иноверцам, инакомыслящим.

Противоположная точка зрения, на наш взгляд, не отвечает критериям разумности, создает протестный настрой против мирных представителей религии, не представляющих угрозы. Данная проблема требует отдельного научного фундаментального исследования ввиду своей практической значимости. Еще 24 июня 2016 г. Н. А. Назарбаев, принимая участие в заседании Совета глав государств-членов ШОС в г. Ташкент, отметил: «Важно, чтобы экстремизм не отождествлялся с миролюбивым исламом и другими религиями».

Однако, как небезосновательно отмечает Е. Н. Плужников, светское (секулярное) государство, познающее мир через социально-политический и правовой подходы, не может мыслить в системе религиозных координат. В случае если государство рассуждает в религиозной парадигме, то оно перестает быть светским. При этом автор не берется утверждать, хорошо это или плохо, а лишь констатирует данное обстоятельство [1].

Мы полагаем, что истина находится посередине, а именно социально-политический и правовой подходы имеют место быть, но они не должны находиться в отрыве от реалий и существующих проблем, поскольку предназначение права в том и заключается, чтобы сохранить

стабильность в обществе, в частности не допустить дискриминации по религиозному признаку, и при этом сохранить свободу вероисповедания.

Таким образом, мы предлагаем следующую формулировку понятия религиозного экстремизма: религиозный экстремизм — это разновидность экстремизма, идеология и практика которого направлена на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий, характеризуется искаженным толкованием религиозной идеологии и (или) религиозных текстов в контексте радикальных взглядов и убеждений по отношению к представителям различных конфессий либо внутри одной конфессии.

Список литературы:

1. Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 71–78.
2. Койчуколов М. Факторы религиозного экстремизма // Казахстан Спектр. 2012. № 4. С. 9–10.
3. Тукумов Е. Экстремизм // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». 2013. № 10. С. 19–29.
4. Жарменова А. К. Экстремизм: природа, содержание, причины. URL: <https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipou-2016-29.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Имамов А. Непрерывный диалог — важнейший способ решения проблемы экстремизма // Материалы международной научной конференции: «Религиозный экстремизм в Центральной Азии». Душанбе, 25.04.2002.
6. В ООН выразили обеспокоенность по поводу методов борьбы с экстремизмом в Казахстане // Информбюро. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazil-obespokoennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html> (дата обращения: 30.08.2021).
7. Хадысов М. А. Международно-правовое противодействие экстремизму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 178–181.
8. О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2020 № 303-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респуб-

лики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303> (дата обращения: 17.09.2021).

9. О противодействии экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2005 № 31-III // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 25.09.2021).

10. Предварительные итоги визита в Казахстан Специального докладчика ООН по вопросу поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24637&LangID=R> (дата обращения: 29.09.2021).

11. Срок за репост: как в Казахстане судят за посты и лайки // RFI. URL: <https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazakhstane-sudyat-za-posty-i-laiki> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Представитель ООН: РФ демонстрирует миру пример мирного сосуществования культур и религий // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343> (дата обращения: 15.10.2021).

13. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.10.2021).

14. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах: Закон РК от 28.11.2005 № 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035423#pos=3;-112I (дата обращения: 22.10.2021).

15. Противодействие терроризму // Сайт Управы Савеловского района города Москвы. URL: <https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php> (дата обращения: 25.10.2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967. 28 (3). Pp.111–122.

17. Арестов В. Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков: Высшая школа, 1987.

18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. № 22 (1). Pp. 75–86.

19. Кырлежев А. Религиозный фундаментализм // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04c8792279a3d> (дата обращения: 23.10.2021).

20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997. № 153 (1). Pp: 100–116.

21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999. № 20(1). Pp. 8–29.

22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. Religious Fundamentalism and Political Extremism. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.

23. Айтжанова Д. Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт // Материалы международной научно-практической конференции. Нур-Султан, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

24. Вертий М. Ю., Скворцова Т. А., Семенцов А. М. Религиозный экстремизм как политико-правовой феномен // Философия права. 2007. № 1. С. 113–120.

25. Петров Д. Б. «Профилактика религиозного экстремизма»: теория и практика. Саратов, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

26. Kressel, Neil. Bad Faith: The Danger of Religious Extremism. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.

27. Танкенова Л. К. К вопросу о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм». URL: <https://articlekz.com/article/15101> (дата обращения: 02.11.2021).

28. Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм // Журнал Социология власти, 2012. С. 233–240.

29. Пять аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают // Официальный сайт Духовного Управления Мусульман Казахстана. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov-korana-smyisl-kotoryih-chasche-vsego-i/> (дата обращения: 07.11.2021).

30. Ислам о терроризме // Информационно-аналитический портал «Голос Ислама». URL: <https://golosislama.com/news.php?id=4862> (дата обращения: 08.11.2021).

References:

1. Pluzhnikov E. N. The concept of religious extremism and its manifestations in modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2010. No. 1. Pp. 71–78.

2. Koichukolov M. Factors of religious extremism // Kazakhstan Spectrum. 2012. No. 4. Pp. 9–10.

3. Tukumov E. Extremism // Republican socio-political journal "Mysl". 2013. No. 10. Pp. 19–29.

4. Zharmenova A. K. Extremism: nature, content, reasons. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipoy-2016-29.pdf> (access date: December 15, 2021).

5. Imamov A. Continuous dialogue — the most important way to solve the problem of extremism // Materials of the international scientific conference: "Religious extremism in Central Asia". Dushanbe, 25.04.2002.

6. The UN expressed concern about the methods of combating extremism in Kazakhstan // Informbureau. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazilio-bespekoiennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html> (access date: August 30, 2021).

7. Khadysov M. A. International legal counteraction to extremism // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 1. Pp. 178–181.

8. On the ratification of the Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated February 18, 2020 No. 303-VI // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303> (access date: September 17, 2021).

9. On countering extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated 18.02.2005 No. 31-III // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 access date: September 25, 2021).

10. Preliminary results of the visit to Kazakhstan of the UN Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism // Official website of the Office of the UN High Commissioner for Human Rights <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24637&LangID=R> access date: September 29, 2021).

11. Term for repost: how in Kazakhstan people are judged for posts and likes // RFI. URL: <https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazahstane-sudyat-za-posty-i-laiki> (access date: October 10, 2021).

12. UN representative: RF demonstrates to the world an example of peaceful coexistence of cultures and religions // TASS Information Agency. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343> (access date: October 15, 2021).

13. Universal Declaration of Human Rights of 12/10/1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (access date: October 14, 2021).

14. On the ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights: Law of the Republic of Kazakhstan dated November 28, 2005 No. 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035423#pos=3;-112I (access date: October 22, 2021).

15. Countering terrorism // Website of the Administration of the Savelovsky district of Moscow. URL: <https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php> (access date: October 25, 2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967. 28 (3). Pp. 111–122.
17. Arestov V. N. Religious extremism: content, causes and forms of manifestation, ways of overcoming. Kharkov: High School, 1987.
18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. No. 22 (1). Pp. 75–86.
19. Kyrlezhev A. Religious fundamentalism // Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04c8792279a3d> (access date: October 23, 2021).
20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of "Fundamentalism". *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997. No. 153 (1). Pp: 100–116.
21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999. No. 20 (1). Pp. 8–29.
22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.
23. Aitzhanova D. Counteraction to religious radicalism: foreign experience // Materials of the international scientific-practical conference. Nur-Sultan, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (access date: December 15, 2021).
24. Vertiy M. Yu., Skvortsova T. A., Sementsov A. M. Religious extremism as a political and legal phenomenon // *Philosophy of law*. 2007. No. 1. Pp. 113–120.
25. Petrov D. B. "Prevention of religious extremism": theory and practice. Saratov, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (access date: November 02, 2021).
26. Kressel, Neil. *Bad Faith: The Danger of Religious Extremism*. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.
27. Tankenova L. K. On the issue of the problem of legal interpretation of the definition of "religious extremism". URL: <https://articlekz.com/article/15101> (access date: November 02, 2021).
28. Vasilenko V. I., Malyshev V. V. Religious extremism and terrorism // *Journal of Sociology of Power*, 2012. Pp. 233–240.
29. Five verses of the Koran, the meaning of which is most often distorted // Official website of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov-korana-smysl-kotoryih-chasche-vsego-i/> (access date: November 07, 2021).
30. Islam about terrorism // Information and analytical portal "Voice of Islam". URL: <https://golosislama.com/news.php?id=4862> (access date: November 08, 2021).

УДК/UDC 343.9

Личность преступника и жертвы при совершении угрозы убийством в семейно-бытовой сфере

Иванова Евгения Владимировна

кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: evgeniya.ivanova@spbu.ru

SPIN-код: 5864-6662

Аннотация

Данная статья написана по результатам изучения судебной практики применения ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации различными российскими судами за 2019 г. Используются данные, полученные в рамках работы Центра по изучению проблем домашнего насилия Санкт-Петербургского государственного университета. В работе анализируются особенности личности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации, в семейно-бытовой сфере, а также особенности личности потерпевших от данного преступления. Проводится анализ гендерной принадлежности виновных и потерпевших, исследуется вопрос о наличии или отсутствии судимости лиц, совершивших преступления, об их нахождении в состоянии алкогольного опьянения при совершении угрозы убийством. В работе рассматриваются в контексте исследуемого преступления родственные отношения виновных и потерпевших, их межличностные взаимоотношения, мотивы виновных.

Ключевые слова: угроза убийством, домашнее насилие, семейное насилие, виктимность, личность преступника.

The identity of the criminal and the victim when making a death threat in the family and household sphere

Ivanova Yevgeniya Vladimirovna

Candidate of Law, assistant of the Department of Criminal Law, Penal Enforcement Law and Criminology

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

e-mail:evgeniya.ivanova@spbu.ru

SPIN-код: 5864-6662

Abstract

This article was written based on the results of studying the judicial practice of applying Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation by various Russian courts for 2019. The data obtained in the framework of the work of the Center for the Study of Problems of Domestic Violence at St. Petersburg State University are used. The paper analyzes the personality traits of persons who have committed a crime under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the family and everyday life, as well as the personality traits of the victims of this crime. The analysis of the gender identity of the perpetrators and victims is carried out, the question of the presence or absence of convictions of persons who have committed crimes, of their being in a state of alcoholic intoxication when committing a threat of murder is investigated. The work examines in the context of the crime under study the kinship of the perpetrators and victims, their interpersonal relationships, the motives of the perpetrators.

Key words: threat of murder, domestic violence, family violence, victimization, the identity of the perpetrator.

Ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Данное преступление не является самым распространенным из совершаемых в Российской Федерации, между тем рассмотрение обстоятельств совершения данного преступле-

ния представляет интерес с точки зрения криминологических свойств и качеств личности преступников, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, а также виктимологических качеств потерпевших от данного преступления.

Особый интерес представляет исследование данного вопроса применительно к случаям совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. Данное обстоятельство, во-первых, обусловлено тем, что в ходе семейно-бытовых конфликтов угроза убийством предвдваряет либо продолжает применяемое насилие, часто влекущее последствия, указанные в ст. 111, 112, 115 УК РФ. Во-вторых, имеются основания полагать, что личности преступников и потерпевших в случаях совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, имеют определенную специфику.

В научной литературе в настоящее время нет единого определения понятия «преступление на бытовой почве» [1, с. 5] или единого определения семейно-бытового насилия. Под такими преступлениями предлагается понимать деяния, совершенные по мотивам и в ситуациях, связанных с личностным взаимоотношением преступника с потерпевшим в бытовой (непроизводственной) сфере [1, с. 75].

Исследователи проблем семейного насилия отмечают следующие тенденции. Во-первых, потерпевшими от насилия в основном являются женщины и дети, поскольку именно они относятся к более незащищенным членам семьи [1, с. 5]. Именно женщины, как указывают ученые, ссылаясь на данные социологических исследований, особенно обеспокоены возможностью стать жертвой семейного насилия [2, с. 47]. Мужчины также страдают от домашнего насилия, однако применительно к анализу виктимности мужчин соотношение жертв насилия по гендерному признаку меняется с повышением тяжести совершенного в отношении потерпевшего преступления [3, с. 99]. Например, исследования показывают, что соотношение мужчин и женщин — жертв семейно-бытового насилия — в целом составляет 1 к 3, но применительно к супружеским убийствам соотношение между убитыми мужьями и женами приближа-

ется к показателю 1 к 1 [4, с. 143; 5]. От женской агрессии страдает в семье до 30% мужчин [3, с. 106].

Во-вторых, данные преступления имеют высокую латентность [1, с. 37]. Отмечаются и иные характеристики преступности в семейно-бытовой сфере.

В рамках работы Центра по изучению проблем домашнего насилия Санкт-Петербургского государственного университета [6] было проведено изучение 258 приговоров и постановлений, вынесенных в 2019 г. судами Российской Федерации и размещенных в открытом доступе на интернет-ресурсах «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт») и сайтах судов. Исследование было нацелено на выявление специфики именно семейно-бытовой сферы совершения преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, основной упор при анализе криминологических показателей был сделан на характеристиках личности виновного и потерпевшего, их взаимоотношениях до, во время и после совершения преступления, мотивах посягательства и обстановке его совершения.

В результате исследования 93 приговоров и 9 постановлений судов в субъектах Российской Федерации (Томская область, Новосибирская область, Красноярский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Белгородская область, Камчатский край, Пензенская область, Республика Крым, Приморский край, Хабаровский край, Алтайский край, Свердловская область, Калининградская область, Брянская область, Владимирская область, Астраханская область, Иркутская область, Архангельская область, Мурманская область, Республика Карелия, Тюменская область, Республика Тыва, Амурская область, Еврейская автономная область, Ямало-ненецкий автономный округ, Нижегородская область, Республика Марий-Эл, Республика Мордовия, Ленинградская область, Ставропольский край, Санкт-Петербург, Воронежская область, Курская область, Краснодарский край) за 2019 г. были получены следующие результаты.

Было выявлено 102 приговора и постановления (что составило 39,5% от всех исследованных приговоров и постановлений), вынесенных

по результатам обвинения лиц в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере.

Ряд уголовных дел содержал сведения об обвинении лиц в совершении нескольких преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ. Данное обстоятельство обусловлено тем фактом, что в ряде случаев несколько преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, совершалось в отношении одной потерпевшей [7; 8], а в некоторых случаях виновный угрожал убийством нескольким потерпевшим (имела место идеальная совокупность преступлений) [9]. Всего было установлено 112 случаев совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Проведенный анализ показал, что в ряде случаев совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, квалифицируется по совокупности со следующими преступлениями, совершаемыми в отношении членов семьи: ч. 4 ст. 111 УК РФ — 1 случай, п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ — 3 случая, ч. 2 ст. 162 УК РФ — 1 случай, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ — 5 случаев, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ — 12 случаев, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ — 1 случай, ст. 116.1 УК РФ — 10 случаев, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ — 1 случай, ч. 1 ст. 161 УК РФ — 2 случая, ч. 1 ст. 117 УК РФ — 1 случай, ч. 1 ст. 111 УК РФ — 1 случай, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ — 3 случая, ч. 1 ст. 115 УК РФ — 1 случай.

Таким образом, очевидным является, что лица, совершающие преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, в целом более склонны к посягательству на отношения, обеспечивающие здоровье человека, чем на иные объекты преступных посягательств.

По половой принадлежности виновные распределились следующим образом: мужчины — 97 человек (95%), женщины — 5 человек (5%). По данным изученной судебной практики было выявлено 105 потерпевших, из них 11 мужчин (10,5%) и 94 женщины (89,5%). Две женщины-потерпевшие были беременны на момент совершения в отношении них преступления.

Установить с достоверностью возраст виновных и потерпевших лиц не представляется возможным ввиду отсутствия этих данных в нахо-

дящихся в открытом доступе материалах. Проведенный анализ показал, что 101 подсудимый достиг совершеннолетия, лишь один на момент совершения преступления был совершеннолетним. Среди потерпевших несовершеннолетних лиц выявлено не было.

В случаях, когда потерпевшими являлись женщины, характер связи между виновным и потерпевшими был следующим: 18 потерпевших находились в брачных отношениях с виновным (отношения зарегистрированы в органах ЗАГС), 4 из потерпевших являлись бывшими супругами виновных, 39 потерпевших сожительствовали с виновным, 3 потерпевших являлись бывшими сожительницами виновных лиц, 1 женщина являлась падчерицей виновного, 19 женщин являлись матерями виновных лиц, 5 женщин пострадали от братьев (в т. ч. двоюродных), в 1 случае потерпевшая была тетей виновного, в 1 случае — бабушкой, в 1 случае — бывшей тещей и в 1 случае — бывшей золовкой. Таким образом, большинство случаев было связано с проживанием женщины совместно с виновным без регистрации брака. В 38 случаях из 39 потерпевшая пострадала от действий сожителя-мужчины и в 1 случае — от действий сожительницы-женщины. Вторая по численности группа — матери (в 3 случаях преступление было совершено дочерью потерпевшей, в 16 случаях — сыном). Случаев совершения преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ, родителями в отношении детей женского пола установлено не было. Третья по репрезентативности группа — 18 случаев — женщины, находящиеся в зарегистрированном браке с виновным лицом.

Применительно к потерпевшим-мужчинам характер связи между лицами такой: в 5 случаях отец пострадал от действий сына, в 2 случаях — отчим от действий пасынка, в 1 случае муж пострадал от действий жены, в 2 случаях преступления имели место между братьями, в 1 — между дядей и племянником. Таким образом, в большинстве случаев потерпевший приходился отцом виновного. При анализе судебной практики не было установлено случаев совершения преступлений дочерьми в отношении отцов. Также не было обнаружено случаев совершения преступлений родителями в отношении сыновей. Не было выявлено также

случаев совершения преступления женщинами по отношению к своим сожителям.

Чуть более половины лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, являлись лицами, не имеющими судимости, — 54 случая из 102 исследованных приговоров и постановлений. В остальных 48 случаях лица были ранее судимы как за насильственные преступления против жизни и здоровья [10], так и за иные преступления (в частности, грабеж [11] и др.). В 28 случаях из 102 преступления были совершены при рецидиве (25 случаев) и опасном рецидиве (3 случая). Таким образом, более половины ранее судимых лиц в прошлом совершали преступления, обладающие высокой общественной опасностью.

Проведенный анализ позволил установить причины совершения преступлений. Исследователи отмечают, что преступления в семейно-бытовой сфере часто являются следствием накопления людьми отрицательных эмоций, наличием неразрешенных межличностных конфликтов [12, с. 26]. В ходе исследования были выявлены такие причины совершения преступлений, как сложившиеся личные неприязненные отношения (в 80 случаев они были указаны как единственная причина конфликта), в 15 случаях причиной совершения преступления были указаны ссоры/скандалы/конфликты, в 6 случаях — ревность, в 1 случае причиной были названы хулиганские побуждения. В 13 из исследованных приговоров и постановлений не было прямого указания на мотивы совершенного преступления, в 1 случае указание на мотивы совершенного преступления отсутствовало вообще [13].

Исследователи отмечают, что формирование социальной угрозы семье со стороны личности преступника происходит до момента совершения преступления, что проявляется в правонарушениях лица и аморальных проступках, также совершаемых в семье [1, с. 96]. Таким образом, значимость приобретает анализ взаимоотношений потерпевшего и виновного до совершения преступления. Согласно исследованию трое лиц, виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ,

ранее совершали в отношении потерпевших иные преступления (ст. 116.1 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ [14]), возбуждались уголовные дела и виновный либо привлекался к уголовной ответственности, либо уголовное дело прекращалось по нереабилитирующим основаниям.

Немаловажным является тот факт, что до совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, виновные часто применяли насилие в отношении потерпевших, что следует из показаний потерпевших и свидетелей по уголовным делам, при этом уголовные дела по данному поводу не возбуждались [15–17]. Установлено 9 подобных случаев. Также установлен 1 случай применения насилия виновным в отношении потерпевшего после совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, и 3 случая применения насилия в отношении других членов семьи виновного [18; 19].

В научной литературе отмечается, что на вероятность совершения насилия в семье влияет злоупотребление алкоголем [20]. Также указывается, что большое количество таких преступлений связано с употреблением алкоголя, часто с совместным предшествовавшим преступлению употреблением алкогольных напитков преступником и жертвой [1, с. 37–38]. Довод представителей научного сообщества подтвержден изученной судебной практикой. В 76 приговорах и постановлениях из изученных лиц, совершившее преступление, находилось в состоянии алкогольного опьянения. Данный вывод следует из сведений, указанных судом в приговоре/постановлении и оцененных в качестве отягчающих вину обстоятельств, либо вытекает из показаний потерпевших, свидетелей, самого виновного лица. Нахождение виновного лица в состоянии алкогольного опьянения при совершении преступления является наиболее частым из отягчающих обстоятельств по уголовным делам по обвинению лиц в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. Однако данное обстоятельство не расценивается судами как отягчающее тогда, когда не установлено связи между нахождением

лица в состоянии алкогольного опьянения и совершением преступления [21; 22].

Поскольку изученные преступления относились к семейно-бытовой сфере, закономерным является определение места совершения преступления. В большинстве случаев (92 случая из 112 изученных) преступления были совершены по месту совместного проживания подсудимого и потерпевшего. В 9 случаях преступление было совершено по месту проживания потерпевшего, отличавшегося от места проживания подсудимого. В единичных случаях преступление было совершено по месту работы потерпевшего (2 случая), в магазине (1 случай), на улице (2 случая), в машине (1 случай), по месту жительства подсудимого, не являвшимся местом жительства потерпевшего (1 случай), в гостях (2 случая), в сауне (1 случай), на садовом участке (1 случай).

Проведенное исследование позволило выявить ряд характеристик лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере. В 9 случаях лица положительно характеризовались по месту жительства или работы. У 30 лиц имелись малолетние дети, у 8 — несовершеннолетние, в т. ч. такие, в отношении которых лица были лишены родительских прав. В 40 случаях отмечалось наличие у лиц различных заболеваний. 2 из мужчин, совершивших преступления, были пожилого возраста, 2 — молодого возраста (в приговоре не был точно указан возраст лица). В 1 случае виновный являлся ветераном боевых действий.

Особенностью лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, в семейно-бытовой сфере, является то, что они единолично совершают данное преступление. Согласно проведенному исследованию не было выявлено ни одного случая совершения преступления в соучастии.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд характеристик лиц, совершивших в семейно-бытовой сфере преступления, предусмотренные ст. 119 УК РФ. Во-первых, в основном данное преступление совершается мужчинами. Во-вторых, преступление чаще со-

вершается в состоянии алкогольного опьянения. В-третьих, чуть менее 50% лиц, совершивших преступление, имели судимость.

Также исследование позволило сделать вывод относительно victimности лиц, потерпевших от преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, совершенного в семейно-бытовой сфере. Так, от данного преступления наиболее часто страдают женщины, находившиеся в зарегистрированных брачных отношениях или в фактических брачных отношениях с виновным, совместно проживающие с виновным.

Список литературы:

1. Пашаев Х. П. Преступность в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Алтай и в отдельных субъектах Российской Федерации в Сибирском федеральном округе: показатели, правовые и организационные меры противодействия: монография. Горно-Алтайск. ГАГУ, 2017. 316 с.
2. Бучакова М. А., Гайдуков А. А. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере противодействия семейному насилию // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 46–50.
3. Харламов В. С. Преступное насилие в отношении мужчин в семейной сфере // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2017. Вып. 11: Социальная работа с мужчинами. С. 98–107.
4. Шестаков Д. А. Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 389 с.
5. Харламов В. С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье. СПб., 2014. 392 с.
6. Центр по изучению проблем домашнего насилия СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/centr-po-izucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu> (дата обращения: 24. 11.2021).
7. Приговор Обоянского районного суда Курской области от 12 марта 2019 г. по делу № 1-17/2019 // ГАС «Правосудие».
8. Приговор Беломорского районного суда Республики Карелия от 14 ноября 2019 г. по делу № 1-120/2019 // ГАС «Правосудие».
9. Приговор Благовещенского городского суда (Амурская область) от 12 июля 2019 г. по делу № 1-317/2019 // ГАС «Правосудие».
10. Приговор Лунинского районного суда Пензенской области от 29 августа 2019 года по делу № 1-48/2019 // ГАС «Правосудие».
11. Приговор Советского районного суда г. Томск Томской области от 9 августа 2019 г. по делу № 1-257/2019 // ГАС «Правосудие».

12. Колпакова Л. А., Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники: дисс. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. 232.

13. Приговор Курчатовского городского суда Курской области от 4 апреля 2019 г. по делу № 1-54/2019 // ГАС «Правосудие».

14. Приговор Индустриального районного суда г. Барнаул от 16 июля 2019 года по делу № 1-389/2019 // ГАС «Правосудие».

15. Приговор Советского районного суда г. Томск Томской области от 9 августа 2019 г. по делу № 1-257/2019 // ГАС «Правосудие».

16. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 18 февраля 2019 г. // ГАС «Правосудие».

17. Приговор Пограничного районного суда Приморского края от 25 сентября 2019 года по делу №1-83/2019 // ГАС «Правосудие».

18. Приговор Пачелмского районного суда Пензенской области от 12 сентября 2019 года по делу №1-39/2019 // ГАС «Правосудие».

19. Приговор Ромненского районного суда Амурской области от 17 мая 2019г. по делу № 1-11/2019 // ГАС «Правосудие».

20. Жигунова Г. В., Пономаренко Н. О. Причины насилия над женщинами в семье // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 137–144.

21. Приговор Ленинского районного суда города Курска от 30 августа 2019 года по делу № 1-278/2019 // ГАС «Правосудие».

22. Приговор Золотухинского районного суда Курской области от 08 августа 2019 года по делу 1-56/2019 // ГАС «Правосудие».

References:

1. Pashaev H. P. Crime in the field of family and domestic relations in the Altai Republic and in individual constituent entities of the Russian Federation in the Siberian Federal District: indicators, legal and organizational countermeasures: monograph. Gorno-Altaysk. GAGU, 2017. 316 p.

2. Buchakova M. A., Gaidukov A. A. Problems of improving the legislation of the Russian Federation in the field of combating family violence // Altai legal bulletin. 2020. No. 3 (31). Pp. 46-50.

3. Kharlamov V. S. Criminal violence against men in the family sphere // Social services for families and children: scientific and methodological collection. 2017. Issue. 11: Social work with men. Pp. 98–107.

4. Shestakov D. A. Family Criminology: Criminofamistics. 2nd ed. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2003. 389 p.

5. Kharlamov V. S. Domestic and foreign experience in combating criminal violence in the family. SPb., 2014. 392 p.

6. Center for the Study of Problems of Domestic Violence, St. Petersburg State University. URL: <https://spbu.ru/centr-po-izucheniyu-problem-domashnego-nasiliya-spbgu> (date of access: 24.11.2021).

7. Verdict of the Oboyanskiy District Court of the Kursk Region dated March 12, 2019 in case No. 1-17 / 2019 // GAS Justice.

8. Verdict of the Belomorsk District Court of the Republic of Karelia dated November 14, 2019 in case No. 1-120 / 2019 // GAS Justice.

9. Verdict of the Blagoveshchensk City Court (Amur Region) dated July 12, 2019 in case No. 1-317 / 2019 // GAS Justice.

10. Verdict of the Luninsky District Court of the Penza Region of August 29, 2019 in case No. 1-48 / 2019 // GAS Justice.

11. Verdict of the Soviet District Court of Tomsk, Tomsk Region of August 9, 2019 in case No. 1-257 / 2019 // GAS Justice.

12. Kolpakova L. A., Violence in the family: victimological aspect, differentiation of responsibility and questions of legislative technique: diss. ... Cand. legal sciences. Yaroslavl, 2007. 232.

13. Verdict of the Kurchatov City Court of the Kursk Region of April 4, 2019 in case No. 1-54 / 2019 // GAS Justice.

14. Verdict of the Industrial District Court of Barnaul dated July 16, 2019 in case No. 1-389 / 2019 // GAS Justice.

15. Verdict of the Soviet District Court of Tomsk, Tomsk Region of August 9, 2019 in case No. 1-257 / 2019 // GAS Justice.

16. Verdict of the Vakhitovskiy District Court of Kazan dated February 18, 2019 No.

17. Verdict of the Pogranichny District Court of the Primorsky Territory dated September 25, 2019 in case No. 1-83 / 2019 // GAS Justice.

18. Verdict of the Pachelmsky District Court of the Penza Region dated September 12, 2019 in case No. 1-39 / 2019 // GAS Justice.

19. Verdict of the Romnensky District Court of the Amur Region of May 17, 2019. in case No. 1-11 / 2019 // GAS Justice.

20. Zhigunova G. V., Ponomarenko N. O. Causes of violence against women in the family // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2015. No. 2 (34). Pp. 137–144.

21. Verdict of the Leninsky District Court of the city of Kursk dated August 30, 2019 in case No. 1-278 / 2019 // GAS Justice.

22. Verdict of the Zolotukhinsky District Court of the Kursk Region of August 08, 2019 in the case 1-56 / 2019 // GAS Justice.

УДК/UDC 343

**Подделка, изготовление, распространение
поддельных сертификатов о вакцинации против
новой коронавирусной инфекции COVID-19, а
также фиктивных медицинских справок:
уголовно-правовые и криминологические аспекты**

Коновалова Мария Анатольевна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин

Российская таможенная академия

г. Люберцы, Россия

e-mail: m.konovalova@customs-academy.ru

SPIN-код: 9444-7322

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические аспекты преступности в сфере распространения, изготовления и подделки медицинских документов, касающиеся новой коронавирусной инфекции. Автором анализируется позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также судебная практика по применению данной нормы (ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации). Приводятся статистические данные о современном состоянии рассматриваемого вида преступности, а также описываются способы совершения преступления лицом и (или) лицами, попадающими под действие ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором рассматривается криминологическая характеристика типологии личности преступника, совершившего преступление в сфере распространения, изготовления и подделки медицинских документов, касающихся новой коронавирусной инфекции, а также приводятся причины и условия, способствующие совершению преступлений, меры по предупреждению преступности рассматриваемого вида.

Ключевые слова: официальный документ, подделка медицинских документов, коронавирусная инфекция, поддельный прививочный сертификат.

Forgery, manufacture, distribution of fake vaccination certificates against the new coronavirus infection COVID-19, as well as fictitious medical certificates: criminal law and criminological aspects

Konovalova Mariya Anatolyevna

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines

Russian Customs Academy

Lyubertsy, Russia

e-mail:m.konovalova@customs-academy.ru

SPIN-код: 9444-7322

Abstract

This article examines the criminal law and criminological aspects of crime in the distribution, production and forgery of medical documents related to the new coronavirus infection. The author analyzes the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice on the application of this norm (Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article provides statistical data on the current state of the considered type of crime, and also describes the methods of committing a crime by a person and (or) persons falling under Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the criminological characteristics of the typology of the personality of a criminal who has committed a crime in the distribution, production and forgery of medical documents related to a new coronavirus infection, as well as the reasons and conditions conducive to the commission of crimes, measures to prevent crime of the type in question.

Key words: official document, forgery of medical documents, coronavirus infection, fake vaccination certificate.

В декабре 2019 г. в Китайской Народной Республике впервые были зарегистрированы случаи заболевания «нетипичной» пневмонией, а конец 2019 г. принес всему миру новое, еще неизвестное заболевание — коронавирусная инфекция COVID-19. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее по тексту — ВОЗ) объявила вспыш-

ку COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [1], а 11 марта 2020 г. — пандемией [2; 3]. По состоянию на 23 ноября 2021 г. (22:00) эпидемиологическая ситуация сложилась следующим образом: в России выявлено 9 434 393 случаев заболевания, зарегистрировано 267 819 летальных исходов [4], а в соответствии с данными по состоянию на 24 ноября 2021 г. (02:00) в мире зарегистрировано 259 020 777 случаев заболевания, выявлено летальных исходов 5 183 118 [4; 5], что, несомненно, делает пандемию COVID-19 одной из самых смертоносных в истории [6].

В борьбе со смертоносным вирусом некоторые страны разработали медицинские препараты и внедрили практику поэтапного вакцинирования. Так, ВОЗ были одобрены следующие вакцины: AstraZeneca, Moderna, Pfizer/Bion Tech, Sinopharm, Sinovac и JohnsonJohnson [7].

Так, по данным официального интернет-ресурса для информирования населения по вопросам коронавируса, на сегодняшний день можно привиться четырьмя вакцинами российского производства:

- 1) комбинированная векторная вакцина для профилактики коронавирусной инфекции, вызываемой вирусом SARS-CoV-2, Гам-Ковид-Вак (торговая марка «Спутник V»);
- 2) упрощенная версия «Спутника V», которая представляет собой один из двух компонентов основной вакцины, «Спутник Лайт»;
- 3) вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 «ЭпиВакКорона»;
- 4) вакцина коронавирусная инактивированная цельновирионная концентрированная очищенная сорбированная «КовиВак».

Помимо используемых вакцин, в России на данный момент также разрабатываются:

- 1) вакцина для профилактики COVID-19 ФГУП СПбНИИВС ФМБА России (проходит завершение 2-й фазы клинических испытаний);

- 2) Ad5-nCoV (китайская вакцина, которая участвует с разрешения Министерства здравоохранения Российской Федерации в международном исследовании 3-й фазы испытаний);
- 3) вакцина на основе пептидных антигенов для профилактики COVID-19 «ЭпиВакКорона-Н» (в апреле 2021 г. проводились 1-я и 2-я фазы клинических исследований) [8].

Также следует отметить, что доля вакцинированного населения России по состоянию на 24 ноября 2021 г. составила:

- 1) 54 397 349 человек (37,2% от населения) полностью привиты от коронавируса (двумя дозами вакцины);
- 2) 64 745 110 человек (44,3% от населения) получили первую дозу вакцины от коронавируса;
- 3) 3 306 441 человек сделали ревакцинацию [9].

Следует отметить, что по состоянию на 24 ноября 2021 г. активность вакцинирования населения субъектов Российской Федерации достаточно неровная: Татарстан (50,1%), Мордовия (53,6%), Чукотский АО (54,5%) и такие области, как Курская (54,3%), Пензенская (54,2%), Липецкая (54,5%), Московская (54,5%), Тюменская (55,3%) и Белгородская (59,9%), показали наибольшую активность в вопросе вакцинирования (более 50% от числа населения), в то время как меньше 30% (от числа населения) вакцинировались жители Кабардино-Балкарии (27,7%), Северной Осетии (27,4%) и Дагестана (20,6%) [9]. Также представляется весьма интересным обратиться к опыту вакцинации зарубежных стран (рис. 1) [10].

12 ноября 2021 г. стало известно, что в Государственную Думу Российской Федерации (далее по тексту — Госдума) был направлен законопроект об использовании на некоторых видах транспорта и в общественных местах QR-кодов. Это было обусловлено сложной эпидемиологической обстановкой. Безусловно, продовольственных магазинов, магазинов с товарами первой необходимости и аптек это не коснется, но предполагается, что при наличии QR-кода о пройденной вакцинации, медицинского документа об отводе от вакцинации либо медицинского документа,

который подтверждает факт перенесенного гражданином заболевания, можно будет в свободном доступе посещать объекты розничной торговли и массовые/культурные мероприятия. Следует отметить, что после 1 февраля 2022 г., помимо указанных медицинских документов и QR-кода, возможность предъявлять отрицательный тест на полимеразную цепную реакцию (далее по тексту — ПЦР) появится только у граждан, которые имеют медицинский отвод [11]. Также 15 ноября 2021 г. Советом Госдумы был рассмотрен законопроект «О внесении изменений в статью 107 Воздушного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации”», в соответствии с которым урегулирован порядок использования QR-кодов, медицинских документов о перенесенном заболевании, а также медицинских документов об отводе от вакцинации. При посещении авиатранспорта, а также железнодорожного транспорта, осуществляющего международные или междугородние перевозки, пассажирам необходимо будет предъявить вышеуказанные документы [12].

Введение поэтапных ограничений, а также нежелание граждан прививаться обусловило появление черного рынка поддельных медицинских документов. Также участились случаи выявления сотрудниками правоохранительных органов фактов распространения медицинских документов, которые являются поддельными.

По данным МВД России, с 18 октября 2021 г. по 24 октября 2021 г. правоохранительными органами проведено 1326 различных мероприятий, направленных на выявление, пресечение и противодействие изготовлению и распространению фальсифицированных сертификатов о вакцинации против новой коронавирусной инфекции COVID-19, QR-кодов, результатов ПЦР-тестов, а также фиктивных медицинских справок, предоставляющих освобождение от вакцинации либо указывающих на наличие в организме высокого количества антител. Также за указанный период возбуждено 14 уголовных дел по признакам данных преступлений, изобличено 26 лиц, причастных к указанным деяниям, выявлено 216

интернет-ресурсов, которые служили «платформой» для распространения вышеупомянутых фальсифицированных документов [13].

Вместе с тем во втором полугодии 2021 г. выявлено 293 лица, совершивших преступления в данной сфере, возбуждено 503 уголовных дела, а также по инициативе сотрудников ОВД было заблокировано 2036 специализированных интернет-сайтов [13]. По признакам ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков» с января по октябрь 2021 г. уже было зарегистрировано 359 преступлений, что составляет 0,03% от общего числа преступлений, а также 266 преступлений из них были раскрыты [14].

29 апреля 2021 г. на официальном сайте Прокуратуры города Москвы сообщалось об участившихся случаях распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту — интернет) информации о возможности приобретения сертификатов о прохождении вакцинации (без личного участия в медицинских учреждениях в соответствующих процедурах), об оформлении справок об отсутствии заболевания COVID-19. Такого рода организации и отдельные лица предлагают разместить сертификат на сайте «Госуслуг» и вместе с деньгами за указанную услугу получают от наивных граждан еще их логины и пароли к личному кабинету вышеуказанной системы. Прокуратура города Москвы предупреждает об уголовной ответственности не только за подделку, но также и за использование сертификатов о вакцинации и (или) справок об отсутствии данного заболевания. В соответствии с ч. 3 ст. 327 УК РФ одним из наказаний за данное правонарушение может выступать лишение свободы на срок до одного года [15].

Интересным представляется точка зрения доктора юридических наук, заслуженного юриста России И. И. Соловьева, который считает, что при изготовлении поддельного сертификата в схеме участвует несколько звеньев: продавец и недобросовестные работники сферы оказания медицинских услуг, которые вносят сведения в документы и базы

данных, при этом имитируя процедуру прохождения гражданином всех этапов вакцинации [16]. С данным высказыванием нельзя не согласиться, поскольку следственная и судебная практика прямо указывает на «отработанные махинации» преступных схем.

Рассмотрим несколько примеров.

В Кемеровской области 05 ноября 2021 г. сотрудниками транспортной полиции был задержан 25-летний мужчина, который продавал поддельные сертификаты о вакцинации. В ходе такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка, проводимого на Кемеровском железнодорожном вокзале, сотрудниками полиции был получен поддельный прививочный сертификат о выполненной вакцинации препаратом «Спутник V». В ходе оперативно-розыскного мероприятия было установлено, что в журнал профилактических прививок медицинского учреждения города Березовского Кемеровской области вносились заведомо ложные сведения, при этом указанные в журнале граждане в поликлинику не являлись и по факту не получали вакцину. Следует отметить, что 14 работников сферы услуг регионального центра прошли вакцинацию, которая была фиктивной (половина из них получили первый компонент вакцины и половина прошла вакцинацию полностью и получила подложные электронные сертификаты). По данным фактам дознавателями Кузбасского ЛУ МВД России было возбуждено уголовное дело по 14 эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ [17], на данный момент в отношении получателей фиктивных сертификатов проводится следственная проверка [18].

19 октября 2021 г. в частном доме подмосковного города Электросталь были задержаны два действующих медицинских работника ГБУЗ МО «Егорьевская центральная районная больница». По данным следственного комитета, они занимались изготовлением и продажей поддельных справок, а также вносили фиктивные сведения о вакцинации граждан в системы государственного учета, используя доступ к базам данных, и за процент от сделки вносили желающих в списки привитых. Задержанные медицинские работники пояснили, что действовали не в

одинокую: 6 поддельников искали покупателей в интернете. Росздравнадзор сообщил, что всего преступной группировкой было продано минимум 1000 поддельных сертификатов, а также в системы государственного учета массово вносили данные об иностранных гражданах, которые якобы прошли вакцинацию. Все задержанные на данный момент находятся в следственном изоляторе, сотрудники правоохранительных органов проводят все необходимые мероприятия по установлению личностей, которые приобрели поддельные сертификаты [19].

Однако следует принимать во внимание судебную практику, которая отражает фактические данные совершения преступления не только с участием медицинских работников. Так, например, в октябре 2021 г. было установлено, что летом этого же года осуществлялась продажа поддельных прививочных сертификатов 24-летней жительницей Новосибирска, которая вносила в медицинские бланки сертификатов, приобретенные в городской поликлинике, личную информацию своих заказчиков о якобы проведенной вакцинации. Указанная гражданка использовала фиктивные штампы и печати [20].

Приведем в пример еще один интересный случай. 69-летний житель Новосибирска сообщил в полицию о том, что в его личном кабинете на сайте единого портала государственных услуг появились данные о прививочном сертификате, хотя вакцинацию против COVID-19 он не проходил. По факту данного сообщения проводятся проверки сотрудниками полиции [20].

12 мая 2021 г. в отношении 42-летней жительницы Москвы, гражданки Украины Д., Кузьминский районный суд города Москвы рассматривал уголовное дело по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Судом было установлено, что указанная гражданка 27 февраля 2021 г. осуществила сбыт поддельных медицинских справок. При изготовлении медицинской справки гражданка использовала фиктивные штампы и печати, а также собственноручно вносила подпись за врача [21].

Достаточно любопытным представляется уголовное дело, рассматриваемое в отношении 30-летнего гражданина М., которому было предъ-

явлено обвинение по ч. 1 и ч. 3 ст. 327 УК РФ. 19 июля 2021 г. в ходе судебного заседания Бабушкинским судом города Москвы был установлен факт продажи гражданином М. поддельных прививочных сертификатов [22]. М. заплатил за создание интернет-сайта, на котором продавались сертификаты о вакцинации от коронавирусной инфекции за 4 000 рублей. Также было установлено, что при подделке сертификатов мужчина использовал заказанные через интернет поддельные штампы и печати существующих врачей московских поликлиник. Покупатели заказывали сертификаты через мессенджер Telegram, а после поступления денежных средств на банковский счет подсудимый направлял курьера с поддельным документом по указанному заказчиком адресу [23]. Мотивом совершения преступного деяния послужило увольнение М. с работы, а также необходимость обеспечивать беременную супругу и двух малолетних детей от первого брака. В ходе судебного разбирательства стороной защиты в лице адвоката подсудимого было заявлено ходатайство о недопустимости отнесения с точки зрения уголовного права сертификата о вакцинации к официальному документу, о котором говорится в ст. 327 УК РФ, которая вменяется М. В результате изложенного судом было возвращено дело в прокуратуру ввиду несоответствия обвинительного акта положениям ч. 1 ст. 225 УПК РФ (отсутствует информация о том, какие права предоставляют сертификаты о наличии прививки) [24].

Вышеупомянутая судебная практика, несомненно, требует обращения к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» ввиду необходимости разъяснения таких юридически значимых понятий, как «официальный документ» и «официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей». На необходимость толкования данных понятий указывала и судья Верховного Суда Российской Федерации Т. Ермолаева: «Изучение судебной практики выявило отсутствие у судов ясности и единообразного подхода по целому ряду вопросов применения статьи 327

УК РФ» [25]. Итак, вышеуказанный Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснения, что под официальными документами, а также официальными документами, предоставляющими права или освобождающими от обязанностей, следует понимать документы (на бумажном носителе или электронные документы), которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами (образовательными, медицинскими и иными организациями, должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях) и удостоверяют юридически значимые факты [26].

Подделкой же таких документов будет являться изготовление нового документа, в т. ч. с использованием достоверных бланков, штампов, печатей, в котором заключены заведомо ложные сведения, а также преобразование некоторых элементов подлинного документа посредством замены отдельных частей, дописки, подчистки, которые приводят к искажению подлинного содержания. При наличии в документе вышеуказанных признаков его можно будет отнести не только к поддельным, но и к подложным [26]. Здесь следует отметить, что, привлекая лицо к ответственности в соответствии с ч. 3 ст. 327 УК РФ, необходимо в обязательном порядке установить, от каких обязанностей мог освободить заведомо поддельный документ или какими правами могло воспользоваться лицо, предоставившее указанный документ.

В соответствии с п. 10 рассматриваемого Постановления использованием заведомо подложного (поддельного) документа является предоставление, в т. ч. посредством интернета [26]. Также анализируемое постановление прямо указывает судам на необходимость установления наличия умысла, поскольку использование, перевозка, хранение, сбыт, приобретение поддельных официальных документов являются деяниями с

умышленной формой вины, относящимися к субъективной стороне преступления.

В целях предупреждения преступности, отнесенной к ст. 327 УК РФ, следует рассмотреть причины, ее порождающие, портрет личности преступника, а также предложить некоторые меры, направленные на предупреждение данного вида преступности.

Итак, к причинам и условиям, детерминирующим преступность, можно отнести:

1. Нежелание вакцинироваться, которое обусловлено возможными негативными последствиями вакцинации. Нежелание прививаться подтвердили граждане в опросе, который был проведен в конце июня 2021 г. центром социального проектирования «Платформа» и компанией Online Market Intelligence [27]. Также опрошенным был задан вопрос об их отношении к обязательной вакцинации (см. рис. 2) [28].
2. Сложная экономическая обстановка в стране, которая сложилась в результате пандемии и самоизоляции, повлекшая за собой в некоторых случаях увольнение или массовый перевод работающего населения в отпуск без сохранения заработной платы.

Вышеуказанные причины и условия послужили неким «стартом» для роста преступности: ряд людей вынужден искать возможности заработка, а реализация сертификатов сейчас очень «востребована», а некоторые граждане ввиду нежелания прививаться вынуждены приобретать поддельные медицинские справки, сертификаты и т. д.

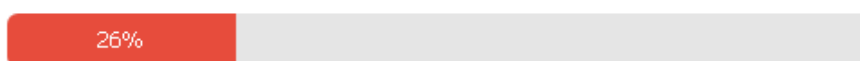
Переходя к рассмотрению личности преступника, совершающего преступление, попадающего под юрисдикцию ст. 327 УК РФ, обратимся к мнению Г. Х. Афзалетдиновой, которой было отмечено, что личность преступника «является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения» [29]. С этим мнением стоит согласиться, поскольку чем более подробно составлен портрет потенциального преступника, тем более детально можно спланировать последовательность

Результаты социологического опроса граждан об их отношении к вакцинации от COVID-19, июнь 2021 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Как вы относитесь к предложениям об обязательной вакцинации от COVID всего взрослого населения РФ?

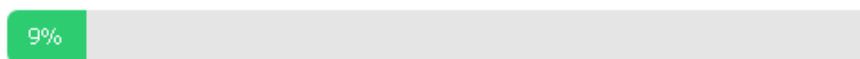
За / 1657 чел. (26.50%)

Против / 4018 чел. (64.27%)

Не определился / 577 чел. (9.23%)

Всего голосов: 6252

Рисунок 1

проведения следственных и иных процессуальных действий в процессе расследования рассматриваемых преступлений.

Проанализировав актуальную судебную практику, можно составить примерный портрет личности, совершающей преступные деяния по социально-демографическим характеристикам: чаще всего преступления совершают мужчины (60%) в возрасте 25–29 лет, реже — 30–40 лет. Статистически чаще совершают преступления лица с постоянным местом работы и источниками дохода.

Если рассматривать географию преступлений, то чаще замечены такие регионы, как город Москва, Московская область, Новосибирск и Кемеровская область. Также следует отметить, что преступления совершаются как единолично, так и в составе группы. При этом в состав группы входят курьеры, не всегда подозревающие о том, что доставляют поддельные документы заказчику, а также медицинские работники, кото-

рые вносят в базу данных ложные сведения о прохождении вакцинации. Лица, которые совершают преступления без подельников, как правило, используют поддельные штампы и печати.

Борьба с преступностью является одной из приоритетных задач государства. Рассмотрим специально-криминологический и общесоциальный уровни предупреждения преступности:

1. Подняв уровень благосостояния граждан, минимизировав разрыв между социальными классами в обществе, а также преодолев экономический кризис, можно будет говорить о снижении роста преступности в целом.
2. Государственной политике, направленной на предупреждение преступности, необходимо действовать не путем «устрашения» населения и принуждения, а посредством убеждения и разъяснений. Стоит больше проводить профилактических мер на предмет разъяснения необходимости определенных медицинских мер, направленных на снижение числа роста заболеваемости. В интернете, на телевидении, в учебных учреждениях, а также в государственных и коммерческих организациях можно транслировать социальные ролики, в которых будет содержаться информация о необходимых мерах профилактики коронавирусной инфекции, а также о последствиях нарушения гражданами уголовного законодательства в части подделки, изготовления или оборота поддельных сертификатов о вакцинации, QR-кодов, результатов ПЦР-тестов и т. д.
3. Необходима постоянная модернизация медицинских документов (сертификата о вакцинации, справки о медотводе от вакцинации, справки о перенесенном заболевании COVID-19 и т. д.) с целью устранения возможности подделки бланков вышеуказанных медицинских документов.

Следует отметить, что по пути усовершенствования бланков и форм медицинских документов пошло и Министерство здравоохранения Российской Федерации. Приказом Министерство здравоохранения Рос-

сийской Федерации от 22 октября 2021 г. № 10006н «Об утверждении формы медицинской документации “Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19)” [30] и порядке ее ведения» утверждена новая форма сертификата, а также порядок его заполнения и передачи гражданам в бумажном виде. Приказ вступил в законную силу 8 ноября 2021 г. Для тех, кто был привит ранее этой даты, будет происходить автоматическое переоформление документов на портале «Госуслуги». Также теперь у граждан появилась возможность получения сертификата в бумажном виде в многофункциональном центре «Мои документы».

Соблюдая в совокупности весь комплекс мер, направленных на предупреждение, пресечение и борьбу с преступностью, можно будет спрогнозировать снижение рассматриваемого вида преступлений. Таким образом, новая коронавирусная инфекция не только внесла свои коррективы в жизнь и здоровье населения во всем мире, но и повлекла за собой рост различных видов преступности, один из которых предусматривает ответственность по ст. 327 УК РФ.

Список литературы:

1. Statement on the second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the outbreak of novel coronavirus (2019-nCoV) // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: [https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 05.11.2021).
2. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int (дата обращения: 05.11.2021).
3. Заявление по итогам второго совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в соответствии с Международными медико-санитарными правилами, в связи со вспышкой заболевания, вызванного новым коронавирусом 2019 г. (nCoV). // Офи-

циальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int. (дата обращения: 05.11.2021).

4. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/ai/html/3/attach/2021-11-24_coronavirus_government_report.pdf. (дата обращения: 24.11.2021).

5. Актуальная мировая статистика // WORDOMETR. URL: <https://www.worldometers.info/>. (дата обращения: 24.11.2021).

6. Poorolajal J. The global pandemics are getting more frequent and severe (англ.) // Journal of Research in Health Sciences. 2021. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34024760/> (дата обращения: 05.11.2021).

7. Status of COVID-19 Vaccines within WHO EUL/PQ evaluation process // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: www.who.int. (дата обращения: 05.11.2021).

8. Все о вакцинации против COVID-19 // Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: <https://xn--80aaezjt5d.xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/> (дата обращения: 24.11.2021).

9. Сколько привито от коронавируса в России на 24 ноября 2021 года // ЭпиВакКорона. URL: <https://epivakcorona.ru/skolko-privito-ot-koronavirusa-v-rossii-na-24-noyabrya> (дата обращения: 24.11.2021).

10. Статистика вакцинации от коронавируса в России и в мире // Минфин-Медиа. URL: <https://statistika-vakcinacii.ru> (дата обращения: 24.11.2021).

11. Законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на транспорте внесены в Госдуму // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/43789> (дата обращения: 25.11.2021).

12. Законопроект № 17358-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8> (дата обращения: 25.11.2021).

13. Сотрудники полиции продолжают пресекать факты распространения поддельных медицинских документов // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/news/item/26742852> (дата обращения: 04.11.2021).

14. Краткая характеристика состояния преступности в РФ за январь-октябрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130/> (дата обращения: 25.11.2021).

15. Прокуроры об актуальном законодательстве // Официальный сайт Прокуратуры города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_77/activity/legal-education/about-law?item=61472079 (дата обращения: 05.11.2021).

16. Кто кого обманывает? За поддельные сертификаты о вакцинации и QR-коды грозит лишение свободы // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2021/07/14/poddelka-sertifikatov-o-vakcinacii-i-qr-kody-grozit-lisheniem-svobody.html> (дата обращения: 05.11.2021).

17. Торговлю сертификатами о вакцинации от COVID-19 выявили в Кемеровской области // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/torgovlyu-sertifikatami-o-vakcinacii-ot-covid-19-vuyavili-v-keмеровskoy-oblasti?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1636203235000 (дата обращения 05.11.2021).

18. В Кузбассе задержаны мошенники, торговавшие поддельными сертификатами // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2021/11/05/reg-sibfo/moshenniki-zaderzhany-v-kuzbasse.html> (дата обращения: 05.11.2021).

19. Обманы с ковид-сертификатами. В Подмоскowie арестовали медработников // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/article/2628113> (дата обращения: 05.11.2021).

20. Жительница Новосибирска пойдет под суд за подделку сертификата о вакцинации // «Аргументы и Факты». URL: https://nsk.aif.ru/society/zhitelnica_novosibirska_poydyot_pod_sud_za_poddelku_sertifikata_o_vakcinacii (дата обращения: 05.11.2021).

21. Кузьминский районный суд // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/cacd31f0-92c5-11eb-99b4-b91c271f02a8> (дата обращения: 05.11.2021).

22. Бабушкинский районный суд // Официальный сайт судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/sud-v-moskve-vernul-prokuroru-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-izgotovitya-poddelnyh-sertifikatov-o-vaktsinatsii> (дата обращения: 05.11.2021).

23. Суд вернул прокурору первое дело о поддельных COVID-сертификатах // «Информационно-аналитический центр "МедиаНьюс"». URL: <https://news.ru/society/sud-vernul-prokuroru-pervoe-delo-o-poddelnyh-covid-sertifikatah/> (дата обращения: 05.11.2021).

24. Дело о «липовых» сертификатах о вакцинации дошло до суда // БФМ.РУ. URL: <https://www.bfm.ru/news/475081> (дата обращения: 05.11.2021).

25. Пленум ВС разобрался с поддельными документами и автомобильными номерами // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/29410/ (дата обращения: 26.11.2021).

26. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // СПС «Кон-

сультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/. (дата обращения: 26.11.2021).

27. Россияне назвали причины отказа от вакцинации // Официальный сайт информационного агентства «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/society/29/06/2021/60db2e609a794789bdf54cbe> (дата обращения: 27.11.2021).

28. Опрос ЦСП «Платформа»: Страх перед долгосрочными последствиями для здоровья стал одной из главных причин отказа россиян от вакцинации // Ежедневная информационная программа Росбалт. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/06/29/1909001.html> (дата обращения: 27.11.2021).

29. Афзалетдинова Г. Х. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики по делам о присвоении или растрате чужого имущества // Совершенствование следственной и экспертной практики: тезисы докладов и сообщений международная научно-практическая конференция. Омск, 2008. С. 91–92.

30. Об утверждении формы медицинской документации «Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) и порядка ее ведения: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22.10.2021 № 1006н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110250033> (дата обращения: 05.11.2021).

References:

1. Statement on the second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the outbreak of novel coronavirus (2019-nCoV) // Official website of the World Health Organization. URL: [https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/news/item/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (access date: November 05, 2021).

2. Opening remarks by the Director-General at the press briefing on COVID-19 on March 11, 2020 // Official website of the World Health Organization // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int (access date: November 05, 2021).

3. Statement following the second meeting of the Emergency Committee under the International Health Regulations on the 2019 novel coronavirus (nCoV) outbreak. // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int (access date: November 05, 2021).

4. The official Internet resource for informing the population about the coronavirus (COVID-19). URL: https://xn-80aesfpebagmfbcl0a.xn-p1ai/ai/html/3/attach/2021-11-24_coronavirus_government_report.pdf (access date: November 24, 2021).

5. Actual world statistics // WORDOMETR. URL: <https://www.worldometers.info/>. (access date: November 24, 2021).

6. Poorolajal J. The global pandemics are getting more frequent and severe (English) // Journal of Research in Health Sciences. 2021. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34024760/> (access date: November 05, 2021).

7. Status of COVID-19 Vaccines within WHO EUL / PQ evaluation process // Official website of the World Health Organization. URL: www.who.int. (access date: November 05, 2021).

8. All about vaccination against COVID-19 // Official Internet resource for informing the population about the coronavirus (COVID-19). URL: <https://xn-80aaezjt5d.xn-80aesfpebagmfbcl0a.xn-p1ai/> (access date: November 24, 2021).

9. How many are vaccinated against coronavirus in Russia on November 24, 2021 // EpiVacCorona. URL: <https://epivakcorona.ru/skolko-privito-ot-koronavirusa-v-rossii-na-24-noyabrya/> (access date: November 24, 2021).

10. Statistics of vaccination against coronavirus in Russia and in the world // MinfinMedia. URL: <https://statistika-vakcinacii.ru> (access date: November 24, 2021).

11. Bills on the use of QR codes in public places and in transport have been submitted to the State Duma // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: <http://government.ru/docs/43789> (access date: November 24, 2021).

12. Draft Law No. 17358-8 // The system for ensuring legislative activity of the State Automated System "Lawmaking"(SOZD GAS "Lawmaking"). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/17358-8> (access date: November 25, 2021).

13. Police officers continue to suppress the spread of fake medical documents // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mv.d.rf/news/item/26742852> (access date: November 04, 2021).

14. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-October 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/27024130/> (access date: November 25, 2021).

15. Prosecutors on current legislation // Official website of the Moscow City Prosecutor's Office. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_77/activity/legal-education/about-law?item=61472079 (access date: November 05, 2021).

16. Who is deceiving whom? Imprisonment threatens for fake vaccination certificates and QR codes // Internet portal of "Rossiyskaya Gazeta". URL:

<https://rg.ru/2021/07/14/poddelka-sertifikatov-o-vakcinacii-i-qr-kody-grozit-lisheniem-svobody.html> (access date: November 05, 2021).

17. Trade in certificates of vaccination against COVID-19 was detected in the Kemerovo region // Network edition "Interfax-Russia". URL: https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/torgovlyu-sertifikatami-o-vakcinacii-ot-covid-19-vyyavili-v-kemerovskoy-oblasti?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop32nw=1636 (access date: November 05, 2021).

18. In Kuzbass, swindlers who were selling counterfeit certificates were detained // Internet portal of the "Rossiyskaya Gazeta". URL: <https://rg.ru/2021/11/05/reg-sibfo/moshenniki-zaderzhany-v-kuzbasse.html> (access date: November 05, 2021).

19. Deceptions with covid certificates. Medical workers were arrested in the Moscow region // Network edition "Vesti.Ru". URL: <https://www.vesti.ru/article/2628113> (access date: November 05, 2021).

20. A resident of Novosibirsk will go to court for forging a certificate of vaccination // "Arguments and Facts". URL: https://nsk.aif.ru/society/zhitelnica_novosibirska_poydyot_pod_sud_za_poddelku_sertifikata_o_vakcinacii (access date: November 05, 2021).

21. Kuzminsky District Court // Official site of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/cacd31f0-92c5-11eb-99b4-b91c271f02a8> (access date: November 05, 2021).

22. Babushkinsky District Court // Official site of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/sud-v-moskve-vernul-prokuroru-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-izgotovatelya-poddelnyh-sertifikatov-o-vaktsinatsii> (access date: November 05, 2021).

23. The court returned to the prosecutor the first case of fake COVID certificates // "Information and Analytical Center" MediaNews ". URL: <https://news.ru/society/sud-vernul-prokuroru-pervoe-delo-o-poddelnyh-covid-sertifikatah/> (access date: November 05, 2021).

24. The case of the "fake" vaccination certificates reached the court // BFM.RU. URL: <https://www.bfm.ru/news/475081> (access date: November 05, 2021).

25. The Plenum of the Supreme Court dealt with fake documents and license plates // Official site of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29410/ (access date: November 26, 2021).

26. On some issues of judicial practice in cases of crimes provided for by Articles 324–327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2020 No. 43 // ConsultantPlus. URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371515/. (access date: November 26, 2021).

27. The Russians named the reasons for refusing vaccination // Official site of the information agency "RBK". URL: <https://www.rbc.ru/society/29/06/2021/60db2e609a794789bdf54cbe> (access date: November 27, 2021).

28. Poll by the Center for Strategic Research "Platform": Fear of long-term health consequences has become one of the main reasons for the refusal of Russians from vaccination // Rosbalt weekly information program. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2021/06/29/1909001.html> (access date: November 27, 2021).

29. Afzaletdinova G. Kh. Personality of a criminal as an element of forensic characteristics in cases of misappropriation or embezzlement of someone else's property // Improvement of investigative and expert practice: abstracts of reports and communications international scientific and practical conference. Omsk, 2008. Pp. 91–92.

30. On the approval of the form of medical documentation "Certificate on preventive vaccinations against a new coronavirus infection (COVID-19) or medical contraindications for vaccination and (or) a previous illness caused by a new coronavirus infection (COVID-19) and the procedure for its conduct: Order of the Ministry of Health Russian Federation dated 10.22.2021 No. 1006n // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110250033> (access date: November 05, 2021).

УДК/UDC 343.98

Генезис правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь

Невдах Ольга Владимировна

Начальник управления лицензирования и сертификации

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail:neol11@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты нормативно-правового регулирования лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз в период с 2003 г. по настоящее время. Отмечается, что получение специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями взаимосвязано с наличием у юридического лица работников, имеющих свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, и такого же свидетельства у индивидуального предпринимателя. С принятием с 1 января 2021 г. Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» претерпели изменения нормативные правовые акты в области лицензирования судебно-экспертной деятельности. Проблемными вопросами в указанной области остаются вопросы, связанные с присвоением квалификации судебного эксперта некоторым категориям лиц, ограниченное число видов судебных экспертиз, в области проведения которых присваивается квалификация судебного эксперта.

Ключевые слова: деятельность по проведению судебных экспертиз, лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз, судебно-экспертная деятельность, лицензия, свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта.

The genesis of legal regulation of licensing of forensic examinations in the Republic of Belarus

Nevdach Olga Vladimirovna
Head of Licensing and Certification Department
State Forensic Expertise Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus
e-mail:neol11@mail.ru

Abstract

The article discusses aspects of the legal regulation of licensing of activities for conducting forensic examinations in the period from 2003 to the present. It is noted that obtaining a special permit (license) for carrying out forensic examinations by legal entities and individual entrepreneurs is interconnected with the presence of a legal entity of employees who have a certificate of conferring the qualifications of a forensic expert, and the same certificate from an individual entrepreneur. With the adoption from January 1, 2021 of the Law of the Republic of Belarus "On Forensic Expert Activity the regulatory legal acts in the field of licensing forensic expertise have undergone changes. Problematic issues in this area remain issues related to the assignment of the qualifications of a forensic expert to certain categories of persons, a limited number of types of forensic examinations, in the field of which the qualifications of a forensic expert are assigned.

Key words: forensic expertise activities, licensing of forensic expertise activities, forensic expertise activities, license, certificate of qualification of a forensic expert.

С изменениями организационно-правовых условий осуществления судебно-экспертной деятельности, формированием новой государственной политики в данной сфере и организационного обособления системы государственных органов, обеспечивающих реализацию указанной политики, актуальность приобретают вопросы совершенствования правовых основ в рассматриваемой сфере. В данном контексте представляют интерес изменения подходов к организации деятельности по проведению судебных экспертиз.

Впервые лицензирование судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь стало осуществляться с 2003 г. после вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь № 17 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [1]. При этом судебно-экспертная деятельность рассматривалась как вид деятельности по оказанию юри-

дических услуг. Эта деятельность была обозначена в Декрете звездочкой как имеющая в своем составе составляющие услуги. Расшифровка составляющих этот вид деятельности услуг в Декрете отсутствовала.

В опубликованном 1 ноября 2003 г. Положении о лицензировании деятельности по оказанию юридических услуг, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 октября 2003 г. «О лицензировании видов деятельности, выдачу специальных разрешений (лицензий) на которые осуществляет Министерство юстиции», вид деятельности *оказание юридических услуг* предусматривал 3 составляющие услуги: собственно юридические услуги, риэлторские услуги и *судебно-экспертную деятельность* [2]. Указанным нормативным правовым актом впервые в Беларуси нормативно определялся термин «судебно-экспертная деятельность». Впоследствии данный термин получил свое дальнейшее закрепление в Указе Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Первые специальные разрешения (лицензии) на осуществление судебно-экспертной деятельности 9 негосударственным экспертным организациям и 1 частному эксперту были выданы Министерством юстиции 28 апреля 2004 г. С 1 июля 2013 г. функции лицензирования судебно-экспертной деятельности были возложены на вновь образованный Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. К 1 июля 2013 г. в Республике Беларусь насчитывалось 68 лицензиатов, в т. ч. 32 частных эксперта. За период функционирования Государственного комитета численность лицензиатов варьировалась в пределах от 57 до 73, значительно не изменяясь, а на начало 2021 г. составляла 62 лицензиата, в т. ч. 33 индивидуальных предпринимателя.

В *Положении о лицензировании деятельности по оказанию юридических услуг*, а после его отмены – в *Положении о лицензировании отдельных видов деятельности*, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее по тексту — Положение о лицензиро-

вании), судебно-экспертная деятельность определялась как возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по уголовным, гражданским делам, делам, рассматриваемым в хозяйственном суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности [3]. И вплоть до декабря 2020 г. это понятие в законодательстве о лицензировании существенных изменений не претерпело. Необходимо отметить, что указанное определение судебно-экспертной деятельности было пригодно лишь для целей лицензирования, т. к. возмездный характер такой деятельности и оказание услуг (практиковалось также заключение договоров на проведение судебных экспертиз) были характерны именно для предпринимательской деятельности. Данные особенности были, естественно, нехарактерны для проведения экспертиз в государственных экспертных организациях. На невозможность распространения дефиниции судебно-экспертной деятельности на все субъекты данной деятельности справедливо указывал Г. Б. Дергай [4].

В условиях, когда формировалась единая правовая база деятельности государственных и иных субъектов судебно-экспертной деятельности, создавался проект закона о судебно-экспертной деятельности, указанный термин стал пониматься широко как вид профессиональной деятельности по организации проведения экспертиз, контролю за проведением экспертиз, ведению криминалистических учетов и коллекций. Такое определение получила судебно-экспертная деятельность в Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее по тексту — Закон о судебно-экспертной деятельности) [5]. Различие в правовом статусе государственных судебных экспертов, государственных судебно-экспертных организаций и организаций (экспертов), не являющихся государственными, сохранилось, т. к.

предпосылки, послужившие основанием для введения лицензирования, сохранились и в ближайшей перспективе вряд ли исчезнут. С 1 января 2021 г., с вступлением в силу Закона о судебно-экспертной деятельности, лицензируется не судебно-экспертная деятельность как таковая, а предпринимательская деятельность по проведению судебных экспертиз.

К числу актов законодательства, регулирующих деятельность по проведению судебных экспертиз как лицензируемого вида деятельности, относится Положение о лицензировании. Правовой статус судебно-экспертных организаций, не являющихся государственными, и частных экспертов, закрепляет гл. 41-1 «Деятельность по проведению судебных экспертиз» указанного Положения. Здесь же определены требования, которым должен соответствовать соискатель лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз. Указанные требования сформулированы с учетом современных представлений о минимальном стандарте качества судебно-экспертных услуг, основой которого является компетентность судебного эксперта.

Установлено, что получению лицензии индивидуальным предпринимателем предшествует получение им же свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. Сходное требование предъявляется также и к организации: в штате должно состоять не менее двух лиц, имеющих свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. Т. е. получение лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз связано с наличием свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта у индивидуального предпринимателя, наличием в штате организации лиц, имеющих такие свидетельства. Вопросы, связанные с получением свидетельства, подробно изложены в Законе о судебно-экспертной деятельности, Инструкции о порядке проведения аттестации на присвоение (подтверждение) квалификации судебного эксперта и выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз № 13 от 13 ноября 2020 г. [6].

Однако порядок и основания получения выдаваемого Государственным комитетом судебных экспертиз свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта связано с определенными требованиями, предъявляемыми к лицам, желающим стать экспертами. Выделяется два основных обязательных: наличие стажа экспертной работы не менее двух лет, а также прохождение обучения в государственном учреждении образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» по соответствующей образовательной программе.

Лицам, ранее осуществлявшим судебно-экспертную деятельность в государственных судебно-экспертных организациях по виду (подвиду) судебной экспертизы, по которому они желают получить свидетельство, требуется пройти обучение по образовательной программе повышения квалификации (до 36 учебных часов). Лицам, не имеющим квалификации судебного эксперта, требуется пройти обучение по образовательной программе переподготовки (в заочной форме, срок обучения — 6 месяцев).

Хотелось бы отметить, что исчисление стажа экспертной работы и прохождение обучения законодательно между собой не взаимосвязаны. Комиссия по исчислению стажа экспертной работы руководствуется в своей деятельности Инструкцией о порядке исчисления стажа экспертной работы, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз от 24 августа 2020 г. № 2 [7]. Законодательно не урегулирована возможность исчисления стажа до прохождения лицами обучения в форме переподготовки. Имели место случаи, когда претендент, прошедший обучение в форме переподготовки и получивший диплом с присвоением квалификации судебного эксперта, обратившийся после этого с заявлением о выдаче ему свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта, не соответствовал требованиям о наличии у него необходимого стажа экспертной работы. И на этом основании ему было отказано в присвоении квалификации судебного эксперта и выдаче свидетельства о ее присвоении.

Кроме того, повторное присвоение квалификации судебного эксперта после получения лицом диплома о переподготовке на уровне высшего образования, в котором уже обозначено, что указанному лицу присвоена квалификация судебного эксперта, нивелирует значение диплома, придавая ему значение «пропуска» для обращения за получением свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта.

Очевидно, что законодательство в части указанных пробелов нуждается в совершенствовании. Правовой статус коммерческих субъектов деятельности по проведению судебных экспертиз характеризуется еще одной особенностью — правом выполнять судебные экспертизы по видам (подвидам) судебных экспертиз, указанным в специальном разрешении (лицензии).

Сфера лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз ограничена 19 видами (5 подвидами) судебных экспертиз, включенными в установленный Постановлением Государственного комитета судебных экспертиз от 13 ноября 2020 г. № 13 Перечень видов (подвидов) судебных экспертиз, проведение которых осуществляется на основании специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз (далее по тексту — Перечень) [6]. Это те виды (подвиды) судебных экспертиз, в области проведения которых присваивается квалификация судебного эксперта и которые указываются в свидетельствах о присвоении квалификации судебного эксперта и в специальных разрешениях (лицензиях) на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз.

Обращаясь к истокам лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз, следует отметить, что за период, прошедший со дня введения в действие Перечня (с 12 ноября 2003 г.), изменилось как количество видов (подвидов) включенных в него судебных экспертиз, так и сами виды (подвиды). В первом варианте насчитывалось 15 видов (включая 37 подвидов); в следующем 18 видов (в т. ч. 31 подвид); в действующем 19 видов (5 подвидов) судебных экспертиз.

Следует упомянуть, что первый вариант перечня для целей выдачи свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта сформирован Министерством юстиции, который до 1 июля 2013 г. был лицензирующим судебно-экспертную деятельность органом. В течение пяти лет (с 2004 по 2013 гг.) Министерством юстиции были выданы свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта по 7 видам судебных экспертиз. По этим же видам в последующем, с 2015 по 2021 гг., были выданы свидетельства Государственным комитетом судебных экспертиз.

Перечни видов судебных экспертиз изменялись в связи с изменением названий некоторых видов судебных экспертиз, включением либо исключением некоторых видов судебных экспертиз. Начиная с первого варианта перечня все последующие, вплоть до действующего пятого, радикально не изменяясь, трансформировались в очередные, без учета целесообразности включения в них того либо иного вида, подвида судебной экспертизы. Незначительно менялись названия видов, подвидов судебных экспертиз; например, подвиды судебной криминалистической экспертизы в первом и втором варианте перечня стали видами в третьем варианте перечня, затем снова подвидами в четвертом и опять видами в пятом.

Однако по-прежнему с 2004 г. по настоящее время востребованными у лиц, намеревающихся осуществлять деятельность по проведению судебных экспертиз, являются те же 7 судебных экспертиз, по которым были выданы свидетельства Министерством юстиции.

По нашему мнению, при формировании Перечня следует учитывать прежде всего востребованность включенных в него видов (подвидов) судебных экспертиз рынком оказания услуг. Это подтверждается тем, что по таким видам включенных в Перечень судебных экспертиз, как автодорожная, фоноскопическая, экспертиза материалов, веществ и изделий, почерковедческая, техническая экспертиза документов, нет ни одного частного эксперта. И на протяжении всего времени не ослабевает интерес частных экспертов к получению свидетельства о присвоении

квалификации судебного эксперта по судебной строительно-технической экспертизе, судебной автотехнической экспертизе.

Выполнение обладателями лицензии на осуществление деятельности по проведению судебных экспертиз не указанных в лицензии судебных экспертиз является грубым нарушением лицензионных требований. Может возникнуть вопрос о границах распространения этого запрета: на все возможные виды (подвиды), либо только на те из 19, которые включены в Перечень. Законодательство разъяснений на этот вопрос не дает. Но т. к. границы лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз четко очерчены определенными видами (подвидами) судебных экспертиз, запрет лицензиатам выполнять виды (подвиды) судебных экспертиз, не указанные в специальном разрешении (лицензии), распространяется исключительно на те из них, которые указаны в Перечне и не указаны в лицензии.

С учетом изложенного представляется необходимым пересмотреть перечень видов экспертиз, подлежащих лицензированию, т. е. пересмотреть границы сферы лицензирования деятельности по проведению судебных экспертиз. Т. к. лицензируемая деятельность предусматривает коммерческую составляющую, целесообразно включать в перечень видов экспертиз, подлежащих лицензированию, только те виды, которые могут обеспечить систематическое извлечение прибыли. В противном случае теряется всякий смысл лицензирования. Практика регулирования коммерческой деятельности по проведению судебных экспертиз в Республике Беларусь показывает, насколько более жесткими могут быть для коммерческих субъектов законы рынка в сравнении с мерами государственного регулирования.

Список литературы:

1. О лицензировании отдельных видов деятельности: Декрет Президента Республики Беларусь от 14.07.2003 № 17 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450> (дата обращения 11.11.2021).

2. О лицензировании видов деятельности, выдачу специальных разрешений (лицензий) на которые осуществляет Министерство юстиции: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20.10.2003 № 1363 // Pravo.by. URL: [https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121\(023-083\).pdf](https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121(023-083).pdf) (дата обращения 12.10.2021).

3. О лицензировании отдельных видов деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450> (дата обращения 26.10.2021).

4. Дергай Г. Б. Система принципов судебно-экспертной деятельности // Законность и правопорядок. 2018. № 2 (46). С. 58–62.

5. О судебно-экспертной деятельности: Закон Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З // Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900281> (дата обращения 12.10.2021).

6. О порядке проведения аттестации на присвоение (подтверждение) квалификации судебного эксперта: Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 13 ноября 2020 г. № 13 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004649_1606942800.pdf (дата обращения 12.10.2021).

7. О порядке исчисления стажа экспертной работы: Постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 августа 2020 № 2 // Pravo.by URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=T22004589> (дата обращения 12.10.2021).

References:

1. On licensing of certain types of activities: Decree of the President of the Republic of Belarus of 14.07.2003 No. 17 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450> (access date: November 11, 2021).

2. On licensing of types of activities, the issuance of special permits (licenses) for which is carried out by the Ministry of Justice: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 1363 dated 20.10.2003 // Pravo.by. URL: [https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121\(023-083\).pdf](https://pravo.by/pdf/2003-121/2003-121(023-083).pdf) (access date: November 11, 2021).

3. On licensing of certain types of activities: Decree of the President of the Republic of Belarus dated 01.09.2010 No. 450 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000450> (access date: November 11, 2021).

4. Dergay G. B. System of principles of forensic expert activity // Legality and law and order. 2018. No. 2 (46). Pp. 58–62.

5. On forensic expertise: Law of the Republic of Belarus dated December 18, 2019 No. 281-3 Pravo.by. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900281> (access date: November 11, 2021).

6. On the procedure for attestation for the assignment (confirmation) of the qualifications of a forensic expert: Resolution of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus dated November 13, 2020 No. 13 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004649_1606942800.pdf (access date: November 11, 2021).

7. On the procedure for calculating the experience of expert work: Resolution of the State Committee for Forensic Examinations of the Republic of Belarus dated August 24, 2020 No. 2 // Pravo.by URL: https://pravo.by/upload/docs/op/T22004589_-1600203600.pdf (access date: November 11, 2021).

УДК/UDC 343.3/7; 342.9

Формы взаимодействия охранительных норм КоАП РФ и УК РФ: проблемы разграничения и квалификации преступных деяний

Пантюхина Инга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

e-mail: i.pantjuhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

Сидорова Светлана Андреевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории права и административно-правовых дисциплин

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

e-mail: s.sidorova@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 6825-1340

Аннотация

В статье на основе анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации авторами выделены четыре формы взаимодействия норм об административных правонарушениях и норм, регламентирующих преступления. В основу выделения положена техника их построения: конструирование преступлений на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот; конструирование составов преступлений посредством использования в качестве их признаков административных деликтов; построение посредством одинаковых признаков, что делает их смежными или конкурирующими; конструирование составов преступлений с административной преюдицией. На основе конкретных норм показаны примеры выражения взаимодействия административных и уголовно-правовых норм, определены и представлены проблемы их разграничения, а также проблемы квалификации преступлений с признаками административных правонарушений и с административной преюдици-

ей. Для устранения выявленных недостатков взаимодействия административных и уголовно-правовых норм авторы считают необходимым: выявление всех таких норм, проведение их углубленного, детального анализа и на его основе приведение норм в согласование между собой; исключение отдельных таких норм из действующего законодательства; выработку и легализацию критериев разграничения норм и правил квалификации при их конкуренции.

Ключевые слова: административное правонарушение, преступление, признаки преступления, общественная опасность, вредные последствия, ущерб, смежные деяния, конкуренция норм, административная преюдиция.

Forms of interaction of the protective norms of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation: problems of differentiation and qualification of criminal acts

Pantyukhina Inga Vladimirovna

Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Criminal law and Criminology

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

e-mail: i.pantuyhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

Sidorova Svetlana Andreyevna

Candidate of Law, assistant professor, Head of the Department of Theory of Law and Administrative-Legal Disciplines

Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

e-mail: s.sidorova@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 6825-1340

Abstract

In the article, based on the analysis of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, the authors have identified four forms of interaction of norms on administrative offenses and norms regulating crimes. Their allocation is based on the technique of their construction: the construction of crimes based on the norms governing administrative offenses and vice versa; constructing the elements of crimes by using administrative offenses as their signs; their construction by means of identical features, which makes them adjacent or competing; the construction of crimes with administrative prejudice. On the basis of specific norms, examples of the expression of the interaction of administrative and criminal law norms are shown, the problems of their differentiation, as well as the problems of qualification of crimes with signs of administrative offenses and with administrative prejudice are identified and presented. To eliminate the identified shortcomings in the interaction of administrative and criminal law norms, the authors consider it necessary: to identify all such norms, conduct their in-depth, detailed analysis and, on its basis, bring the norms into agreement with each other; exclusion of certain such norms from the current legislation; development and legalization of criteria for delineating the norms and rules of qualifications in their competition.

Key words: administrative offense, crime, signs of crime, public danger, harmful consequences, damage, related acts, competition of norms, administrative prejudice.

Особенностью российского законодательства является достаточно тесная взаимосвязь отдельных его отраслей, а иногда и явная зависимость норм одной отрасли от другой. Проявления такой зависимости демонстрируют современные Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) [1] и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [2]. Некоторые виды охранительных правоотношений, регулируемых административным и уголовным законодательством, достаточно близки по своему содержанию, а потому и регулирующие их нормы иногда настолько схожи, что создают для правоприменителя серьезные проблемы.

Чрезмерное сближение содержания некоторых правовых норм чревато усугублением уже существующих проблем как теоретического, так и практического характера. Также совершенствование уже существующих

норм нередко приводит к обратному результату: отнюдь не разрешению существующих проблем, а возникновению новых, ранее не существовавших, что наглядно демонстрируют вышеуказанные законы.

Взаимодействие норм УК РФ и КоАП РФ имеет несколько форм проявлений, которые условно можно разделить на четыре группы:

- 1) конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, или наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых;
- 2) конструирование составов преступлений посредством использования в качестве его признаков административных деликтов;
- 3) конструирование преступлений и административных правонарушений настолько близкими по содержанию, что они становятся между собой смежными или вовсе конкурирующими;
- 4) конструирование преступлений с административной преюдицией.

1. Конструирование уголовно-правовых норм на основе норм, регламентирующих административные правонарушения, и наоборот, конструирование административно-деликтных норм на основе уголовно-правовых выражается в том, что:

- 1) административному правонарушению при наличии определенных дополнительных признаков придается статус преступного деяния;
- 2) из состава преступления исключаются определенные признаки, в силу чего оно становится менее опасным для общественных отношений и признается лишь административным правонарушением.

Первое из обозначенных проявлений чаще всего выражается в том, что административное правонарушение дополняется признаками, повышающими его общественную опасность, что, собственно, и является основанием перевода такого деяния из числа административных деликтов в разряд преступных. Общественная опасность носит объективный ха-

ракти и определяется качественными и количественными показателями. Первый определяется видом общественных отношений, на которые осуществляется посягательство. Количественный — разновидностью и объемом причиняемого вреда. В рассматриваемом случае, как правило, административный деликт дополняется наступлением вредного или более тяжкого последствия, выражающегося в причинении конкретного вреда, существенного или крупного ущерба, в извлечении в определенном размере дохода или в образовавшейся задолженности и т. д. В частности, осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) образует административное правонарушение (ст. 14.1 КоАП РФ), а при причинении этим деянием крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечении дохода в крупном размере — преступление (ст. 171 УК РФ). Примерами деяний, различающихся по размеру последствий, являются хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты. При их совершении в размере до 2500 рублей (при отсутствии признаков, установленных в УК РФ) они образуют административное правонарушение (ст. 7.27 КоАП РФ) тогда как свыше указанного размера — преступления (ст. 158, 159, 160 УК РФ). Или, например, уничтожение или повреждение чужого имущества, образующее административное правонарушение (ст. 7.17 КоАП), при причинении значительного ущерба гражданину становится преступным деянием (ст. 167 УК РФ). Нарушение правил охоты, образующее административное правонарушение (ст. 8.37 КоАП РФ), при причинении содеянным крупного ущерба или совершенное с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, и ряда других признаков становится уголовно наказуемой незаконной охотой (ст. 258 УК РФ).

Второе проявление можно продемонстрировать на примере ст. 7.27.1 КоАП РФ и ст. 165 УК РФ, которые имеют абсолютно идентичные названия: «Причинение имущественного ущерба путем обмана

или злоупотребления доверием». Состав административного правонарушения включен в КоАП РФ значительно позже принятия УК РФ 1996 г., в котором указанное преступление содержалось изначально. В редакции административной нормы непосредственно указано на отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния, единственным отличием которого является крупный размер указанного ущерба.

Анализ приведенных, а также целого ряда других норм административного и уголовного законодательства, казалось бы, подтверждает позицию И. А. Большой, которая, ссылаясь на мнения различных ученых, утверждает, что «именно степень общественной опасности выступает критерием отграничения административного правонарушения от преступлений» [3, с. 112]. Вместе с тем обращение к актам регионального правотворчества позволяет утверждать, что критерием разграничения схожих административных правонарушений и преступлений может быть не только причиняемый вред (главный показатель общественной опасности), который является объективным признаком деяния, но и его субъективные признаки. Это утверждение иллюстрирует акт регионального правотворчества. Так, в ч. 1 ст. 5.7 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях предусмотрено «жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, если это деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ» [4]. Данная норма частично дублирует содержание нормы ст. 245 УК РФ, за исключением специальных альтернативных целей и мотивов совершения преступного деяния. Именно этими признаками указанные деяния и различаются, тогда как их вредные последствия одинаковы, что непосредственно опровергает вышеприведенное утверждение.

Возвращаясь к последствиям деяния как к критерию его отраслевой принадлежности, нельзя не отметить, что в ряде случаев грани различий административных деликтов и преступлений очень тонкие. Особенно в тех случаях, когда последствие является оценочным понятием. Примером являются ст. 7.17 КоАП РФ и ст. 167 УК РФ. Единственный их разграничитель — значительный ущерб, на котором непосредственно

акцентирует внимание и правоприменитель [5]. Его размер регламентирован в примечание 2 к ст. 158 УК РФ и определяется двумя признаками: имущественным положением гражданина (которое, собственно, и является оценочным) и суммой ущерба — не менее пяти тысяч рублей. С учетом имущественного положения потерпевшего одинаковый размер уничтоженного или поврежденного имущества, превышающий пять тысяч рублей, может образовывать и административное правонарушение, и преступление. Оценка содеянного ставится непосредственно в зависимости от фактического имущественного положения потерпевшего, которая, в конечном итоге, отдается на судейское усмотрение. При этом осознание виновным этого обстоятельства значения не имеет. В результате в некоторых случаях уголовное преследование по ч. 1 ст. 167 УК РФ судом прекращается, что свидетельствует о разных подходах к оценке имущественного положения потерпевшего правоприменителями (органами предварительного расследования и судом). Так, по одному из дел, возбужденному по ч. 1 ст. 167 УК РФ в отношении Д., повреждение им лобового стекла автомобиля «Хонда Аккорд» и тем самым причиненный его собственнику, являющемуся индивидуальным предпринимателем и имеющему в собственности движимое и недвижимое имущество, ущерб в сумме 18 256 рублей 43 коп., ущерб суд признал незначительным, в связи с чем уголовное дело было прекращено [6]. Такой же размер ущерба, причиненный менее состоятельному гражданину, мог бы быть признан значительным и повлек бы обвинительный приговор. Здесь возникает вопрос о реализации принципов равенства граждан перед законом, но не в части их обвинения, а их защиты уголовным законом и справедливости. По сути, быть гражданину потерпевшим от преступления или нет в данном случае также решается в зависимости от имущественного положения потерпевшего, к которому виновный может быть безразличен, поэтому такой подход нельзя признать удачным. При этом лицо совершает деяние умышленно, но даже при осознании уничтожения или повреждения достаточно дорогостоящего (как в приведенном примере) имущества его действия не составляют общественной опасности в той

степени, которая необходима для признания его действий преступными, и в результате повлечет лишь «символическое» наказание (по ст. 7.17 КоАП РФ — административный штраф от 300 до 500 рублей, тогда как по ст. 167 УК РФ — штраф до 40 000 рублей, а самым строгим наказанием установлено лишение свободы сроком до двух лет). Такое положение вряд ли отвечает принципу справедливости [7, с. 165].

Кроме того, регламентируя понятие значительного ущерба в УК РФ, законодатель прямо указывает на его причинение гражданину, из чего следует, что преступное посягательство в таком размере осуществляется только в отношении граждан, тогда как административное правонарушение может быть обращено и на юридических лиц, что нарушает равенство охраняемых интересов граждан и организаций.

2. Конструирование состав преступлений посредством использования в качестве их признаков административного правонарушения. Речь идет о нормах, в которых административное правонарушение является одним из обязательных признаков преступления. Примерами таких составов преступлений являются склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ (ст. 230 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и др.

Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также занятие проституцией образуют административные правонарушения (ст. 6.9 и ст. 6.11 КоАП РФ). Таким образом, уголовная ответственность по своей сути установлена за вовлечение лиц в совершение этих административных правонарушений. Причем относительно вовлечения в первое из указанных правонарушений квалификационных проблем не возникает, поскольку момент склонения к потреблению наркотических средств определен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8]. Относительно вовлечения в проституцию не все так однозначно. Понятие проституции

не легализовано соответственно. В научных источниках она определяется по-разному [9, с. 90; 10, с. 19; 11, с. 16], однако большинство ее определений схожи, сводя ее сущность «к тому, что лицо систематически вступает в сексуальный контакт с другим лицом или различными лицами за плату» [12, с. 119]. Признак систематичности оказания платных сексуальных услуг не позволяет однозначно точно определить момент окончания преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ. Таким образом, абстрактность административного правонарушения влечет за собой квалификационную проблему применения преступления, в котором оно использовано в качестве его признака. Кроме того, потерпевшие от преступлений, предусмотренных ст. 230 и 240 УК РФ, несмотря на то, что вовлечены в их совершение другими лицами, не освобождаются от ответственности за совершение соответствующих административных правонарушений. Получается, что потерпевших от уголовного посягательства, от которого их обязано было защитить государство, но оказалось неспособным это сделать, еще и наказывает само государство за те действия, от которых не защитило. Здесь опять возникает вопрос о социальной справедливости, но уже к государству об установлении такого подхода к своим гражданам.

К этой же группе взаимодействия УК РФ и КоАП РФ следует отнести и такой состав преступления, как вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). Действия, в которые вовлекается несовершеннолетний (систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством) административными правонарушениями не являются. Однако за отдельные из них административная ответственность устанавливается законами субъектов Российской Федерации. Так, ст. 8.1 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за попрошайничество и приставание к гражданам. Таким образом, совершение на территории Костромской области преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ в части вовлечения несовершеннолет-

него в попрошайничество, также означает его вовлечение в совершение административного правонарушения. При этом несовершеннолетний (достигший возраста 16 лет), начавший заниматься попрошайничеством, должен быть привлечен к административной ответственности, тогда как совершение аналогичного преступления в других субъектах Российской Федерации таких неблагоприятных последствий для вовлеченного в попрошайничество не влекут. В данном случае очевидной становится несогласованность представленных норм УК РФ и законодательства об административных правонарушениях, принимаемого отдельными субъектами Российской Федерации. Выходом из таких ситуаций представляется закрепление в КоАП РФ общей нормы (распространяемой и на административное законодательство субъектов Российской Федерации), устанавливающей положение о том, что вовлечение в совершение административного правонарушения, образующего уголовно наказуемое деяние, является специальным основанием освобождения от административной ответственности (если и не всех лиц, то, хотя бы несовершеннолетних).

3. Конструирование преступлений и административных правонарушений близкими по содержанию. Третья форма взаимодействия норм, регламентирующих преступления и административные правонарушения, выражается в наличии близости содержательного характера многих из них, которая делает одни из них смежными, другие — конкурирующими. При этом их различия проявляются не только в уровне общественной опасности (о которой указывалось выше), но и в иных содержательных признаках.

Речь идет о таких нормах, которые различаются одним-двумя признаками. Их можно представить следующими парами деяний: ст. 6.10 КоАП РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ») и ст. 151 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественные действия, в число которых входит вовлечение употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ»); ст. 19.23 КоАП РФ

(«Подделка документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передача либо сбыт») и ст. 327 УК РФ («Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков»); ст. 20.1 КоАП РФ («Мелкое хулиганство») и ст. 213 УК РФ («Хулиганство»); ст. 20.3.1 КоАП («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»); ст. 5.62 КоАП РФ («Дискриминация») и ст. 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», кстати сказать, обозначенное в диспозиции нормы той же дискриминацией) и др. Достаточно много таких норм содержится в гл. 8 КоАП РФ («Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования») и гл. 26 УК РФ («Экологические преступления»), которые весьма сложно разграничить в силу чрезмерного использования при их построении оценочных понятий [13, с. 5–6].

Смежность и конкуренция административных деликтов и преступлений, а равно и возникающие между ними коллизии лежат в основе развернувшейся в ученой среде дискуссии о приоритетности норм соответствующих отраслей права. Так, Н. И. Пикуров, Л. В. Иногамова-Хегей, М. Н. Белова, И. В. Шишко, О. Толмачев оставляют приоритет за уголовным законодательством и возможность применения норм административного законодательства усматривают только в случае недостаточности в содеянном признаков уголовно наказуемого деяния. Некоторые из ученых высказываются о необходимости закрепления такого положения и в УК РФ, и в КоАП РФ. Приоритет другим отраслям права при коллизии их норм с нормами уголовного закона отдавала Н. Ф. Кузнецова. Сегодня эту позицию отстаивают В. А. Навроцкий, Ю. А. Яницкий, В. Маевский, усматривая приоритет административного законодательства перед уголовным [3, с. 114–116]. В основе этих позиций лежат гуманизм, стремление к минимуму репрессии и к улучшению положения правонарушителя.

И. А. Большова, руководствуясь признаком системности права, разрешение возникающих коллизий между уголовно-правовыми и административными нормами видит в применении правил конкуренции общей и специальной норм, т. е. в применении той, которая более полно и детально раскрывает признаки совершенного посягательства [3, с. 116]. Однако некоторые из норм рассматриваемых отраслей права настолько близки по содержанию, что непросто определить, какая из норм является общей, а какая — специальной, что порождает их противоречия и, как следствие, квалификационные ошибки. Их причины точно определил М. В. Бавсун — пресыщение законодательства положениями, конкурирующими друг с другом. Он также заметил, что «за счет появления значительного числа противоречий наступает эффект, обратный предполагаемому, а именно происходит ослабление борьбы с тем или иным явлением в связи с возникшими противоречиями» [14, с. 3-7].

В силу изложенных обстоятельств, безусловно, И. А. Большова права, настаивая на необходимости приведения в соответствие содержания УК РФ с содержанием КоАП РФ, руководствуясь принципом согласованности норм этих отраслей законодательства [3, с. 117]. Кроме того, необходимым видится именно на законодательном уровне более четкое разграничение административных деликтов и преступлений прежде всего посредством замены оценочных их признаков конкретизированными формами описания фактических обстоятельств деяния.

4. Последней, четвертой формой проявления взаимодействия норм УК РФ и КоАП РФ является **конструирование составов преступлений с административной преюдицией**. Их смысл заключается в том, что преступление образует повторное или неоднократное совершение одного и того же или однородного административного правонарушения в течение определенного срока с момента привлечения лица к административной ответственности (или в течение периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию). Такой способ построения уголовно-правовых норм следует признать одной из современных тенденций развития уголовного законодательства Российской

Федерации. Свидетельством тому является ежегодное последовательное увеличение статей Особенной части УК РФ, содержащих такие преступления. Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих постановлений обосновал целесообразность конструирования таких норм тем, что неоднократное совершение лицом административных правонарушений указывает на недостаточность административных средств для предотвращения таких деяний, что и является причиной для криминализации соответствующих действий [13].

В первой редакции УК РФ 1996 г. как таковых преступлений с административной преюдицией не содержалось. Исключением можно признать лишь два преступления, содержащиеся в ст. 154 УК РФ («Незаконное усыновление (удочерение)») и в ст. 180 УК РФ («Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»), в которых фактически были представлены составы преступлений, являющиеся прототипами норм с административной преюдицией по признаку их неоднократного совершения. Сегодня в УК РФ норм с административной преюдицией насчитывается 19.

Все исследователи, анализирующие преступления с административной преюдицией, справедливо отмечают серьезные недостатки в их конструкциях. Основным из них является отсутствие единообразного подхода к использованию при их конструировании ключевых признаков: повторности, неоднократности, количества совершенных административных правонарушений, сроков, в течение которых лицо должно совершить административные правонарушения, характеристики субъекта преступления [15, с. 134; 16, с. 318; 17, с. 26–27]. Действительно, в большинстве случаев законодатель считает, что уже повторное совершение административного правонарушения должно влечь более жесткую реакцию со стороны государства — применение мер уголовно-правового воздействия (ст. 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ и др.), тогда как в других случаях — только третьего (ст. 212.1, 175.1 УК РФ). Также в большинстве преступлений неоднократность совершения административного правонарушения определяется повторностью или неоднократностью совершае-

мого административного правонарушения в течение года, а в других — в течение полугода (180 дней) (ст. 212.1 УК РФ). Не вдаваясь в подробности других недостатков преступлений с административной преюдицией, отметим, что многочисленные мнения и позиции ученых, высказываемые о конструкциях таких норм, красноречиво демонстрирует отсутствие систематизированного подхода к их построению, их противоречивости и внутренней несогласованности с другими нормами уголовного закона, поэтому в большинстве своем они оцениваются негативно.

Кроме теоретических проблем, применение уголовно-правовых норм с административной преюдицией обнаруживает их квалификационные проблемы. В частности, связанные со сложностью процедур привлечения к административной ответственности отдельных категорий граждан (членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Российской Федерации, судей, прокуроров), а также привлечения за совершение административных правонарушений к дисциплинарной ответственности военнослужащих, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, ФСИН, противопожарной службы и таможенных органов, в силу чего они не отвечают признакам субъекта преступлений с административной преюдицией [16, с. 320].

С некоторыми квалификационными проблемами непосредственно сталкивается судебная практика. Так, по одному из дел К. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, т. е. в управлении автомобилем в состоянии опьянения, имея административное наказание по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. Однако в ходе рассмотрения дела было установлено, что решение мирового судьи, наложившего на К. административное наказание, вступило в законную силу после повторного управления К. транспортным средством в состоянии опьянения. В связи с этим на момент повторного нарушения К. не считался привлеченным к административной ответственности. Таким образом, несмотря на то, что фактически К. управлял автомобилем в нетрезвом состоянии повторно, по формальным признакам в его действиях отсутствует состав

преступления, предусмотренный ст. 264.1 УК РФ, на основании чего суд вынес решение об отсутствии в действиях К. состава преступления [18]. Возникновение аналогичных и других квалификационных проблем нельзя исключить и по другим преступлениям с административной преюдицией, что, безусловно, указывает на недостаточную их проработанность и необходимость дополнительного анализа и совершенствования.

Изложенное позволяет заключить, что формы взаимодействия охранительных норм административного и уголовного законодательства весьма разнообразны. При этом каждая из них обнаруживает многочисленные теоретические проблемы, которые нередко приводят к практическим проблемам их применения. И тот, и другой круг проблем требует своего разрешения, что видится возможным только при глубоком детальном проведении анализа всех точек соприкосновения административного и уголовного законодательства. Его результатом должно стать согласование их норм, исключение из УК РФ или КоАП РФ противоречивых друг другу положений, по возможности исключение смежных и конкурирующих норм, а также законодательное установление разграничительного критерия тех норм, которые невозможно исключить, и закрепление правил квалификации конкурирующих норм.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 21.11.2021).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.11.2021).
3. Большова И. А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 108–118.
4. Кодекс города Москвы об административных правонарушениях (с изм. и доп.): Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331> (дата обращения: 21.11.2021).

5. Решение Петровского районного суда Ставропольского края по делу № 12-68/2017 от 02.10.2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAeIJ/> (дата обращения: 22.11.2021).

6. Решение Ставропольского районного суда Самарской области г.о. Тольятти от 26.11.2020 по делу № 2-2715/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/> (дата обращения: 22.11.2021).

7. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 148–168.

8. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 №14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 24.11.2021).

9. Дьяченко А. П., Аверина Н. А. Экспертные оценки проблем проституции в СССР. В сб.: Проблемы борьбы с девиантным поведением. М., 1989. С. 88–98.

10. Станская А. А. Проституция несовершеннолетних — социальная и правовая проблема общества. СПб., 2005. 323 с.

11. Улицкий С. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. С.14–16.

12. Пантюхина И. В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 118–127.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 по делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина // Российская газета. 2017. 28 февраля.

14. Бавсун М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 3–7.

15. Гошаев И. М. Регламентация административной преюдиции в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Юрист-Правоведь. 2017. № 3 (82). С. 130–135.

16. Кольцова Е. Ю. Институты административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном законодательстве Российской Федерации. В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2020. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 317–321.

17. Сончев М. Н. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2021. № 1. С. 25–27.

18. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области от 03.03.2016 по делу № 1-13/2016/4 // Архив судебного участка № 4 г. Мичуринск Тамбовской области.

References:

1. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 30.12.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 10.01.2022) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: November 21, 2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 30.12.2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: November 21, 2021).

3. Bolshova I. A. Correlation between the norms of criminal and administrative legislation: a methodological analysis // Bulletin of the Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2014. No. 4 (81). Pp. 108–118.

4. The Code of the City of Moscow on Administrative Offenses (as amended and supplemented): Law of the City of Moscow dated November 21, 2007 No. 45 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/3686331> (access date: November 21, 2021).

5. The decision of the Petrovsky District Court of the Stavropol Territory in case No. 12-68 / 2017 dated 02.10.2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/quyjtyeCAeIJ/> (access date: November 21, 2021).

6. The decision of the Stavropol District Court of the Samara Region g. about Togliatti from 11/26/2020 in case No. 2-2715 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/a9IGasO3jadg/> (access date: November 22, 2021).

7. Mamedova F. F. Justice in criminal law: the current state of the issue // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. Pp. 148–168.

8. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (access date: November 24, 2021).

9. Dyachenko A. P., Averina N. A. Expert assessments of the problems of prostitution in the USSR. In Sat: Problems of Combating Deviant Behavior. M., 1989. Pp. 88–98.

10. Stanskaya A. A. Prostitution of minors is a social and legal problem of society. SPb., 2005. 323 p.
11. Ulitskiy S. Responsibility for involvement in prostitution // Legality. 2005. No. 3. Pp. 14–16.
12. Pantyukhina I. V. Compulsion to engage in prostitution as a special type of compulsion to acts of a sexual nature // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). Pp. 118–127.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.02.2017 on the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadina // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 28 February.
14. Bavsun M. V. Differentiation of criminal responsibility for crimes against property: current state and development prospects // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 6. Pp. 3–7.
15. Goshayev I. M. Regulation of administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis // Yurist-Pravoved. 2017. No. 3 (82). Pp. 130–135.
16. Koltsova E. Yu. Institutions of administrative and disciplinary prejudice in the criminal legislation of the Russian Federation. In the collection: Actual problems of science and practice: Gatchina readings — 2020. Collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. 2020. Pp. 317–321.
17. Sonchev M. N. Administrative prejudice in the criminal law of Russia // Actual problems of combating crimes. 2021. No. 1. Pp. 25–27.
18. Resolution of the magistrate of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region dated 03.03.2016 in case No. 1-13 / 2016/4 // Archive of judicial district No. 4, Michurinsk, Tambov region.

УДК/UDC 343.35; 343.98

Объект и предмет незаконного оборота наркотиков: уголовно-правовой и криминалистический аспекты

Хлус Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

e-mail: hlus.home@mail.ru

SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

Исследуется проблема уголовно-правового и криминалистического понимания объекта и предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. В научной, нормативной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь и Российской Федерации придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта преступления, абстрактный характер которых исключает возможность отразить систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступном деянии. Криминалистика, изучающая реальности совершенного деяния, рассматривает объект посягательства в качестве материального элемента преступной структуры. Объектом незаконного оборота наркотиков в его криминалистическом понимании является человек, которому в результате деяния причиняется вред. Уголовно-правовое и криминалистическое понимание предмета незаконного оборота наркотиков в целом совпадает. Предлагается унификация научных категорий, которыми оперируют науки уголовно-правового цикла, с целью развития интеграционных процессов в их системе.

Ключевые слова: уголовное право, незаконный оборот наркотиков, криминалистика, материальная структура преступления, объект преступления, предмет преступления.

Object and subject of illegal trafficking in drugs: criminal legal and criminalistic aspects

Khilus Aleksandr Mikhailovich

Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Forensic Science

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

e-mail: hlus.home@mail.ru

SPIN Code: 1560-4979

Abstract

The problem of criminal law and forensic understanding of the object and subject of crimes related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues is investigated. In the scientific, regulatory and educational literature on criminal law of the Republic of Belarus and the Russian Federation, they adhere to the traditional concept of public relations as the object of a crime, the abstract nature of which excludes the possibility of reflecting the system of traces containing forensically significant information about the committed criminal act. Forensic science, which studies the reality of the committed act, considers the object of the encroachment as a material element of the criminal structure. The object of drug trafficking in its forensic understanding is a person who is harmed as a result of an act. The criminal law and forensic understanding of the subject of drug trafficking is generally the same. The unification of scientific categories, which are used by the sciences of the criminal law cycle, is proposed with the aim of developing integration processes in their system.

Key words: criminal law, drug trafficking, criminalistics, material structure of a crime, object of a crime, object of a crime.

Существенной глобальной проблемой на современном этапе является незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее по тексту — незаконный оборот наркотиков). На значимость этой проблемы для мирового сообщества обращает внимание Организация Объединенных Наций (далее по тексту — ООН), которая еще в 1961 г. приняла Единую конвенцию о наркотических сред-

ствах [1]. На необходимость неотложного и первоочередного внимания к проблеме незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами указала в принятой Декларации Генеральная Ассамблея ООН [2].

С точки зрения Управления ООН по наркотикам и преступности незаконный оборот наркотиков представлен как «незаконная коммерческая деятельность, включающая в себя культивирование, изготовление, распространение и сбыт веществ, подпадающих под действие запретительных законов о наркотиках» [3].

Принимая во внимание и разделяя обеспокоенность мирового сообщества в связи с обозначенной проблемой, учитывая рекомендации международных организаций, законодатель Республики Беларусь установил уголовную ответственность за ряд криминальных деяний, предусмотренных ст. 327–332 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту — УК РБ) [4], совершение которых связано с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами.

Ответственность за незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь предусмотрена ст. 328 УК РБ. В данной статье в виде незаконных действий упоминается изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотиков, совершаемые без цели их сбыта (ч. 1 ст. 328 УК РБ) или с целью сбыта либо незаконный сбыт наркотиков (ч. 2 ст. 328 УК РБ). Аналогичные действия запрещены в ст. 228, 228-1–4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ) [5]. Кроме того, российский законодатель установил запрет на незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ).

Правовые положения, содержащиеся в упомянутых статьях УК РБ и УК РФ, служат основанием для рассмотрения объектно-предметной области незаконного оборота наркотиков.

Представление о содержании уголовно-правовой характеристики деяния будет неполным без определения объекта посягательства, выяснения его места в системе преступлений в целом и в системе преступлений определенной группы. Знание об объекте преступления необходимо для выявления степени общественной опасности деяния и дифференциации уголовной ответственности. Являясь обязательным элементом состава преступления, именно объект позволяет определить направление преступного посягательства.

В соответствии с общими положениями теории уголовного права объектом любого преступления выступают общественные отношения. Такой взгляд на понимание объекта преступления сохраняется в уголовном праве со времен советского государства. Общественное отношение как совокупность связей между людьми и социальное явление имеет абстрактный характер. В таком представлении оно не содержит ничего материального, но, будучи основой правовых отношений, указывает на материальную предпосылку их возникновения. Структуру общественных отношений составляют «субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений» [6, с. 65]. Предмет как элемент определенной разновидности отношений может быть овеществлен.

По сложившейся традиции многие ученые в области уголовного права не выходят за пределы понимания объекта преступления как общественных отношений. Этот же подход сохраняется при рассмотрении объекта незаконного оборота наркотиков. В уголовном праве различают родовой, видовой и непосредственный объекты незаконного оборота наркотиков при отсутствии единообразия в их представлении.

Родовым объектом преступлений, связанных с наркотиками, по мнению Э. Г. Гасанова, является здоровье населения [7, с. 153–158; 8]. А. А. Вяземская, выделив из группы преступлений, связанных с наркотиками, деяния, предусмотренные ст. 230–233 УК РФ, в качестве их родового объекта называет «отношения по поводу обеспечения общественной безопасности и отношения по поводу обеспечения общественного порядка» [9, с. 31].

В противовес мнениям указанных и иных ученых высказался С. Б. Гавриш. Он утверждает, что «общественные отношения или иные аналогичные философские понятия не могут выступать в качестве объекта преступления» [10, с. 23].

В научной среде также нет единства в понимании видового объекта незаконного оборота наркотиков. Так, В. П. Шадрин считает, что видовым объектом являются «общественные отношения, составляющие морально-нравственную основу здорового образа жизни» [11, с. 13]. Более определенно высказался о видовом объекте незаконного оборота наркотиков А. М. Сibaгатуллин, в качестве которого он указал здоровье населения [12, с. 11]. Проанализировав преступления, содержащиеся в гл. 25 УК РФ, В. А. Зелик высказал мнение, что они направлены на две группы общественных отношений. Одни обеспечивают здоровье населения, вторые — общественную нравственность [13 с. 15].

Что касается непосредственного объекта рассматриваемых преступлений, то следует заметить, что мнение А. А. Вяземской, отметившей, что объект уникален для каждого деяния [9, с. 39], не в полной мере соответствует действительности. Представляется верным тезис о том, что каждое совершенное криминальное деяние уникально, т. к. отличается от аналогичных деяний рядом признаков. Непосредственный объект преступления может быть общим не только для совершенных деяний одного вида, но и для разных составов преступлений. Такой же позиции придерживается В. В. Семенова, рассматривающая различные деяния, связанные с наркотиками. По ее мнению, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 228-1, 234 и 234-1 УК РФ, является установленный государством порядок законного оборота запрещенных средств и веществ, а в ст. 230 и 232 УК РФ — здоровье населения [14, с. 85].

По мнению других ученых в сфере незаконного оборота наркотиков, непосредственный объект совпадает с видовым. Так, непосредственным объектом указанных преступлений предлагается рассматривать «здоровье населения как не подлежащую абсолютной оценке кате-

горию, под которой необходимо понимать такое состояние социума, которое обеспечивает составляющим его отдельным гражданам возможность жить и развиваться в условиях физического, психического и социального благополучия» [15, с. 20].

Большинство исследователей представляют предмет преступления как «вещь материального мира, на которую в ходе совершения преступления оказывается воздействие». «Предметом рассматриваемых преступлений являются наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги» [9, с. 28]. Мы согласны с такой формулировкой предмета преступления, отражающей его суть для многих видов преступлений, в т. ч. и для незаконного оборота наркотиков. При совершении любого деяния, связанного с незаконным оборотом наркотиков, всегда имеет место воздействие на «вещь материального мира». Термин «воздействие» означает «активное влияние субъекта на объект». Это также имеет место в случаях, когда неочевидно проявление активности субъекта. Например, хранение наркотиков без цели сбыта также связано с влиянием на объект, в данном случае на наркотики. В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [16] под незаконным хранением без цели сбыта наркотиков следует понимать действия лица, связанные с незаконным владением наркотиками, в т. ч. для личного потребления (содержание при себе, в помещении, тайнике и других местах), вне зависимости от времени, в течение которого субъект незаконно хранил наркотики.

В подтверждение сказанному можно указать на отличие предметов преступлений, предусмотренных ст. 328 УК РБ, ст. 231 и 233 УК РФ. Предметом деяния, предусмотренного ст. 328 УК РБ, являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги. В ст. 231 УК РФ, кроме перечисленного, упомянуты также растения, содержащие в себе наркотические вещества. В составе деяния, предусмотренного ст. 233 УК РФ, в качестве предмета преступления упоминаются рецеп-

ты, незаконно выданные или подделанные, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ.

В криминалистической науке объект преступного посягательства предлагается рассматривать иначе. Основываясь на криминалистическом учении о материальной структуре преступления [17], в качестве объекта преступного посягательства следует представлять материальную систему, на которую направлено преступное деяние. Данный криминалистический подход к пониманию объекта преступления существенно отличается от его представления в уголовном праве, где речь идет об общественных отношениях, на которые посягает виновный. Криминалистическое обоснование материального понимания объекта посягательства основывается на реальной возможности восприятия следов, содержащих информацию об объекте, действиях субъекта, совершенных в отношении его, а также информацию о иных материальных элементах, находящихся во взаимосвязи с объектом посягательства в момент совершения криминального деяния. Все это исключается, если понимание объекта будет ограничено уголовно-правовым представлением о нем как об общественном отношении, являющемся научной абстракцией, не имеющей практической значимости с криминалистической точки зрения.

Уголовно-правовая наука в качестве непосредственного объекта незаконного оборота наркотиков рассматривает, как уже мы отметили, здоровье населения [14, с. 85]. Такая формулировка не способствует результативности практической деятельности по расследованию, в рамках которого придется иметь дело не с общественными отношениями (здоровье населения), а реальным объектом, подлежащим исследованию на основе криминалистических знаний.

Криминалистическое представление объекта незаконного оборота наркотиков находится в прямой зависимости от способа совершения преступных действий. Совершение действий, связанных с изготовлением, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой наркотиков, при условии отсутствия цели их сбыта (ч. 1 ст. 328 УК РБ) не направлено на какой-либо объект преступного посягательства. Как пра-

вило, субъектом деяния выступает наркоман, совершающий указанные действия с целью удовлетворения собственной потребности в наркотике (например, при изготовлении наркотического средства для собственного потребления). В некоторых случаях субъектом уголовной ответственности по ч. 1 ст. 328 УК РБ может быть лицо, которое не употребляет наркотики. Например, это могут быть отдельные случаи незаконного приобретения наркотиков: присвоение найденных наркотических средств, сбор содержащих наркотические вещества дикорастущих растений или их частей и т. п. Если указанное лицо покупает наркотики, то такой способ их приобретения может указывать на цель сбыта.

В структуре незаконных деяний с наркотиками, имеющих цель их сбыта, также отсутствует материальный элемент, который с позиции криминалистики следовало бы рассматривать объектом посягательства. В данном случае цель сбыта наркотиков не достигнута. Предполагается наличие абстрактного объекта, которому наркотик не был передан, по независящим от виновного лица причинам. Например, Т. приобрел химическое оборудование, реактивы и прекурсоры наркотических средств, необходимые для производства мефедрона. По рецепту, полученному от соучастника в мессенджере, Т. изготовил мефедрон массой около 9 кг. Одну часть наркотического средства Т. расфасовал в виде брикетов разной массы и поместил в виде закладок в Кр-ком и С-ком районах Ч-кой области. Другую часть мефедрона Т. хранил в автомобиле с целью дальнейшей реализации. В результате оперативно-розыскных мероприятий при попытке сбыть наркотики Т. был задержан [18].

В случае незаконного сбыта наркотиков объектом преступного посягательства будет являться человек, которому они переданы, при условии, что этот другой человек потребляет наркотики. Только в таком случае преступное деяние направлено против здоровья и даже жизни человека, которому переданы наркотики. Если сбыт наркотиков другому лицу, не являющемуся их потребителем, не связан с целью одновременной передачи с наркотиком «безраздельных возможностей по его потреблению, хранению или последующему сбыту» [19, с. 100], а ограничивается

передачей с целью временного хранения с последующим возвратом, то эта ситуация не предполагает появление в структуре деяния объекта посягательства. В приведенном примере лица, участвующие в незаконном обороте наркотиков, одновременно выступают в качестве субъектов уголовной ответственности по ч. 1 и 2 ст. 328 УК РБ.

В ч. 3 и 5 ст. 328 УК РБ упоминается человек как объект преступного посягательства, которому причиняется вред в результате незаконного оборота наркотиков. Повышенная уголовная ответственность предусмотрена за незаконные действия с наркотиками в отношении заведомо несовершеннолетнего лица (ч. 3 ст. 328 УК РБ), а также в случае, когда они повлекли «по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» (ч. 5 ст. 328 УК РБ).

Подытоживая рассмотрение объекта незаконного оборота наркотиков, следует отметить, что с криминалистической точки зрения в его качестве может выступать только человек. Криминалистическое описание объекта должно содержать сведения об особенностях его отражения в механизме совершения незаконного оборота наркотиков.

Материальный объект, с которым связана цель совершения преступления, рассматривается в материальной структуре в качестве предмета преступного посягательства. В ряде случаев целью преступников, сбывающих наркотики (ч. 2–4 ст. 328 УК РБ), выступают денежные средства, получаемые в качестве платы за наркотики. Но предмет преступного посягательства может отсутствовать. Например, при совершении любых действий с наркотиками без цели их сбыта отсутствует в структуре деяния предмет преступного посягательства.

Для всех случаев совершения деяний, предусмотренных ст. 328 УК РБ, в качестве обязательного материального элемента выступают наркотики. Данный элемент материальной структуры представляет собой предмет преступления, что совпадает с уголовно-правовым пониманием данного элемента состава незаконного оборота наркотиков. В процессе решения вопроса о возбуждении уголовного дела подлежат выяснению

несколько вопросов. Во-первых, содержится ли в веществе, изъятом у подозреваемого лица, наркотик. После проведения криминалистической экспертизы вещества проверяется его относимость к перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь [20]. Во-вторых, для квалификации деяния имеет значение размер наркотического средства или психотропного вещества. Крупный размер для наркотиков определяется на основании Постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» [21]. В соответствии с данным постановлением, установлен, например, крупный размер в 400,0 г. для маковой соломы и 80,0 г. для марихуаны.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. По сложившейся традиции в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации придерживаются понимания объекта преступления, основываясь на концепции общественных отношений.
2. Абстрактный характер объекта преступления как уголовно-правовой категории не обеспечивает возможность получения криминалистически значимой информации, содержащейся в следах криминального деяния.
3. С криминалистической точки зрения объектом незаконного оборота наркотиков является материальная система, на которую посягает субъект совершения деяния.
4. В качестве объекта незаконного оборота наркотиков в его криминалистическом понимании выступает человек, которому в результате деяния причиняется вред.
5. Понимание предмета незаконного оборота наркотиков в уголовном праве и криминалистике совпадает. В его качестве рассматриваются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги (ст. 328 УК РБ). Кроме того, в уголов-

ном праве России предметом незаконного оборота наркотиков признаются растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ).

6. С целью развития интеграционных процессов, получивших свое начало в науках уголовного права и криминалистики, предлагается унифицировать общие научные категории, которыми они оперируют.

Список литературы:

1. Единая Конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 09.11.2021).
2. Декларация о борьбе против незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами: принята резолюцией 39/142 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1984 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drug_trafficking.shtml (дата обращения: 09.11.2021).
3. Незаконный оборот наркотиков // Сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.html>. (дата обращения: 17.11.2021).
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-online». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275>. (дата обращения: 17.11.2021).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (дата обращения: 17.11.2021).
6. Винокуров В. Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : моногр. М.: Юрлитинформ, 2010. 224 с.
7. Гасанов Э. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (Антинаркотизм): дисс. ... д-ра юрид. наук. Баку, 2000. 456 с.

8. Гасанов Э. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (антинаркотизм). Одесса: Астропринт, 1998. 68 с.

9. Вяземская А. А. Незаконный оборот наркотиков по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 230–233 УК) и Нидерландов (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 261 с.

10. Гавриш С. Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. 2000. № 11. С. 23–27.

11. Шадрин В. П. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для одурманивания и проблемы ее реализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 1991. 23 с.

12. Сябагатуллин А. М. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие незаконному обороту прекурсоров в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.

13. Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.

14. Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. 235 с.

15. Федоров С. Г. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 33 с.

16. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/#dst100105 (дата обращения: 17.11.2021).

17. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Мн.: Тесей, 2012. 228 с.

18. Житель Челябинска получил тюремный срок за покушение на сбыт наркотика // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/12235783> (дата обращения: 17.11.2021).

19. Шевченко Е. Н. Проблемы понимания сбыта наркотических средств в доктрине и судебной практике // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 4 (21). С. 95–102.

20. Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь:

Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 11.02.2015 № 19. URL: <https://www.rceth.by/Documents/3mz2poN1920151125.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

21. Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.09.2019 № 606 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&rp0=C21900606> (дата обращения: 10.11.2021).

References:

1. Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 as amended in accordance with the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 // Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (access date: November 09, 2021).

2. Declaration on the fight against illicit drug trafficking and drug abuse: adopted by resolution 39/142 of the UN General Assembly of 12/14/1984 // Official website of the UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drug_trafficking.shtml (access date: November 09, 2021).

3. Illicit drug trafficking // Website of the UN Office on Drugs and Crime. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.html>. (access date: November 11, 2021).

4. The Criminal Code of the Republic of Belarus of 07/09/1999 No. 275-3 // Information retrieval system "ETALON-online". URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275>. (access date: November 17, 2021).

5. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 22.08.2021) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: November 17, 2021).

6. Vinokurov VN Object of crime: theory, legislation, practice: monograph. М. : Yurlitinform, 2010. 224 p.

7. Hasanov E. G. Criminal-legal and criminological problems of combating drug-related crimes (Antinarcotism): diss. ... dr. legal sciences. Baku, 2000. 456 p.

8. Hasanov E. G. Criminal and criminological problems of combating drug-related crimes (anti-drug). Odessa: Astroprint, 1998. 68 p.

9. Vyazemskaya A. A. Illicit drug trafficking under the criminal law of the Russian Federation (Articles 230-233 of the Criminal Code) and the Netherlands (comparative legal study): diss. ... Cand. legal sciences. М., 2015. 261 p.

10. Gavrish S. B. Theoretical preconditions for the study of the object of crimes // Law and Politics. 2000. No. 11. Pp. 23–27.

11. Shadrin V. P. Criminal liability for the organization or maintenance of dens for stupefaction and the problems of its implementation: author. diss. ... Cand. legal sciences. Tomsk, 1991. 23 p.

12. Sibagatullin A. M. Criminal law and criminological counteraction to illegal trafficking in precursors in Russia: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2015. 24 p.

13. Zelik V. A. Criminal-legal and criminological aspects of countering drug addiction in Russia: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2011. 24 p.

14. Semenova V. V. Criminal liability for inducement to consume funds and substances that pose a threat to public health: diss. ... Cand. legal sciences. SPb., 2019. 235 p.

15. Fedorov S. G. Criminal liability for drug trafficking: problems of theory and practice: author. diss. ... Cand. legal sciences. N. Novgorod, 2021. 33 p.

16. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 No. 14 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/#dst100105 (access date: November 17, 2021).

17. Guchok A. E. Fundamentals of the forensic doctrine of the material structure of a crime. Minsk: Tesey, 2012. 228 p.

18. A resident of Chelyabinsk received a prison sentence for attempted drug sale // TASS Information Agency. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12235783> (access date: November 17, 2021).

19. Shevchenko E. N. Problems of understanding the sale of narcotic drugs in doctrine and judicial practice // Russian Journal of Legal Research. 2019. Vol. 6.No. 4 (21). Pp. 95–102.

20. Republican list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to state control in the Republic of Belarus: Resolution of the Ministry of Health of the Republic of Belarus No. 19 dated February 11, 2015. URL: <https://www.rceth.by/Documents/3mz2poN1920151125.pdf> (access date: November 10, 2021).

21. On the establishment of a large size of narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors or analogues: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated 09.09.2019 No. 606 // National legal Internet portal of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C21900606> ((access date: November 10, 2021).

Научный журнал
«ЭПОМЕН»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 68, январь 2022
No. 68, January 2022

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2022

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфинова Аполлиария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikeev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khilus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Философские науки

Песоцкая Е. Н., Макарова Ю. А., Белова Л. А., Шамрова Е. А.

Диалог как специфическая форма познавательного процесса и медиации Новейшего времени (историко-генетический аспект) (стр. 16–25)

Песоцкая Е. Н., Белова Л. А.

Динамический принцип в космогонии Я. Бёме: христоцентризм и аспекты темпоральности (стр. 26–36)

Экономические науки

Дума Д. Е., Рушкова А. А., Полинская М. В.

Оценка налогового потенциала Краснодарского края и пути его повышения (стр. 37–45)

Савченко М. Е., Чернов Ю. И.

Экономическая безопасность в информационном пространстве (стр. 46–53)

Синюк Т. Ю., Синюкова А. Н.

Исследование влияния COVID-19 на поведенческие мотивы в индустрии гостеприимства и туризма Ростовской области (стр. 54–67)

Шевченко И. О., Чернов Ю. И.

Сдерживающие факторы в развитии электронных услуг (стр. 68–73)

Юридические науки

Алькема А. М.

Уклонение работодателя от заключения трудового договора при фактическом допущении работника к работе (стр. 74–82)

Андреев А. А.

Сущность понятия информатизации в гражданском судопроизводстве (стр. 83–87)

Андреева М. А., Юшко А. В.

К вопросу об институте обращения граждан (стр. 88–94)

Анисич В. А., Серопол Д. И.

Примирительные процедуры в арбитражном процессе: особенности и проблемы применения (стр. 95–101)

Багирова Э. Р.

Сравнительная характеристика примирительных процедур в административном и арбитражном процессе (стр. 102–108)

Баева П. В., Влезько Д. А.

Криминологическое и криминалистическое изучение жертвы преступной деятельности (стр. 109–116)

Безуглая Е. Д.

Защита прав и интересов несовершеннолетних Управлением по вопросам семьи и детства Краснодарского края (стр. 117–122)

Беспалова М. А., Лопатко А. Д., Юшко А. В.

Федеральные министерства России: вопросы правового установления, организации и деятельности (стр. 123–132)

Богатова Е. В.

К вопросу о практическом значении криминологического анализа личности преступника (стр. 133–139)

Василькович С. В., Нагучева А. З.

Особенности бюджетно-правового регулирования деятельности бюджетных и автономных учреждений в условиях пандемии (стр. 140–146)

Виниченко А. С., Кудрявцева Л. В.

Государственно-подобные образования и их правосубъектность в современном мире (стр. 147–155)

Деревьянко Н. А.

Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя (стр. 156–161)

Жукова П. С., Чирьев И. С.

Виды договорных обязательств в российском семейном праве (стр. 162–167)

Каминская Е. А.

К вопросу о добровольном исполнении налоговой обязанности (стр. 168–174)

Козлова В. К.

Особенности правового положения несовершеннолетних родителей (стр. 175–180)

Коновалов А. А., Шаговик И. Ю.

К вопросу о роли общественного экологического контроля в реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии (стр. 181–186)

Каушан В. Е.

Доказывание недействительности сделок при банкротстве застройщиков (стр. 187–194)

Лисогоров Б. А.

Иски о защите деловой репутации юридического лица (стр. 195–200)

Лисогоров Б. А.

Особенности доказывания отрицательных фактов в арбитражном процессе (стр. 201–206)

Литвиненко Д. И.

Торговля людьми: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации (стр. 207–212)

Лучилина А. Р., Юшко А. В.

К вопросу об административной ответственности незаконных мигрантов (стр. 213–220)

Мешвез А. А.

Историческое развитие института отвода судьи в гражданском процессе и его место в современном законодательстве (стр. 221–229)

Мирзоян А. А.

К вопросу об использовании цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве (стр. 230–235)

Казарян А. А., Мустафин Р. Ф., Мустафина С. А.

Особенности международного правового режима «раздела» криптовалюты как имущества в бракоразводном процессе (стр. 236–245)

Нагимулина К. А.

Принцип презумпции добросовестности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (стр. 246–253)

Павлоградский И. В., Чернов Ю. И.

Вопрос о совершенствовании ставок НДС (стр. 254–259)

Парий-Сергеенко Е. П.

Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства (стр. 260–268)

Пефтиев Д. Д.

Особенности предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридического лица (стр. 269–275)

Пефтиев Д. Д.

Судебный приказ в гражданском и административном судопроизводствах (стр. 276–280)

Попова А. В., Влезько Д. А.

Актуальные проблемы противодействия организованной преступности (стр. 281–289)

Руденко Е. Ю.

Проект как объект юридического сопровождения и управления (стр. 290–298)

Руденко Е. Ю.

Методы юридического аудита (стр. 299–304)

Смирнов Н. В.

Использование видео-конференц-связи в арбитражном процессе (стр. 305–310)

Соколова Д. О., Крутова Я. А.

Проблемы правового регулирования института государственного кредита (стр. 311–318)

Шубина П. Е.

Проблема финансового контроля в Российской Федерации (стр. 319–324)

Фролкин Н. П., Яковец Е. Н.

Характерные особенности оперативно-розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации» (стр. 325–355)

Яловая А. С., Чернов Ю. И.

Транспортный налог в Российской Федерации: основные проблемы и пути их решения (стр. 356–362)

Table of Contents

Philosophy

Pesotskaya Y. N., Makarova Y. A., Belova L. A., Shamrova E. A.

The dialogue as a specific form of cognitive process and mediation of the New times (historical and genetic aspect) (pp. 17–25)

Pesotskaya Y. N., Belova L. A.

Dynamic principle in the cosmogony of J. Böehme: Christocentrism and aspects of temporality (pp. 26–36)

Economics

Duma D. Y., Rushkova A. A., Polinskaya M. V.

Assessment of the tax potential of the Krasnodar Territory and ways to increase it (pp. 37–45)

Savchenko M. Y., Chernov Y. I.

Economic security in the information space (pp. 46–53)

Sinyuk T. Y., Sinyukova A. N.

Study of the Impact of COVID-19 on Behavioral Motives in the Hospitality and Tourism Industry of the Rostov Region (pp. 54–67)

Shevchenko I. O., Chernov Y. I.

Constraints in the development of electronic services (pp. 68–73)

Law

Alkema A. M.

Escape of the employer from the conclusion of the employment contract with the actual admission of the employee to work (pp. 74–82)

Andreyev A. A.

Essence of the concept of informatization in civil proceedings (pp. 83–87)

Andreyeva M. A., Yushko A. V.

On the issue of the institution of citizens' appeal (pp. 88–94)

Anisich V. A., Seropol D. I.

Conciliation procedures in the arbitration process: features and problems of application (pp. 95–101)

Bagirova E. R.

Comparative characteristics of conciliation procedures in administrative and arbitration proceedings (pp. 102–108)

Bayeva P. V., Vlezko D. A.

Criminological and criminalistics study of the victim of criminal activity (pp. 109–116)

Bezuglaya Y. D.

Protection of the rights and interests of minors by the Department for Family and Childhood Affairs of the Krasnodar Territory (pp. 117–122)

Bespalova M. A., Lopatko A. D., Yushko A. V.

Federal ministries of Russia: issues of legal support, organization and activities (pp. 123–132)

Bogatova Y. V.,

On the question of the practical significance of criminological analysis of the criminal's personality (pp. 133–139)

Vasilkovich S. V., Nagucheva A. Z.

Features of budgetary and legal regulation of the activities of budgetary and autonomous institutions in the context of a pandemic (pp. 140–146)

Vinichenko A. S., Kudryavtseva L. V.

State-like entities and their legal personality in the modern world (pp. 147–155)

Derevyanko N. A.

Features of the legal status of an individual entrepreneur (pp. 156–161)

Chiriev I. S., Zhukova P. S.

Types of contractual obligations in Russian family law (pp. 162–167)

Kaminskaya Y. A.

Voluntary fulfillment of tax obligations (pp. 168–174)

Kozlova V. K.

Peculiarities of the legal status of underage parents (pp. 175–180)

Konovalov A. A., Shagovik I. Y.

On the role of public environmental control in the realization of the constitutional rights of citizens to a favorable environment and reliable information about its condition (pp. 181–186)

Kaushan V. Y.

Proving the invalidity of transactions in case of bankruptcy of developers (pp. 187–194)

Lisogorov B. A.

Claims to protect the business reputation of a legal entity (pp. 195–200)

Lisogorov B. A.

Features of proving negative facts in the arbitration process (pp. 201–206)

Litvinenko D. I.

Trafficking in human beings: criminal law profile and qualification issues (pp. 207–212)

Luchilina A. R., Yushko A. V.

On the issue of administrative liability of illegal migrants (pp. 213–220)

Meshvez A. A.

The historical development of the institution of judicial recusal in civil proceedings and its place in modern legislation (pp. 221–229)

Mirzoyan A. A.

On the use of digital technologies in arbitration proceedings (pp. 230–235)

Kazaryan A. A., Mustafin R. F., Mustafina S. A.

Features of the international legal regime of the “division» of cryptocurrencies as property in the divorce process (pp. 236–245)

Nagimulina K. A.

Legal status of participants in the real estate market in Russia (pp. 246–253)

Pavlogradskiy I. V., Chernov Y. I.

The issue of improving VAT rates (pp. 254–259)

Pariy-Sergeyenko Y. P.

Problems of legal regulation of the institution of guardianship and guardianship (pp. 260–268)

Peftiyev D. D.

Claims to protect the business reputation of a legal entity (pp. 269–275)

Peftiyev D. D.

Court order in civil and administrative proceedings (pp. 276–280)

Popova A. V., Vlezko D. A.

Actual problems of countering organized crime (pp. 281–289)

Rudenko Y. Y.

The project as an object of legal support and management (pp. 290–298)

Rudenko Y. Y.

Legal audit methods (pp. 299–304)

Smirnov N. V.

The use of videoconferencing in the arbitration process (pp. 305–310)

Sokolova D. O., Krutova Y. A.

Problems of legal regulation of the Institute of public credit (pp. 311–318)

Shubina P. E.

The problem of financial control in the Russian Federation (pp. 319–324)

Frolkin N. P., Yakovets E. N.

Characteristic features of operational search activities "removal of information from technical communication channels" and "obtaining computer information" (pp. 325–355)

Yalovaya A. S., Chernov Y. I.

Transport tax in the Russian Federation: the main problems and ways to solve them (pp. 356–362)

УДК/UDC 740

Диалог как специфическая форма познавательного процесса и медиации Новейшего времени (историко-генетический аспект)

Песоцкая Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания

Историко-социологический институт Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва

г. Саранск, Россия

e-mail:cerera-office@mail.ru

ORCID ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-8788-3472>

Макарова Юлия Александровна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии

Медицинский институт ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Саранск, Мордовия, Россия

e-mail:yulya-mm@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0003-2955-9986>

Белова Людмила Александровна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии, профессор Российской Академии Естествознания

Медицинский институт, ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»

Саранск, Мордовия, Россия

e-mail:lyudbelova@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-6054-0111>

Шамрова Елена Александровна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии

Медицинский институт, ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»

Саранск, Мордовия, Россия

e-mail:shamrova.elena@yandex.ru

Аннотация

Диалог как древнейший метод познания и как традиционное семиотическое выражение культуры способствует исследованию систем и способов социальной коммуникации. В настоящей статье диалог и диалогичность рассматриваются феноменологически. В качестве особой и специфической формы познавательного процесса и медиации, актуальной в Новейшее время, рассмотрены его особенности, проявляемые при включенности личности в многообразные системы социокультурного взаимодействия. В инструментальном аспекте он носит практическую ценность и представлен в настоящей работе на уровне функциональной целостности. Метод диалога относится к корпусу ритуальных методов, связанному с искусством самоизменения личности человека. Отдельные исторические этапы развития данного метода, их характерные черты анализируются в сравнительном соотношении. Каждый из этапов носит свои специфические особенности, связанные с онтологической проблематикой, этикой, коммуникацией и метафизическим миром человека. В современности диалог всецело отражает особенности и онтологию коммуникации. Это моменты «присутствия» и принципы социальной перцепции времени-пространства в контексте символической модели медиареальности. Последняя, в свою очередь, меняет типологию субъекта. Методами настоящего исследования послужили аналитический и диалектический, а также сравнительный и описательный подходы к познанию.

Ключевые слова: диалог, метод познания, диалектика, инструментальность, ритуальные методы, диалогическое искусство, рефлексия, культура, культурный диалог, коммуникации, медиареальность, самопознание, метафизический мир личности

The dialogue as a specific form of cognitive process and mediation of the New times (historical and genetic aspect)

Pesotskaya Yelena Nikolayevna

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural Sciences

Ogarev Mordovia State University, Historical and Sociological Institute

Saransk, Russia

e-mail: cerera-office@mail.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-8788-3472>

Makarova Yulia Aleksandrovna

PhD in Medical Science, Associate Professor, Department of Normal and Pathological Physiology

Medical Institute, National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

e-mail: yulya-mm@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0003-2955-9986>

Belova Ludmila Aleksandrovna

PhD in Medical Science, Associate Professor, Department of Normal and Pathological Physiology

Medical Institute, National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

e-mail: lyudbelova@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-6054-0111>

Shamrova Elena Aleksandrovna

PhD in Medical Science, Associate Professor, Department of Normal and Pathological Physiology

Medical Institute, National Research Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

e-mail: shamrova.elena@yandex.ru

Abstract

Dialogue as the oldest method of cognition and as a traditional semiotic expression of culture contributes to the study of systems and methods of social communication. In this article, the speech and the dialogue are considered phenomenologically. As a special and specific form of cognitive process and mediation, which is relevant in modern times, its peculiarities, manifested when personality is included in diverse systems of socio-cultural interaction, are considered. In the instrumental aspect, it is of practical value and is presented in the present work at the level of functional integrity. The method

of dialogue refers to the corpus of ritual methods connect with the art of self-change of a man's personality. The individual historical stages of development of this method, their characteristic features are analyzed in a comparative ratio. Each stage has its own specific features related to ontological issues, ethics, communication and the metaphysical world of a man. In modern times, dialogue fully reflects the peculiarities of the ontology of communication. These are the moments of "presence" and the principles of social perceptions of time-space in the context of a symbolic model of mediareality. The latter, in turn, changes the typology of the subject. The methods of the present research were analytical and dialectical, as well as comparative and descriptive approaches to cognition.

Key words: dialogue, method of cognition, dialectic, instrumentality, ritual methods, dialogue art, reflection, culture, cultural dialogue, communications, mediareality, self-knowledge, metaphysical world of a personality

Dialogue is one of the most important phenomenological characteristics of culture, which forms and implements the essential forces of a person in dialogue as an exchange of information, emotions, values. The dialogic character is directly existential values that determine the spiritual world of the person and its attitude to itself. The dialogic nature of existential values is communication with the outside world: a man reaches them through an internal reflexive dialogue. As the oldest method of knowing the world, dialogue performs an instrumental function, which is of practical value. It manifestes itself with the development of human speech and communications. The latter, orally and in writing, is the basis for the transfer of lessons learned. Cultural dialogue is a reflection of the socio-anthropological dimension of the personality as a subject of communication. The development of dialogue in the conditions of scientific and technological progress is polyphonic: if earlier several persons in the same place participated in the dialogue, then with the advent of the Internet millions of people can simultaneously participate in it. Dialogue is possible both between two separate persons, and between groups, collectives, classes, the people, cultures. Thus, the simultaneous inclusion of the individual in many systems of interaction and collective unity as "cumulative groups"[3, p. 74] becomes the functional integrity and subject of a wide socio-philosophical study. As a method of achieving truth, dialogue

is multifaceted and unique. The bright periods of its millennial history as an instrument of knowledge are: the period of classical ancient dialogue and the dialogue of the 20th century, studied in detail in the works of M. M. Bakhtin.

The genesis of communicative models obtained in the social and humanities sciences [2] demonstrates the constant variability of the basis, principles and mechanisms of communication, starting from the Middle Ages. From this period until our New time, a symbolic model of mediareality was formed [Ibid. С. 331] as the result of information exchange in society. The dialogue as an instrument of cognition of the everyday and scientific plan is generated in ancient Greece by philosophers and speakers in the process of development of democracy. People's assemblies and discussions (political, social and many others) encouraged thinkers of that time to improve their art of conducting dialogue to prove their thoughts to the opponent.

Speakers of antiquity - Lysius, Demosthenes, Longip, Priscus, Nikagor, Aristide, Isocrates, Antisphenes, Diogenes of Sinope, Socrates, Protagoras, Plato, Aristotle - formed their own dispute management system with the strict of presence of several techniques that could force the opponent to accept their point of view. The basis of the dispute is a certain provable position of the speaker, from which it is not customary to leave until the end of the conversation. Epithets, quotes, phraseologisms reflecting the meaning of what was said and at the same time the personality of the speaker are used as confirmation. They were also used dosed in certain places, for aestheticism, which personifies classical ancient dialogue. We can observe it in the works of Socrates, Euripides [1], Plato [8] and others, and partially attribute it to the group of ritual methods, which is associated with the art of self-change of a man as a person.

The result of the gradual improvement of dialogical art was the emergence of the sophist school and the school of Socrates. For philosophical dialogue in sophistics, a characteristic feature is the synthesis of philosophical and artistic speech, and a new characteristic is the close relationship with dialectics. Such a dialogue is more a thing for identifying the winner in a dispute, evidence, than a means of knowing the truth.

Sophists skillfully played on the opposites and relativity of some concepts, "good" and "evil," "truth," "necessity" and "randomness," "absolute" and "relativity" in their close relationship, skillfully answering the questions of opponents.

Sophistics gained great popularity among the population for a number of the following reasons: in the disputes of the sophists, ordinary everyday problems were raised, and not philosophical issues that were far from ordinary citizens, which were understandable to most; extraordinary usefulness in various disputes, court sessions and other ordinary problems; The opposite of basic concepts, allowing flexibility and resourcefulness, as well as a huge arsenal of various language techniques that help prove one's idea; sophists opened schools for mastering the basics of dialogue and dialectical thinking, building correct and beautiful speech, epithets, comparisons and metaphors for misleading an opponent.

The school of sophists, as a breakthrough of its time, brought philosophy to the masses, having developed the foundations of subjective dialectics, catalyzing the development of oratory and political art. A weak link in sophistics was that speakers, with the frequent use of relativity of fundamental concepts, erased the border of truth and lies, truth and reality. This made it possible to inspire the meanings of communists, which impeded the knowledge of the truth. Socrates, and due to Plato, in contrast to sophistics, considered dialogue a means of knowing the truth for all its participants, without connecting the method with the identification of the winner in the dispute. Socrates believed that the dispute was useful only as an impetus to the dialogical and dialectical movement of the thought of the participants, in the process of which they collectively learn the truth.

Plato, as the continuator to Socrates, brought the art of conducting dialectical dialogue to improvement. In his dialogues [6; 7] he touched upon the problems of dialectics, human thinking, society, morality.

Plato's dialogues are the top of oratory art, on which the characteristic features of the method have become: the direction of dialogue to identify the truth; full equality of participants; the presence of a conflict that pushes

participants to find a common truth for all, rather than to defend their point of view; aesthetics of conversation, using stylistic techniques that do not mislead interlocutors; the ability to both speak and listen.

The problem of dialogue in the works of the Russian philosopher M. M. Bakhtin is revealed in such a way that dialogue appears as a method of man's knowledge not only of other people's thoughts, ideas of feelings, but also of self-knowledge. Characteristic features of the participants of the Bakhtin's dialogue are:

- 1) the uniqueness of the participants. Each participant in the dialogue is unique in his thoughts, beliefs, actions,
- 2) the situation of the border - the thinker believes that every dialogue, whether between people or between cultures, is conducted in a position on the borders between "I" and "Other,"
- 3) "non-alibi in being this category Bakhtin conveys the responsibility of the person who finds in the dialogue; dialogue here is a kind of act (9).

According to Bakhtin, the word should never be given to one speaker, it is always common, and each of the participants in the dialogue can use it.

This is Bakhtin who considers the dialogue from the positions of hermeneutic bases of the research of phenomena - as a system of interactions "I "You," or if this is a monologue "I "It." The philosopher approves that a person can reveal himself only in the context of other people, when interacting with them. Bakhtin attaches great philosophical importance to literary works. The philosopher believes that literature is not just words on paper, but it is a dialogue between the writer and the reader, who helps the latter to know the philosophy embedded in the work. Compare the structure of dialogue at different stages of its development.

(Table 1):

№	Analysis criteria	Sophistry	Socrates and Plato systems	M. M. Bahtin
1	Dialogue purpose	Win a dispute	To Know the Truth	Finding yourself as a person
2	The nature of the conversation	unequal	equal	equal
3	Purpose of using conflict of interests	To prove the point of view and to win a dispute	Message to participants to find a common truth	Push for participants to realize their place in the world
4	Topics addressed (frequent)	Everyday problems, problems of contrasts	Everyday problems, problems of opposites	Philosophical problems
5	Victory in the dispute	One communicant	Mutual Knowledge of Truth	Participants learn themselves and a position of another
6	Use of special vocabulary	Use of various lexical means to prove their correctness (epithets, comparisons, meta-forms)	Top of communicative aesthetics	Use of speech and terminology only understandable to both participants

Таблица 1

The changing structure of communicative and space over time transformed the worldview and worldview of modern a man, changed his subjectivity as «carrier» of social phenomena [4, с. 7-8], which became increasingly "soluble" in media and social reality. Consequently, socially significant meanings have also undergone transformation due to the emergence of new communicative principles, the formation of new communicative channels and environments. As a method of cognition and a form of exchange of information, values and meanings, dialogue fully reflects the features of communication "presence" and the principles of social perceptions of social time and the space of modern time.

The human worldview also acts as its conceptual "language," that is, as an instrument of communication, in relation to which the idea of scientificity and humanism takes on a special aspect [5, p. 109].

When analyzing the value of two historical stages of dialogue development as a method of cognitive process, the following results are obtained

Dialogue is one of the ancient and traditional methods of human cognition of the world, the genesis of which goes through several stages of development with its specific features related to everyday problems, ethics, communication and the metaphysical world of a man, who undergoes radical changes along with media reality in modern times.

Therefore, the study of methods of using instrumental properties of worldview [5, с. 77], relates to the metaphysical world. It is necessary in ethical preparation and as a study of a method of forming a cognitive construct that actualizes the instrumental properties of the worldview.

With all the differences in the structure of construction, vocabulary of speech, the nature of conversation, at all stages of development, a single hermeneutic aim was actualized - a person's cognition of his inner and world surrounding him, which actively manifested the combination of external and internal communications as a way of obtaining meaningful guidelines.

Список литературы:

1. Еврипид. Елена / Еврипид. Полное собрание трагедий в одном томе; пер. Анненский Е. Ф. - Москва: Альфа книга, 2017. -1130 с. – Полное собрание в одном томе. 603 с.
2. Кузнецова Е.И. Эволюция медиакультурных коммуникативных форм в эпоху модерна: социально-философский аспект. // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ. № 1. 2009. С. 331-337.
3. Песоцкая Е.Н. Эволюция методологии социального анализа человека в истории науки (антропологический аспект). Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. - 112 с.
4. Песоцкая Е. Н. Природно-биологические факторы социальной активности личности (философский анализ). Автореферат на соискание учёной степени кандидата философских наук. Саранск, 1996. 16 с.
5. Песоцкая Е.Н., Зорькина А.В., Белова Л.А. Теоретические основы интеграции медицины и философии. Монография. Саранск, МГУ им Н.П.Огарёва, Тип. Рузаевский печатник, 2017. 186 с.
6. Платон. О знании/ Платон. Полное собрание сочинений в одном томе; пер. Шейнман-Тошштейн С. Я., Соловьев М., Карпов В., Егунов А. Н., Кондратьев Сергей Александрович, Ананьин С, ред. Басова Е.Г.- Москва: Альфа книга, 2018. – 1311с. – Полное собрание в одном томе. – 129с.

7. Платон. О сущем / Платон. Полное собрание сочинений в одном томе; пер. Шейнман-Топштейн С. Я., Соловьев М., Карпов В., Егунов А. Н., Кондратьев Сергей Александрович, Ананьин С, ред. Басова Е.Г.- Москва: Альфа книга, 2018. – 1311с. – Полное собрание в одном томе. – 182с.

8.Платон. Государство / Платон. – Москва: Наука, 2005. – 572с. – Слово о сущем.

9.Философия диалога М. М. Бахтина. [электронный ресурс] / Режим доступа: https://spravochnick.ru/filosofiya/istoriya_russkoy_filosofii/filosofiya_dialoga_m_m_bahtina/

References:

1. Euripides. Helena / Euripides. Complete collection of tragedies in one volume; per. Annensky E.F. - Moscow: Alfa kniga, 2017. -1130 p. - Complete collection in one volume. 603 p.

2. Kuznetsova E.I. The evolution of media-cultural communication forms in the era of modernity: socio-philosophical aspect. // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod: Publishing house of UNN. No. 1. 2009. Pp. 331-337.

3. Pesotskaya E.N. The evolution of the methodology of social analysis of man in the history of science (anthropophilosophical aspect). Monograph. Saransk: Publishing House of Mordov. un-ta, 2015. 112 p.

4. Pesotskaya EN Natural and biological factors of social activity of the individual (philosophical analysis). Abstract for the degree of candidate of philosophical sciences. Saransk, 1996. 16 p.

5. Pesotskaya E.N., Zorkina A.V., Belova L.A. Theoretical foundations of the integration of medicine and philosophy. Monograph. Saransk, Moscow State University named after N.P. Ogaryov, Type. Ruzaevsky printer, 2017. 186 p.

6. Plato. On knowledge / Plato. Complete works in one volume; per. Sheinman-Topshtein S. Ya., Solovyov M., Karpov V., Egunov A. N., Kondratiev Sergey Alexandrovich, Ananin S, red. Basova E.G. - Moscow: Alpha book, 2018. - 1311p. - Complete collection in one volume. – 129 p.

7. Plato. About being / Plato. Complete works in one volume; per. Sheinman-Topshtein S. Ya., Solovyov M., Karpov V., Egunov A. N., Kondratiev Sergey Alexandrovich, Ananin S, red. Basova E.G. - Moscow: Alpha book, 2018. - 1311p. - Complete collection in one volume. – 182 p.

8. Plato. State / Plato. - Moscow: Nauka, 2005. - 572 p. - A word about existence.

9. Philosophy of dialogue by M. M. Bakhtin. [electronic resource] / Access mode: https://spravochnick.ru/filosofiya/istoriya_russkoy_filosofii/filosofiya_dialoga_m_m_bahtina/

УДК/UDC 740

Динамический принцип в космогонии Я. Бёме: христоцентризм и аспекты темпоральности

Песоцкая Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания

Историко-социологический институт Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва

г. Саранск, Россия

e-mail:cerera-office@mail.ru

ORCID ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-8788-3472>

Белова Людмила Александровна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии, профессор Российской Академии Естествознания

Медицинский институт, ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»

Саранск, Мордовия, Россия

e-mail:lyudbelova@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-6054-0111>

Аннотация

В настоящей статье обзорно представлена философская система Якоба Бёме, занимающая видное место в немецкой философии и европейском мистицизме. Представления о познании как размыкании обогатило когнитивную науку. Диалектические предвосхищения и антропологический поиск Бёме отражают представления о человеческом мышлении как о целом, содержащем в себе квинтэссенцию вещей. Представлено оригинальное обращение им натурфилософских категорий в психологические и религиозные понятия. Тексты Бёме диалогизируют с внутренним самоощущением познающего, вследствие чего из духа языка проистекают все обретения для философского познания. Философский подход интегрирует исследования целостной лексико-семантической структуры языка, выражающего традиции. Соединение в работах Бёме трёх философских направлений: мистицизма, пантеизма и диалектики повлияло на творчество видных европейских и русских мыслителей. В итоге в их системах импульс к развитию получает терминология естествознания и философии,

вписанная в культурную традицию. Религиозно-философское и натурфилософское умозрения в системе Бмё проникают друг в друга по принципу взаимодополнительности, открывая современникам понимание эмпирической темпоральности как причинной взаимообусловленности событий. Оригинальное натурфилософское учение *coincidentia oppositorum* у Дж. Бруно повлияло на содержание учения о противоположностях у Бёме, отразившее состояние человека «в духе» и качественное познание им природы.

Ключевые слова: мистицизм, пантеизм, натурфилософия, религия, культурная традиция, человек, дух, язык, диалектика, время, темпоральность, опыт, антропологистика, философское знание.

Dynamic principle in the cosmogony of J. Böehme: Christocentrism and aspects of temporality

Pesotskaya Yelena Nikolayevna

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural Sciences

Ogarev Mordovia State University, Historical and Sociological Institute
Saransk, Russia

e-mail:cerera-office@mail.ru

ORCID ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-8788-3472>

Belova Ludmila Aleksandrovna

PhD in Medical Science, Associate Professor, Department of Normal and Pathological Physiology

Medical Institute, National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

e-mail:lyudbelova@yandex.ru

ORCID/ResearcherID <https://orcid.org/0000-0001-6054-0111>

Abstract

This article provides an overview of the philosophical system of Jacob Böehme, which occupies a prominent place in German philosophy and European mysticism. Ideas about cognition as an opening enriched cognitive science. The dialectical anticipations and anthropolinguistic search for Böehme reflect ideas about human thinking as a whole, containing a quintesse of things. He presented the original conversion of natural philosophical categories to psychological and religious concepts. Böehme's texts dialogue

with the inner self-feeling of the cognizant, as a result of which all gains for philosophical knowledge stem from the spirit of the language. The philosophical approach integrates researches of the holistic lexical and semantical structure of the language expressing traditions. The combination in the works of Böehme of three philosophical directions: mysticism, pantheism and dialectics influenced the work of prominent European and Russian thinkers. As a result, in their systems, the terminology of natural science and philosophy, inscribed in cultural tradition, receives impetus for development. Religious, philosophical and natural philosophical speculations in the Böehme system penetrate into each other on the principle of complementarity, revealing to contemporaries an understanding of empirical temporality as a causal relationship of events. The original natural philosophical doctrine of *coincidentia oppositorum* by J. Bruno influenced the content of the doctrine of opposites in Böehme, reflecting the state of a man "in spirit" and his qualitative knowledge of nature.

Key words: Jacob Böehme, mysticism, pantheism, natural philosophy, religion, cultural tradition, a man, spirit, language, dialectics, time, temporality, experience, anthropolinguistics, philosophical knowledge

Jacob Böehme is considered one of the founders of the philosophy of the New Age. In the work of the famous German *mystical philosopher* and *visioner* Jacob Böehme (1575-1624), Renaissance mysticism in Germany found the most striking expression. Based on the works of Valentin Weigel, Schwenkfeld and others [12; 10], he created a complex system of cosmology. Böehme's ideas influenced the works of scientists such as I. Gaman, G.F. Hegel, F. Schelling, N. Berdyaev, V. Soloviev, S. Frank and others

The philosopher's writing originates from the works: "Aurora oder die Morgenröthe im Aufgang"(1612) and "Description of the three principles of the divine essence"(1619), "On the triple life of a man"(1620), "On the humanity of Jesus Christ"(1620), "On a fertile choice"(1620-1623), "Cristosophia or the way to Christ"(1624). Of Böehme's later works, the following should be noted: "Von den drei Principien des göttlichen Lebens"("On the three principles of divine life,"1619), then "Vierzig Fragen von der Seele oder Psychologia vera"("Forty questions about the soul" or "True Psychology,"1620) and "Mysterium magnum oder Erklärung über das

erste Buch Moses ("The Great Secret, or Explanation of the First Book of Moses" (1623)).

Böhme's literary style and German are distinguished by the fact that the New Reformation in the theological aspect corresponded to the descriptions he made. More than anyone, Jacob Böehme protests against science. "Not from books, as scientists do, should one draw his wisdom, but from the direct grasping of the highest truth... believed the philosopher; "I will write in spirit and meaning, not in appearance..." says Boehme at the beginning of his way, noting the inherent character of internal fantasticism in his system.

Mysticism is a mystery corresponding to the charismatic mood in the Orthodox sense [3, c. 111]. Christian mysticism of the Middle Ages - *cognito Dei experimentalis* suggested the Christian's conversion to the conceptual and experimental experience of the divine [7, s. 302]. The appearance from the beginning of the XIV century a new type of "intellectual man, *litteratus*" [6, p. 83] contained an intensity on *poetic reflection*. Since 1831, German (Rhine) mysticism means a corpus of texts in German, which focuses on Latin samples, and at the same time, with I. Eckhart [8, s. 147] gravitates to the identity present in the native language. Later, at Böehme, a protest against the scholar of book teaching is found in the fact that he emphasizes the importance of the German language itself. Language, as the generation of the thinking *human spirit*, is in the eyes of Jacob Böehme a new creation of the whole world, since people's thinking contains a quintesse of things. The latter must become the content of mystery. Therefore, if anyone understands the language perfectly, then this should have acquired the great importance of the world. Indeed, from the point of view of anthropolinguistic search, there are a number of German expressions, such as, for example, "Ichheit" (egg from the word "I"), "Selbheit" (self), "Deinheit" (creativity - from "yours"), etc., which are successfully historized by him in the spirit of the language and found for philosophy. Later, a gnoseological turn in linguistics will entail the development of a whole cognitive infrastructure for understanding the theoretical foundations of language research, creating a model and way of

functioning of *language as a multidimensional phenomenon* [11]. Unfolding communication to consciousness and language as fields of anthropological "opening"[5, с. 102]. At the moment of his work, German and Latin words (the latter are alchemical terms from the works of F. G. Paracelsus), he completely arbitrarily decomposes into syllables, in order to then also arbitrarily interpret them and look for the meaning of the whole from their comparison (for example, Teufel, Mercurius, etc.). The Teutonic philosopher tries to put mystical thoughts into a clear form; one can find in the writings a logical division and scientific maintenance of evidence.

Böehme's philosophical views organically combined three philosophical directions: *mysticism, pantheism and dialectics*. In his system, religious, philosophical and natural philosophical thinkings penetrate into each other and dissolve into each other. This is done according to the principle of spheres of their complementarity [5, p. 112]. The Böehme system occupies the same place in German philosophy of that time as the system of D. Bruno of Italian natural philosophy. Both systems focus on the diversity of previous development. They become large-scale finishing systems with a characteristic imprint of the intellectual directions from which they come. Points of contact and opposites can be seen between these systems. In contrast, the difference in the national background on which they stand out is clearly reflected. When German philosophy fell to take stock of the entire development of modern thinking, it again caused from oblivion both these systems, in which both Italian and German thinking at the same time found its end. From this it follows that language as a system can be explained only *integratively*, with the participation of philosophical knowledge.

The view of nature is permeated by religious and philosophical thoughts. The spirit of Jacob Böehme covers all nature in categories of religious consideration. Not only the external fate, but also the internal essence of nature, he tries to derive from the opposite of good and evil; and the whole process of what takes place in nature is equivalent to that of sin and redemption. The internal state of religious life with its opposites, strongholds, aspirations and aims is in the eyes of Böehme, as well as the Gnostics,

the deepest essence of nature as well. Natural philosophical categories turn to psychological and religious concepts. In this, German mysticism, which reached its climax, is the opposite of Italian natural philosophy. J. Bruno plunges into the secrets of active nature, Jacob Böehme - into the mystery of the inner life of the person. This is the complete difference between Italy and Germany. There they are looking for God in nature, here - in the soul. The original content that the new thinking craves is hoped to draw there from the infinity of the universe, here - from the revelation of the believing soul.

The development of Rhine mysticism as an internal religious experience since the XIV century. Associated with the problems of understanding the language of mystical texts, the mystical experience of God-knowledge. Modern authors emphasize the inseparability of mysticism from ascetics [6, p. 80]. At the same time, Böehme's texts enter into *a dialogue* with the inner self-feeling of the cognizant, delight with revelation, they are tormented, despair, give hope and leave in the consciousness the responsibility that is assigned to a person by the very fact of his birth. The philosophical approach contributed to the integration of studies of the holistic lexic and semantic structure of languages expressing the spirit of the people and their traditions. The reader is the main character created by the author and inscribed in the mystery (created in the Divine Mystery) - the history of the universe. The cosmology of Boehme is distinguished by the fact that from the primary basis, which represents an eternal unity, silence without essence, the abyss (Ungrund), eternal peace and nothing. He is nothing but the will to work and desire, and which, being an absolute, rests in itself invariably in eternal freedom. The power of aspiration "something" gives rise to the deity, then to God - eternal nature, then to the power of God - spiritual world and as the last generation - earthly world. In everything, even in God, there is both a good and an evil beginning.

The thinker shows that the real world also exists in time, so he should, according to Böehme, also have a temporal beginning. Therefore, its existence should be understood only as a temporary event, a one-time fact, which, not being due to the necessary and eternal activity of the discovery of

Deity, came suddenly. Boehm's deep teaching of God and the Universe was perceived as a real philosophy and true faith throughout the Protestant world - in Germany, especially in England and the Netherlands. In Germany, the philosopher influenced I. Scheffler (Angelius of Silesia), G.F. Hegel, F.V. Schelling and other European idealist thinkers. In the event field of the Böehme system, the relationships of processes and objects are understood, thanks to the *characteristic time* of processes, inexpressible in units of time. In philosophical culture, the "characteristic time" is synonymous with the concept of *temporality* (lat. *tempora* - "times" is understood as a specific relationship between the moments of time and the temporal characteristics of phenomena and processes, the dynamics of their qualitative changes, which is determined by the socio-cultural specificity of human existence. In J. Böehme, the movement from a priori to empirical temporality as a causal relationship of events in time (causality) precedes the modern understanding of the systemic complexity and integrity of objects. The doctrine of the knowledge of Boehme becomes a continuation of the German mysticism of Johann Eckhart [9]. It can be expressed in the thesis that a man must silence his creature nature, abandon his own desires, his own vision and hearing, preventing him from seeing and contemplating God. In the work "Cristosophia or the Way to Christ," [1] the thinker believes that: "When the desires and feelings of self are silent, then eternal hearing, vision and verb will be revealed to you; God will hear and see through you... When you are silent, you will become what God was before nature and creatures and from what He created nature and creature..." [In the same place. P. 101]. Such comprehension is achieved in a special state when a person is visited by mystical visions. The opening at the same time is not subject to the usual verbal expression, therefore, symbols, metaphors and foreign tales are used to convey the "seen." For Böehme, knowing the world was a way of knowing the Creator. For a man, this knowledge could not be complete. Only approaching the understanding of the divine essence is possible. Thus, Boehme does not stop at the paradoxical demand to close himself from the world in order to know the world.

The doctrine of *coincidentia oppositorum* (on the coincidence of opposites), which in natural philosophy and especially in J. Bruno played an outstanding role. The doctrine of opposites in Böehme reflects the state of a man "in spirit," when he discovers two qualities of the creature world ("nature"): one good, the other evil, which "in this world in all powers, in stars, elements, and in all creatures... as something one; and there is no such creatures in the flesh in natural life that would not have both qualities. "[2, p. 25]. Such opposite qualities are air and water, heat and cold... They exist in constant struggle and unity, giving rise to everything existing in the creature world. Thanks to their joint existence in nature, everything gains its development. The exception that Böehme points to is angels and demons living only in good or evil. The main opposite, the reconciliation of which in this case should bear Deity, is the moral and religious opposite of good and evil. It goes, as Böehme develops its thought, through the whole world: "There is nothing in nature that is not inherent in good and evil." If, thus, all things bear this opposite of the primitives of good and evil, then the same opposite must already be contained in the Deity, which forms the innermost essence of all things. But how can it be that the One, infinite God is so bifurcated in himself and in such contradiction with himself? The answer to this contains the secret of the teachings of Jacob Böehme: only through the opposite and revelation is possible, and the Deity must conclude the very opposite if it wants to open itself. The phenomenon of fire and light gives food to his fantasy: where there would be only light or only darkness, there would be no light or darkness: only opposites can be revealed in each other. Therefore, God must accept the original opposite. His love could not have been revealed if it had not been revealed in His wrath, and His eternal light could not have been manifested if darkness had not been given in Him Himself. The anthropological views of J. Böehme are expressed in the adoption of Copernican heliocentrism. The sun corresponding to the fire is placed in its middle, and six planets, including the Earth, which is mainly one of the six images, turn around it. As the last image of creation, a man is a combination of all the forces scattered around him. Already in

parts of his body: the body, legs, arms, heart, blood, feelings and head, the philosopher is trying to rediscover the seven primary qualities and, on the other hand, the seven spheres of the general life of nature as the primary ones. A person's mental actions express his relationship to the whole world in aggregate, and not only to the material being in which he rotates. So, in it you can discover the Three unities again: the substantive essence of his whole soul is the imprint of the divine world substance of the Father. Love, as the deepest force of its world-embracing consciousness, is a reflection of the divine power uniting in the Son. The prudent spirit, through which essence and love unite in intelligent activity, takes the place of the flowing power of Deity, the Holy Spirit. That is, the *"characteristic time of processes,*

not quantifiable and not commensurate with anything, is here determined at a time by the activity of the temporal beginning, the surprise of its action.

Gnosis Boehme, thus, is expressed not in concepts, but in myths and symbols. The spiritual vision of the philosopher is not translated into the language of an objective world. Therefore, the description of what lies deeper than the world of objects with which intellect deals is built on the basis of a *dynamic principle* that reveals the mystery of the origin of the theogonic, cosmogonic and anthropogonic process.

In the present, a complete research of the temporal essence of phenomena and phenomena is no longer possible without operating on the terminology of natural science and philosophy, which fit into *cultural tradition*. Thanks, to the existential and phenomenological directions that were developed at a later time, and in which there is a temporality of human being, contrasted with time, the dynamics of personality and other social objects in scientific knowledge is investigated through methods of temporal analysis. This means turning to the idea of analyzing interacting social phenomena through a comparison of their temporality. So, the linear progression of the moduses (past, present and future) of human being, which was addressed by natural philosophy, becomes a traditional understanding of

temporality in philosophy. The study of it from the point of view of human perception and social time continues in the sociohumanitary sciences.

Список литературы:

1. Бёме Я. *Christosophia*, или Путь ко Христу / Ред. Бёме Я.; Пер. с нем. А. Ф. Лабзина.. — Подар. изд. оригинала 1815 г. Спб., 1999. 478 с.
2. Бме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении: [Пер. с нем.] / Якоб Бёме. – Репринт. Воспроизведение. – М.: Гуманус: Политиздат, 1990. – 413, [2] с. ил.
3. Киприан (Кёрн), архим. Духовные предки св. Григория Паламы (Опыт мистической родословной) // Богословская мысль. П., 1942. С.102-131.
4. Песоцкая Е.Н. Природно-биологические факторы социальной активности человека (философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. - 16 с.
5. Песоцкая Е.Н., Зорькина А.В., Белова Л.А. Теоретические основы интеграции медицины и философии. Монография. Саранск, МГУ им. Н.П. Огарёва, Тип. Рузаевский печатник, 2017. – 186 с.
6. Шилов Е.В. Немецкая средневековая мистика: Майстер Экхарт в контексте позднего Средневековья // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 2 (18). С. 80-91.
7. Balthasar H. U. von Zur Ortsbestimmung christlicher Mystik // Pneuma und Institution: Skizzen zur Theologie IV, Einsiedeln, 1974. 393s.
8. Echhart Meister. Schoriften und Predigten. Büttner H., hrsg. Bd. I, Jena, 1907. S. 147.
9. Echhart I. Die deutschen und lateinischen Werke, Stuttg., 1936—48; в рус, пер. — Избр. проповеди, М., 1912.
10. Schwenckfeld C. Corpus Schwenckfeldianorum. Sawan Press. Volume 1. 2018. - 746 s.
11. Talmy 2003 Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems v. 1 (Language, Speech Communication) (Language, Speech and Communication). - 577p.
12. Weigel W. Gesamtausgabe, Hg, v. W. E. Peuckert [s. 1], 1957.

References:

1. Boehme J. *Christosophia*, or the Path to Christ / Ed. Boehme Ya.; Per. with him. A. F. Labzina .. - A gift. ed. original 1815. St. Petersburg, 1999. 478 p.

2. Вме Ya. Aurora, or the dawn in the ascent: [Trans. from German] / Jacob Boehme. - Reprint. Playback. - M.: Gumanus: Politizdat, 1990. - 413, [2] p
3. Cyprian (Kern), archim. Spiritual ancestors of St. Gregory Palamas (Experience of a mystical genealogy) // Theological Thought. P., 1942. Pp.102-131.
4. Pesotskaya E.N. Natural and biological factors of human social activity (philosophical analysis). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. / National Research Mordovian State University. N.P. Ogaryov. - Saransk: Publishing House of Mordov. un-ta, 1996. 16 p.
5. Pesotskaya E.N., Zorkina A.V., Belova L.A. Theoretical foundations of the integration of medicine and philosophy. Monograph. Saransk, Moscow State University N.P. Ogaryova, Type. Ruzaevsky printer, 2017. - 186 p.
6. Shilov E.V. German medieval mysticism: Meister Eckhart in the context of the late Middle Ages // Vestnik PSTGU I: Theology. Philosophy. 2007. Issue. 2 (18). Pp. 80-91.
7. Balthasar H. U. von Zur Ortsbestimmung christlicher Mystik // Pneuma und Institution: Skizzen zur Theologie IV, Einsiedeln, 1974. 393s.
8. Echhart Meister. Schoriften and Predigten. Buttner H., hrsg. bd. I, Jena, 1907. Pp. 147.
9. Echhart I. Die deutschen und lateinischen Werke, Stuttg., 1936-48; in Russian, trans. - Fav. sermons, M., 1912.
10. Schwenckfeld C. Corpus Schwenckfeldianorum. Sawan Press. Volume 1. 2018. - 746 s.
11. Talmy 2003 Toward a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems v. 1 (Language, Speech Communication) (Language, Speech and Communication). - 577p.
12. Weigel W. Gesamtausgabe, Hg, v. W. E. Peuckert [s. 1], 1957.

УДК/UDC 336.221.4

Оценка налогового потенциала Краснодарского края и пути его повышения

Дума Дарья Евгеньевна

студентка экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:darya_duma@mail.ru

Рушкова Анна Александровна

студентка экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:rushkova-98@mail.ru

Полинская Марина Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:krovldom@mail.ru

Аннотация

В целях разработки ключевых мероприятий по совершенствованию фискальной политики необходимо оценить налоговый потенциал Краснодарского края. В работе на основе данных налоговой статистики за 2018–2020 гг. проведен анализ поступлений налогов и сборов в консолидированный бюджет, показателей налоговой задолженности в бюджет Российской Федерации, доначислений по налогам в результате налогового контроля. Основываясь на анализе формирования налоговых поступлений Краснодарского края, был рассчитан налоговый потенциал региона. Данный показатель отражает совокупный объем налогооблагаемых ресурсов региона и важен в планировании доходной части бюджета, особенно безвозмездных поступлений. Чтобы получить обоснованный показатель налогового потенциала Краснодарского края, его значение на 2018–2020 гг. было рассчитано с применением метода фактических поступлений и на базе валового регионального продукта. Также в статье отражены основные направления, повышающие уровень налогового потенциала.

Ключевые слова: налоги, налоговый потенциал, налоговые доходы, мероприятия, фискальная политика, фактический метод, валовой региональный продукт, регион.

Assessment of the tax potential of the Krasnodar Territory and ways to increase it

Duma Darya Yevgenyevna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:darya_duma@mail.ru

Rushkova Anna Aleksandrovna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:rushkova-98@mail.ru

Polinskaya Marina Valeryevna
Candidate of Economics, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:krovldom@mail.ru

Abstract

In order to develop key measures to improve fiscal policy, it is necessary to assess the tax potential of the Krasnodar Territory. In the work, based on tax statistics for 2018–2020. the analysis of tax revenues and fees to the consolidated budget, indicators of tax debt to the budget of the Russian Federation, additional tax charges as a result of tax control. Based on the analysis of the formation of tax revenues in the Krasnodar Territory, the tax potential of the region was calculated. This indicator reflects the total amount of taxable resources of the region and is important in planning the revenue side of the budget, especially gratuitous receipts. To obtain a reasonable indicator of the tax potential of the Krasnodar Territory, its value for 2018-2020. was calculated using the actual receipts method and based on the gross regional product. The article also reflects the main directions that increase the level of tax potential.

Key words: taxes, tax potential, tax revenues, measures, fiscal policy, actual method, gross regional product, region.

В современных рыночных условиях налоги оказывают непосредственное влияние на экономическое благосостояние страны. Налоги выступают одним из главных объектов регулирования рыночной экономики. Они являются основанием для перераспределения денежных средств из производственных сфер в другие с целью финансирования и реализации государственных задач и народнохозяйственных, регионально-экономических, социальных, научно-технических программ развития, а также выполняют фискальную функцию по наполнению доходной части бюджета [1]. При проведении экономически целесообразной фискальной политики будет обеспечено стратегически правильное формирование бюджета для достижения основных целей государственного или регионального экономического развития.

Следует отметить, что налоговый потенциал региона — это неотъемлемая часть налогового потенциала страны, содержащая налоговые потенциалы муниципальных образований.

На рис. 1 представлена динамика налоговых поступлений в бюджетную систему Российской Федерации с территории Краснодарского края в 2018–2020 гг.

Т. к. для оценки налогового потенциала региона очень важна его часть, реализованная в налоговых доходах бюджета, необходимо рассмотреть динамику налоговых поступлений, мобилизуемых на территории Краснодарского края.

На основании данных рис. 1 отметим, что динамика налоговых поступлений нестабильна, потому что к 2019 г. показатели налоговых доходов увеличиваются, но в 2020 г. имеют тенденцию снижения.

На сегодняшний день существует множество различных методик оценки налогового потенциала. Каждый подход к расчету налогового потенциала имеет как преимущества, так и недостатки [3].

Динамика налоговых поступлений в бюджетную систему Российской Федерации с территории Краснодарского края в 2018–2020 гг., млн руб. [2]

Рисунок 1

Рассмотрим метод, основанный на показателях валового регионального продукта (далее по тексту — ВРП). ВРП — это совокупная стоимость товаров, работ, услуг, полученных с привлечением экономических ресурсов региона в течение определенного периода времени, а также доходы, накопленные в пределах территории края. Преимуществом расчета является его простота и доступность.

Налоговый потенциал рассчитывается следующим образом [4]:

$$НП = ВРП \times РС, (1)$$

где

НП — налоговый потенциал региона;

ВРП — валовой региональный продукт региона;

РС — средняя налоговая ставка по региону.

Теперь для того чтобы по формуле (1) рассчитать налоговый потенциал Краснодарского края, необходимо найти среднюю налоговую ставку. Средняя налоговая ставка находится из соотношения суммарных налоговых обязательств региона к ВРП:

$$PC = \frac{\sum \text{налоговые обязательства региона (НО)}}{\sum \text{ВРП}} \quad (2)$$

Исходя из формулы 2, необходимо найти налоговые обязательства по региону:

$$НО = Нп + З, \quad (3)$$

где

Нп — налоговые поступления региона в консолидированный бюджет РФ;

З — задолженность по налогам и сборам в консолидированный бюджет РФ.

В табл. 1 проведем анализ налогового потенциала Краснодарского края за 2018–2020 гг.

Расчет налогового потенциала Краснодарского края на базе показателя валового регионального продукта за 2018–2020 гг.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение в 2020 г. к 2018 г. (+;-)	Темп роста, в 2020 г. к 2018 г., в %
ВРП, млн руб.	2499915	2569811	2472158	-27756,8	98,9
Налоговые поступления, млн руб.	265286	395069	379665	114379	143,1
Задолженность по налогам и сборам, млн руб.	33697,1	27262,8	28249,9	5447,2	83,8
Налоговые обязательства, млн руб.	298983,1	422331,8	407914,9	108931,8	136,4
Средняя налоговая ставка по региону, млн руб.	0,12	0,16	0,17	0,05	138
Налоговый потенциал, млн руб.	298983,1	422331,8	407914,9	108931,8	136,4

Таблица 1

Исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод о том, что Краснодарский край экономически развит, об этом свидетельствуют высокие показатели ВРП. Но за 2018–2020 гг. наблюдается снижение на 1,1%. За

исследуемый период налоговые поступления выросли на 43,1%. Однако по сравнению с 2019 г. показатель сократился на 3,9% из-за экономического кризиса, спровоцированного мировой пандемией. Налоговый потенциал имеет тенденцию к увеличению относительно 2018 г. на 36,4%, однако по сравнению с 2019 г. снизился на 3,4%.

Недостатком является то, что данный метод не позволяет точно отразить эффективность механизма налогообложения ввиду коррективов ВРП. Поэтому дополнительно проводится оценка на базе фактических налоговых поступлений.

Преимущество налогового потенциала фактическим методом заключаются в простоте расчета. Недостаток этого подхода заключается в завышении налогового потенциала, неучете уровня собираемости налогов, а также в образовании разрыва между количеством фактически собранных налогов и сборов в регионе и потенциальной способностью региона формировать бюджетные доходы.

Налоговый потенциал региона фактическим методом рассчитывается с помощью следующей формулы:

$$\text{ФНП} = \text{Нп} + \Delta\text{З} + \text{К}, (4)$$

где

Нп — фактические налоговые поступления в отчетном году;

$\Delta\text{З}$ — прирост задолженности за отчетный период;

К — доначисления по налогам в результате налогового контроля.

Расчет налогового потенциала Краснодарского края на основе фактического метода представлен в табл. 2.

Расчет налогового потенциала Краснодарского края на основе фактического метода за 2018–2020 гг.

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Темп роста, в % 2020 г. к	
				2018 г.	2019 г.
Налоговые поступления, млн руб.	265286	395069	379665	143,1	96,1
Прирост задолженности по налогам и сборам, млн руб.	1463,4	-6434,3	987,1	67,5	x
Доначисления по налогам в результате налогового контроля, млн руб.	22243,9	12838,10	13627,4	61,3	106,1
Налоговый потенциал, млн руб.	288993	401472,8	394280	136,4	98,2

Таблица 2

Анализируя данные табл. 2, можно сделать вывод, что потенциал региона находится в нестабильном состоянии. В 2019 г. наблюдался самый высокий налоговый потенциал — 401472,8 млн руб., это главным образом обусловлено ростом налоговых поступлений. В 2020 г. налоговый потенциал составил 394280 млн руб., что, в свою очередь, больше суммы 2018 г. на 36,4%, но по отношению к 2019 г. ниже на 1,8%. Стоит отметить, что доначисления по налогам в результате налогового контроля в 2020 г. относительно 2018 г. снизились на 38,7%, что является отрицательным фактором для наращивания налогового потенциала.

Таким образом, методика оценки налогового потенциала для каждого региона России является важным решением, т. к. выбор метода зависит от экономических, географических особенностей региона, а также от определения состава налогов, формирующих бюджет.

Рассмотрим направления, которые смогут повысить налоговый потенциал:

1. Усовершенствование патентной системы налогообложения (дополнение видов деятельности для применения ПСН; повышение годового дохода индивидуальных предпринимателей).
2. Урегулирование налоговой задолженности (активизация отраслей региона; снижение долговой нагрузки региона).
3. Повышение эффективности налогового контроля (предотвращение схем ухода от налогов).
4. Совершенствование налогового администрирования (совершенствование системы программного информационного обеспечения налоговых органов; проведение профилактической работы с налогоплательщиками, уклоняющимися от уплаты налогов в бюджет).
5. Повышение уровня собираемости налогов (исследование реальной ситуации экономики региона и прогноз социально-экономического развития).

Таким образом, применение данных направлений на практике окажет благотворное влияние на уровень налогового потенциала и развития экономики Краснодарского края.

Список литературы:

1. Миронов А. А. Налоговый потенциал региона: теория и методика его формирования и оценки. Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2019. 195 с.
2. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 09.12.2022 г.).
3. Тарасова В. Ф., Сапрыкина Т. В. Прямые и косвенные налоги и их влияние на формирование доходной части бюджетной системы Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2018. № 3. С. 31–34.
4. Полинская М. В., Зачишигрива В. С. Налоговый потенциал: дискуссионные подходы к определению и методы оценки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 133. С. 861–871.

References:

1. Mironov A. A. Tax potential of the region: theory and methods of its formation and evaluation. Yoshkar-Ola: String LLC, 2019. 195 p.
2. Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation. URL: <http://www.nalog.ru> (date of access: 09.12.2022).
3. Tarasova V. F., Saprykina T. V. Direct and indirect taxes and their influence on the formation of the revenue part of the budgetary system of the Russian Federation // Innovations and investments. 2018. No. 3. Pp. 31–34.
4. Polinskaya M. V., Zachishigriva V. S. Tax potential: debatable approaches to definition and evaluation methods // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. No. 133. Pp. 861–871.

УДК/UDC 330.34

Экономическая безопасность в информационном пространстве

Савченко Максим Евгеньевич

студент экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:maks_savchenko_2018@list.ru

Чернов Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные риски и угрозы экономической безопасности в информационном пространстве. К ним относятся прежде всего угрозы политического, финансово-экономического, правового, а также технологического и информационного характера. В работе также дается определение понятия «информационное пространство». Рассматривается понятие экономической безопасности в соответствии со «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Формируются авторские предложения по минимизации указанных угроз и рисков, среди которых разработка и внедрение правового регулирования; тщательная оценка экономического потенциала каждой из внедряемых новых технологий; выбор и приобретение программного обеспечения, способствующего информационной защите; организация соответствующего сотрудничества на международном уровне.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информационное пространство, риски, угрозы.

Economic security in the information space

Savchenko Maksim Yevgenyevich
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:maks_savchenko_2018@list.ru

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and
Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

The article discusses the main risks and threats to economic security in the information space. These include primarily political, financial, economic, legal, technological and informational threats. The paper also defines the concept of "information space". The concept of economic security is considered in accordance with the "Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030". Author's proposals are formed to minimize these threats and risks, including the development and implementation of legal regulation; a thorough assessment of the economic potential of each of the new technologies introduced; selection and acquisition of software that contributes to information protection; organization of appropriate cooperation at the international level.

Key words: economic security, information space, risks, threats.

Для современного общества характерно применение новейших форм и путей развития традиционной экономики, в основе которых лежит использование информационно-коммуникационных технологий. Указанные технологии пронизывают все сферы человеческой деятельности, что придает виртуальной сфере форму реальной среды экономической деятельности, а также позволяет характеризовать ее как возмож-

ный источник прибыли. Все это предполагает необходимость обеспечения ее безопасности с экономической точки зрения.

Следует отметить, что в Российской Федерации принята «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», в соответствии с которой под экономической безопасностью понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1].

Что касается информационного пространства, необходимо отметить, что это относительно современное понятие, которое появилось в результате эволюции концептуальной схемы различения в совокупном геополитическом пространстве областей, наделенных свойствами, которые, в свою очередь, позволяют рассматривать их с точки зрения самостоятельных пространств, имеющих границы, структуру, ресурсы, а также специфичные особенности взаимодействия субъектов социальных отношений. Информационное пространство охватывает собой многие процессы: взаимодействие субъектов, конкуренцию.

На сегодняшний день было сформулировано много определений понятия «информационное пространство». Наиболее приемлемым из них, на наш взгляд, является определение, в соответствии с которым информационное пространство представляет собой совокупность информации, информационной структуры, субъектов, которые осуществляют сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования формирующихся при этом общественных отношений.

В настоящий момент экономический потенциал каждого государства измеряется степенью развития как информационных технологий, так и информационной инфраструктуры. Указанное предопределяет сохранение предпосылок для формирования глобальной информационной

экономики, которая объединяет собой информационный потенциал национальных хозяйств [2].

Однако вышеперечисленные процессы создают как новые возможности для общества, так и существенные проблемы. В частности, высокий уровень информатизации экономики требует обеспечения соответствующего уровня ее безопасности, а именно переоценки факторов и угроз экономической безопасности в информационном пространстве. Обеспечить такую безопасность возможно посредством формирования эффективного законодательного регулирования, а также технологий, обеспечивающих информационную безопасность экономической сферы соответствующего уровня, что представляется невозможным без обеспечения международной экономической безопасности.

Рассмотрим основные риски и угрозы, способные оказать влияние на экономическую безопасность в информационном пространстве.

Первую группу составляют риски и угрозы политического характера. Как известно, на сегодняшний день социально-экономическое развитие находится в прямой зависимости от экспортной политики зарубежных государств, что обусловлено возникновением новых технологий, рынков, инвестиций, бизнес-моделей. Указанное, безусловно, способно нанести урон экономике государства.

Кроме того, рассматриваемая группа рисков включает в себя и возможность иных государств оказывать информационно-техническое влияние на информационную инфраструктуру экономики. Указанный процесс может быть нацелен на достижение политических, экономических, а также военных задач.

Данные, содержащиеся в информационном пространстве, могут быть искажены, например зарубежными спецслужбами и их средствами массовой информации, в целях информационно-психологического воздействия на граждан государства, что способно подорвать суверенитет данного государства.

Вторая группа включает в себя риски и угрозы, носящие финансово-экономический характер. С момента формирования инфор-

мационного пространства произошли глобальные изменения в указанной сфере. Например, сформированные на сегодняшний день методики, позволяющие вести статистический учет и прогнозирование рассматриваемой сферы деятельности, существенным образом отстают от цифровой экономики. Это способствует формированию нестабильного баланса реальной ситуации в сфере экономики.

Кроме того, в настоящее время достаточно широкое распространение получили различные зарубежные сервисы, что предопределяет своеобразную зависимость информационно-телекоммуникационных систем от деятельности компаний иностранных государств. В связи с этим особую необходимость приобретает тщательная оценка экономического потенциала каждой из внедряемых новых технологий, т. к. их развитие и приведение в действие повлечет за собой своеобразные инвестиции в экономики иностранных государств [3].

Также угрозой для безопасности экономики в информационном пространстве представляет и криптовалюта. Данный риск предопределен недостаточной развитостью соответствующей нормативно-правовой базы, регулирующей оборот криптовалюты. Так, в Российской Федерации с 1 января 2021 г. в силу вступил Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Однако на сегодняшний день указанный закон еще не доказал свою практическую эффективность, что создает почву для развития различного рода мошеннических схем с использованием рассматриваемого вида валюты.

Следует отметить, что в качестве основного отличия криптовалюты от традиционных денежных средств выступает отсутствие как такового единого центра их эмиссии. Этот факт предопределяет невозможность осуществления эмитирования валюты со стороны государства, что, в свою очередь, влечет и невозможность оказывать влияние на обменный курс в соответствии со сложившимися обстоятельствами.

Третью группу рисков составляют правовые риски. Указанные риски включают в себя недостаточность правового регулирования деятельности, осуществляемой в информационном пространстве, в частности в виртуальном, а также порядок применения цифровых технологий в экономической сфере. Безусловным последствием такой ситуации является возрастание уровня мошенничества в виртуальном пространстве [5].

Четвертую группу рисков составляют риски технологического и информационного характера. Как отмечала Н. Касперская, указанные риски включают в себя приемы и методы мошенников, направленные на использование недостатков новых технологий [6].

В данном контексте особая угроза для экономической безопасности в информационном пространстве кроется в зависимости российской промышленности от различных информационных технологий и средств, разрабатываемых зарубежными государствами. В целях минимизации указанного риска необходимым представляется разработка соответствующей российской производственной базы, действие которой будет направлено на обеспечение внедрения зарубежных информационных технологий и средств. Кроме того, важно развивать специалистов, осуществляющих свою деятельность посредством таких технологий, например с помощью разработки и внедрения соответствующих программ подготовки и переподготовки кадров [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день экономическая безопасность в информационном пространстве подвержена различным угрозам, в частности политического, финансово-экономического, правового, а также технологического и информационного характера.

В целях преодоления указанных рисков значимым представляется разработка и практическое применение соответствующего правового регулирования.

Особую необходимость приобретает и осуществление тщательной оценки экономического потенциала каждой из внедряемых новых техно-

логий, поскольку их развитие и приведение в действие повлечет за собой своеобразные инвестиции в экономики иностранных государств.

Кроме того, огромную роль в обеспечении экономической безопасности в информационном пространстве играет выбор и приобретение программного обеспечения, способствующего информационной защите. В процессе указанной деятельности упор следует делать на известные бренды, предлагающие указанные услуги, т. к. они, как правило, способны надлежащим образом обеспечивать надежность работы своего защитного программного обеспечения. Указанная работа проявляется в своевременном обновлении антивирусных баз, непосредственного обновления самого программного обеспечения, соответствующего текущим угрозам безопасности. Также необходима разработка соответствующей российской производственной базы, действие которой будет направлено на обеспечение внедрения зарубежных информационных технологий и средств

Кроме того, в целях укрепления экономической безопасности в информационном пространстве полезной будет организация соответствующего сотрудничества на международном уровне. Это можно обеспечить, например, посредством заключения двусторонних соглашений, в соответствии с которыми будет осуществляться организация взаимной безопасности сторон.

Список литературы:

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2902.

2. Шишлева А. В. Экономическая безопасность в киберпространстве: моделирование коалиционных атак в информационном пространстве хозяйственной системы // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. № 2. С. 211–220.

3. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. Н. Касперская, развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Госдуме // URL: http://eurasia.press/magazine/eurasia_multipolar_world/risks_digital_colonization.phtml (дата обращения: 21.10.2021 г.)

4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от

31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

5. Стрижов С. А. Барьеры и риски цифровой экономики // Инновации. Инвестиции. 2019. № 118. С. 17–26.

6. Графова Т. О., Шаповалов А.Ф. Риски и угрозы экономической безопасности в цифровой экономике // АНИ: экономика и управление. 2020. № 1 (30). С. 82–92.

7. Васильева М. М. Становление информационного общества в России в условиях глобального информационного пространства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 71–82.

References:

1. On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 05/15/2017. No. 20. Art. 2902.

2. Shipileva A. V. Economic security in cyberspace: modeling coalition attacks in the information space of the economic system // Vestnik VolGU. Series 3: Economy. Ecology. 2019. No. 2. Pp. 211–220.

3. Digital economy and risks of digital colonization. N. Kasperskaya, detailed abstracts of the speech at the Parliamentary hearings in the State Duma // URL: http://eurasia.press/magazine/eurasia_multipolar_world/risks_digital_colonization.phtml (access date: October 21, 2021).

4. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 // Collection of epy legislation of the Russian Federation. 08/03/2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.

5. Strizhov S. A. Barriers and risks of the digital economy // Innovations. Investments. 2019. No. 118. Pp. 17–26.

6. Grafova T. O., Shapovalov A.F. Risks and threats to economic security in the digital economy // API: Economics and Management. 2020. No. 1 (30). Pp. 82–92.

7. Vasilyeva M. M. Formation of the information society in Russia in the context of the global information space // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. No. 3 (840). Pp. 71–82.

УДК/UDC 338.001.36

Исследование влияния COVID-19 на поведенческие мотивы в индустрии гостеприимства и туризма Ростовской области

Синюк Татьяна Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующей
кафедрой антикризисного и корпоративного управления

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: t_sinyuk@mail.ru

SPIN-код: 8251-1590

Синюкова Анна Николаевна

студентка магистратуры

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: ya.sinykova@yandex.ru

Аннотация

В данной статье представлены данные о влиянии карантинных мер, вызванных распространением коронавирусной инфекцией, на индустрию гостеприимства в Ростовской области. В работе отражены результаты опросов протопредпринимателей и действующих субъектов малого и среднего предпринимательства гостиничной индустрии на предмет того, как коронавирус повлиял на их планы открыть собственный бизнес. Опрос проводился среди респондентов Ростовской области посредством Google-форм для соблюдения протоколов безопасности здоровья. Раскрывается ситуация, сложившаяся в индустрии гостеприимства и туризма в связи с введением ограничительных мер, непроработанностью ситуации по легитимности вакцин иностранных государств, что приводит к оттоку турпотока и развитию теневого сектора.

Ключевые слова: гостиничная индустрия, влияние коронавирусной инфекции, опрос протопредпринимателей и предпринимателей.

Study of the Impact of COVID-19 on Behavioral Motives in the Hospitality and Tourism Industry of the Rostov Region

Sinyuk Tatyana Yurievna

Candidate of Economics, assistant professor, Acting Head of the Department of Anti-Crisis and Corporate Governance

Rostov State Economic University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: t_sinyuk@mail.ru

SPIN-код: 8251-1590

Sinyukova Anna Nikolayevna

Undergraduate student

Rostov State Economic University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: ya.sinykova@yandex.ru

Abstract

This article presents data on the impact of quarantine measures caused by the spread of coronavirus infection on the hospitality industry in the Rostov region. The paper reflects the results of surveys of proto-entrepreneurs and existing small and medium-sized businesses in the hotel industry on how the coronavirus affected their plans to open their own business. The survey was conducted among respondents in the Rostov region using Google forms to comply with health safety protocols. The situation that has developed in the hospitality and tourism industry in connection with the introduction of restrictive measures, the lack of work on the legitimacy of vaccines from foreign countries, which leads to an outflow of tourist flow and the development of the shadow sector, is revealed.

Key words: hotel industry, impact of coronavirus infection, survey of proto-entrepreneurs and entrepreneurs

Одна из наиболее пострадавших сфер деятельности из-за коронавируса — это индустрия гостеприимства [1]. Борьба с коронавирусной инфекцией сильно ударила по индустрии, в частности введение запрета на зарубежные перелеты привело к нарушению въездного туристического

потока. Количество въездных поездок в Российскую Федерацию сократилось на 73%. Из 69 стран только у 5 стран въездной поток сохранился на уровне выше 40% (табл. 1).

Динамика числа въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию, ед. [2]

№ п/п	Наименование стран мира	2019 г.	2020г.	% въездных поездок 2020 г. по отношению к 2019 г.
	Всего по странам мира	24 418 749	6 358 959	26,04%
1	Алжир	5 757	1 251	21,73%
2	Азербайджан	910 902	186 826	20,51%
3	Аргентина	19 948	1 522	7,63%
4	Австралия	56 030	2 363	4,22%
5	Австрия	58 612	6 548	11,17%
6	Армения	550 834	106 612	19,35%
7	Бельгия	39 090	4 694	12,01%
8	Босния и Герцеговина	6 335	1 410	22,26%
9	Бразилия	40 311	3 812	9,46%
10	Болгария	29 345	4 199	14,31%
11	Беларусь	143 345	51 853	36,17%
12	Канада	54 574	3 014	5,52%
13	Китай	1 882 820	81 924	4,35%
14	Колумбия	13 470	1 336	9,92%
15	Хорватия	11 741	1 888	16,08%
16	Куба	28 144	6 202	22,04%
17	Чехия	48 118	6 541	13,59%
18	Дания	21 002	2 722	12,96%
19	Эстония	523 186	93 935	17,95%
20	Финляндия	895 931	165 268	18,45%
21	Франция	222 726	31 735	14,25%
22	Грузия	68 985	16 970	24,60%
23	Германия	689 966	52 897	7,67%
24	Греция	31 433	4 240	13,49%
25	Гонконг	23 057	1 211	5,25%
26	Венгрия	28 596	3 691	12,91%
27	Индия	90 872	10 491	11,54%
28	Индонезия	19 327	1 673	8,66%
29	Иран	39 563	3 312	8,37%
30	Ирландия	14 612	1 582	10,83%
31	Израиль	256 838	30 929	12,04%
32	Италия	231 637	21 881	9,45%

33	Япония	112 286	12 822	11,42%
34	Казахстан	3 563 572	685 938	19,25%
35	Корея, республика	431 082	34 451	7,99%
36	Киргизия	442 814	65 014	14,68%
37	Латвия	299 633	56 907	18,99%
38	Литва	229 549	42 384	18,46%
39	Мексика	26 148	1 026	3,92%
40	Монголия	375 701	45 006	11,98%
41	Молдова, республика	376 342	100 593	26,73%
42	Черногория	5 457	1 023	18,75%
43	Марокко	4 818	584	12,12%
44	Нидерланды	68 695	8 903	12,96%
45	Новая Зеландия	9 816	444	4,52%
46	Норвегия	49 736	7 666	15,41%
47	Филиппины	13 534	1 830	13,52%
48	Польша	641 174	112 055	17,48%
49	Португалия	20 948	1 544	7,37%
50	Румыния	22 999	2 444	10,63%
51	Сербия	51 741	11 608	22,43%
52	Словакия	26 627	2 924	10,98%
53	Вьетнам	58 590	9 743	16,63%
54	Словения	10 649	1 431	13,44%
55	Южная Африка	13 557	1 493	11,01%
56	Испания	132 327	7 387	5,58%
57	Швеция	39 482	6 550	16,59%
58	Швейцария	51 323	5 907	11,51%
59	Сирийская арабская республика	7 055	2 106	29,85%
60	Таджикистан	330 812	141 402	42,74%
61	Таиланд	60 970	9 643	15,82%
62	Тунис	2 807	673	23,98%
63	Турция	86 708	36 901	42,56%
64	Украина	7 760 199	3 236 742	41,71%
65	Египет	14 577	4 258	29,21%
66	Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии	176 750	16 615	9,40%
67	Соединенные Штаты Америки	289 951	16 801	5,79%
68	Узбекистан	324 228	182 653	56,33%
69	Абхазия	595 983	409 258	68,67%

Таблица 1

Динамика показателей, характеризующих развитие туристической отрасли за 2018–2020 гг., представленная в табл. 2, свидетельствует о

том, что объем платных туристических услуг за два года сократился более чем на 40%, объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения сократился более чем на 25%, количество случаев сокращения лиц, работающих в туристических организациях, увеличился на 8%. В положительной динамике остается только показатель, характеризующий количество объектов общественного питания в сфере туризма, — он вырос на 3,4% (табл. 2).

Динамика показателей, характеризующих развитие туристской отрасли в Российской Федерации в 2018–2019 гг. [3]

Наименование показателя	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Динамика 2020 г. к аналог. 2019 г. (+/-) %	Динамика 2020 г. к аналог. 2018 г. (+/-) %
Количество туроператоров в Едином федеральном реестре, ед.	4426	4613	4298	-6,83%	-2,89%
Количество объектов общественного питания (в сфере туризма), ед.	119211	122191	123270	0,88%	3,40%
Число коллективных средств размещения, ед.	28074	28032	27328	-2,51%	-2,66%
Количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	325	354,3	316,4	-10,70%	-2,65%
Количество лиц, работающих в туристических фирмах, тыс. чел.	66,7	61,3	60,8	-0,82%	-8,85%
Объем платных туристических услуг, оказанных населению, млрд руб.	172,1	179,8	91,9	-48,89%	-46,60%
Объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд руб.	255,7	247,3	181,6	-26,57%	-28,98%

Таблица 2

Отметим также, что из-за запрета на проведение массовых мероприятий на неопределенное время были отложены научные и деловые конференции, съезды. Из-за ограничения передвижения внутри страны остался без спроса и внутренний туризм.

По мнению Е. Тучкова, «три месяца закрытия гостиниц из-за ситуации с коронавирусом по своему влиянию сказались на гостиничном бизнесе сильнее, чем падение рубля и санкции в кризисный период 2014 года» [4]. И тем более негативный пролонгированный эффект сохранился для бизнеса по настоящее время.

Особенностью карантинных мер в Ростовской области является полная остановка работы гостиничной сферы [5]. Ни в г. Москве, ни в г. Санкт-Петербурге таких мер не предпринимали. По словам ростовских отельеров, после 28 марта 2020 г., как только вышло Распоряжение № 60 «О дополнительных мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)», где обозначалась необходимость приостановить оказание гостиничных услуг [6], были проведены выездные контрольные проверки по гостиницам. Контролирующие органы проверяли номерной фонд на предмет наличия гостей, в случае обнаружения заселенных номеров постояльцев выселяли. Турпоток в г. Ростов-на-Дону в зимний период существенно сократился в связи с отменой проведения конгрессно-выставочных мероприятий и сокращения числа деловых поездок. Несмотря на остановку деятельности гостиничного сектора, спрос на аренду жилья сохранился и был удовлетворен за счет функционирования гостевых домов и апартаментов.

На период карантина Роспотребнадзор выдвинул требования к санаториям, которые многие отельеры посчитали просто невыполнимыми. Следует отметить, что к таким требованиям относятся, например, то, что все поверхности в отелях должны быть моющимися, но зачастую в гостиничных комнатах много мебели с мягким покрытием, которое можно только чистить. Т. Быкадорова, вице-президент и соучредитель Ассоциации профессионалов индустрии гостеприимства, отметила, что для выполнения рекомендаций Роспотребнадзора требуются большие траты [5]. Кроме того, убытки отельеров связаны с необходимостью содержать помещения и в нетуристический сезон, а также с сохранением персонала. В данной ситуации очень помогла бы поддержка государства.

Генеральный директор отеля «Mercure Ростов-на-Дону Центр» Н. Ковальчук отметила, что отель пытался подготовиться к кризису. Со многими партнерами получилось договориться о приостановке сотрудничества и переводе крупных платежей, приостановились и крупные закупки. Однако «Mercure Ростов-на-Дону Центр» также понес убытки [5].

Многие отельеры отмечают, что из-за сложившейся ситуации часть гостиничной индустрии потерпит значительные убытки и, соответственно, ряд гостиниц, отелей, ресторанов будут ликвидированы, а другая часть уйдет в серый сектор, сменив организационно-правовую форму на гостевые дома. Сетевые и международные отели не могут себе позволить перейти в серый сектор, поэтому для таких отелей нагрузка и убытки более существенны. Следует отметить также, что серьезным препятствием для индустрии гостеприимства стало то, что многие иностранные вакцины в Российской Федерации не подтверждены, и поэтому в качестве разрешительного документа принимается только QR-код (а не ПЦР-тест). Это приводит к оттоку иностранных туристов из отелей и гостиниц и переходу турпотока в теневой сектор экономики.

После ослабления карантинных мер на рынок смогли выйти не все гостиницы. Около 23% небольших гостиниц в России закрылись. Как заявляют эксперты, есть риск, что к концу года закрыто будет 40% отелей [7].

До кризиса в России насчитывалось более 22 тысячи гостиниц, с общим числом мест более 1,3 млн. Мелких средств размещения насчитывается чуть более 2 тысяч. По прогнозам экспертов, данные показатели могут снизиться на треть [7].

Следует отметить, что понесенные убытки предприятия индустрии гостеприимства смогут возместить только за счет будущих прибылей, что, с одной стороны, повлечет за собой рост цен на стоимость услуг и номерного фонда, а с другой стороны, потребует дополнительного времени для восстановления индустрии гостеприимства на уровне докризисного функционирования. Кроме того, целесообразно отметить, что значительная часть турпотока будет носить отсроченный характер, т. к. даже

после снятия ограничений сохранится значительное число потребителей, опасаящихся заражения и откладывающих свои поездки.

Еще одним препятствием для восстановления гостиниц, ориентированных на деловой туризм, может стать переход многих на удаленную работу. Во время карантина все мероприятия, совещания, обучение проходили в дистанционном виде, и есть вероятность, что эта тенденция сохранится. В таком случае снизится количество командировок и, как следствие, потребности в бронировании отеля для проживания во время деловых поездок.

Многие мелкие гостиницы будут поглощены крупными сетями, некоторые будут перестраиваться под квартиры или под офисы, сдаваться в аренду или продаваться.

С помощью сервиса Google Forms нами был проведен опрос среди 100 респондентов, в число которых входили как протопредприниматели, так и представители субъектов малого и среднего предпринимательства (далее по тексту — МСП) (собственники и руководители бизнеса), заинтересованные в открытии бизнеса. Ответы на вопрос о том, как субъекты МСП в индустрии гостеприимства и туризма пережили карантин, представлены на рис. 1.

Как субъекты МСП в индустрии гостеприимства и туризма пережили карантинные ограничения, связанные с пандемией COVID-19

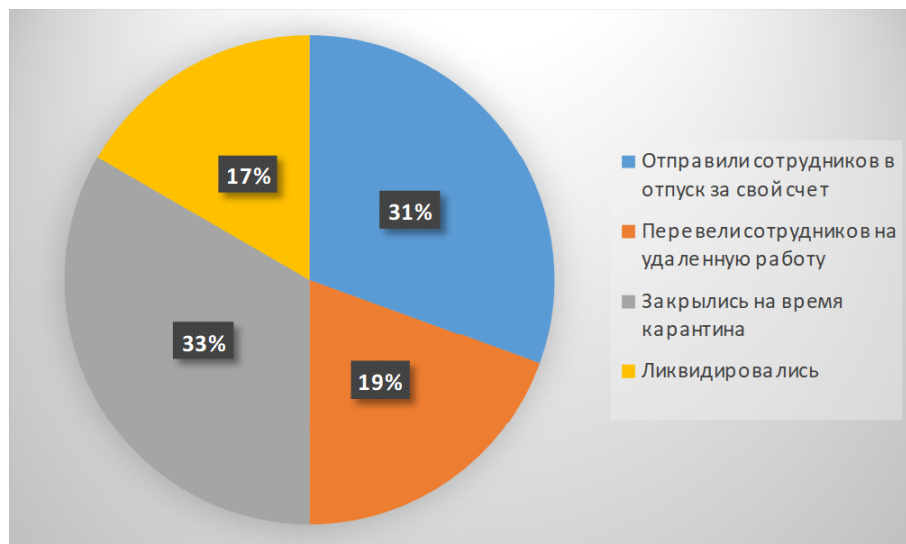

Рисунок 1

Из рисунка видно, что большинство респондентов либо закрылись на период карантина, либо отправили сотрудников в отпуск за свой счет. В целом данные меры имеют негативные последствия, т. к., с одной стороны, повышают уровень безработицы и социального напряжения, а с другой стороны, могут повлечь за собой ликвидацию бизнеса.

На вопрос о том, планируют ли респонденты открывать свой бизнес — отель, ресторан или туристическую фирму, 89% опрошенных ответили отрицательно (рис. 2).

Планы субъектов МСП об открытии бизнеса — отеля, ресторана, туристической компании

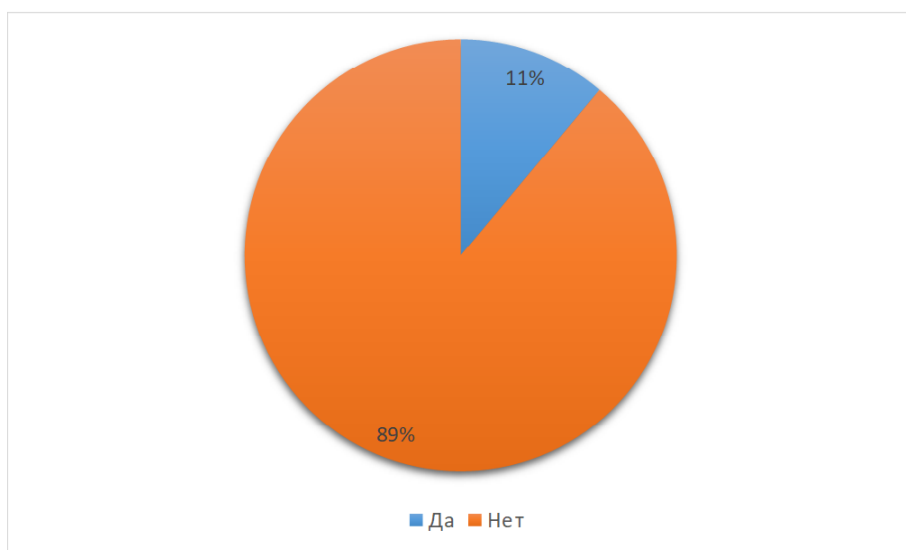

Рисунок 2

На вопрос, оказала ли влияние на принятие решения об открытии бизнеса ситуация с COVID-19, 35% опрошенных ответили утвердительно и 65% — отрицательно (рис. 3).

Оказала ли ситуация с COVID-19 влияние на принятие решения [6]

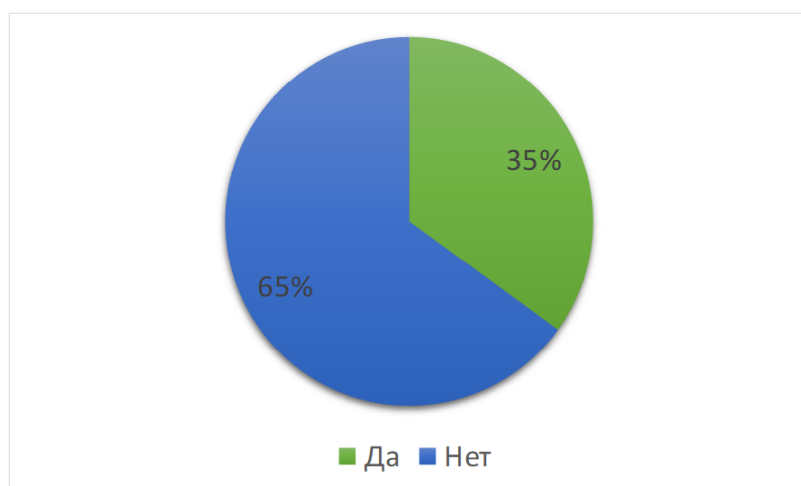

Рисунок 3

Таким образом, можно говорить о том, что наиболее сильно пострадали крупные представители индустрии гостеприимства и туризма. В целом, независимо от региона Российской Федерации, рынок индустрии

гостеприимства значительно пострадал: уровень падения загрузки отелей достиг 93% [8], в туристической отрасли объемы входящих платежей достигли своего рекордного минуса — 58,4% [9].

Тем не менее, несмотря на сложившуюся ситуацию, представители индустрии гостеприимства находят новые формы и виды предоставления услуг туристам. Так, активно стал развиваться глэмпинг, в частности городской глэмпинг, и специфические средства размещения (шатры, юрты, дома на деревьях, комнаты-капсулы, комнаты под водой), модульные гостиницы [10], ресторанный сектор активно перешел на разработку мобильных приложений и оказание услуг по доставке блюд на дом, стали активно развиваться VR/AR технологии для путешествия онлайн. На наш взгляд, справедливо ожидать восстановления сектора индустрии гостеприимства в новом виде и формате. В частности, развитию индустрии гостеприимства и туризма Ростовской области будут способствовать такие инициативы, как: Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [11]; предоставление массовых налоговых льгот (данная мера показала свою эффективность в 2020 г., кроме того, положительный опыт имеется и у Волгоградской области [12]); отмена ограничений по режиму работы для тех организаций, которые подпадают под применение QR-кодов; информационная и юридическая поддержка от Ассоциации профессионалов индустрии гостеприимства [13], грантовая поддержка проектов по развитию инфраструктуры туризма [14].

Список литературы:

1. Экономическая инфекция: как туризм справляется с коронавирусом // РБК. URL: <https://style.rbc.ru/life/5e4cfd339a7947258990a65e> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию (Росстат) // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vezdnykh-turistskikh-poezdok-inostrannykh-grazhdan-v-rossiyskuyu-federatsiyu/> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Статистические показатели, характеризующие развитие туристской отрасли в Российской Федерации. // Федеральное агентство по туризму. URL URL:

<https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/statisticheskie-pokazateli-kharakterizuyushchie-razvitie-turistskoy-otrasli-v-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения:

17.01.2022).

4. Исследование: загрузка отелей Москвы достигнет десятилетнего минимума в 2020 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8951363> (дата обращения: 17.01.2022).

5. «Гостиницы не планировали становиться обсерваторами»: как ростовские отели переживают коронакризис // Новости Ростова-на-Дону. URL: <https://161.ru/text/business/2020/05/27/69278563/> (дата обращения: 17.01.2022).

6. О дополнительных мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/documents/11606/> (дата обращения: 17.01.2022).

7. Сектор гостеприимства сократится почти наполовину // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-08-19/4_7941_hotels.html (дата обращения: 17.01.2022).

8. Бурухин С. К. Влияние последствий пандемии COVID-19 на деятельность сетевых гостиничных предприятий (на примере отеля SO/ ST. PETERSBURG) // Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 126 с.

9. Чернова Е. В., Баженова И. А. Практические аспекты подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства. Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 126 с.

10. Иващенко А. А. Особенности развития глэмпинг индустрии. Вестник индустрии гостеприимства: международный научный сборник. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 126 с.

11. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» // Национальные проекты России. URL: национальныепроекты.рф/projects/turizm (дата обращения: 17.01.2022).

12. Поддержка регионального бизнеса отстала от ограничений // Ростовский городской портал «Город N». URL: https://gorodn.ru/razdel/vlast/biznes_i_vlast/36664/ (дата обращения: 17.01.2022).

13. Ассоциация профессионалов индустрии гостеприимства. URL: <https://hospitality-prof.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

14. Конкурс на грантовую поддержку проектов по развитию внутреннего и въездного туризма // Федеральное агентство по туризму. URL: https://tourism.gov.ru/contents/Subyektam_turindustrii/konkursy/ (дата обращения: 17.01.2022).

References:

1. Economic infection: how tourism copes with coronavirus // RBC. URL: <https://style.rbc.ru/life/5e4cfd339a7947258990a65e> (access date: January 17, 2022).
2. The number of inbound tourist trips of foreign citizens to the Russian Federation (Rosstat) // Federal Agency for Tourism. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/chislo-vezdnykh-turistskikh-poezdok-inostrannykh-grazhdan-v-rossiyskuyu-federatsiyu/> (access date: January 17, 2022).
3. Statistical indicators characterizing the development of the tourism industry in the Russian Federation. // Federal Agency for Tourism. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics/statisticheskie-pokazateli-kharakterizuyushchie-razvitie-turistskoy-otrasli-v-rossiyskoy-federatsii/> (access date: January 17, 2022).
4. Research: hotel occupancy in Moscow will reach a ten-year low in 2020 // TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8951363> ((access date: January 17, 2022).
5. “Hotels didn’t plan to become observatories”: how Rostov hotels survive the coronacrisis // News of Rostov-on-Don. URL: <https://161.ru/text/business/2020/05/27/69278563/> (access date: January 17, 2022).
6. On additional measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (2019-nCoV) // Official portal of the Government of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/documents/11606/> (access date: January 17, 2022).
7. The hospitality sector will be reduced by almost half // Nezavisimaya Gazeta. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-08-19/4_7941_hotels.html (access date: January 17, 2022).
8. Burukhin S. K. The impact of the consequences of the COVID-19 pandemic on the activities of network hotel enterprises (on the example of the SO / ST. PETERSBURG hotel) // Hospitality industry bulletin: international scientific collection. Issue. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021. 126 p.
9. Chernova E. V., Bazhenova I. A. Practical aspects of training for the tourism and hospitality industry. Hospitality Industry Bulletin: International Scientific Collection. Issue. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021. 126 p.
10. Ivashchenko A. A. Features of the development of the glamping industry. Hospitality Industry Bulletin: International Scientific Collection. Issue. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021. 126 p.
11. National project "Tourism and hospitality industry" // National projects of Russia. URL: national.projects.rf/projects/turizm (date of access: 17.01.2022).
12. Support for regional business has lagged behind restrictions // Rostov city portal "Gorod N". URL: https://gorodn.ru/razdel/vlast/biznes_i_vlast/36664/ (access date: January 17, 2022).

13. Association of Hospitality Industry Professionals. URL: <https://hospitality-prof.ru/> (access date: January 17, 2022).

14. Competition for grant support for projects for the development of domestic and inbound tourism // Federal Agency for Tourism. URL: https://tourism.gov.ru/contents/Subyektam_turindustrii/konkursy/ (access date: January 17, 2022).

УДК/UDC 338.465.4

Сдерживающие факторы в развитии электронных услуг

Шевченко Илья Олегович

студент экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:shevchenko2003lol@gmail.com

Чернов Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

Развитие государственных и муниципальных электронных услуг стало неотъемлемой частью современной жизни, что при росте объема предоставляемых услуг позволяет облегчить и систематизировать процесс взаимодействия населения и государства. В статье рассматриваются актуальные сдерживающие факторы в развитии электронных услуг, с которыми столкнулись органы исполнительной власти при внедрении возможности оказания услуг в электронном виде. Приводятся статистические данные о численности людей, регистрируемых на самом популярном портале государственных услуг Российской Федерации, по годам. Приведены возможные пути преодоления сдерживающих факторов в развитии электронных услуг в России. В частности, предлагается Вести работу в средствах массовой информации по разъяснению населению особенностей предоставления государственных услуг в электронном виде, систематизировать работу программного обеспечения для реализации этого вида услуг и др.

Ключевые слова: электронные услуги, государство, электронное взаимодействие, развитие электронных услуг, электронные услуги в России, проблемы в развитии электронных услуг.

Constraints in the development of electronic services

Shevchenko Ilya Olegovich
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:shevchenko2003lol@gmail.com

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and
Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

The development of state and municipal electronic services has become an integral part of modern life, which, with an increase in the volume of services provided, makes it possible to facilitate and systematize the process of interaction between the population and the state. The article discusses the current constraints in the development of electronic services that the executive authorities faced when introducing the possibility of providing services in electronic form. Statistical data are provided on the number of people registered on the most popular portal of public services in the Russian Federation, by years. Possible ways to overcome the constraining factors in the development of electronic services in Russia are given. In particular, it is proposed to work in the media to explain to the population the features of the provision of public services in electronic form, to systematize the work of software for the implementation of this type of service, etc.

Key words: electronic services, government, electronic interaction, development of electronic services, electronic services in Russia, problems in the development of electronic services.

В России с 2006 г. началось активное внедрение цифровизации во всех сферы жизни общества, в т. ч. это и затронуло сферу оказания муниципальных и государственных услуг в электронном виде. Зарубежный опыт показывает, что использование информационных технологий

способствует уменьшению стоимости и трудоемкости оказанию данных видов услуг [1].

Для более эффективного внедрения электронных услуг государство реализует ряд программ, которые способствуют развитию и популяризации данных услуг в обществе. К ним относятся Государственные программы Российской Федерации «Информационное общество», «Информационное государство», «Безопасность в информационном обществе». Целью перечисленных программ является повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий [2].

В России популярность электронных услуг растет с каждым годом. На сегодняшний день самой популярной платформой электронных услуг в стране является Единый портал государственных услуг Российской Федерации (далее по тексту — Госуслуги). Каждый месяц на сайте регистрируется от 900 тыс. до 2,5 млн человек. По статистике за 2020 г. количество регистраций на портале Госуслуг превысило 24 млн человек. На сайте по состоянию на конец 2020 г. было зарегистрировано уже 126 млн человек. Так, данный показатель уже превысил долю в 86% от общего количества граждан России в возрасте старше 14 лет (табл. 1) [3; 4].

Число зарегистрированных граждан России на портале Госуслуги по состоянию на конец года, млн чел. [5]

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Число зарегистрированных граждан	22,5	40,0	52,8	86,0	103,2	126,0

Таблица 1

Данные табл. 1 наглядно демонстрируют, что электронные услуги в стране активно развиваются. В частности, сейчас в России предоставляются государственные электронные услуги в различных направлениях: электронные платежи, предварительная запись на прием в ведомства, мониторинг качеств услуг и другие услуги в электронном виде, которые

доступны для граждан нашей страны [6]. Однако есть и препятствия, которые замедляют развитие сферы электронных услуг и усложняют процесс обращения населения за услугами посредством цифровых технологий.

Так, государственные органы исполнительной власти при реализации государственных электронных услуг встречаются с рядом проблем:

1. Сложность в использовании новых платформ, предоставляющих услуги населению.
2. Частые обновления информации и смена интерфейса платформ.
3. Сложность понимания лицами пожилого возраста новых технологий и нехватка ресурсов для использования электронных государственных услуг.
4. Поиск компетентных специалистов, занимающихся разработкой и обслуживанием платформ госструктур.
5. Низкое качество связи или отсутствие доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на некоторых территориях Российской Федерации.
6. Низкий уровень защищенности персональных данных, используемых в связи с предоставлением электронных услуг населению.

Для решения вышеперечисленных проблем в стране ведутся масштабные работы, которые направлены на устранение возникших сложностей. Данные проблемы имеют системный характер, их решение требует реализации ряда положений, которые включают в себя:

- 1) формулирование целей и постановка задач, которые определяют направление развития государства в сфере предоставления электронных услуг населению;
- 2) обучение и поиск специалистов;
- 3) заинтересованность предпринимателей и граждан в процессах мониторинга реализации проектов создания электронного правительства;

- 4) наличие отдельного государственного органа, который будет совершенствовать и развивать данную сферу;
- 5) постоянный поиск и обучение специалистов в области оказания электронных услуг.

Также необходимо отметить, что государство при внедрении услуг в электронном виде является «услугодателем», и основная нагрузка по реализации этого направления ложится на государство. В связи с этим для усовершенствования предоставления электронных услуг населению государству надлежит:

1. Вести работу в средствах массовой информации по разъяснению населению особенностей предоставления государственных услуг в электронном виде.
2. Систематизировать работу программного обеспечения для реализации этого вида услуг.
3. Максимально облегчить доступ к услугам для лиц пожилого возраста.
4. Обеспечить доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на всей территории Российской Федерации, в т. ч. в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах.
5. Разработать программное обеспечение с высокой степенью защиты персональных данных.
6. Оперативно реагировать на изменения в требованиях заказчиков.

Таким образом, развитие государственных и муниципальных электронных услуг стало неотъемлемой частью современной жизни, что при росте объема предоставляемых услуг позволяет облегчить и систематизировать процесс взаимодействия населения и государства.

Список литературы:

1. Титова А. И. Предоставление государственных услуг в электронном виде: зарубежный опыт и российская практика // Инновации и инвестиции. 2018. № 5. С. 169–174.

2. Манахова И. В., Земскова И. А. Влияние потребителей на повышение качества электронных государственных услуг // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. №4. Т.18. С. 394–400.

3. 2020 на Госуслугах: новые пользователи, выплаты и вывозные рейсы // Госуслуги. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 01.12.2021).

4. Единый портал государственных и муниципальных услуг России // Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).

5. Электронные услуги для граждан и бизнеса // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/4/> (дата обращения: 01.12.2021).

6. Бочков В. С., Очаковский В. А., Чернов Ю. И. НДС на электронные услуги, оказываемые иностранными компаниями в РФ: практика, проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12 (139). С. 192–194.

References:

1. Titova A. I. Provision of public services in electronic form: foreign experience and Russian practice // Innovations and investments. 2018. No. 5. Pp. 169–174.

2. Manakhova I. V., Zemskova I. A. Influence of consumers on improving the quality of electronic public services // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Economics. Control. Right. 2018. No. 4. T.18. Pp. 394–400.

3. 2020 on State Services: new users, payments and export flights // State Services. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (access date: December 01, 2021).

4. Unified portal of state and municipal services in Russia // Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/> (access date: December 01, 2021).

5. Electronic services for citizens and business // Ministry of digital development, communications and mass communications of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/4/> (access date: December 01, 2021).

6. Bochkov V. S., Ochakovskii V. A., Chernov Yu. I. VAT on electronic services provided by foreign companies in the Russian Federation: practice, problems and solutions // Eurasian legal journal. 2019. No. 12 (139). Pp. 192–194.

УДК/UDC 349.2

Уклонение работодателя от заключения трудового договора при фактическом допущении работника к работе

Алькема Анастасия Максимовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:4825455@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос фактического допущения работника к работе без заключения трудового договора в письменной форме и без оформления данных отношений, как того требует трудовое законодательство. По мнению автора, серьезным нарушением является уклонение работодателя от заключения трудового договора в течение трех рабочих дней после фактического допущения работника к работе. Именно такое бездействие работодателя приводит к необходимости защиты трудовых прав работника путем обращения в суд. Судебный порядок восстановления в правах работника и признания сложившихся отношений трудовыми является сегодня наиболее эффективным. В работе также обращается внимание на применения судами при рассмотрении данной категории дел международных актов, в т. ч. рекомендаций Международной организации труда, анализируется судебная практика.

Ключевые слова: трудовой договор, фактический допуск к работе, работник, работодатель, оформление трудовых отношений, срок.

Escape of the employer from the conclusion of the employment contract with the actual admission of the employee to work

Alkema Anastasiya Maksimovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:4825455@mail.ru

Abstract

This article discusses the issue of the actual admission of an employee to work without concluding an employment contract in writing and without formalizing these relations, as required by labor legislation. According to the author, a serious violation is the employer's evasion from concluding an employment contract within three working days after the employee's actual admission to work. It is this inaction of the employer that leads to the need to protect the labor rights of the employee by going to court. The judicial procedure for the restoration of the rights of an employee and the recognition of the existing labor relations is the most effective today. The paper also draws attention to the application by the courts when considering this category of cases of international acts, incl. recommendations of the International Labor Organization, judicial practice is analyzed.

Key words: employment contract, actual admission to work, employee, employer, registration of labor relations, term.

Трудовой договор является законным основанием для возникновения трудовых правоотношений. Как следует из ст. 61 Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ) [1], имеются два варианта для вступления трудового договора в силу.

Основной вариант — подписание трудового договора сторонами (работником и работодателем) и оформление работника по установленным в ТК РФ правилам, т. е. издание приказа о приеме на работу, внесение данных в трудовую книжку. После этого работник приступает к работе. В этом случае считается, что стороны не только соблюдают установленный в законодательстве порядок приема на работу, но и достигли соглашения по всем пунктам трудового договора.

Второй вариант является более проблемным. Работник допускается к работе с ведома или по поручению работодателя (его законного пред-

ставителя). Это называется «фактическое допущение к работе». Также предполагается, что стороны достигли соглашения по всем необходимым пунктам, но трудовой договор письменно не заключался и работник на работу не оформлялся.

В этом случае трудовой договор все-таки считается заключенным с момента допущения работника к работе. Получается, что как только работник приступил к работе, трудовой договор, заключенный устно, начал действовать. Работник, неоформленный и без трудового договора, оказывается менее защищенным, чем в первом случае.

Законодатель в ч. 2 ст. 67 ТК РФ обязал работодателя при фактическом допущении работника к работе оформить трудовой договор в письменной форме, т. е. узаконить сложившиеся отношения. Работник, который находился на «нелегальном положении», приобретает необходимый статус и защиту своих прав.

Основная проблема при фактическом допущении работника к работе упирается в несоблюдение формы трудового договора: вместо письменной формы, которую требует закон, отношения оформляются устно.

Для работника как для более уязвимой стороны в трудовых правоотношениях более выгодным является заключение трудового договора в письменной форме и соответствующее оформление отношений.

На наш взгляд, есть два вида нарушений при фактическом допущении работника к работе:

- 1) именно факт допущения работника к работе без письменного заключения трудового договора и оформления приема на работу;
- 2) невыполнение работодателем обязанности по заключению трудового договора в течение установленного срока: трех рабочих дней (ч. 2 ст. 67 ТК РФ) со дня фактического допущения работника к работе.

Если бы работодатель исправил свою «ошибку» в течение трех рабочих дней и легализовал фактические трудовые отношения, проблема была бы решена.

Из двух указанных нарушений второе является более значительным, т. к. свидетельствует о формировании у работодателя стойкой позиции относительно работника, о нежелании придать отношениям законную форму.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15 [2] дал разъяснение и обозначил свою позицию по вопросу фактического допуска работника к работе без заключения трудового договора. Если работник имел намерение при трудоустройстве оформить трудовые отношения в соответствии с законодательством, а работодатель не оформил надлежащим образом прием на работу работника, не заключил с ним трудовой договор в установленный срок (ч. 2 ст. 67 ТК РФ) и допустил его к работе, это может расцениваться судом как злоупотребление работодателем правом на заключение трудового договора (ст. 22 ТК РФ).

Причиной такого бездействия работодателя зачастую является не халатность или неграмотность, а конкретный интерес. Нередки случаи, когда работнику выплачивается «серая» зарплата, размер которой определен по устной договоренности сторон. Работодатель не производит необходимых отчислений в Пенсионный фонд, в Фонд социального страхования. У работодателя есть возможность уволить работника в любой момент. Права работника на защиту весьма ограничены. Без трудового договора работник лишается многих прав. Например, ему могут не выплачивать общие компенсации, предусмотренные ТК РФ, к которым относятся компенсации при увольнении, компенсации за неиспользованные отпуска, за задержку выдачи трудовой книжки при увольнении и т. д. Он может не получать специальные компенсационные выплаты, к которым относятся выплаты при командировках, при переезде на другую работу, суммы, выплачиваемые работодателем за особые условия труда, при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска и пр. [3, с. 14].

Работник может обратиться с жалобой в прокуратуру и (или) в государственную инспекцию труда субъекта Российской Федерации.

В зависимости от результатов рассмотрения жалобы трудовая инспекция имеет право вынести предписание, требующее устранения выявленных нарушений. Прокуратура имеет право вынести представление об устранении выявленных нарушений.

Чтобы легализовать свои трудовые отношения, работник может обратиться в суд, потребовав установления факта наличия трудовых отношений. Он имеет право потребовать также оформления приема на работу и внесения записи в трудовую книжку. Он имеет право предъявить работодателю требование о направлении сведений в базы персонифицированного учета Пенсионного фонда, в базы налогового органа о выплате имеющейся задолженности по заработной плате, а также выплате отдельных надбавок, доплат. Еще работник может потребовать компенсацию морального вреда.

Примеров судебных дел такого рода много. Так, с конца августа 2019 г. по июль 2020 г. истец работал в качестве обжигальщика на кирпичном заводе [4]. Размер заработной платы составлял от 30 000 до 35 000 рублей в месяц в зависимости от выработки. Истец работал посменно по следующему графику — 12-часовой рабочий день с 8 часов утра до 8 часов вечера или с 8 часов вечера до 8 часов утра в зависимости от смены, после смены отдых дома одни полные сутки. Заработную плату истец получал дважды в месяц, о чем расписывался в соответствующей ведомости. Позже он узнал, что работал без оформления. Кроме истца, на данном заводе работали более 25 человек, ни один из которых не был оформлен надлежащим образом.

С июля 2020 г. истцу перестали выплачивать заработную плату, в связи с чем он был вынужден обратиться в прокуратуру с соответствующей жалобой. Истец просил суд установить факт наличия трудовых отношений, обязать ответчика заключить с ним трудовой договор, внести запись о трудоустройстве в трудовую книжку, а также взыскать заработную плату в размере 25 000 рублей и причитающиеся в связи с увольнением выплаты за неиспользованный отпуск в размере 25 788,13 рублей.

Разрешая такие споры и признавая наличие трудовых отношений между сторонами, суды должны не только принимать во внимание наличие письменных доказательств (например, штатного расписания, табеля учета рабочего времени и др.), но и выяснять, имеются ли признаки трудовых правоотношений, которые определены ст. 15 и 56 ТК РФ.

Трудовые отношения могут возникать только при наличии законных оснований, перечень которых дается в ст. 16 ТК РФ. Фактический допуск к работе считается законным основанием, если он происходил с ведома работодателя или его законного представителя. Законодатель устанавливает для таких работников дополнительную гарантию для защиты их прав, обязав работодателя в течение трех рабочих дней заключить трудовой договор и оформить прием на работу в соответствии с требованиями. Это позволяет устранить неопределенность правового статуса сторон.

Принимая решение по делу, суд ссылается не только на национальное законодательство, но и на международные акты.

Рекомендация Международной организации труда № 198 [6] (далее по тексту — Рекомендация) о трудовых правоотношениях закрепляет (п. 2), что характер и объем защиты, предоставляемой работникам в индивидуальных трудовых отношениях, должны устанавливаться и регулироваться национальным законодательством и (или) практикой, с учетом международных стандартов.

Чтобы осуществлять защиту работников на уровне законодательства отдельной страны (п. 9 Рекомендации), наличие трудовых правоотношений должно определяться, основываясь на фактах, подтверждающих выполнение работы, осуществление трудовой функции и получение работником вознаграждения. При этом не имеет значения, как эти отношения обозначены в любом другом договоре, подписанном сторонами.

Рекомендация дает перечень признаков (п. 13), по которым можно определить характер правоотношений сторон. Так, признаками наличия трудовых правоотношений могут считаться: выполнение работы под контролем работодателя, выполнение работы лично в интересах работода-

теля, наличие рабочего графика, наличие определенного рабочего места, выплата вознаграждения работнику, которая осуществляется периодически, а также предоставление работодателем инструментов, механизмов и материалов.

Государства — члены Международной организации труда в рамках своей национальной политики должны рассмотреть возможность установления правовой презумпции существования индивидуальных трудовых отношений, определив для этого критерии (п. 11 Рекомендации).

На работодателе лежит обязанность по оформлению трудовых отношений с работником. Именно работодатель обязан заключить трудовой договор в письменной форме, издать приказ о приеме на работу и др.

Отсутствие письменного трудового договора, уклонение работодателя от его заключения не исключает возможности признания отношений между сторонами трудовыми, т. к. к законным основаниям возникновения трудовых отношений ч. 3 ст. 16 ТК РФ относит фактический допуск работника к работе с ведома или от имени работодателя или его представителя.

Таким образом, если работник приступил к работе с ведома работодателя, осуществляет трудовую функцию в интересах работодателя, под его контролем и управлением, наличие трудового правоотношения презюмируется (ст. 15, 16, 56, ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

Суд пришел к выводу, что истец состоял в трудовых отношениях с ответчиком. Хотя трудовые отношения не были оформлены надлежащим образом, он выполнял трудовые функции обжигальщика с ведома и по поручению работодателя. Решение было обжаловано в краевом суде, который оставил его без изменений.

Таким образом, уклонение работодателя от заключения трудового договора при фактическом допущении работника к работе может быть прекращено только в случае обращения работника в суд и предоставления надлежащих доказательств.

Хотя за подачу искового заявления госпошлина не уплачивается (ст. 393 ТК РФ), судебный процесс является довольно трудоемким для работника, требует привлечения профессиональных защитников, предоставления надлежащих письменных доказательств, привлечение свидетелей и др. Это одна из причин, по которой не все работники обращаются в суд.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

2. О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

3. Адриановская Т. Л. Компенсации в трудовом праве и праве социального обеспечения // Социальные обязательства государства: правовое регулирование: Материалы межрегионального круглого стола, Краснодар, 18.04.2015. Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом — Юг», 2015. С. 11–18. С.14.

4. Решение Красноармейского районного суда Краснодарского края по делу № 2-195/2021 (2-2309/2020;) М-2085/2020 от 28.01.2021 // Официальный сайт Красноармейского районного суда Краснодарского края URL: <https://krasnoarmeisk-krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 06.11.2021).

5. Адриановская Т. Л. Международные акты и зарубежный опыт по вопросам регулирования труда иностранных граждан // Теория и практика общественного развития. 2018. № 9 (127). С. 77–81.

6. О трудовом правоотношении: Рекомендация № 198 Международной организации труда от 15.06.2006 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.11.2021).

References:

1. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. No. 1 (Part I). Art. 3.

2. On the application by the courts of the legislation regulating the labor of employees working for employers — individuals and employers — small businesses that are classified as micro-enterprises: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2018 No. 15 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 7.

3. Adrianovskaya T. L. Compensation in labor law and social security law // Social obligations of the state: legal regulation: Materials of the interregional round table, Krasnodar, 18.04.2015. North Caucasian branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”. Krasnodar: Limited Liability Company "Publishing House — South 2015. Pp. 11–18. P.14.

4. Decision of the Krasnoarmeysky District Court of the Krasnodar Territory in case No. 2-195/2021 (2-2309/2020;) M-2085/2020 of 01/28/2021 // Official website of the Krasnoarmeysky District Court of the Krasnodar Territory URL: <https://krasnoarmeisk-krd.sudrf.ru/> (access date: November 06, 2021).

5. Adrianovskaya T. L. International acts and foreign experience on the regulation of labor of foreign citizens // Theory and practice of social development. 2018. No. 9 (127). Pp. 77–81.

6. On the employment relationship: Recommendation No. 198 of the International Labor Organization dated 15.06.2006 // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/> (access date: November 06, 2021).

УДК/UDC 347.6

Сущность понятия информатизации в гражданском судопроизводстве

Андреев Артем Алексеевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:Artandreev2001@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам информатизации гражданского судопроизводства. В ходе исследования дается определение понятию информатизации, разграничиваются понятия «информатизация деятельности судов» и «электронное правосудие» в контексте их применения в судебной системе. Проводится анализ российского и зарубежного опыта использования современных технологий в судебной системе. По мнению автора, информатизация гражданского судопроизводства способствует расширению спектра возможностей всей судебной системы. Однако необходимо ввести данные технологии во всех судах повсеместно, чтобы это было доступно для всего населения. Также крайне важно увеличить количество возможных опций в системе ГАС Правосудие или на портале госуслуг и предоставить возможность создания личного кабинета для физических лиц.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданское судопроизводство, информатизация судебных разбирательств, информатизация.

Essence of the concept of informatization in civil proceedings

Andreyev Artem Alekseyevich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:Artandreev2001@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the problems of informatization of civil proceedings. In the course of the study, the definition of the concept of informatization is given, the concepts of “informatization of the activities of courts” and “electronic justice” are distinguished in the context of their application in the judicial system. An analysis of Russian and foreign experience in the use of modern technologies in the judicial system is carried out. According to the author, the informatization of civil proceedings contributes to the expansion of the range of possibilities of the entire judicial system. However, it is necessary to introduce these technologies in all courts everywhere, so that it is accessible to the entire population. It is also extremely important to increase the number of possible options in the GAS Justice system or on the public services portal and provide the ability to create a personal account for individuals.

Key words: civil procedure, civil proceedings, informatization of court proceedings, informatization.

На сегодняшний день компьютеризация процессов и внедрение IT-технологий в судебную систему является одним из наиболее эффективных средств по повышению качества правосудия, его удобства и доступности. Связано это с тем, что использование информационных технологий ускоряет судебный процесс. Кроме того, компьютеризация может помочь снизить нагрузку на судебную систему, облегчить доступ граждан к правосудию и снизить для них затраты на судопроизводство (за счет снижения затрат, связанных с требованием физического присутствия сторон и/или привлечением профессионального представителя) [1]. Как отмечает А. В. Кашанин, в России уровень компьютеризация судопроизводства оценивается в 7,5 из 11 баллов. Данные показатели выше, чем показатели Канады, Германии и Австралии. Похожий уровень компьютеризации зафиксирован в Китае и Сингапуре. [2].

Рассмотрим развитие информационных технологий в гражданском судопроизводстве в частности. Вопрос о необходимости развития в судебной системе процесса информатизации вместе с необходимостью укрепления авторитета судебной системы и обеспечения доверия общества к

правосудию был поднят на V Всероссийском съезде судей в ноябре 2000 г.

Установленные Правительством Российской Федерации целевые программы «Развитие судебной системы России на 2002-2006 годы», «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы», «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», бесспорно, способствуют развитию компьютеризации судебной системе страны [3]. Согласно ч. 1.1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ) исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы, которые подаются посредством систем электронного документооборота участников процесса, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью [4].

Следствием подачи электронного документа участником процесса является строго определенная последовательная деятельность суда.

С приходом пандемии судопроизводство Российской Федерации сделало значимый шаг в сторону развития компьютерных технологий в правосудии [5]. Была введена практика использования систем видеоконференц-связи, которая доказала свою эффективность при проведении судебных заседаний. К внедрению подобной технологии суды подтолкнула сложившаяся эпидемиологическая ситуация.

Однако, независимо от того, какие меры предотвращения распространения Covid-19 были бы приняты, внедрение таких компьютерных технологий, на наш взгляд, является довольно актуальным решением.

В апреле 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации приступил к рассмотрению дел при помощи системы веб-конференций. Затем подобная практика распространилась и на другие суды.

Рассмотрев судебные практики в зарубежных правовых системах, считаем необходимым отметить, что использование компьютерных технологий в судебном процессе — это интенсивный международный про-

цесс, набирающий обороты. Применение подобной практики ведет к изменениям в функционировании судебной системы в целом.

Однако, несмотря на положительные аспекты внедрения компьютерных технологий в зарубежных судах, на практике существуют и недостатки, к которым можно отнести опережающие темпы развития научно-технического прогресса законодательному развитию.

Таким образом, информатизация гражданского судопроизводства — это важный процесс в условиях современных реалий. По нашему мнению, эти изменения должны были произойти в современных реалиях развития научно-технического прогресса и эпидемиологической обстановки.

Следует отметить, что Концепция развития информатизации судов до 2020 г. определила перспективы и основные подходы к этой деятельности. По сути, отмеченные ранее недостатки информатизации судебной системы за рубежом схожи с существующими в российской судебной системе.

Таким образом, информатизация гражданского судопроизводства способствует расширению спектра возможностей всей судебной системы. Однако необходимо ввести данные технологии во всех судах повсеместно, чтобы это было доступно для всего населения. Также крайне важно увеличить количество возможных опций в системе ГАС Правосудие или на портале госуслуг и предоставить возможность создания личного кабинета для физических лиц.

Список литературы:

1. Лебедев В. М. Компьютеризация и информатизация судов – требование времени // Информатизация судов (материалы V Всероссийского съезда судей). М., 2000. С. 2.
2. Кашанин А. В. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад. М., 2020. 81 с.
3. Кириллов А. Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 220–228.

4. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

5. Концепция развития информатизации судов до 2020 г., утвержденная Постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (дата обращения: 12.01.2022).

References:

1. Lebedev V. M. Computerization and informatization of courts - the requirement of the time // Informatization of courts (materials of the V All-Russian Congress of Judges). M., 2000. P. 2.

2. Kashanin A. V. Information technologies in justice: state and prospects. Russia and the world. Analytical report. M., 2020. 81 p.

3. Kirillov A. E. Procedural foundations of e-justice // Bulletin of the civil process. 2018. V. 8. No. 1. Pp. 220–228.

4. On some issues of the application of legislation governing the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 No. 57 // Rossiyskaya Gazeta. No. 297. 29.12.2017.

5. The concept of the development of informatization of courts until 2020, approved by the Decree of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of February 19, 2015 No. 439 // Garant. URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (date of access: 12.01.2022).

УДК/UDC 342.5

К вопросу об институте обращения граждан

Андреева Мария Александровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:maria.andr.2020@mail.ru

Юшко Александр Викторович

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:jushko@inbox.ru

Аннотация

В настоящей научной работе исследуется проблема реализации права обращения граждан в органы государственной власти как одного из важнейших способов воздействия на деятельность данных государственных органов. Автором подробно изучаются структурная составляющая, сущность, а также правовая природа указанного правового института. В работе рассматриваются различного рода услуги, которые могут оказываться органами государственной власти. Приводятся мнения правоведов, касающиеся функционирования данного института. Выделяются три его важнейшие функции: информационная, коммуникативная и правозащитная. Отмечается, что существует проблема, связанная с тем, что граждане зачастую отказываются пользоваться правом обращения в органы государственной власти. В заключение формируются авторские предложения, направленные на совершенствование эффективности института обращения граждан в органы государственной власти в целях воздействия на их деятельность.

Ключевые слова: орган государственной власти, обращение граждан, правомочие, публичная власть, прямая демократия.

On the issue of the institution of citizens' appeal

Andreyeva Mariya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:maria.andr.2020@mail.ru

Yushko Alexander Viktorovich
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Administrative and
Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:jushko@inbox.ru

Abstract

This scientific work examines the problem of the implementation of the right of citizens to apply to public authorities as one of the most important ways to influence the activities of these public authorities. The author studies in detail the structural component, essence, as well as the legal nature of this legal institution. The paper considers various kinds of services that can be provided by public authorities. Opinions of jurists concerning the functioning of this institution are given. Three of its most important functions are distinguished: informational, communicative and human rights. It is noted that there is a problem associated with the fact that citizens often refuse to use the right to apply to public authorities. In conclusion, the author's proposals are formed, aimed at improving the effectiveness of the institution of citizens' appeals to public authorities in order to influence their activities.

Key words: Public authority, citizens' appeal, competence, public authority, direct democracy.

Ст. 33 Конституции Российской Федерации предусматривает право каждого гражданина на обращение в государственные органы, а также органы местного самоуправления [1]. Так, граждане регулярно вступают во взаимодействие с органами государственной власти и должностными лицами. На наш взгляд, подробное изучение института обращения граждан в органы власти позволит не только упорядочить данную

процедуру, но и повысить эффективность воздействия на деятельность государственных органов власти.

Обращение в органы государственной власти может возникать ввиду различных причин и обстоятельств. Безусловно, наиболее распространенной причиной обращения населения является желание граждан определенным образом участвовать в политической жизни своего государства. Тем не менее граждане могут обращаться в государственные органы также и для получения различного рода услуг. К таким услугам относятся:

1. Регистрация права. В данном случае речь идет о регистрации транспортного средства, регистрации гражданина по месту жительства или же регистрации брака.
2. Получение жилья на основании определенных социальных государственных программ.
3. Назначение и последующая выплата пенсии или же иной социальной помощи, выраженной в денежном эквиваленте [2, с. 172].

Сущность и правовая природа института обращения граждан в государственные органы до конца не исследована отечественными правоведом. Однако в рамках настоящей работы необходимо обратить внимание на мнение Л. А. Нудненко и Н. Ю. Хаманева, которые считают, что правовая природа указанного правового института является многогранной и комплексной. Так, по мнению ученых, право на обращение граждан в государственные органы обладает следующими особенностями:

1. Право на обращение в органы публичной власти по своему содержанию является неотчуждаемым, а также абсолютным и неограниченным. Указанные признаки необходимо учитывать при оспаривании данного права в суде.
2. Удовлетворение требований и обращений граждан в органы государственной власти является своего рода защитой субъективного права. Вместе с этим решение вопроса отдельно взятого гражданина говорит о том, что данное лицо приняло опосредо-

ванное участие в решении проблемных вопросов местного значения, например, своего региона или же муниципального образования.

3. Право на обращение граждан в органы государственной власти носит конституционный характер, т. к. оно находит свое правовое отражение в содержании Основного закона.
4. Обращение граждан в публичные органы власти необходимо рассматривать в качестве одного из наиболее важных элементов института прямой демократии [3, с. 5].

В современной правовой доктрине существует множество определений понятия «право обращения граждан в государственные органы власти». Например, М. В. Карасева рассматривает данное правомочие как одно из основных конституционных прав гражданина, которое предполагает беспрепятственную возможность воздействия на органы публичной власти различных уровней. Обращение гражданина к данному правомочию возникает при необходимости защитить свои нарушенные права и законные интересы. По мнению М. В. Карасевой, именно институт обращения граждан является примером социальной свободы и прямой демократии [4, с. 150].

На основании представленных материалов можно сформулировать представление о правовой природе института обращения граждан. Так, по нашему мнению, данный правовой институт представлен в качестве особого способа выражения общественного мнения, а также средства, с помощью которого органы государственной власти и местного самоуправления могут получать наиболее достоверную информацию о результатах своей деятельности из «первых уст».

Также следует сказать о том, что институт обращения граждан выполняет достаточно важные функции. Так, по мнению К. В. Подъячева, к наиболее существенным функциям данного правового института следует относить:

1. Информационную функцию, которая выражается в том, что обращение граждан предоставляет должностным лицам досто-

верную и актуальную информацию относительно существующих в обществе проблем. Данная функция в значительной степени повышает эффективность работы органов публичной власти.

2. Коммуникативную функцию, представленную в получении информации органами власти от отдельно взятого гражданина, что влечет повышение уровня доверия к органам власти со стороны общественности. Корректно налаженная коммуникация позволяет воздействовать на органы государственной власти.
3. Правозащитную или же правоохранительную функцию, которая выражена в том, что обращение граждан в органы власти позволяет им защищать свои нарушенные права. Более того, обращение граждан в компетентные органы позволяет еще и предотвратить нарушение прав в последующем [5].

Предмет обращения граждан в органы государственной власти напрямую зависит от содержания данного обращения, а значит, он может быть максимально различным.

На сегодняшний день многие правоведы и практикующие юристы указывают на существование проблемы в данном институте [6, с. 148]. Суть проблемы заключается в том, что граждане в большинстве случаев попросту отказываются от представленного им права на обращение в органы государственной власти. Обоснованием подобного отчуждения права является предполагаемая населением фиктивность демократии и закоренелость системы государственной власти. По нашему мнению, для разрешения данной проблемы необходимо совершенствовать и развивать механизмы обратной связи. Достижения данной цели можно добиться посредством ужесточения дисциплины в органах публичной власти, укрепления самоорганизации, а также снижения бюрократизации.

Вместе с этим хотелось бы внести предложение, которое позволит повысить эффективность института обращения граждан в органы государственной власти. Так, на наш взгляд, следует развивать обращение граждан в органы власти посредством использования электронных ре-

сурсов. Это позволит повысить оперативность обращения и рассмотрения тех или иных жалоб и предложений со стороны граждан. На данный момент довольно мало органов государственной власти, которые имели бы корректно функционирующие официальные сайты, позволяющие в режиме реального времени обратиться в конкретно определенный орган с каким-либо вопросом. В качестве примера можно привести официальные сайты Президента Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации или Правительства Российской Федерации. В ближайшее время следует увеличить количество подобных официальных веб-сайтов [7, с. 138].

Таким образом, институт обращения граждан в государственные органы является важнейшим способом воздействия на деятельность последних. Это обусловлено тем, что право на обращение в органы публичной власти является проявлением прямой демократии, а также социальной справедливости. По нашему мнению, данный институт является передовым, и его можно усовершенствовать в целях повышения его эффективности. В первую очередь для решения данного вопроса необходимо акцентировать внимание на совершенствовании механизмов обратной связи, а также развитии интернет-ресурсов, с помощью которых можно более удобно и оперативно направлять обращения в государственные органы власти.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. № 144. 04.07.2020.
2. Павлов Н. В., Очаковский В. А., Баланенко М. В. Актуальные вопросы осуществления муниципального контроля // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 171–173.
3. Нудненко Л. А., Хаманева Н. Ю. Новый закон об обращениях граждан: достоинства и недостатки // Государство и право. 2007. № 3. С. 5–6.
4. Карасева М. В. Конституционное право граждан СССР на обжалование. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 150 с.
5. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия // автореферат диссер-

тации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Институт социологии Российской академии наук. Москва, 2007. 30 с.

6. Миташова А. А., Федотов А. А., Павлов Н. В. Субъекты административного права // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5. С. 147–148.

7. Павлов Н. В., Овчинникова Е. Б., Пуликов В. Г. Полномочия правительства РФ в особых условиях, связанных с пандемией // Евразийский юридический журнал. № 8 (159) 2021. С. 137–139.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. No. 144. 04.07.2020.

2. Pavlov N. V., Ochakovsky V. A., Balanenko M. V. Actual issues of implementation of municipal control // Eurasian legal journal. 2021. No. 1 (152). Pp. 171–173.

3. Nudnenko L. A., Khamaneva N. Yu. The new law on citizens' appeals: advantages and disadvantages // State and Law. 2007. No. 3. Pp. 5–6.

4. Karaseva M. V. The constitutional right of citizens of the USSR to appeal. Voronezh: Publishing House of VSU, 1989. 150 p.

5. Podyachev K. V. Appeals of citizens to state authorities and local self-government as a form of civic participation // abstract of the dissertation for the degree of candidate of political sciences / Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2007. 30 p.

6. Mitashova A. A., Fedotov A. A., Pavlov N. V. Subjects of administrative law // Eurasian legal journal. 2021. No. 5. Pp. 147–148.

7. Pavlov N. V., Ovchinnikova E. B., Pulikov V. G. Powers of the Government of the Russian Federation in the special conditions associated with the pandemic // Eurasian legal journal. No. 8 (159) 2021. Pp. 137–139.

УДК/UDC 347.91

Примирительные процедуры в арбитражном процессе: особенности и проблемы применения

Анисич Влад Андреевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:vlad_anisich@mail.ru

Серопол Диана Игоревна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:deewpool@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются примирительные процедуры в арбитражном процессе. Исследуются особенности медиации, судебного примирения как видов примирительных процедур. Анализируются положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Проводится сравнительный анализ медиации и судебного примирения, выявляются преимущества и недостатки каждой примирительной процедуры. Приводятся примеры из судебной практики. По мнению автора примирительные процедуры — это важнейший элемент современного арбитражного процесса, гарантирующий возможность реализации задач судопроизводства. Благодаря примирительным процедурам на суд ложится меньшая нагрузка, истец и ответчик приходят к взаимовыгодному компромиссу, который будет выражен в мировом соглашении.

Ключевые слова: медиация, судебное примирение, арбитражный процесс, примирительный процедуры, АПК РФ.

Conciliation procedures in the arbitration process: features and problems of application

Anisich Vlad Andreyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:vlad_anisich@mail.ru

Seropol Diana Igorevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:deewpool@mail.ru

Abstract

The article deals with conciliation procedures in the arbitration process. The features of mediation, judicial conciliation as types of conciliation procedures are studied. The provisions of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation are analyzed. A comparative analysis of mediation and judicial conciliation is carried out, the advantages and disadvantages of each conciliation procedure are identified. Examples from judicial practice are given. According to the author, conciliation procedures are the most important element of the modern arbitration process, which guarantees the possibility of implementing the tasks of legal proceedings. Thanks to conciliation procedures, the court is less burdened, the plaintiff and the defendant come to a mutually beneficial compromise, which will be expressed in a settlement agreement.

Key words: mediation, judicial reconciliation, arbitration process, conciliation procedures, agro-industrial complex of the Russian Federation.

Одной из важнейших задач судопроизводства в арбитражных судах согласно п. 6 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) [1] является содействие развитию мирного урегулирования споров. Это содействие нашло свое законодательное отражение в гл. 15 АПК РФ, которая регламентирует применение примирительных процедур в арбитражном процессе.

В 2019 г. данная глава о примирительных процедурах подверглась значительному изменению. Так, были закреплены следующие виды примирительных процедур: переговоры, медиация, судебное прими-

рение. Желание начала любой примирительной процедуры должно исходить от сторон добровольно, кроме того, начать ее возможно на любой стадии процесса [2]. Переговоры осуществляются без участия третьих лиц, что по своей сути не требует законодательного закрепления порядка их проведения. Чего не скажешь о медиации и судебном примирении, где стороны выбирают себе медиатора или судебного примирителя, главной задачей которого будет являться содействие в достижении взаимоприемлемого результата примирения с равным учетом интересов сторон. Примирение должно будет отразиться в мирном соглашении, которое согласно п. 4 ст. 140 АПК РФ утверждает суд и приобщает к материалам дела.

Рассмотрим две процедуры с участием посредника-примирителя. Суть процедуры медиации заключается в разрешении спора с достижением взаимовыгодного компромисса для каждой из сторон с участием третьей, независимой от двух других, стороны – медиатора. Институт медиации не новый для российского законодательства. Начало медиации было положено с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3] в 2010 г. Несмотря на более чем десятилетний опыт существования данной процедуры, она не нашла своего повсеместного применения сторонами в процессе [4]. Например, в Краснодарском крае только 2 июля 2019 г. впервые было заключено медиативное соглашение в арбитражном процессе. Согласно документам арбитражного суда в инстанцию обратился истец с требованием взыскать с ООО задолженность по договорам поставки средств защиты растений в размере 1,56 млн рублей основного долга. В процессе рассмотрения дела от истца поступило ходатайство об отказе от исковых требований в связи с проведением процедуры медиации. Опрошенный по данному делу участвующий медиатор пояснила, что, по ее мнению, отсутствие популярности процедуры медиации в арбитражном судопроизводстве обусловлено малой осведомленностью бизнеса о преимуществах медиации, отсутствием информации в

суде о данном законном способе восстановления и защиты нарушенных прав.

Причинами такой непопулярности данной процедуры считаем, во-первых, малую осведомленность участников процесса в возможности применения такой процедуры. Эту проблему возможно было бы решить путем распространения информации о возможности проведения такой процедуры непосредственно работниками суда или размещением такой информации на стендах в здании суда, ведь это бы значительно уменьшило нагрузку делопроизводства в судах. Во-вторых, считаем, что граждане могут сомневаться в компетенции медиатора. Так, деятельность медиатора не требует государственного лицензирования. Но существует и большое количество плюсов применения именно данной процедуры: конфиденциальность, отсутствие формализма, налаживание взаимоотношений с ответчиком, сокращение сроков разрешения споров. Что касается последнего, то ввиду искусственного затягивания сроков в процессе оно представляется весьма привлекательным, однако достичь компромисса со стороной, которая заинтересована в увеличении сроков до момента возбуждения исполнительного производства, будет весьма нелегко.

Что касается судебного примирения, то данный институт является весьма новым. Ст. 138.5 АПК РФ закрепляет основы проведения такой процедуры, требования, предъявляемые к судебному примирителю. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [5] судебным примирителем может быть судья в отставке, который не должен быть привлечен к осуществлению правосудия или, например, работать в органах государственной власти, местного самоуправления и др. Список судебных примирителей утверждается постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, например, на 2020 г. в Краснодарском крае зарегистрировано 5 судебных примирителей, минимальная выслуга лет из которых является 22 года, а максимальная – 37 лет. С одной стороны, наличие у судебных примирителей, в отличие от медиаторов, профессионального опыта в области юриспруденции позволит

квалифицированно оценить перспективы дела и дать сторонам советы по мирному разрешению спора. С другой же стороны, «судейский» опыт можно рассматривать и как негативный фактор поскольку существует мнение, что у судей со временем формируется схематичность мышления, взгляда на спорную ситуацию, т. е. они мыслят стандартно, что зачастую не дает возможности примирителю объективно воспринимать иные сопутствующие спору особенности. Кроме того, стоит отметить, что процедура урегулирования спора с участием судебного примирителя является экономически привлекательной: деятельность примирителя оплачивается из федерального бюджета по правилам, определенным Правительством Российской Федерации.

Кроме того, в обоснование важности и серьезности примирительных процедур можем привести пример из практики. Так, Центральный районный суд Республики Крым рассмотрел исковое заявление истцов, которые просят изменить порядок пользования земельным участком. Судом было установлено, что ранее по этому вопросу определением суда была утверждено мировое соглашение по предмету поданного иска. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, обосновав это тем, что из смысла и содержания норм, регламентирующих примирение сторон, а также из задач судопроизводства следует, что утвержденное судом мировое соглашение основывается на примирении сторон на взаимовыгодных условиях, что влечет за собой окончательное прекращение гражданско-правового спора в полном объеме [6].

Таким образом, приходим к выводу, что примирительные процедуры — это важнейший элемент современного арбитражного процесса, гарантирующий возможность реализации задач судопроизводства. Благодаря примирительным процедурам на суд ложится меньшая нагрузка, истец и ответчик приходят к взаимовыгодному компромиссу. Более того, такой компромисс, выраженный в мировом соглашении, исходя из практики, будет рассматриваться судом как исключаящим гражданско-правовой спор. Законодателем для увеличения числа утвержденных судом мировых соглашений, и, как следствие, процессуальной экономии, в

2019 г. был закреплен новый институт судебного примирения, который находится только в стадии развития, однако перспективы его широкого использования достаточно велики.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гринь Е. А., Калинина П. И. Проблемы заключения и реализации третейских соглашений // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 148–151.
3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Российская газета. 30.07.2010. № 168.
4. Гринь Е. А., Иванчик И. С. Мирное соглашение при процедуре банкротства // В сборнике: Государство, право и общество: вопросы теории и практики. Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. В. И. Скрябин. 2020. С. 91–99.
5. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Российская газета. 12.11.2019. № 168.
6. Решение № 2-828/2020 2-828/2020 М-3066/2019 М-3066/2019 от 25.05.2020 по делу № 2-828/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2022).

References:

1. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 07.24.2002 No. 95-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30. Art. 3012.
2. Grin E. A., Kalinina P. I. Problems of the conclusion and implementation of arbitration agreements // Agrarian and Land Law. 2019. No. 9 (177). Pp. 148-151.
3. On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 30.07.2010. No. 168.
4. Grin E. A., Ivanchik I. S. Amicable agreement in bankruptcy proceedings // In the collection: State, law and society: questions of theory and practice. Materials of the second All-Russian scientific-practical conference. Resp. ed. V. I. Scriabin. 2020. Pp. 91–99.

5. On the approval of the Regulations for the conduct of judicial conciliation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 31, 2019 No. 41 // Rossiyskaya Gazeta. 12.11.2019. No. 168.

6. Decision No. 2-828 / 2020 2-828 / 2020 M-3066/2019 M-3066/2019 dated 05.25.2020 on case No. 2-828 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru> (access date: January 15, 2022).

УДК/UDC 34.05

Сравнительная характеристика примирительных процедур в административном и арбитражном процессе

Багирова Эльмира Рафиковна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: bagira.el2000@gmail.com

Аннотация

В последнее время все более очевидной становится тенденция, предусматривающая использование альтернативных процедур разрешения споров. Использование примирения необходимо не только при судебном разбирательстве дела, но и на подготовительных стадиях. Процессуальное законодательство Российской Федерации относит к обязанностям суда достижение примирения сторон, а также оказание сторонам содействия. В настоящее время примирительные процедуры представляют собой процессуальные действия, направленные на достижение взаимного согласия сторон, являющихся участниками спора. Примирительные процедуры основаны на принципе добровольности, который предусматривает, что примирение не может быть достигнуто без достижения сторонами согласия. В рамках данной статьи рассмотрены особенности проведения примирительных процедур в зависимости от вида судопроизводства.

Ключевые слова: примирение, соглашение, примирительные процедуры, посредники, судебные примирители

Comparative characteristics of conciliation procedures in administrative and arbitration proceedings

Bagirova Elmira Rafikovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bagira.el2000@gmail.com

Abstract

Recently, the trend that provides for the use of alternative dispute resolution procedures has become more and more obvious. The use of reconciliation is necessary not only during the trial of the case, but also at the preparatory stages. The procedural legislation of the Russian Federation refers to the duties of the court to achieve reconciliation of the parties, as well as to provide assistance to the parties. This allows us to strengthen the relations between the participants in the process. The list of conciliation procedures was expanded in 2019. Currently, conciliation procedures are procedural actions aimed at achieving mutual consent of the parties who are parties to the dispute. Reconciliation procedures are based on the principle of voluntariness, which provides that reconciliation cannot be achieved without the parties reaching an agreement.

Key words: reconciliation, agreement, conciliation procedures, mediators, judicial conciliators

Примирительные процедуры предусматривают участие не только сторон, но и посредников. К посредникам относятся судебные медиаторы и судебные примирители [1]. Использование примирительных процедур основывается на принципе добровольности, который предусматривает, что стороны самостоятельно принимают решение о примирении, а также самостоятельно определяют вид примирительной процедуры, сами выбирают медиатора и судебного примирителя. Помимо этого, стороны вправе самостоятельно и в любой момент прекратить примирительные процедуры и продолжить судебное разбирательство. Договоренности, которые достигнуты сторонами в результате примирения, каждая сторона исполняет самостоятельно и добровольно. Принцип добровольности распространяется и на лиц, оказывающих содействие в примирении участникам спора.

Примирительные процедуры также основаны на принципе сотрудничества, который предполагает, что при использовании примирительной процедуры стороны не пребывают в состязательном положении, а совместно ищут наиболее оптимальный вариант решения конфликтной ситуации. При использовании примирительных процедур участники обладают одинаковыми правами, они вправе разрабатывать взаимовыгодные варианты, определять, каким образом они могут достигнуть договоренностей и исполнить их. Применение законодательно закрепленных видов примирительных процедур в различных видах судопроизводства — административном, арбитражном, гражданском — может обладать определенными особенностями, наличие которых объективно обусловлено спецификой и сущностью самих видов судопроизводств [2].

Примирительные процедуры, в отличие от судебного разбирательства, предусматривают, что стороны могут действовать конфиденциально, однако они обязаны хранить условия примирения в строгой тайне [3]. Данная обязанность предусмотрена положениями ст. 56 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает, что в качестве свидетелей не могут быть допрошены медиаторы, посредники и судебные примирители, если в рамках допроса предполагается получение сведений, которые являются содержанием примирительной процедуры. В арбитражном процессе примирение основано на принципе равноправия участников, который предусматривает, что стороны самостоятельны и равноправны при определении примирительной процедуры, подлежащей применению, а также при выборе кандидатуры посредника, медиатора и судебного примирителя. Часто в науке процессуального права примирение отождествляется с мировым соглашением, однако мировое соглашение следует рассматривать как итог достижения согласия сторон, как окончание процесса примирения [4].

В арбитражном процессе примирение рассматривается как предусмотренные законодательством возможности арбитражного суда оказать содействие сторонам в урегулировании переданного в суд спора посредством принятия мер, направленных на окончание спора и прекращение

производства по делу. Очевидно, что примирение еще длительное время будет являться объектом научного исследования.

После вступления в законную силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту — КАС РФ) возникли многочисленные споры среди ученых, которые отмечали, что положения данного нормативно-правового акта выделяются из общих характеристик и закономерностей процесса. Кодекс административного судопроизводства предусматривал использование новой терминологии, например «соглашение о примирении». До этого такого понятия в российском законодательстве не было [5].

Предметом правового регулирования КАС РФ является обеспечение порядка осуществления административного судопроизводства при рассмотрении административных дел судами общей юрисдикции. Понятие «соглашение о примирении» предусмотрено в ст. 137 КАС РФ, согласно которой примирение сторон касается только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений. Заключение соглашения о примирении возможно при наличии допустимых взаимных уступок сторон. Мирное соглашение и соглашение о примирении не могут рассматриваться как тождественные. Это разные явления, имеющие разную правовую природу. Соглашение о примирении, предусмотренное КАС РФ, не может относиться к примирительным процедурам.

Из приведенных положений следует, что примирение касается только прав и обязанностей субъектов спорных правоотношений, предусматривает наличие допустимых взаимных уступок. Однако в науке вопрос о том, возможно ли осуществление примирения сторон в рамках административного судопроизводства, является дискуссионным. Острота данного вопроса связана с природой гражданского процесса, с установлением содержания категорий «спор о праве» и «правовой спор». Ранее производство в судах общей юрисдикции по делам, связанным с публичными правоотношениями, предусматривало наличие правового спора и отсутствие спора о субъективных правах [6].

В рамках правового спора осуществляется защита не права, а законного интереса, которые связаны с требованиями признать незаконным действие должностного лица. Такая особенность предполагала наличие отдельного механизма защиты прав и свобод, который был реализован в положениях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ) в разделе о производстве по делам, связанным с публичными правоотношениями. Такое положение дел было связано с правовой природой данных правоотношений, которые входили в предмет процесса по данным категориям дел. Такие правоотношения отличались вертикальной структурой правовых связей, а также отсутствием равноправия между участниками [7].

Один из участников данных правоотношений представлял собой публичный орган или являлся должностным лицом, обладающим властными полномочиями по отношению ко второму участнику. Кроме того, участник процесса, наделенный властными полномочиями, не имел притязаний в отношении субъективных прав. Как правило, такие споры вытекали ввиду превышения обязанностей или полномочий, ввиду неисполнения обязанностей, неверного применения закона, нарушения пределов компетенции.

КАС РФ в свою очередь, предусматривает иную идею — наличие спора о праве в административных делах, т. е. речь идет о том, что истец имеет субъективные публичные права. Несмотря на то, что подобная идея довольно популярна в западных странах, в Российской Федерации она не имела правового закрепления. Это привело к трудностям при установлении правовой природы соглашения о примирении.

Таким образом, необходимо отметить, что ранее ГПК РФ не предусматривал возможности заключения мирового соглашения по делам, возникающим из публичных отношений. Это было связано с тем, что процессуальные примирительные процедуры в качестве своей цели предусматривали окончательное урегулирование спорных материальных отношений, которые являлись предметом процесса. Мировое соглашение

применялось для частных отношений, участники которых были равны, не имели властных полномочий по отношению друг к другу [8].

Список литературы:

1. Гребенцов А. М. Развитие хозяйственной юрисдикции в России. М.: НОРМА, 2002. 304 с. С. 106–107.
2. Зеленская Л. А. К вопросу об объективной необходимости конституционного закрепления арбитражного судопроизводства // Право и практика. 2021. № 1. С. 148–153.
3. Захарьяшева И. В. К вопросу об определении места мирового соглашения в системе примирительных процедур (в контексте арбитражного процесса) // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 1. С. 25–29.
4. Захарьяшева И. Ю. Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации (концептуальные основы и перспективы развития): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 246 с. С. 20.
5. Бегдан О. Л. Институт соглашения о примирении по административному делу: его соотношение с мировым соглашением и правовая природа // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 75–78.
6. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с. С. 477.
7. Шеменова О. Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. № 10. С. 37–40.
8. Сахнова Т. В. Административное судопроизводство: проблемы самоидентификации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 35–40.

References:

1. Grebentsov A. M. Development of economic jurisdiction in Russia. Moscow: NORMA, 2002. 304 p. Pp. 106–107.
2. Zelenskaya L. A. On the question of the objective necessity of constitutional consolidation of arbitration proceedings // Law and Practice. 2021. No. 1. Pp. 148–153.
3. Zakharyashcheva I. V. On the question of determining the place of a settlement agreement in the system of conciliation procedures (in the context of the arbitration process) // Arbitration and civil procedure. 2016. No. 1. Pp. 25–29.

4. Zakharyashcheva I. Yu. Conciliation procedures in the arbitration procedural legislation of the Russian Federation (conceptual framework and development prospects): author. diss. ... Cand. legal sciences. Saratov, 2005. 246 p. P. 20.

5. Begdan O. L. The institution of the conciliation agreement in an administrative case: its relationship with the settlement agreement and the legal nature // Administrative law and process. 2016. No. 3. Pp. 75–78.

6. Sakhnova T. V. Civil Procedure Course. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Statut, 2014. 784 p. P. 477.

7. Shemeneva O. N. Agreement on conciliation in administrative proceedings: principled admissibility and relationship with a settlement agreement in civil proceedings // Lawyer. 2016. No. 10. Pp. 37–40.

8. Sakhnova T. V. Administrative proceedings: problems of self-identification // Arbitration and civil procedure. 2016. No. 9. Pp. 35–40.

УДК/UDC 343.9

Криминологическое и криминалистическое изучение жертвы преступной деятельности

Баева Полина Владимировна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:p.baeva2017@yandex.ru

Влезько Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:projects16@yandex.ru

SPIN-код: 2290-5454

Аннотация

В настоящей статье анализируются криминологическая и криминалистическая характеристика личности жертвы различных преступных посягательств. Актуальность данной научной работы заключается в том, что современное общество наравне с обеспечением непрерывной борьбы с преступностью нуждается в решении различных проблем в реализации прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступного посягательства. Кроме того, изучение личности потерпевшего позволяет формулировать и выстраивать версии преступления, получать информацию о совершенном противоправном деянии, более глубоко и детально понимать причины преступного поведения. Целью данной работы является обоснование важности роли и значения потерпевшего в преступном посягательстве, поведении лица, совершающего преступление, причинах преступного поведения, а также в раскрытии и расследовании преступлений. В работе приведен анализ различных мнений ученых по рассматриваемой тематике, обозначены задачи криминологического и криминалистического исследования жертвы преступления, определены направления практического использования указанных данных.

Ключевые слова: жертва, преступление, криминалистическая характеристика, криминологическая характеристика.

Criminological and criminalistics study of the victim of criminal activity

Bayeva Polina Vladimirovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:p.baeva2017@yandex.ru

Vlezko Dmitriy Aleksandrovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminalistics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:projects16@yandex.ru
SPIN-код: 2290-5454

Abstract

This article analyzes the criminological and criminalistic characteristics of the personality of the victim of various criminal assaults. The relevance of this scientific work lies in the fact that modern society, along with ensuring the continuous fight against crime, needs to solve various problems in the realization of the rights and legitimate interests of persons affected by criminal encroachment. In addition, the study of the victim's identity allows you to formulate and build versions of the crime, receive information about the illegal act committed, and understand the causes of criminal behavior in more depth and detail. The purpose of this work is to substantiate the importance of the role and significance of the victim in criminal encroachment, the behavior of the person committing the crime, the causes of criminal behavior, as well as in the disclosure and investigation of crimes. The paper provides an analysis of the various opinions of the scientists on the subject under consideration, identifies the tasks of criminological and criminalistic research of the victim of a crime, defines the directions of practical use of these data.

Key words: victim, crime, criminological characteristics, criminalistics.

На современном этапе развития государственности одной из основополагающих и актуальных задач правоохранительных органов является борьба с преступностью.

Однако стоит отметить, что на данный момент не всегда правоохранительным органам совместно с общественностью удается эффективно противостоять различным противоправным проявлениям. На наш взгляд, такое положение возникает в силу того, что достаточно пристальное внимание как в теории, так и на практике уделяется именно изучению самого правонарушения или преступления, а не потерпевшему от того или иного противоправного действия.

Между тем роль жертвы преступления в зарождении и развитии противоправного деяния не так пассивна и малозначительна, как может показаться на первый взгляд. Во многих случаях между правонарушителем и потерпевшим еще до предпреступной ситуации складываются сложные связи, образующие целый комплекс отношений, выливающийся в результате в преступную драму.

Стоит отметить, что правовой статус и особенности личности потерпевшего изучаются целым рядом наук: криминологией, уголовным процессом, уголовным правом, криминалистикой, психологией, социологией, этнографией.

Криминология, в свою очередь, содержит такой раздел, как виктимология (от лат. *victima* «жертва» и др.-греч. *λόγος* «учение»), являющийся междисциплинарной областью исследований.

За время своего развития виктимология претерпевала различные изменения относительно ее научного статуса и предмета исследования. В результате сформировалось несколько позиций, которые сводятся к следующему:

1. Виктимология — это отрасль криминологии, или частная криминологическая теория, и, следовательно, развивается в ее рамках.
2. Виктимология — это вспомогательная для уголовного права, уголовного процесса, криминалистики междисциплинарная наука о жертве преступления. Она существует и функционирует параллельно с криминологией.

3. Виктимология — это общая теория, учение о жертве, имеющая предметом исследования жертву любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями. Виктимология является самостоятельной наукой, принадлежность которой к юридическим можно признать лишь отчасти. Скорее, это наука о безопасности жизнедеятельности человека [1, с. 1099].

С точки зрения виктимологии под жертвой понимается лицо, которое так или иначе пострадало от совершенного противоправного деяния. При этом совершенно неважно, было ли данное лицо признано в качестве потерпевшего органами расследования [2, с. 223].

Криминальная виктимология изучает тех лиц, которые пострадали от преступления, посредством различных научных знаний о жертве, особенностях ее поведения до, во время и после совершения преступником противоправного деяния. Помимо этого, наукой рассматриваются взаимосвязь преступника и жертвы на всех этапах совершения преступления.

Отметим, что криминальная виктимология приобретает самостоятельное значение еще и благодаря своим специфическим функциям и задачам.

Основными задачами виктимологии являются изучение личности и поведения жертвы, виктимизации (т. е. процесса становления жертвой преступления), виктимности (предрасположенности стать объектом преступного посягательства), виктимогенных факторов, позволяющих по-новому взглянуть на преступность, ее причины, а также исследование способов сокращения и предупреждения потенциальных жертв преступлений, прогнозирование виктимности и виктимизации, профилактика преступлений.

Следующая основополагающая задача криминальной виктимологии заключается в просвещении граждан. Иными словами, правовое воспитание, правовая пропаганда знаний о том, как не стать жертвой преступления, особенно в тех условиях, когда государство не в состоянии обезопасить всех граждан от преступных посягательств.

Еще одна задача криминальной виктимологии состоит в теоретико-познавательном аспекте. К сожалению, несмотря на наличие эмпирической базы, проведенных исследований, их результаты становятся известными достаточно малому кругу лиц, что в некоторой степени затормаживает дальнейшее изучение ряда проблемных вопросов, познавательный процесс, особенно для широких слоев населения.

Стоит уделить особое внимание роли и значению как самой жертвы в преступном мире, так и ее поведения.

От поведения потерпевшего лица во многом зависит и поведение преступника. Жертва может привести преступное лицо в состояние аффекта, агрессии и т. д. своим аморальным, асоциальным поведением. И наоборот, от поведения жертвы может зависеть, доведет ли преступник свой злой умысел до конца, откажется от совершения противоправного деяния либо его действия будут пресечены. Например, в процессе попытки изнасиловать потерпевшую последняя может оказать активное сопротивление преступнику, звать на помощь, вследствие чего его преступные действия могут быть пресечены посторонними лицами, отозвавшимися на помощь. Или же жертва покушения на изнасилование может солгать преступнику, что имеет инфекции, передающиеся половым путем, либо помочиться или испражниться, что может вызвать у преступника отвращение, в результате чего он добровольно откажется от доведения своего преступного умысла до конца.

Итак, криминологическое исследование личности жертвы заключается в изучении ее поведения на момент совершения преступления, до и после него, взаимосвязи потерпевшего и преступника, а также влияния жертвы на совершение того или иного преступного посягательства.

Жертва преступления также является важным объектом криминалистического исследования, т. к. ее точное установление позволяет повысить эффективность в раскрытии и расследовании дела.

Сведения и информация, полученные от жертвы преступления, позволяют эффективно выстраивать версии преступления, план проведения следственных мероприятий и т. д. [3, с. 294]

Особое значение жертве преступления отводится на первоначальном этапе расследования преступления, т. к. от нее можно получить начальные сведения о совершенном преступном деянии [4, с. 363].

Как правило, по нераскрытым преступлениям, сообщаемые потерпевшими сведения, становятся отправной точкой в поиске лица, совершившего преступление. При этом следует отметить, что жертва преступления может сообщить не только данные о совершенном преступлении и преступнике, но и сведения о предметах, свидетелях, следах преступления и иных источниках криминалистической информации.

Также могут быть случаи, когда потерпевшее лицо не запомнило преступника и обстоятельства совершения преступления (в силу стресса, состояния шока, беспомощного состояния). Но жертва при этом может сообщить об обстоятельствах, касающихся деталей после совершения преступления, и такие сведения будут иметь огромное значение при установлении лица, совершившего противоправное деяние, а также при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Кроме того, жертва преступления представляет интерес для криминалистов, правоприменительных органов не только как источник личной доказательственной информации, но и как физический объект, который определенным образом способен изменить окружающую обстановку либо может являться носителем информации (на себе, теле, одежде) или носить на имеющихся при нем предметах и средствах различные следы, которые несут в себе важную информацию. Данные о личности потерпевшего учитываются в криминалистической тактике и методике расследования преступлений отдельных видов [5, с. 1436–1438].

Таким образом, криминалистическая характеристика личности жертвы позволяет формулировать и выстраивать версии преступления, получать информацию о совершенном противоправном деянии и т. д., что в очередной раз подтверждает огромное значение личности и роли потерпевшего в преступном посягательстве, поведении лица, намеревающегося совершить или совершающего/совершившего преступление.

Список литературы:

1. Юшкова Т. А., Карелина Е. М., Неймышева Н. В. Особенности психологии потерпевшего // Экономика и социум. 2016. № 12 (31). С. 1099–1102.
2. Туров И. Г. Жертва преступления и личность потерпевшего от преступления // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД. Отв. ред. Ю. А. Матвейчев. 2018. С. 223–224.
3. Апраксина Н. В. О соотношении понятий «жертва преступления», «потерпевший», «пострадавший от преступления» // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако. Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. ред. В. Ю. Стромов. 2019. С. 293–296.
4. Влезько Д. А. Содержание первоначального этапа расследования преступлений // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 г. / Отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар, 2016. С. 362-363.
5. Чернова Ю. А., Влезько Д. А. Криминалистическая характеристика и методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 г. / Отв. за вып. А. Г. Кощаев. Краснодар, 2020. С. 1436–1438.

References:

1. Yushkova T. A., Karelina E. M., Neimisheva N. V. Features of the psychology of the victim // Economics and society. 2016. No. 12 (31). Pp. 1099–1102.
2. Turov I. G. The victim of a crime and the identity of the victim of a crime // In the book: Combating crime: theory and practice. Abstracts of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. Rep. ed. Yu. A. Matveychev. 2018. Pp. 223–224.
3. Apraksina N. V. On the relationship between the concepts of "victim of a crime" "victim of a crime" // Tambov Legal Readings named after F. N. Plevako. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Rep. ed. V. Yu. Stromov. 2019. Pp. 293–296.
4. Vlezko D. A. The content of the initial stage of the investigation of crimes // Scientific support of the agro-industrial complex: Collection of articles based on the materials of the 71st scientific and practical conference of teachers following the results of research for 2015 / Ed. for issue A. G. Koshchaev. Krasnodar, 2016. Pp. 362–363.

5. Chernova Yu. A., Vlezko D. A. Forensic characteristics and methods of investigating crimes committed by minors // Scientific support of the agro-industrial complex: Collection of articles based on the materials of the 75th scientific and practical conference of students following the results of research for 2019 / Ed. for issue A. G. Koshchayev. Krasnodar, 2020. Pp. 1436–1438.

УДК/UDC 347.642

Защита прав и интересов несовершеннолетних Управлением по вопросам семьи и детства Краснодарского края

Безуглая Екатерина Дмитриевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: bezukat96@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена роль органов опеки и попечительства в аспекте соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних на примере Управления по вопросам семьи и детства Краснодарского края — органа, который занимается защитой личных и имущественных прав несовершеннолетних, юридической, социальной и психологической консультацией. Подробно рассмотрены функции и полномочия данного органа власти согласно Федеральному закону «Об опеке и попечительстве». Приведены формы и способы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также случаи, когда используется крайняя мера — лишение родительских прав в связи с невозможностью дальнейшего исправления родителей. В статье представлены виды профилактической работы Управления по вопросам семьи и детства: консультационные беседы, рекомендации, предупреждения, оказание психологической помощи. Сформирован вывод о необходимости совершенствования действующего регионального законодательства о защите прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: опека, попечительство, несовершеннолетние.

Protection of the rights and interests of minors by the Department for Family and Childhood Affairs of the Krasnodar Territory

Bezuglaya Yekaterina Dmitriyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: bezukat96@mail.ru

Abstract

The article considers the role of guardianship and guardianship authorities in terms of observing the rights and legitimate interests of minors on the example of the Office for Family and Childhood of the Krasnodar Territory — the body that deals with the protection of personal and property rights of minors, legal, social and psychological advice. The functions and powers of this authority in accordance with the Federal Law "On guardianship and guardianship" are considered in detail. The forms and methods of protecting the rights and legitimate interests of minors are given, as well as cases when an extreme measure is used — deprivation of parental rights due to the impossibility of further correction of parents. The article presents the types of preventive work of the Office for Family and Childhood: counseling conversations, recommendations, warnings, psychological assistance. The conclusion is drawn about the need to improve the current regional legislation on the protection of the rights of minors.

Key words: guardianship, curatorship, minors.

Согласно Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» одной из основных функций органов опеки и попечительства является защита прав и интересов детей, находящихся в семьях, а также подопечных, находящихся под опекой или попечительством [1; 2]. В настоящее время контроль за соблюдением прав и интересов несовершеннолетних осуществляется частично или же только в случае, если поступает жалоба из учебного заведения, от родственников ребенка или из органов внутренних дел.

Управление по вопросам семьи и детства Краснодарского края в полном объеме контролирует выполнение данной функции органами опеки и попечительства по всему Краснодарскому краю. Органы опеки и попечительства устанавливают опеку или попечительство на детей, оставшихся без попечения родителей, составляют списки с персональ-

ными данными таких детей в порядке, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, обеспечивают защиту их прав и интересов до решения вопроса об их устройстве и, исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей, избирают формы устройства детей, оставшихся без попечения, а также осуществляют постоянный контроль за условиями их воспитания, содержания и образования.

Немаловажно уточнить, что каждый ребенок, проживающий в семье, согласно Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) [3] имеет право на развитие своих индивидуальных способностей без жестокости, эксплуатации и голода, а также право на заботу родителями и совместное проживание с ними.

Существуют различные формы и способы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних [4]. В случае неисполнения родителями своих прямых обязанностей перед ребенком Управление по вопросам семьи и детства может назначить представителя между ребенком и родителем для их примирения и решения сложившейся ситуации. В случае если данный способ неэффективен, орган опеки и попечительства вправе обратиться в суд с иском для ограничения родительских прав, физического отстранения от воспитательного процесса или, в крайнем случае, о лишении родительских прав [5]. Управление по вопросам семьи и детства различными способами стремится создать условия для сохранения полноценной семьи и поддержания благоприятной среды в домах, где живут эти семьи. В случае когда сложившаяся ситуация не улучшается, используется крайняя мера — лишение родительских прав в связи с невозможностью дальнейшего исправления родителей.

В большинстве случаев не исправляются родители с алкогольной или наркотической зависимостью. В условиях такой жизни детям наносят как моральный, так и физический вред, создают условия антисанитарии, непригодные для комфортной жизни, и таким образом подвергают опасности физическое и психологическое здоровье ребенка.

Управление по вопросам семьи и детства обязано выявлять неблагополучные семьи и проводить с ними профилактическую работу: консультационные беседы, рекомендации, делать предупреждения, оказывать психологическую помощь.

В случае если все меры воздействия исчерпаны, и семья продолжает вести аморальный образ жизни, сотрудник опеки подает иск в суд. К иску прикрепляют акты обследования жилищных условий, показания знакомых и соседей, заключение врачей о состоянии здоровья ребенка. Если суд приходит к выводу, что ребенку будет лучше без родителей, чем с ними, то их лишают родительских прав [6]. Каждый гражданин должен знать, что в случае если ему стало известно о жестоком обращении с несовершеннолетним, о нарушении его интересов и законных прав или об угрозе жизни, то следует обратиться в органы опеки и попечительства по месту жительства несовершеннолетнего.

Таким образом, можно уберечь несовершеннолетнего и восстановить здоровые отношения в семье. В случае когда несовершеннолетний находится на попечении или под опекой, то Управление по вопросам семьи и детства оказывает постоянную помощь в медицинской помощи, получении образования, оказанию социальных услуг и способствует адаптации ребенка в новой семье. Для усыновителей существуют обучающие программы, направленные на психологическую и физическую помощь в воспитании несовершеннолетних.

Представляется, что основополагающим направлением деятельности органов опеки и попечительства по защите прав и интересов несовершеннолетних должны быть профилактические меры, которые направлены на все семьи, в которых несовершеннолетний находится в неблагоприятной обстановке, представляющей угрозу здоровью или жизни, или препятствующую качественному воспитанию в соответствии с возрастом несовершеннолетнего. Считаем, что проведение профилактических работ как превентивная мера может положительно отразиться на психологической обстановке в семье и качестве жизни несовершеннолетнего. Таким образом, предлагается внести поправки в Закон Краснодарского

края № 1370-КЗ «Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в Краснодарском крае» [7], которые закрепят межведомственное сотрудничество Управления по вопросам семьи и детства Краснодарского края и Управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних ГУ МВД России по Краснодарскому краю с целью обмена информацией о необходимости проведения профилактики в неблагополучных семьях на территории Краснодарского края.

Список литературы:

1. Гатин А. М. Гражданское право. Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2020. 489 с.
2. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступ. в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. С. 986–992.
4. Шапиева А. С., Куемжиева Е. Г. Значение судебно-психологической экспертизы в гражданском процессе по делам, касающимся защиты прав несовершеннолетних // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. 2019. С. 1501–1504.
5. Гражданское право: в 4 т.: учебник для вузов. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е. А. Суханов. МГУ им. М. В. Ломоносова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. 567 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 1. Ст. 16.
7. Закон Краснодарского края № 1370-КЗ Об организации и осуществлении деятельности по опеке и попечительству в Краснодарском крае (с изменениями на 23 декабря 2020 года) // Кубанские новости. № 7. 17.01.2008.

References:

1. Gatin A. M. Civil law. Tutorial. M.: Dashkov i K, 2020. 489 p.
2. On guardianship and guardianship: Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 17. Art. 1755.

3. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) // Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue. XLVI. Pp. 986–992.

4. Shapieva A. S., Kuemzhieva E. G. The value of forensic psychological examination in civil proceedings in cases concerning the protection of the rights of minors // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 74th scientific and practical conference of students on the results of research for 2018. Rep. for issue A. G. Koshchaev. 2019. Pp. 1501–1504.

5. Civil law: in 4 volumes: a textbook for universities. T. 1: General part / Resp. ed. E. A. Sukhanov. Moscow State University M. V. Lomonosov. 3rd ed., revised. and additional M.: Norma, 2019. 567 p.

6. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 1. Art. 16.

7. Law of the Krasnodar Territory No. 1370-KZ On the organization and implementation of guardianship and guardianship activities in the Krasnodar Territory (as amended on December 23, 2020) // Kuban News. No. 7. 17.01.2008.

УДК/UDC 342

Федеральные министерства России: вопросы правового установления, организации и деятельности

Беспалова Мария Александровна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: mashabespalovam@gmail.com

Лопатко Арина Дмитриевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: lopatko02.02@mail.ru

Юшко Александр Викторович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного
и финансового права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: jushko@inbox.ru
SPIN-код: 3465-5775

Аннотация

Система управления, представленная министерствами, эффективно функционирует и развивается в России свыше 200 лет. Задачей министерств является решение государственных задач в различных сферах общественной жизни: экономике, социальной сфере, культуре. Министерства образуют собой основу правительства, являются мобильными структурами, способными оперативно решать текущие государственные задачи. Министерства появились в Российской Империи, пережили ее падение, являлись структурными элементами советской системы власти, продолжают существовать и сегодня. В статье рассматривается правовой статус министерств в современных условиях с учетом проведенной конституционной реформы и прово-

димой административной реформы. Указываются принципы, на основании которых осуществляется деятельность федеральных министерств.

Ключевые слова: управление, государственной управление, федеральные министерства, конституционная реформа, административная реформа.

Federal ministries of Russia: issues of legal support, organization and activities

Bespalova Mariya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:mashabespalovam@gmail.com

Lopatko Arina Dmitriyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:lopatko02.02@mail.ru

Yushko Aleksandr Viktorovich
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative and Financial rights
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: jushko@inbox.ru
SPIN-код: 3465-5775

Abstract

The management system represented by the ministries has been effectively functioning and developing in Russia for over 200 years. The task of the ministries is to solve state problems in various spheres of public life: economy, social sphere, culture. The ministries form the basis of the government, they are mobile structures capable of quickly solving current state tasks. Ministries appeared in the Russian Empire, survived its fall, were structural elements of the Soviet system of power, and continue to exist today. The article examines the legal status of ministries in modern conditions, taking

into account the constitutional reform and ongoing administrative reform. The principles on the basis of which the activities of federal ministries are carried out are indicated.

Key words: governance, public administration, federal ministries, constitutional reform, administrative reform.

Поправки в Конституцию Российской Федерации, принятые в 2020 г., обусловили необходимость пересмотра понятий «публичное управление» и «публичная власть». С одной стороны, данные поправки закрепили давно наметившуюся тенденцию, с другой стороны, система управления Российской Федерации, очевидно, и дальше продолжит свое развитие. В данной связи возникают вопросы о понятии и содержании системы управления в Российской Федерации. Власть представляет собой явление, которое присуще любому коллективу, она по своей природе неизменна. Для того чтобы власть стала властеотношением, необходим объект управления. Публичная власть реализуется путем публичного управления в рамках процесса реализации власти.

Управление возникает тогда, когда функции управления реализованы коллективом. Так, коллектив сам передает функции управления определенным субъектам для обеспечения своего благополучия. На основе такого подхода строится система публичной власти в Российской Федерации. В рамках данной работы будет рассмотрено влияние поправок, внесенных в положения Конституции Российской Федерации в 2020 г., на систему публичной власти.

Так, на законодательном уровне произошло закрепление понятия «публичная власть». Данные изменения обусловили возникновение научного интереса к содержанию термина «публичная власть», установлению основных характеристик, а также выявлению соотношения понятий «публичная» и «государственная власть». Очевидно, что данные изменения отразятся на нормах административного права. Так, единая система публичной власти представлена федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов. Согласно по-

ложениям поправок, в систему органов публичной власти вошли и органы местного самоуправления [1].

На сегодняшний день мы наблюдаем разнообразие органов публичной власти, однако их не всегда можно соотнести с органами публичного управления. Так, не упомянуты некоммерческие организации, которым делегированы полномочия в различных сферах государственного управления. При этом различные ученые относят данные организации к субъектам управления. Невключение некоммерческих организаций в их число нарушает скоординированность их деятельности, снижает степень контроля [2].

Изменения в сфере законодательного регулирования вопросов государственного управления рассматриваются как процесс перераспределения функций государственного управления, что привело к необходимости введения термина «публичная власть». Организация публичного управления требует структуризации государственных органов, включения их в систему публичного управления, а также установления соответствия между органом и его функциональным предназначением. Проведение процессов оптимизации публичной власти требует создания эффективной системы взаимосвязи между органами государственной власти [3].

В теории государственного управления можно выделить такие функции, как организация, планирование, кадровое обеспечение и контроль, а также информационное обеспечение деятельности, прогнозирование и моделирование. Органы исполнительной власти реализуют функцию государственного управления [4]. Так, федеральные органы исполнительной власти наделяются полномочиями по выработке направлений государственной политики, разработке нормативно-правового регулирования данной сферы, осуществлению государственного контроля и надзора, оказанию государственных услуг. Однако следует отметить необходимость закрепления таких важных полномочий, как организация и координация деятельности всех участников в данной сфере.

Согласно положениям теории управления, органы государственного управления должны организовывать, координировать деятельность всех участников управленческих отношений. А система публичной власти должна обладать мобильностью, уметь быстро перестраиваться. Умение быстро реагировать на внезапные изменения указывает на высокие адаптивные возможности, однако важно уметь определять направления развития общественных отношений, формировать их новые виды [5].

Действующая система органов публичного управления представляет собой специфическую иерархическую систему, которую возглавляет Президент Российской Федерации. Структура данной системы определяется наличием разнообразных элементов, а также особенностями их взаимосвязи между собой. Современные управленческие отношения усложняются за счет создания специализированных органов, которые не принадлежат ни одной из ветвей власти. Кроме того, в систему государственного управления вовлечены негосударственные структуры. Поэтому развитие системы российского государственного управления будет непосредственно связано с необходимостью обеспечения интересов новых участников. В дальнейшем, возможно, это потребует отказа от термина «административный» и его замены на термин «публичный» [6].

В системе органов государственного управления Российской Федерации имеются органы, которые обладают властными полномочиями, но не входят ни в одну ветвь власти. Такие органы предусматривают в качестве цели своей деятельности координацию и контроль. Решения данных органов не имеют властный характер, что противоречит природе органов государственной власти. Поэтому на сегодняшний день прослеживается тенденция, связанная с созданием органов для реализации задач государственной власти.

В науке административного права имеется несколько оснований для классификации органов исполнительной власти. Исходя из критерия территориального функционирования, выделяются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Рос-

сийской Федерации. Формирование исполнительных органов отнесено к ведению Российской Федерации. По характеру своей компетенции органы исполнительной власти делятся на органы, обладающие общей компетенцией, которые реализуют свои функции относительно широкого объема вопросов, а также органы исполнительной власти отраслевой компетенции, которые сосредоточены на определенной сфере общественной жизни [7].

Деятельность федеральных министерств осуществляется на основе следующих нижеприведенных принципов. Следует при этом отметить, что данные принципы определяются современными особенностями организации государственной власти Российской Федерации.

Принцип самостоятельности непосредственно связан с принципом разделения властей. Речь идет о том, что федеральные министерства не находятся в организационном подчинении органов законодательной или судебной власти, обладают собственными полномочиями и компетенцией, вмешательство в их деятельность иных органов недопустимо.

Принцип единства системы органов исполнительной власти предусматривает, что все министерства между собой образуют исполнительную ветвь власти, поэтому при осуществлении своих полномочий руководствуются общими принципами функционирования исполнительных органов.

Принцип федерализма предусматривает, что организация деятельности министерств непосредственно связана с Федеративным договором Российской Федерации и положениями Конституции Российской Федерации, которые определяют перечень вопросов и предметов ведения. Субъекты Российской Федерации в своих конституциях определяют собственный перечень предметов ведения, а также закрепляют систему органов исполнительной власти. Принцип федерализма предусматривает, что вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения исполнительные органы субъектов сами осуществляют свои полномочия, федеральные органы власти могут передавать часть своих полномочий на основании положений Конституции Российской Федерации [8].

Законность является ведущим принципом, базирующимся на положениях Конституции Российской Федерации. Кроме того, деятельность федеральных министерств должна быть основана на принципах экономичности, сочетании централизации и децентрализации, гласности и ответственности.

Федеральное министерство осуществляет координацию и контроль за подведомственными федеральными службами и агентствами, дает указания, обязательные для исполнения, отменяет решения. В рамках осуществления своих полномочий министерства самостоятельны. Федеральные министерства осуществляют функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию. Возглавляет министерство министр Российской Федерации, входящий в состав Правительства Российской Федерации.

При этом федеральные министерства лишены надзорных полномочий, а также не могут управлять федеральным имуществом, за исключением случаев наделения специальными полномочиями. Федеральные министерства координируют деятельность служб, входящих в их подчинение. В настоящее время федеральные министерства отказались от прежней формулы «осуществление отраслевого управления» в пользу «управление установленной сферой деятельности». Выделение отрасли управления произошло в результате стремления упорядочить разделение полномочий и функций. Современное министерство не является отраслевым органом в чистом виде, как это было в советское время, ему отведены полномочия координатора. Возложение тех или иных полномочий происходит на основании установления одного профиля деятельности [9].

Особенностью административно-правового статуса российских федеральных министерств является то, что половина из них напрямую подчиняется Правительству Российской Федерации, а половина — Президенту Российской Федерации. Президент Российской Федерации руководит деятельностью министерств, которые осуществляют свои полномочия в сфере обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращении чрезвычайных ситуаций. Президент Российской

Федерации самостоятельно назначает руководителей данных ведомств, распределяет функции. Такая конструкция является сложной, порождает вполне обоснованные вопросы — для чего предусмотрено такое деление? Так, Президенту Российской Федерации подведомственны министерства, осуществляющие правоохранительные функции. Данный вопрос может быть решен посредством принятия специального федерального закона «О федеральных органах исполнительной власти».

Можно наблюдать, как федеральные министерства, службы и агентства наделяются полномочиями, связанными с исполнительной, правозащитной, контролирующей, учетной и охранительной деятельностью, а также с реализацией задач по прогнозированию и планированию [10]. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации намечается тенденция, связанная с установлением новой системы публичной власти, в которую наравне с Президентом Российской Федерации, органами законодательной, исполнительной и судебной власти входят государственные органы, наделенные правоприменительными властными полномочиями, органы, которым делегированы властные полномочия.

Усложнение управленческих отношений в государстве и обществе приводит к усложнению процессов государственного управления. Применяются более гибкие методы управления, методы прямого воздействия, а также вовлечение в сферу публичных отношений. Происходит перераспределение ряда управленческих функций между участниками, перераспределяются функции координации, организации, что позволяет сочетать методы отраслевого и межотраслевого управления. Российская система органов публичной власти и управления представляет собой не просто иерархическую систему, она является децентрализованной системой, руководит которой Президент Российской Федерации.

Список литературы:

1. Россинский Б. В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 6–13.

2. Мильшин Ю. Н. Оптимизация управленческой деятельности в современных условиях // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 10–12.
3. Щербакха Е. Г., Горнушко И. А. Актуальные проблемы применения административно-правовых механизмов противодействия коррупции в системе органов государственной власти. Евразийский юридический журнал. 2020. № 7. С. 165–166.
4. Бирюков П. Н. Общее административное право: Учеб.: В 2 ч. Ч. 1. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 856 с.
5. Спиридонов П. Е. Современные вопросы развития федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 101–102.
6. Богданова К. В., Сорокин В. А. Проблемные аспекты административного права // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 69–71.
7. Жеребцов А. Н. Административная правоприменительная практика: теоретический и практический аспекты. М.: Юстицинформ, 2018. 168 с.
8. Курдюк П. М., Очаковский В. А. Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления // Краснодар, 2019. 90 с.
9. Павлов Н. В., Овчинников Е. Б., Пуликов В. Г. Полномочия Правительства РФ в особых условиях, связанных с пандемией // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8. (159). С. 137–139.
10. Стариков Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 1(40). С. 27–28.

References:

1. Rossinsky B. V. Development of ideas about the subject of administrative law // Administrative law and process. 2021. No. 5. Pp. 6–13.
2. Milshin Yu. N. Optimization of managerial activity in modern conditions // Administrative law and process. 2020. No. 3. Pp. 10–12.
3. Shcherbakha E. G., Gornushko I. A. Actual problems of application of administrative and legal mechanisms for combating corruption in the system of public authorities. Eurasian legal journal. 2020. No. 7. Pp. 165–166.
4. Biryukov P. N. General Administrative Law: Textbook: At 2 pm Part 1. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. 856 p.
5. Spiridonov P. E. Modern issues of development of federal executive authorities of the Russian Federation // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSUA). 2019. No. 6. Pp. 101–102.

6. Bogdanova K. V., Sorokin V. A. Problematic aspects of administrative law // Administrative law and process. 2021. No. 3. Pp. 69–71.

7. Stallions A. N. Administrative law enforcement practice: theoretical and practical aspects. M.: Yustitsinform, 2018. 168 p.

8. Kurdyuk P. M., Ochakovsky V. A. Legal regulation of interaction between state and municipal authorities // Krasnodar, 2019. 90 p.

9. Pavlov N. V., Ovchinnikov E. B., Pulikov V. G. Powers of the Government of the Russian Federation in the special conditions associated with the pandemic // Eurasian legal journal. 2021. No. 8. (159). Pp. 137–139.

10. Starilov Yu. N. Public administration in the system of unified public authority: the terminological outcome of the constitutional reform // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2020. No. 1(40). pp. 27–28. 2020. No. 1 (40). Pp. 27–28.

УДК/UDC 342.98

К вопросу о практическом значении криминологического анализа личности преступника

Богатова Елена Валерьевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД РФ)

г. Екатеринбург, Россия

e-mail:Lenchik81-07@yandex.ru

Аннотация

Необходимость определения типологии и классификации преступников обуславливается разнообразием видов и способов совершения преступлений и преступного поведения, что требует дифференциации преступников, выявления специфических черт и составления психологических портретов лиц, совершающих общественно опасные деяния, с целью дальнейшего выявления виновных и предупреждения преступных деяний. В работе указываются направления, в рамках которых востребован криминологический анализ личности преступника, подчеркивается важность составления профайлинга. Отмечается, что знания о лицах, совершивших преступления, применяются в практической деятельности в ходе предварительного расследования; в судебном рассмотрении уголовных дел; при индивидуализации наказания; при выявлении виновных лиц в ходе оперативно-розыскной деятельности; при проведении профилактических мероприятий и др.

Ключевые слова: личность преступника, криминологическая характеристика, криминология, уголовное право.

On the question of the practical significance of criminological analysis of the criminal's personality

Bogatova Yelena Valeryevna

Senior Lecturer of the Administrative Law and DIA Administrative Operations

Department

Ural Law Institute of the Ministry Internal Affairs of Russian

Yekaterinburg, Russia

e-mail:Lenchik81-07@yandex.ru

Abstract

The need to determine the typology and classification of criminals is determined by the variety of types and methods of committing crimes and criminal behavior, which requires the differentiation of criminals, the identification of specific features and the compilation of psychological portraits of persons committing socially dangerous acts in order to further identify the perpetrators and prevent criminal acts. The paper indicates the areas in which the criminological analysis of the personality of the offender is in demand, the importance of compiling profiling is emphasized. It is noted that knowledge about the perpetrators of crimes is applied in practice during the preliminary investigation; in judicial consideration of criminal cases; in the individualization of punishment; when identifying perpetrators in the course of operational-search activities; when carrying out preventive measures, etc.

Key words: the identity of the criminal, the subject of the crime, criminological characteristics, criminology.

Исследуя преступность как негативное социальное явление, необходимо проводить анализ личности преступника и его социально-демографических, нравственно-психологических, правовых характеристик, что способствовало бы выявлению причин криминализации лица и, как следствие, совершения преступления.

Оценка состояния, динамики и тенденций преступности неразрывно связана с криминологическим исследованием личности преступников как в целом, так и отдельных ее видов. Классификация преступников, определение типов лиц, совершивших преступления, способствует практическому применению знаний об особенностях, характерных чертах, специфике поведения преступников как в криминологии, так и в других науках — уголовном праве, криминалистике, уголовном процессе,

уголовно-исполнительном праве, юридической психологии, педагогике, социологии и др.

В практической деятельности криминологический анализ личности востребован по следующим направлениям:

1. При формировании форм статистического учета и статистическом анализе преступности по количественным-качественным показателям, связанным с учетом лиц, совершивших преступления. Используются такие данные, входящие в статистические формы, как общее количество лиц, совершивших преступление; количество выявленных лиц по отдельным видам и категориям преступлений; количество лиц, ранее совершавших преступление; количество лиц, совершивших преступление и не имеющие постоянного источника дохода; количество безработных, совершивших преступление; количество лиц, совершивших преступление в группе; количество лиц, у которых признан рецидив, и др.
2. При установлении причин и условий совершения конкретных преступлений органами следствия и суда. В ходе предварительного следствия, судебного рассмотрения уголовного дела требуется устанавливать обстоятельства, способствующие совершению общественно опасного деяния, с целью их устранения и предотвращения совершения вновь преступления. Одним из источников выявления информации о причинах и условиях совершения преступления является анализ личности преступника и его криминализация.
3. При проведении индивидуально-воспитательной работы с лицами, подлежащими индивидуальной профилактике, к которым следует отнести: лиц, ранее судимых и отбывавших наказание в местах лишения свободы; несовершеннолетних, совершивших преступление, но к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, и др.

4. При индивидуализации наказания судебными органами, т. к. только полное и всестороннее изучение личности преступника и всех его характеристик позволяют применить справедливое и необходимое уголовное наказание, которое способствовало бы исправлению лица и предупреждению совершения им вновь общественно опасного деяния.
5. В оперативно-розыскной деятельности криминологическая характеристика личности преступника способствует раскрытию уголовных дел, выявлению и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступления; для привлечения лиц к негласному сотрудничеству.

Отдельные элементы криминологической характеристики личности преступника применяются в профайлинге, с помощью которого составляются психологические портреты (профили) преступников [1]. На основе особенностей совершения преступления, поведения предполагаемого виновного лица составляется профиль преступника, который помогает в ходе расследования уголовного дела выявлять лиц, совершивших преступление, идентифицировать их. При портретировании преступника используются психофизиологические, социально-демографические характеристики, выражающиеся в мотивах, поведенческих особенностях совершения преступления, в отношении к жертве, в способах сокрытия совершенного деяния. Профайлинг достаточно часто применяется при выявлении и раскрытии преступлений террористической, экстремистской направленности; сексуальных и иных насильственных преступлений.

Криминологическая характеристика личности всегда учитывается при профилактике преступлений, особенно на индивидуальном уровне. Применяя знания о различных типах преступников в практической деятельности правоохранительных органов, педагогических, социальных работников, становится возможным повысить эффективность индивидуально-воспитательного воздействия на личность с учетом личностно-мотивационных, морально-нравственных, поведенческих особенностей.

При профилактических мероприятиях следует соблюдать следующую последовательность: изучение характеристик личности преступника, определение типа личности преступника, применение профилактических мер, промежуточная оценка результатов, корректировка профилактических мер. Причем с учетом индивидуальных особенностей лица целесообразно проводить комплексные меры индивидуальной профилактики с привлечением специалистов по различным направлениям (психологов, психиатров, педагогов, дефектологов и др.) [5].

В современном обществе нарастает проблема использования искусственного интеллекта для совершения преступлений. Преступления, осуществляемые с использованием новейших информационных, компьютерных и иных технологий (дронов, ботов и т. п.), совершаются с помощью искусственного интеллекта, роботизированных устройств (сюда можно отнести различные виды мошенничества, незаконный оборот наркотических средств, хищение с банковских счетов, склонение к совершению самоубийства или содействие этому и т. п.) и пр. Искусственный интеллект повышает анонимность совершения преступления и снижает вероятность выявления виновного лица, что приводит к безнаказанности и совершению новых преступлений.

Информатизация современной жизни неизбежно проникает и в криминальную среду, что определяет необходимость выявления новых характеристик личности, связанных с обладанием навыками и опытом использования компьютерных сетей, особенностей поведения в информационном пространстве, что актуально для применения в практической деятельности правоохранительных органов с целью выявления преступников и привлечения их к ответственности.

При этом искусственный интеллект используется также в предупреждении преступности. Разработка специализированных программ для обработки больших массивов информации, статистических данных необходима для обеспечения оперативности поиска необходимых данных, для экономии времени при оформлении служебной документации; быстрого поиска и опознания людей по фото; распознавания индивидуально-

го почерка хакеров, предотвращения несанкционированных доступов и хакерских атак; для прогнозирования и моделирования преступности и т. п., где также используются, наряду с иными, данные о криминологической характеристике личности преступников.

В науке криминологии центральным понятием является личность преступника, и она же является объектом исследования многих ученых. Личность преступника раскрывается через социальную сущность лица, через совокупность характеризующих его признаков, свойств, отношений, через его нравственный и духовный мир, взятый во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения.

Изучение структуры личности преступника, состоящей из социально-демографической, правовой, социально-ролевой, морально-психологической и иной характеристики, позволяет анализировать причины преступного поведения, криминализацию личности, прогнозировать индивидуальное преступное поведение.

Определение типологии и классификации преступников обуславливается разнообразием видов и способов совершения преступлений и преступного поведения, что требует дифференциации преступников, выявления специфичных черт и составления психологических портретов лиц, совершающих общественно опасные деяния, с целью дальнейшего выявления виновных и предупреждения преступных деяний.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: НОРМА, 2019. 368 с.
2. Долгова А. И. Криминология: учебное пособие. М.: НОРМА, 2019. 368 с.
3. Клейменов М. П. Криминология: учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 400 с.
4. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2007. 128 с.

5. Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности: сборник трудов. М.: ИНФРА-М, 2010. 302 с.

References:

1. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. The identity of the perpetrator. Criminological and psychological research. M.: NORMA, 2019. 368 p.
2. Dolgova A. I. Criminology: textbook. M.: NORMA, 2019. 368 p.
3. Kleimenov M. P. Criminology: textbook. 3rd ed. revised and additional M.: Norma: INFRA-M, 2018. 400 p.
4. Kudryavtsev V. N. Struggle of motives in criminal behavior: monograph. M.: Norma: INFRA-M, 2007. 128 p.
5. Poznyshv S. V. Criminal psychology: Criminal types. On the psychological study of personality as a subject of behavior in general and on the study of the personality of a criminal in particular: a collection of works. M.: INFRA-M, 2010. 302 p.

УДК/UDC 342

Особенности бюджетно-правового регулирования деятельности бюджетных и автономных учреждений в условиях пандемии

Василькович София Вячеславовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:Vasilkovich.Sofiya@bk.ru

Нагучева Алина Зауровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:Alinusha.17@icloud.com

Аннотация

В статье рассматриваются меры, которые государство предприняло для поддержки деятельности бюджетных и автономных учреждений в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки, вызванной распространением COVID-19. Исследуются особенности регулирования финансирования деятельности бюджетных и автономных учреждений нормами бюджетного права в условиях распространения коронавирусной инфекции. Анализируются изменения, внесенные в Бюджетный кодекс Российской Федерации, а также некоторые другие федеральные законы и подзаконные акты, затрагивающие предмет исследования. Дается оценка возникшим особенностям исполнения бюджета, а также новым правилам предоставления грантов и субсидий для бюджетных и автономных учреждений, учредителями которых являются публично-правовые образования. Делается вывод о поощрительном характере мер, предпринятых для оптимизации деятельности рассматриваемых юридических лиц в условиях эпидемиологических ограничений.

Ключевые слова: Бюджетный кодекс Российской Федерации, бюджетные и автономные учреждения, субсидия, особенности исполнения бюджетов.

Features of budgetary and legal regulation of the activities of budgetary and autonomous institutions in the context of a pandemic

Vasilkovich Sofiya Vyacheslavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:Vasilkovich.Sofiya@bk.ru

Nagucheva Alina Zaurovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:Alinusha.17@icloud.com

Abstract

The article discusses the measures that the state has taken to support the activities of budgetary and autonomous institutions in a difficult epidemiological situation caused by the spread of COVID-19. The features of regulating the financing of the activities of budgetary and autonomous institutions by the norms of budgetary law in the context of the spread of coronavirus infection are studied. The changes made to the Budget Code of the Russian Federation, as well as some other federal laws and by-laws affecting the subject of research are analyzed. An assessment is given of the peculiarities of budget execution that have arisen, as well as the new rules for granting grants and subsidies for budgetary and autonomous institutions, the founders of which are public legal entities. The conclusion is made about the incentive nature of the measures taken to optimize the activities of the legal entities under consideration in the context of epidemiological restrictions.

Key words: Budget Code of the Russian Federation, budgetary and autonomous institutions, subsidy, peculiarities of budget execution.

Тяжелая эпидемиологическая обстановка, связанная с распространением вируса COVID-19, вызвала необходимость в скорейшем изменении системы законодательства для адаптации государственных механиз-

мов под новые реалии. Подобные процессы не могли не затронуть бюджетную сферу, ведь эпидемия многократно увеличила нагрузку на бюджеты федерального, регионального и местного уровня. Особое внимание следует уделить тем изменениям, которые затронули бюджетное обеспечение государственных и муниципальных учреждений. Т. к. данная группа субъектов финансовой деятельности государства является самой многочисленной и одновременно выполняющей значительный объем деятельности по обеспечению функциональности Российской Федерации, анализ изменений законодательства в рамках их бюджетного регулирования представляется важным [1].

Государственные и муниципальные учреждения как юридические лица являются коммерческими организациями и поэтому способны осуществлять деятельность, приносящую прибыль. Но введение ограничений, связанных с необходимостью остановить распространение COVID-19, лишило данные унитарные предприятия возможности осуществления многих видов коммерческой деятельности, из-за чего возникла потребность в их поддержке со стороны государства. Понимая это, законодатель осуществил некоторые реформы в области бюджетного законодательства. Так, например, в соответствии с ч. 9 ст. 2.1 Федерального закона от 12 ноября 2019 г. № 367-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году» [2] и ч. 11 ст. 9 Федерального закона от 15 октября 2020 г. № 327-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2021 году» [3] появилась возможность в течение 2020–2021 гг. предоставить из региональных и местных бюджетов целевой субсидии любому бюджетному и автономному учреждению. Ранее подобная возможность была предусмотрена лишь в отношении тех бюджетных учреждений, учредителями которых и являлись публично-правовые образования, предоставляющие субсидию. Цели, для которых

могут предоставляться субсидии, различны. Так, дополнительное финансирование может быть выделено для оплаты услуг по дезинфекции помещения бюджетной организации или для проверки состояния здоровья работников.

Еще одна значимая особенность бюджетно-правового регулирования в 2020–2021 гг. — отмена некоторых ограничений, которые обычно накладываются Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее по тексту — БК РФ) [4] на предоставление субсидий некоммерческим организациям, в т. ч. средств, получаемых бюджетными и автономными учреждениями в виде субсидий на иные цели (ст. 78.1 БК РФ). Как правило, данные выплаты предоставляются только в том случае, если они предусмотрены законом или бюджетом. Для их получения также требуется решение высшего должностного лица или высшего исполнительного органа государственной власти. В некоторых случаях необходимо выбрать потенциальных получателей средств, например при присуждении гранта. Т. к. грант является целевой выплатой, его предоставление было возможно только в рамках конкретного предоставления средств. Но благодаря применению бюджетной подписи с 2020 г. предоставление субсидий и грантов стало возможным в обход многих рамочных ограничений. Это касается целевых средств, выделенных в качестве бюджетных ассигнований на финансовую поддержку некоторых видов деятельности по улучшению экономической ситуации и предотвращению распространения вируса COVID-19. В 2021 г. подобные меры продолжали действовать, но круг возможных целей предоставления субсидий и грантов был уравнен с федеральным.

Кроме того, были предприняты некоторые шаги в отношении учреждений культуры, работа которых стала особенно трудно осуществима в условиях пандемии. Показателем сложности возникшей ситуации является тот факт, что почти все другие сферы, в которых действуют бюджетные учреждения, не получили отдельного подзаконного акта, регулирующего их деятельность в рамках коронавирусных ограничений. Учреждения культуры такой акт получили, им стало Постановление Прави-

тельства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 437 «О мерах поддержки федеральных государственных учреждений культуры в связи с осуществлением мероприятий по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19» [5]. На федеральном уровне учредители этих юридических лиц смогли в 2020 г. скорректировать допустимые (возможные) отклонения от установленных значений показателей качества и (или) объема применительно к отдельной государственной услуге (работе) или общее допустимое отклонение — в отношении государственного задания или его части, если прием посетителей в такие учреждения приостановлен в течение года.

Анализ изменений норм бюджетного права показал, что в отношении положений о финансировании бюджетных и автономных учреждений преобладающим является способ приостановление действия отдельных положений БК РФ и введение норм, влияющих на специфику финансирования деятельности этих юридических лиц и выполняемых ими задач. В целом государство избрало в отношении рассматриваемых учреждений подход по снижению ограничений в данной сфере и большей лояльности со стороны учредителя — публично-правового образования. В обоих случаях нормы носят временный характер, что очевидно вытекает из причины введения этих положений. Некоторые шаги предпринимались лишь в отношении федеральных учреждений, а остальные публично-правовые образования должны были проявить собственную инициативу (пример с поддержкой учреждений культуры), что обусловлено как принципом самостоятельности каждого бюджета, так и реализацией прав учредителя юридического лица [6].

Список литературы:

1. Писарева Е. Г. Правовые основы финансирования расходов государственных учреждений в системе публичных расходов // *Налоги*. 2016. № 2. С. 26–28.

2. О приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году: Федеральный закон от 12.11.2019 № 367-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337347/ (дата обращения: 14.01.2022).

3. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2021 году: Федеральный закон от 15.10.2020 № 327-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365125/ (дата обращения: 14.01.2022).

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 14.01.2022).

5. О мерах поддержки федеральных государственных учреждений культуры в связи с осуществлением мероприятий по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19: Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 437 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2291.

6. Яговкина В. Т. Особенности бюджетно-правового регулирования деятельности бюджетных и автономных учреждений в условиях пандемии // Финансовое право. 2021. № 7. С. 30–34.

References:

1. Pisareva E. G. Legal basis for financing the expenditures of state institutions in the system of public expenditures // Taxes. 2016. No. 2. Pp. 26–28.

2. On the suspension of certain provisions of the Budget Code of the Russian Federation and the establishment of specifics for the execution of the budgets of the budget system of the Russian Federation in 2020: Federal Law No. 367-FZ dated November 12, 2019 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337347/ (access date: January 14, 2022).

3. On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Establishing Features of Execution of the Budgets of the Budgetary System of the Russian Federation in 2021: Federal Law No. 327-F of October 15, 2020 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365125/ (access date: January 14, 2022).

4. The Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 145-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (access date: January 14, 2022).

5. On measures to support federal state cultural institutions in connection with the implementation of measures to combat the spread of a new coronavirus infection COVID-19: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 3, 2020 No. 437 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 15 (part IV). Art. 2291.

6. Yagovkina V. T. Features of budgetary and legal regulation of the activities of budgetary and autonomous institutions in a pandemic // Financial Law. 2021. No. 7. Pp. 30–34.

УДК/UDC 341.213

Государственно-подобные образования и их правосубъектность в современном мире

Виниченко Алина Сергеевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:alina.vinichenko1717@yandex.ru

Кудрявцева Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:larisa-k75@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам неоднозначности правовой природы и отсутствия конкретной установленной формы внешнего выражения международной правосубъектности современных государственно-подобных образований. Это связано с отсутствием общепризнанного в межгосударственном сообществе легального определения государственно-подобных образований и четких критериев разграничения таких образований с другими субъектами международного права. Также перечисляются примеры государственно-подобных образований, известных мировой истории, и раскрывается правовое положение государственно-подобных образований, которые существуют в современном мире. В работе представлена характеристика сущности и правового положения Ватикана как государственно-подобного образования и его значения для Святого Престола. Рассматривается правосубъектность Мальтийского Ордена как специфического субъекта международного права и затрагивается проблема определения его статуса на арене межгосударственных отношений.

Ключевые слова: субъект международного права, государственно-подобное образование, правосубъектность государственно-подобных образований, Ватикан как государственно-подобное образование, Мальтийский Орден.

State-like entities and their legal personality in the modern world

Vinichenko Alina Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:alina.vinichenko1717@yandex.ru

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:larisa-k75@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the problems of ambiguity of the legal nature and the absence of a specific established form of external expression of the international legal personality of modern state-like formations. This is due to the lack of a generally recognized legal definition of state-like formations in the interstate community and clear criteria for differentiating such formations with other subjects of international law. It also lists examples of state-like formations known in world history and reveals the legal status of state-like formations that exist in the modern world. The paper presents a characteristic of the essence and legal status of the Vatican as a state-like entity and its significance for the Holy See. The article considers the legal personality of the Order of Malta as a specific subject of international law and touches upon the problem of determining its status in the arena of interstate relations.

Key words: subject of international law, state-like entity, legal personality of state-like entities, Vatican as a state-like entity, Order of Malta.

Субъекты международного права — это участники международно-правовых отношений, которые обладают правами и обязанностями, осуществляют их в соответствии с нормами международного права и несут международную ответственность [1].

В науке международного права сформировалась концепция, касающаяся особого статуса его субъектов, где способность быть участником отношений, регулируемых международно-правовыми нормами, раскрывается не как главный признак субъекта, а лишь как предпосылка [2]. Основное качество данного субъекта выражается в юридической способности к самостоятельным действиям в сфере международных отношений, в т. ч. и к созданию согласованных международно-правовых норм, самостоятельному осуществлению прав, исполнению обязанностей, установленных этими нормами. В соответствии с рассматриваемой концепцией такие субъекты не находятся под чьей-либо юрисдикцией.

Подобный особый статус признается, в частности, за государствами, за определенными международными (межгосударственными) организациями, нациями и народами, борющимися против колониализма и за создание собственных государств, в т. ч. и за государственно-подобными образованиями.

В настоящее время существует около 250 государств, которые официально признаны или же не признаны международным сообществом, но также из мировой истории и современного опыта известно множество выраженных в самых разных правовых формах государственно-подобных образований. Они участвуют в международных отношениях и, соответственно, оказывают определенное влияние на международный политический процесс.

На сегодняшний день существует проблема слабого научного рассмотрения государственно-подобных образований как в отечественной юридической науке, так и в юридических науках многих зарубежных стран. При этом растет вероятность возникновения новых подобных субъектов международного права в связи с обострением ряда территориальных споров как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях, чем обосновывается необходимость более глубокого изучения вопроса правовой природы государственно-подобных образований.

Большой юридический словарь дает определение государственно-подобному образованию как особому виду субъектов международного

права, обладающему некоторыми признаками (чертами) государств, но не являющемуся таковым в общепринятом смысле [3].

Существуют и другие определения этого субъекта международного права, но легального нет. Так, например, И. В. Игнатенко определяет государственно-подобного образования в качестве особой исторической, политико-религиозной или политико-территориальной единицы, которая на основе международного акта или международного признания имеет относительно самостоятельный международно-правовой статус [4].

Чаще всего подобные субъекты международного права становятся таковыми на основе международного договора или решения международной организации. Государственно-подобные образования фактически являются нетипичным видом государства с ограниченной правоспособностью. Они формируют свой высший юридический акт, схожий с Конституцией по своему юридическому характеру, высшие органы государственной власти, гражданство и иные атрибуты государственной власти.

Считается, что появление таких субъектов международного права обусловлено неурегулированностью территориальных споров внутри того или иного государства.

К. К. Гасанов отмечает следующие признаки государственно-подобных образований: 1) территория, 2) постоянное население, 3) гражданство, 4) законодательные органы, 5) правительство, 6) международные договоры [5]. Однако их главное отличие от государств — процесс создания: данные образования формируются не по воле народа, там проживающего, а на основе международных договоров, политических споров, как это было, например, при образовании Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германия в 1949 г.

Часто термин «государственно-подобное образование» ошибочно заменяют термином «вольные города». Подобные казусы связаны с тем, что вольные города — наиболее типичный и распространенный вид государственно-подобных образований. Так, из мировой истории известны вольные города Ганзейского союза, которые существовали в Средневековую эпоху; Данциг как «свободное государство», таким признанное в

результате подписания Версальского мирного договора в 1919 г. (до 1939 г.); Краков, провозглашенный таковым согласно Венскому трактату 1815 г. (сохранил подобное положение до 1846 г.). Единственным в своем роде международно-правовым статусом государственно-подобного образования был наделен Западный Берлин в соответствии с Четырехсторонним соглашением между СССР, Великобританией, США и Францией от 3 сентября 1971 г.

Сегодня особенная роль в качестве таких образований у Ватикана и Мальтийского Ордена.

Государственно-подобное образования не обладают суверенитетом в привычном понимании, т. к., во-первых, их население — это не народ, а часть какой-либо нации или представители различных наций, даже граждане другого государства; во-вторых, их международная правоспособность сильно ограничена, реальной независимостью в международной сфере они не обладают. Такие образования появляются на основе международных актов. В соответствии с международными договорами они наделяются определенными правами и обязанностями, т. е. становятся субъектами международно-правового регулирования [6].

Т. к. Ватикан на данный момент является самым ярким представителем государственно-подобных образований, будет наглядно именно на его примере раскрыть их сущность.

Латеранские соглашения 1929 г. между Папой Римским и Италией стали фундаментом образования нового государства — Государства Города Ватикана.

Из анализа Конституции Ватикана следует, что Ватикан — суверенная, независимая с позиции права от Италии территория, что приводит к выводу о том, что Ватикан — отдельное, самостоятельное государство, но на самом деле данное мнение ошибочно. Ватикан — вспомогательная суверенная территория такого особого субъекта международного права, как Святой Престол.

Согласно Латеранским соглашениям 1929 г. Италия признает независимость Святого Престола в сфере международного права как харак-

терный элемент его природы, в согласии с его традициями и требованиями его миссии в мире (ст. 2 Договора между Святым Престолом и Италией). Дипломатические отношения с другими государствами устанавливаются не Ватиканом, а Святым Престолом, который и является базовым суверенным субъектом в международно-правовых отношениях. Именно со Святым Престолом, а не с «государством-городом» Ватикан, поддерживают официальные дипломатические отношения около 165 стран мира. Святой Престол является участником многих двух- и многосторонних международных соглашений, включен в состав ОБСЕ, имеет статус официального наблюдателя в ФАО, ООН, ЮНЕСКО.

Ватикан как государственно-подобное образование отличается от государств правовой системой, действующей на его территории. Правовая система Ватикана произошла от трех основных источников: каноническое право, законодательство Италии и законодательство непосредственно самого Ватикана. Об этом говорится и в ст. 1 Закона об источниках законодательства Ватикана, согласно которой главными источниками права в Ватикане являются: «а) Кодекс канонического права и апостолические постановления; б) законы, изданные для Ватикана Верховным главой церкви или делегированной им властью, а также постановления, издаваемые в установленном законом порядке компетентными властями», что уже позволяет исключить независимость, суверенность Ватикана как самостоятельного государства, в т. ч. и в отношениях с Италией. Например, на территории Ватикана в регулировании правоотношений с рядом уточнений применяются Уголовный, Гражданский и соответствующие им процессуальные кодексы Италии, а также часть других итальянских законов.

Иными словами, суверенность государственно-подобного образования Ватикан формальна, а цель его формирования — наделение Святого Престола, руководящей верхушки всей католической церкви, независимой территорией для осуществления его миссии.

Подвластно Святому Престолу также такое государственно-подобное образование, как Мальтийский Орден, штаб-квартира которого

расположена на территории Рима, на праве исключительного пользования до 2097 г. Данный субъект международного права также поддерживает дипломатические отношения более чем со 100 государствами, признан наблюдателем при ООН, его послы наделяются дипломатическим иммунитетом. Орден сформировал собственные органы власти во главе с Великим Магистром и собственным законодательством, в который входят Конституционная Хартия Мальтийского ордена, Кодекс Мальтийского Ордена, привилегии и обычаи ордена, Кодекс Великого Магистра Рогана, ратифицированные международные соглашения, законодательные постановления Великого Магистра. Дополнительным источником права служит каноническое право католической церкви. Мальтийский Орден признает себя в качестве суверенного государства с монархической формой правления, с собственными государственными символами, выпускает собственные валюту и паспорта.

Однако, по нашему мнению, данный субъект международного права правильнее будет отнести к международным организациям. Он не имеет ни собственной территории, ни даже населения, в его составе — лишь входящие в него члены и волонтеры, в качестве государственного языка выступает итальянский, а суверенитет Мальтийского Ордена признается другими государствами только на уровне дипломатической миссии, но не как суверенитет государства. Правосубъектность международных организаций отлична от правосубъектности государств и, соответственно, государственно-подобных образований. Условием правосубъектности международных организаций являются их учредительные договоры, которые определяют цели, задачи, порядок организации деятельности рассматриваемого субъекта международного права. Главная цель создания Мальтийского Ордена — благотворительская и волонтерская деятельность, что уже исключает возможность признания данного субъекта международного права в качестве самостоятельного государства, сколько бы он сам себя таковым не считал.

По нашему мнению, проблема неопределенности правовой природы, слабого международно-правового регулирования государственно-

подобных образований является более весомой для международных правоотношений, чем может показаться на первый взгляд. Правовая неопределенность данного вида субъектов международного права уже сегодня вызывает споры между рассматриваемыми субъектами с другими участниками международно-правовых отношений: например, как уже было сказано ранее, Мальтийский Орден считает себя государством, в то время как многие государства таковым его не признают, ведь от государственности в Мальтийском Ордене присутствуют лишь отдельные элементы. Тенденции глобализации и демократизации общества могут повлечь увеличение уровня формирования государственно-подобных образований и, соответственно, обострение конфликтов по поводу их правосубъектности и международного статуса. Важно сформировать на уровне международно-правовых норм наиболее характерные черты государственно-подобных образований, способы и цели их создания, основную систему и принципы работы, основания для признания их суверенными государствами.

Список литературы:

1. Насер А. А. Международное право. Учебник. М.: МИИТ, 2020. 398 с.
2. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА-Инфа-М, 1999. 584 с.
3. Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. 703 с.
4. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 624 с.
5. Гасанов К. К. Международное право: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 479 с.
6. Валеев Р. М., Курдюков Г. И. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов. М.: Статут, 2010. 624 с.

References:

1. Nasser A. A. International law. Textbook. Moscow: MIIT, 2020. 398 p.
2. Ignatenko G. V., Tiunov O. I. International law. Textbook for universities. M.: Publishing group NORMA-Infra-M, 1999. 584 p.

3. Sukharev A. Ya., Krutskikh V. E., Sukhareva A. Ya. A large legal dictionary. M.: Infra-M, 2003. 703 p.

4. Ignatenko G. V., Tiunov O. I. International law: textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. M.: Norma, 2005. 624 p.

5. Hasanov K. K. International law: textbook. M.: UNITI-DANA, 2010. 479 p.

6. Valeev R. M., Kurdyukov G. I. International law. Special part: textbook for universities. Moscow: Statut, 2010. 624 p.

УДК/UDC 34.347

Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя

Деревянко Наталья Александровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:cool.natalka130800@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового статуса индивидуального предпринимателя в Российской Федерации. Под индивидуальным предпринимателем законодатель подразумевает гражданина, который вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица. Индивидуальный предприниматель является равноправным субъектом предпринимательских правоотношений, хотя и является физическим лицом. Автором рассматриваются такие аспекты анализируемого субъекта, как регистрация индивидуального предпринимателя, прекращение его статуса, виды такого прекращения. На сегодняшний день правовой статус индивидуального предпринимателя связан с рядом проблем правового характера. Отмечается, что по мнению многих специалистов, законодатель должен отразить в законе четкий возраст, с которого возможно осуществление предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, правовой статус, юридическое лицо, государственная регистрация, дееспособность, эмансипация, банкротство.

Features of the legal status of an individual entrepreneur

Derevyanko Natalya Aleksandrovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:cool.natalka130800@yandex.ru

Abstract

The article discusses the features of the legal status of an individual entrepreneur in the Russian Federation. Under the individual entrepreneur, the legislator means a citizen who has the right to engage in entrepreneurial activities without forming a legal entity. An individual entrepreneur is an equal subject of business legal relations, although he is an individual. The author considers such aspects of the analyzed subject as registration of an individual entrepreneur, termination of his status, types of such termination. To date, the legal status of an individual entrepreneur is associated with a number of legal problems. It is noted that, according to many experts, the legislator should reflect in the law a clear age from which entrepreneurial activity is possible.

Key words: individual entrepreneur, entrepreneurial activity, legal status, legal entity, state registration, legal capacity, emancipation, bankruptcy.

Предпринимательская деятельность регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). В ст. 2 и 23 ГК РФ дается определение понятий предпринимательская деятельность и индивидуальный предприниматель. Так, предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. А под индивидуальным предпринимателем законодатель подразумевает гражданина, который вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [1].

Такая категория субъектов предпринимательских правоотношений, как индивидуальный предприниматель, обладает рядом особенностей в своем правовом положении.

Статус индивидуального предпринимателя приобретается с момента государственной регистрации, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»

[2]. Действующее законодательство точно не устанавливает возраст, с которого можно начать осуществление рассматриваемой деятельности, но из вышеуказанного определения можно выделить уточнение про дееспособность лица. Физические лица, являясь субъектами рассматриваемых правоотношений, обладают правоспособностью, дееспособностью, деликтоспособностью [3]. Значит, индивидуальный предприниматель должен быть полностью дееспособным, а этот момент наступает с наступления совершеннолетия, т. е. в 18 лет. Но имеются и исключения: полностью дееспособным также можно стать после 16 лет при условиях вступления в брак или эмансипации. Тогда речь уже идет о возможности стать индивидуальным предпринимателем в возрасте 16 лет. По мнению многих специалистов, законодатель должен отразить в законе четкий возраст, с которого возможно осуществление предпринимательской деятельности [4]. И большинство склоняется именно к тому, чтобы обозначили возможность 16-летних осуществлять подобную деятельность, т. к. налоговая и административная ответственности уже наступают в этом возрасте.

Также важно отметить, что для некоторых видов деятельности обязательно требуется наличие лицензии. Это правило применяется в тех случаях, когда предприниматель предполагает осуществлять деятельность, входящую в перечень, который содержится в ст. 17 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», например утилизацию вооружения и военной техники или торговлю вооружением и военной техникой [5]. Это прежде всего связано с тем, что осуществление такой деятельности без лицензии может повлечь за собой нарушение прав граждан или причинение вреда их здоровью.

Также ограничения установлены и для лиц, которые вообще могут стать индивидуальными предпринимателями. Так, те, кто занимают государственные должности, ограничены в этом праве ввиду особенности их работы лично или же через других лиц. Существует законодательный запрет в этом отношении, который находит отражение в Федеральном

законе от 25 декабря 2008 г. № 273-Ф «О противодействии коррупции» [6].

Особенностями правового статуса рассматриваемых лиц также можно назвать следующие:

- 1) в отличие от коммерческих организаций к индивидуальному предпринимателю не выдвигают требования о наличии стартового капитала;
- 2) при ведении налогового учета ведение бухгалтерского учета необязательно;
- 3) индивидуальный предприниматель при осуществлении своей деятельности отвечает по обязательствам всем своим имуществом, не имея при этом обособленного имущества на балансе, как у других юридических лиц;
- 4) индивидуальный предприниматель после банкротства через 5 лет может восстановить свой правовой статус [7];
- 5) все споры индивидуального предпринимателя, хотя он и не является юридическим лицом, рассматриваются в арбитражном суде.

Так, можно увидеть, что индивидуальный предприниматель является равноправным субъектом предпринимательских правоотношений, хотя и является физическим лицом.

Прекращение статуса индивидуального предпринимателя бывает двух видов — добровольное и принудительное. Первый вид прекращения деятельности инициируется самим индивидуальным предпринимателем. В таком случае лицо предоставляет заявление о государственной регистрации прекращения физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя и квитанцию об уплате госпошлины в регистрирующий орган. Принудительное же прекращение предпринимательской деятельности вызвано чаще всего банкротством.

Так, на сегодняшний день правовой статус индивидуального предпринимателя связан с рядом проблем правового характера. Помимо аспектов возрастных и связанных с состоянием здоровья, которые упоми-

нались выше, существуют вопросы относительно регулирования предпринимательской деятельности иностранных граждан или лиц без гражданства. Сфера предпринимательства для иностранных граждан и лиц без гражданства в России является в основном открытой, однако на практике возникают технические проблемы регистрации этих лиц. В то же время запрещено заниматься предпринимательской деятельностью гражданам, занимающим должности в связи с их государственной гражданской службой, например депутатам, прокурорам или следователям.

Таким образом, ввиду двойственности статуса индивидуального предпринимателя (в роли субъекта предпринимательской деятельности и физического лица) видна необходимость в дальнейшем совершенствовании действующего законодательства в части регулирования правового статуса индивидуального предпринимателя.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Российская газета. № 153–154. 10.08.2001.
3. Моцарь А. А., Шульга А. К. Осуществление предпринимательской деятельности иностранными гражданами // В сборнике: Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 6 частях. 2017. С. 137–140.
4. Предпринимательское право: учебник / Отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отشوкова. М.: Проспект, 2015. С. 103–104.
5. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Российская газета. № 97. 06.05.2011.
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. № 266. 30.12.2008.
7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta. Nos. 238–239. 08.12.1994.
2. On state registration of legal entities and individual entrepreneurs: Federal Law of 08.08.2001 No. 129-FZ // Rossiyskaya Gazeta. Nos. 153–154. 10.08.2001.
3. Motsar A. A., Shulga A. K. Implementation of entrepreneurial activity by foreign citizens // In the collection: Modern problems and perspective directions of innovative development of science. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference: in 6 parts. 2017. Pp. 137–140.
4. Business law: textbook / Ed. ed. I. V. Ershova, G. D. Otshokov. M.: Prospekt, 2015. Pp. 103–104.
5. On licensing certain types of activities: Federal Law of 04.05.2011 No. 99-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 97. 06.05.2011.
6. On combating corruption: Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 266. 30.12. 2008.
7. On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 28.10.2002. No. 43. Art. 4190.

УДК/UDC 347.6

Виды договорных обязательств в российском семейном праве

Жукова Полина Станиславовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:polina-zhukova-01@inbox.ru

Чирьев Илья Сергеевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:chirev.2001@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются институт договорных обязательств в отечественном семейном праве. Обозначаются наиболее характерные особенности договорных обязательств, возникающих между супругами. Анализируется современное семейное законодательство и научная литература. В заключении настоящего исследования сформулированы выводы и предложения, направленные на совершенствование отечественного семейного законодательства. Отмечается необходимость в модернизации семейного законодательства посредством закрепления новых механизмов, способствующих укреплению семьи, брачных отношений и института брака в целом. По мнению авторов существует острая необходимость в популяризации заключения брачных договоров ввиду их эффективности и полезности. Основными средствами популяризации использования брачных договоров могут быть средства массовой информации и различные некоммерческие организации.

Ключевые слова: семейные правоотношения, обязательство, брачный договор, имущество.

Types of contractual obligations in Russian family law

Chiriev Ilya Sergeyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:chirev.2001@mail.ru

Zhukova Polina Stanislavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:polina-zhukova-01@inbox.ru

Abstract

The article deals with the institution of contractual obligations in domestic family law. The most characteristic features of contractual obligations arising between spouses are indicated. Modern family legislation and scientific literature are analyzed. In the conclusion of this study, conclusions and proposals are formulated aimed at improving domestic family law. There is a need to modernize family legislation by securing new mechanisms that help strengthen the family, marital relations and the institution of marriage as a whole. According to the authors, there is an urgent need to popularize the conclusion of prenuptial agreements due to their effectiveness and usefulness. The main means of promoting the use of prenuptial agreements can be the media and various non-profit organizations

Key words: family relationship, obligation, marriage contract, property.

Регулирование брачно-семейных правоотношений может осуществляться посредством заключения гражданско-правовых договоров. К ним относится и брачный договор, который супруги могут заключать как до регистрации брака, так и после. Несмотря на достаточную распространенность практики заключения брачного договора в судебной практике часто встречаются случаи расторжения подобных договоров.

Отметим, что в период действия любого соглашения на всех его участников распространяется обязанность по соблюдению условий данного соглашения. Согласно ст. 43 Семейного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ) расторжение или же изменение брачного договора возможно по взаимному соглашению обоих супругов [1]. При этом закон предусматривает расторжение брачного договора в абсолютно любое время. В соответствии со ст. 43 СК РФ супругам необходимо составить соглашение о расторжении брачного договора. Соглашение должно иметь ту же форму, что и брачный договор, а именно письменная и нотариально удостоверенная форма.

При расторжении брачного договора суд в первую очередь ориентируется на положения ст. 450–453 ГК РФ [2]. Так, согласно ст. 452 ГК РФ, прежде чем обращаться в суд, один из супругов должен уведомить другого о желании изменить положения или некоторые условия брачного договора. В данном случае супругу необходимо уведомить вторую сторону о расторжении договора. Если же ответа на подобного рода предложение не последует, тогда супруг получает право обращения в суд с соответствующим заявлением.

Брачный договор может регулировать и обязательственные отношения, которые возникают между супругами в разных сферах хозяйственной деятельности, в т. ч. и в банковской [5, с. 360]. Так, в ст. 34 СК РФ закреплен специальный режим собственности супругов — «совместный». В указанной норме предусматривается отнесение всего имущества, нажитого в браке, к совместному имуществу супругов, т. е. данное имущество является общим. Следовательно, при расторжении брака все имущество, за исключением отдельных вещей, речь о которых пойдет далее, делится между супругами поровну.

В случае если супруги расторгнут свой брак, то имущество будет делиться пополам между ними.

Следует отметить, что при разделе предметов роскоши могут возникнуть правовые сложности доказывания предмета роскошью, поскольку в действующем законодательстве не содержится конкретного переч-

ня вещей, которые ввиду их признаков или же состава можно отнести к предмету роскоши. В тоже время, отечественная правовая доктрина относит к данным предметам:

- 1) различного рода драгоценности, в состав которых входит драгоценный металл (например, столовые приборы, сделанные из серебра);
- 2) антиквариат;
- 3) скульптуры и художественные картины, которые обладают определенной культурной ценностью;
- 4) предметы из пушнины и различных мехов (например, шуба).

Наиболее спорные и проблемные ситуации возникают при разделе супругов приватизированного имущества. Так, согласно общим нормам, если один из супругов в период брака приватизировал, например, квартиру, то другой супруг лишается права распоряжения данной квартирой. Второй супруг и общие дети обладают только правом пользования данным имуществом. При этом регистрация на спорной жилплощади не дает второму супругу права на свою долю квартиры [3, с. 176].

Разделение общей совместной собственности супругов не касается личных вещей, принадлежащих каждому из супругов в отдельности. Под личными вещами могут пониматься, например, одежда, смартфон, медали и награды.

Рассмотрим основания расторжения брачного договора. Законодатель предусматривает несколько оснований, однако мы подробно остановимся на существенном нарушении брачного договора, т. к. данное основание является наиболее распространенным. Расторгнуть брачное соглашение ввиду нарушения его условий можно в том случае, если одному из супругов был причинен существенный вред.

Также к основанию расторжения брачного договора следует отнести самостоятельное изменение обстоятельств договора одной из сторон. При изменении обстоятельств суду при разрешении представленного семейного спора необходимо принять решение, исходя из принципа соразмерного и равного распределения расходов между спорящими сторонами

[4, с. 216]. Как правило, речь идет о расходах на исполнение брачного договора.

Таким образом, видна необходимость в модернизации семейного законодательства посредством закрепления новых механизмов, способствующих укреплению семьи, брачных отношений и института брака в целом [5, с. 632]. Так, в качестве примера можно привести формирование и последующее внедрение общих стандартов социальной помощи молодым семьям. На наш взгляд, в ст. 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [6] необходимо внести дополнение, согласно которому детские пособия должны назначаться без учета доходов супругов. По нашему мнению, это поспособствует материальной независимости молодых семей и, соответственно, укреплению института брака.

На наш взгляд, существует острая необходимость в популяризации заключения брачных договоров ввиду их эффективности и полезности. Основными средствами популяризации использования брачных договоров могут быть средства массовой информации. Подобного рода популяризацией могут заниматься и различные некоммерческие организации, которые специализируются на социальной поддержке семей. Представляется, что это приведет к снижению общего числа ошибок, допускаемых при использовании норм, регламентирующих заключение брачных договоров, а также поспособствует предупреждению злоупотребления правом со стороны недобросовестных супругов.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Нестерова Т. И. Раздел общего имущества супругов // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 175–177.

4. Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Изд-во «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2005. 216 с.

5. Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции: Инновации бизнеса и бизнес инноваций / И. Н. Абанина, А. А. Айтманбетова, М. Л. Альпидовская [и др.]. Краснодар: НИИ Южного Федерального округа, 2017. 632 с.

6. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

References:

1. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

3. Nesterova T. I. Division of common property of spouses // Problems of economics and legal practice. 2018. No. 3. Pp. 175–177.

4. Nizamieva O. N. Contractual regulation of property relations in the family. Kazan: Taglimat Publishing House of the Institute of Economics, Management and Law, 2005. 216 p.

5. Phenomenon of the market economy: vectors and features of evolution: Business innovations and business innovations / I. N. Abanina, A. A. Aitmanbetova, M. L. Alpidovskaya [i dr.]. Krasnodar: Research Institute of the Southern Federal District, 2017. 632 p.

6. On state benefits to citizens with children: Federal Law of May 19, 1995 No. 81-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 21. Art. 1929.

УДК/UDC 349.6

К вопросу о добровольном исполнении налоговой обязанности

Каминская Елизавета Александровна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:lizakaminskaya.00@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается значение налога, налоговой обязанности, их правовое закрепление. Исследуются содержание добровольной реализации налоговой обязанности, система реализации налоговой обязанности в добровольном порядке. Рассматриваются специфические черты реализации налоговой обязанности плательщиками налогов в качестве организаций, а также плательщиками налогов в качестве физических лиц, различие между ними. Отмечается, что обязанность по уплате налогов возникает при существовании тесной правовой связи субъекта и объекта налогообложения по окончании конкретного периода, в т. ч. при наступлении определенной календарной даты либо же события. По мнению автора необходимо усовершенствовать налоговый мониторинг, увеличить размер штрафа за неуплату налогов, устранить пробелы в нормах налогового законодательства, которые могут стать причиной уклонения от уплаты налогов, сформировать предпосылки для добровольной реализации налоговой обязанности, совершенствовать налоговую образованность плательщиков налогов. Важно применять комплекс таких мер, как налоговое содействие и усовершенствованный налоговый контроль.

Ключевые слова: налог, налоговые отношения, налогоплательщик, государство, налоговый агент.

Voluntary fulfillment of tax obligations

Kaminskaya Yelizaveta Aleksandrovna

Student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:lizakaminskaya.00@mail.ru

<http://epomen.ru/issues/2022/68/Epomen-68-2022.pdf>

Abstract

The article discusses the importance of tax, tax liability, their legal consolidation. The content of the voluntary implementation of the tax obligation, the system for the implementation of the tax obligation on a voluntary basis are investigated. The specific features of the implementation of the tax obligation by taxpayers as organizations, as well as taxpayers as individuals, the difference between them are considered. It is noted that the obligation to pay taxes arises when there is a close legal connection between the subject and the object of taxation at the end of a specific period, incl. upon the occurrence of a certain calendar date or event. According to the author, it is necessary to improve tax monitoring, increase the amount of a fine for non-payment of taxes, eliminate gaps in tax legislation that can cause tax evasion, create prerequisites for the voluntary implementation of tax obligations, and improve tax education of tax payers. It is important to apply a set of measures such as tax assistance and improved tax control.

Key words: tax, tax relations, taxpayer, state, tax agent.

Обязанность по уплате налогов подразумевает правоотношение, которое включает плательщика налогов и государство, гарантирующее безопасность, социальное и финансовое благополучие гражданина [1]. Добровольная реализация обязанности по уплате налогов базируется на конкретных основополагающих началах. Среди них можно выделить:

1. Принцип своевременности. Своевременность реализации налоговой обязанности означает, что все плательщики налогов обязаны уплачивать налог в срок, закрепленный нормами налогового права. Срок уплаты налога не может изменяться на более ранний.
2. Принцип адресности. Реализовать обязанность по уплате налогов возможно, зачислив налог в надлежащий бюджет бюджетной системы Российской Федерации. При этом необходимо верно обозначить номер счета органа Федерального казначейства и наименование банка — получателя суммы.

3. Принцип самостоятельности. Если другое не закрепляется нормами налогового права, то плательщик налога должен лично реализовать обязанность по уплате налога. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 22 января 2004 г. № 41-0 обращает внимание, что налог является уплаченным лично в момент, когда он уплачен от имени плательщика налогов и за счет его денежных средств [2].
4. Принцип полной уплаты. Очевидно, что налоги необходимо уплатить в полной мере.
5. Принцип надлежащей валюты. Общепринята реализация обязанности по уплате налогов в валюте Российской Федерации.

Если сумма по уплате налога представлена в иностранной валюте, то она переводится в рубли по курсу Центрального банка Российской Федерации в день его уплаты. Добровольная реализация налоговой обязанности представляет собой действия, базирующиеся на личном свободном волеизъявлении плательщика налога [3].

Несомненно, государству нужно вначале гарантировать плательщику налогов возможность добровольной реализации закрепленной обязанности по уплате налогов [4]. Проясним разницу добровольной реализации обязанности по уплате налогов между юридическими лицами и физическими лицами. Добровольная реализация обязанности по уплате налогов юридических лиц означает, что организация самостоятельно ведет бухгалтерский учет, рассчитывает сумму своего налога и в сроки, закрепленные нормами налогового права, представляет платежное поручение в кредитную организацию. Для того чтобы предоставить в кредитную организацию платежное поручение, дается один операционный банковский день. Кроме того, среди обязанностей организации закрепляются представление в налоговый орган налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, хранение в течение пяти лет сведений бухгалтерского учета и указанной отчетности [5]. Как правило, организации самостоятельно и добровольно реализуют обязанность по уплате налогов. Например, иностранные организации, оказывающие услуги в

электронном виде, местом реализации которых признается территория Российской Федерации, обычно самостоятельно рассчитывают и уплачивают НДС [6]. Впрочем, для расчета налогов физических лиц налоговые органы либо налоговые агенты генерируют сведения самостоятельно [3]. Так, налоговую базу для плательщиков в качестве физических лиц рассчитывают налоговые органы, базируясь на информации, представляемой в налоговые органы органами, реализующими государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав на недвижимое имущество [7]. Важно отметить, что индивидуальные предприниматели обязаны самостоятельно рассчитывать и уплачивать налоги [8].

Из этого следует, что добровольная реализация обязанности по уплате налогов физическими лицами состоит в воздержании от действий, которые препятствовали бы уплате налогов либо их расчету налоговыми органами, налоговыми агентами. Немаловажно подчеркнуть, что расходований в ст. 45.1 Налогового кодекса Российской Федерации нет [9]. Добровольность реализации обязанности по уплате налогов подразумевает, что плательщик налогов реализует обязанность по уплате налогов самостоятельно, если иное не закреплено налоговым законодательством. Иное — обстоятельства, при которых налоговые агенты вмешиваются, чтобы гарантировать реализацию обязанности по уплате налогов [10]. В качестве примера можно также привести реализацию ФНС пилотного проекта в 2015 г. по стимулированию плательщиков налогов к добровольной реализации обязанности по уплате налогов. В масштабах проекта в числе плательщиков налогов были выявлены хозяйствующие субъекты со значительной вероятностью совершения правонарушений, и касательно них были реализованы соответствующие мероприятия налогового контроля [11].

Считаем важным выделить такую проблему, как уклонение от реализации налоговой обязанности. В последнее время увеличивается количество налоговых правонарушений в связи с неисполнением надлежащим образом обязанности по уплате налога. Часть налогоплательщиков ищет «лазейки» в законодательстве, пути избегания уплаты налогов. Это

приводит к нехватке средств в бюджете, ухудшению эффективности финансовой системы Российской Федерации и, как следствие, к появлению трудностей у остальных субъектов налогообложения.

Было бы разумным для решения указанной проблемы усовершенствовать налоговый мониторинг, увеличить размер штрафа за неуплату налогов, устранить пробелы в нормах налогового законодательства, которые могут стать причиной уклонения от уплаты налогов, сформировать предпосылки для добровольной реализации налоговой обязанности, совершенствовать налоговую образованность плательщиков налогов. Важно применять комплекс таких мер, как налоговое содействие и усовершенствованный налоговый контроль. Налоговая политика должна быть направлена на учет интересов плательщиков налогов, добровольно реализующих налоговую обязанность.

Таким образом, все плательщики налогов обязаны реализовывать закрепленную законодательством Российской Федерации обязанность по уплате налогов добровольно, чтобы финансовая система была стабильна и эффективна, а государство реже применяло принудительный метод реализации обязанности по уплате налогов. Это способствует установлению благоприятных взаимоотношений между всеми участниками налоговых правоотношений в целом, а проблемные ситуации будут решаться быстрее и возникать реже [12].

Список литературы:

1. Баринов А. С. Инновационные подходы к реализации налоговых обязательств в современных условиях // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2014. № 2-1. С. 34–38.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Сибирский Тяжпромэлектропроект» и гражданки Тарасовой Галины Михайловны на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 № 41-О // Экономика и жизнь. № 20. 2004.
3. Суглобов А. Е., Бобошко Н. М. Налоги и налогообложение. М.: Юнити-Дана, 2015. 543 с.

4. Курдюк П. М., Очаковский В. А. К вопросу о совершенствовании правового механизма налогового льготирования // Книга: право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 36-39.

5. Мешкова Д. А., Топчи Ю. А. Налогообложение организаций в Российской организации: Учебник для бакалавров. М.: Дашков и К, 2015. 160 с.

6. Бочков В. С., Очаковский В. А., Чернов Ю. И. НДС на электронные услуги, оказываемые иностранными компаниями в РФ: практика, проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2019. №12 (139). С. 192–194.

7. Иваненко И. Н., Чернов Ю. И., Пахомова К. Ю. К вопросу о кадастровой стоимости земельных участков // Власть Закона. 2018. №1 (33). С. 132–143.

8. Очаковский В. А., Архиреева А. С., Серопол Д. И. К вопросу о соотношении гражданского и налогового права в части применения отдельных способов обеспечения исполнения обязательств // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39. № 3. С. 109–112.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации: введен в действие Федеральным законом РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ [часть первая] и Федеральным законом РФ от 05.08.2000 № 117-ФЗ [часть вторая] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ и http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 13.01.2022).

10. Очаковский В. А. К вопросу о злоупотреблении правом в сфере налогов и сборов // Административное и финансовое право в условиях новой экономической деятельности: опыт и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сборник статей. Отв. ред. Е. А. Бочкарева. 2017. С. 180–183.

11. Очаковский В. А., Усенко А. С. К вопросу об установлении сбора за интернет-покупки в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 376–385.

12. Кусакина Н. В., Курдюк П. М., Очаковский В. А. Тенденции развития налогового законодательства в части предоставления налогоплательщикам налоговых льгот // Общество и право. 2019. № 1(67). С. 146–149.

References:

1. Barinov A. S. Innovative approaches to the implementation of tax obligations in modern conditions // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2-1. Pp. 34–38.

2. On the refusal to accept for consideration the complaint of the open joint-stock company "Sibirsky Tyazhpromelektroproekt" and citizen Galina Mikhailovna Tarasova on violation of constitutional rights and freedoms by the first paragraph of paragraph 1 of Article 45 of the Tax Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 22.01.2004 No. 41-O // Economy and life. No. 20. 2004.

3. Suglobov A. E., Boboshko N. M. Taxes and taxation. M.: Unity-Dana, 2015. 543 p.

4. Kurdyuk P. M., Ochakovsky V. A. On the issue of improving the legal mechanism of tax benefits // Book: Law and State: Problems of Methodology, Theory and History. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 36–39.

5. Meshkova D. A., Topchi Yu. A. Taxation of organizations in the Russian organization: Textbook for bachelors. M.: Dashkov and K, 2015. 160 p.

6. Bochkov V. S., Ochakovskii V. A., Chernov Yu. I. VAT on electronic services provided by foreign companies in the Russian Federation: practice, problems and solutions // Eurasian Law Journal. 2019. No. 12 (139). Pp. 192–194.

7. Ivanenko I. N., Chernov Yu. I., Pakhomova K. Yu. On the issue of the cadastral value of land // Power of the Law. 2018. No. 1 (33). Pp. 132–143.

8. Ochakovsky V. A., Arkhireeva A. S., Seropol D. I. To the question of the relationship between civil and tax law in terms of the application of certain methods of ensuring the fulfillment of obligations // Legal Bulletin of the DSU. 2021. V. 39. No. 3. Pp. 109–112.

9. The Tax Code of the Russian Federation: put into effect by the Federal Law of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 146-FZ [Part One] and the Federal Law of the Russian Federation of August 5, 2000 No. 117-FZ [Part Two] // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-19671/ and http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (access date: January 13, 2022).

10. Ochakovsky V. A. To the question of the abuse of law in the sphere of taxes and fees // Administrative and financial law in the conditions of new economic activity: experience and prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Digest of articles. Rep. ed. E. A. Bochkareva. 2017. Pp. 180–183.

11. Ochakovsky V. A., Usenko A. S. On the issue of establishing a fee for online purchases in Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 376–385.

12. Kusakina N. V., Kurdyuk P. M., Ochakovsky V. A. Trends in the development of tax legislation in terms of granting tax benefits to taxpayers // Society and Law. 2019. No. 1(67). Pp. 146–149.

УДК/UDC 4414

Особенности правового положения несовершеннолетних родителей

Козлова Виктория Константиновна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:kozlova.vika402@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам правового статуса несовершеннолетних родителей в Российской Федерации, касающихся объема их прав и обязанности в разных возрастных группах. На основе сопоставления положений гражданского и семейного законодательства были выявлены сложности в соотношении гражданской и родительской дееспособности несовершеннолетних родителей. Проанализирована имеющаяся правовая коллизия, касающаяся окончания опеки, назначаемой в рамках п. 2 ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации. Отмечается, что законодательное ограничение родительской правоспособности некоторых групп несовершеннолетних родителей необходимо учитывать при анализе объема их обязанностей. В заключении автор приходит к выводу, что действующее законодательство, регламентирующее правовое положение несовершеннолетних родителей, имеет пробелы в правовом регулировании, требующие срочного вмешательства законодателя.

Ключевые слова: несовершеннолетние родители, права и обязанности несовершеннолетних родителей, родительская дееспособность, семейное право, опека.

Peculiarities of the legal status of underage parents

Kozlova Victoriya Konstantinovna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:kozlova.vika402@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problems of the legal status of minor parents in the Russian Federation, concerning the scope of their rights and obligations in different age groups. Based on a comparison of the provisions of civil and family law, difficulties were identified in the ratio of civil and parental capacity of minor parents. The existing legal conflict regarding the end of guardianship appointed under paragraph 2 of Art. 62 of the Family Code of the Russian Federation. It is noted that the legislative restriction of the parental capacity of some groups of minor parents must be taken into account when analyzing the scope of their duties. In conclusion, the author comes to the conclusion that the current legislation regulating the legal status of minor parents has gaps in legal regulation that require urgent intervention by the legislator.

Key words: underage parents, rights and obligations of underage parents, parental legal capacity, family law, guardianship.

Актуальность исследования правового статуса несовершеннолетних родителей обусловлена высокими показателями рождающих несовершеннолетних девушек. По данным Росстата, на 2020 г. число материй в возрасте от 12 до 17 лет составило 11 190 человек [1].

Права и обязанности несовершеннолетних родителей определены в Семейном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ). Особенность правового положения несовершеннолетних родителей заключается в совмещении этими субъектами права двух специальных статусов — статуса несовершеннолетнего и статуса родителя, объем прав и обязанностей которых не совпадают.

Осуществление родителями своих прав и исполнение ими обязанностей по отношению к своим детям ставится в прямую зависимость от наличия у них определенного объема дееспособности, необходимой для защиты собственных прав, а также интересов ребенка. Ввиду чего законодателем установлен возрастной порог, определяющий возможность самостоятельно осуществлять родительские права по достижении шестнадцати лет (п. 2 ст. 62 СК РФ) [2].

Достижение возраста шестнадцати лет является юридическим фактом, обуславливающим появление полной родительской дееспособности лица, но еще не дает оснований для реализации предоставленных гражданских прав. Другая ситуация складывается при вступлении такого лица в брак, что влечет за собой приобретение полной гражданской дееспособности до достижения возраста совершеннолетия.

Наименьшим объемом прав обладают группы несовершеннолетних родителей, которые достигли возраста шестнадцати лет, но не вступили в брак, а также родители в возрасте до шестнадцати лет.

В первую очередь данные положения подтверждаются отсутствием полной гражданской и гражданской процессуальной дееспособности, не позволяющей несовершеннолетнему родителю свободно вступать во все экономические отношения, а также пользоваться всеми предусмотренными средствами защиты своего права [3].

Кроме того, для несовершеннолетних родителей, не достигших возраста шестнадцати лет и не вступивших в брак, характерно усечение объема их прав, что не позволяет законодателю возложить на них весь спектр родительских обязанностей. Речь идет об ограничении права на воспитание ребенка, т. к. до достижения возраста шестнадцати лет ребенку несовершеннолетнего родителя назначается опекун, который совместно с родителем занимается воспитанием ребенка.

По действующему законодательству назначение опекуна является обязанностью органов опеки и попечительства, что ликвидировало существующую ранее неопределенность в отношении несовершеннолетних родителей, не способных обеспечить исполнение родительских обязанностей, которым такой опекун не был предоставлен.

Несмотря на назначение опекуна, ограничивающее право родителя на воспитание ребенка, данное право подлежит защите вне зависимости от объема его осуществления, что позволяет предъявлять требования о возврате ребенка от любого лица, безосновательно удерживающего его, с соблюдением установленного порядка обращения в юрисдикционные органы.

Поскольку родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами [4], думается, что роль опекуна в самостоятельном родительском отношении должна относиться к «юридической» опеке, т. е. представительству несовершеннолетнего родителя в случаях, когда несовершеннолетний не вправе выступать в правоотношениях в качестве самостоятельного субъекта. Но это не исключает оказание ему помощи в «фактической» опеке.

Кроме того, некоторые положения СК РФ, затрагивающие правовое положение несовершеннолетних родителей в части окончания указанной опеки, вступают в противоречие с нормами Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [5]. Для того чтобы согласовать нормы указанных нормативно-правых актов, предлагается установить в качестве основания прекращения указанной опеки достижение несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет. В действующей же редакции ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» опека над детьми несовершеннолетних родителей прекращается по достижении ими возраста восемнадцати лет или приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме, а в других случаях — до достижения совершеннолетия, хотя по смыслу п. 2 ст. 62 СК РФ опекун назначается до возникновения полной родительской дееспособности.

Некоторые правоведы не согласны с позицией законодателя относительно ограничения прав и обязанностей несовершеннолетних родителей, считая, что возраст не является показателем зрелости и сознательности человека, в соответствии с чем даже несовершеннолетний родитель может полноценно воспитывать своего ребенка [5].

Поэтому в науке семейного права существует мнение о возможности определения факта рождения ребенка у несовершеннолетнего в качестве основания признания его полностью дееспособным гражданским и семейным правом [6]. С таким подходом полностью согласиться нельзя, поскольку в настоящее время самый ранний возраст рождения ребенка составляет 12 лет. Несовершеннолетний родитель в этом возрасте едва

ли готов к высокому уровню ответственности за своего ребенка в силу отсутствия образования, финансовых и правовых возможностей.

Стоит отметить, что законодательное ограничение родительской правоспособности некоторых групп несовершеннолетних родителей необходимо учитывать при анализе объема их обязанностей. При этом вне зависимости от вступления в брак существуют право на совместное проживание со своим ребенком и на участие в его воспитании, на признание и оспаривание своего отцовства или материнства на общих основаниях, а по достижении ими возраста четырнадцати лет — установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке.

Таким образом, действующее законодательство, регламентирующее правовое положение несовершеннолетних родителей, имеет пробелы в правовом регулировании, требующие срочного вмешательства законодателя.

Список литературы:

1. Естественное движение население Российской Федерации за 2020 год (статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.12.2021).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-8982/ (дата обращения: 02.12.2021).
3. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. Д. Эриашвили, П. В. Алексей, И. В. Петров [и др.]; под ред.: М. М. Рассолова, О. Ю. Ильиной, А. Н. Кузбагарова. Издание 4-е, переработанное и дополненное. М.: Издательство «Юнити-Дана», 2012. 911 с.
4. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008. № 48-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.
5. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 02.12.2021).
6. Мельникова С. А. Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних // Евразийский научный журнал. 2017. № 5. С. 143–147.

7. Савельева Н. М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 196 с.

References:

1. Natural movement of the population of the Russian Federation for 2020 (statistical bulletin) // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (access date: December 02, 2021).

2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (access date: December 02, 2021).

3. Civil law: a textbook for university students studying in the specialty "Jurisprudence" / N. D. Eriashvili, P. V. Alexy, I. V. Petrov [and others]; under the editorship of: M. M. Rassolova, O. Yu. Ilina, A. N. Kuzbagarov. 4th edition, revised and enlarged. Moscow: Unity-Dana Publishing House, 2012. 911 p.

4. On guardianship and guardianship: Federal Law of 24.04.2008. No. 48-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 17. Art. 1755.

5. On the application by the courts of legislation in resolving disputes related to the upbringing of children: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 1998 No. 10 // // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (access date: December 02, 2021).

6. Melnikova S. A. Non-fulfillment by parents or other legal representatives of minors' obligations for the maintenance and upbringing of minors // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 5. Pp. 143–147.

7. Savelyeva N. M. The legal status of the child in the Russian Federation: civil law and family law aspects: author. diss. ... cand. legal Sciences. Belgorod, 2004. 197 p.

УДК/UDC 349.6

К вопросу о роли общественного экологического контроля в реализации конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии

Коновалов Александр Андреевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:bronia1337@mail.ru

Шаговик Илья Юрьевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ilya.shagovik@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается роль общественного экологического контроля в обеспечении эффективной защиты конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. Анализируется взаимосвязь конституционного права на благоприятную окружающую среду с другими основными правами человека и гражданина. Рассматривается процесс деятельности общественного экологического контроля, его влияние на развитие и укрепление гражданского общества в современных российских реалиях. Исследуются различные федеральные законы, регулирующие процесс участия граждан и общественных объединений в ходе осуществления общественного экологического контроля. Изучаются существующие проблемы в законодательстве, регулирующем процесс осуществления общественного экологического контроля. В завершении статьи авторами предлагаются меры, способствующие улучшению эффективности проводимого общественного экологического контроля, основанные на доработке уже существующего федерального законодательства.

Ключевые слова: общественный экологический контроль, гражданское общество, субъект, система и процесс общественного экологического контроля, специализированное законодательство, граждане, конституционное право на благоприятную окружающую среду.

On the role of public environmental control in the realization of the constitutional rights of citizens to a favorable environment and reliable information about its condition

Konovalov Aleksandr Andreyevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:bronia1337@mail.ru

Shagovik Ilya Yuryevich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:ilya.shagovik@mail.ru

Abstract

This article discusses the role of public environmental control in ensuring the effective protection of the constitutional right of citizens to a favorable environment and reliable information about its condition. The relationship of the constitutional right to a favorable environment with other basic human and civil rights is analyzed. The process of activity of public environmental control, its influence on the development and strengthening of civil society in modern Russian realities is considered. Various federal laws regulating the process of participation of citizens and public associations in the course of public environmental control are being investigated. Existing problems in the legislation regulating the process of public environmental control are being studied. At the end of the article, the authors propose measures to improve the efficiency of ongoing public environmental control, based on the refinement of existing federal legislation.

Key words: public environmental control, civil society, subject, system and process of public environmental control, specialized legislation, citizens, constitutional right to a favorable environment.

Ключевыми элементами конституционно-правового статуса человека выступают как сами права и обязанности, установленные Конституцией Российской Федерации, так и гарантии защиты прав и их эффективной реализации. К числу основных, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, относится и право каждого на благоприятную окружающую среду, закрепленное в ст. 42 Конституции Российской Федерации [1].

Рассматривая место и роль данного конституционного права во всей системе базовых прав гражданина, можно обнаружить прямую взаимосвязь права на благоприятную окружающую среду с правом на жизнь, на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Необходимо отметить, что ведущая роль в защите прав граждан, в т. ч. и защите права на благоприятную окружающую среду, может и должна принадлежать не только уполномоченным на данную деятельность правоохранительным органам, но также и самим гражданам, их объединениям. Вышеназванная идея находит свое отражение в положениях абз. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 32 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее по тексту – Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ). Учитывая современные тенденции развития гражданского общества, становления России как правового государства, закономерным является запрос на увеличение роли граждан и общественных объединений в области защиты конституционного права на благоприятную окружающую среду. Законодательно регулирование общественного экологического контроля закреплено в ст. 68 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ [2].

Данная статья закрепляет только цели общественного экологического контроля, перечень субъектов общественного экологического контроля, а также детально регламентирует деятельность общественных ин-

спекторов по охране окружающей среды. При этом вне регулирования данного закона остался широкий перечень вопросов. Так, перечень субъектов, имеющих право на осуществление общественного экологического контроля, неполон, для ознакомления с полным кругом субъектов, осуществляющих общественный контроль, необходимо обращаться к ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [3].

На наш взгляд, более логичным и рациональным представляется полное перенесение перечня субъектов из одного закона в другой. Исходя из положений ч. 3 ст. 68 Федерального закона «Об охране окружающей среды», результаты общественного экологического контроля, представленные государственным органам и органам местного самоуправления, подлежат обязательному рассмотрению в порядке, установленном законодательством.

Однако в вышеназванном федеральном законе данный порядок не закреплен, специальные ведомственные акты, регламентирующие порядок реагирования органов публичной власти на результаты общественного экологического контроля, также отсутствуют. Проблема частично разрешается законами субъектов Российской Федерации, в частности Закон Красноярского края от 20 сентября 2013 г. №5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» в ст. 11 более полно раскрывает процесс ответа на результаты общественного экологического контроля, но на федеральном уровне подобных правовых норм не существует [4]. На наш взгляд, для большей эффективности осуществления общественного экологического контроля законодателю необходимо разработать и детально регламентировать процесс реакции органов государственной власти и органов местного самоуправления на результаты общественного экологического контроля. Более проработан институт общественных инспекторов по охране окружающей среды, но и он, к сожалению, не лишен недостатков. К гражданам, изъявившим желание стать общественными инспекторами по охране окружающей среды, не предъявляется требований о наличии специального образования

(природоохранного, юридического, экологического), что существенным образом влияет на качество их работы [4]. Для того чтобы данная деятельность развивалась эффективно, необходимо совершенствование правового регулирования земельного контроля и надзора.

Таким образом, по нашему мнению, существуют следующие проблемные аспекты правового регулирования общественного экологического контроля, решение которых значительно улучшит реализацию права граждан и общественных объединений на защиту своего конституционного права на благоприятную окружающую среду: отсутствие детального перечня субъектов осуществления общественного экологического контроля; неурегулированность порядка реакции органов публичной власти на результаты общественного экологического контроля; конкретизация и расширение необходимых требований к кандидату в инспекторы и наличие опыта в сфере природопользования, поскольку Россия встретила XX в. с критическим состоянием окружающей среды [6, с. 154].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
2. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.06.2014. № 1. Ст. 4213.
4. Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае: Закон Красноярского края от 20.09.2013 № 5-1597 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. № 40(615). 2013.
5. Мустафина С. А., Раздобурдин В. В., Малиев Р. Т. Государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2018. № 2 (26). С. 103–106.
6. Мустафина С. А., Панова Е., Романченко Н. Проблемы создания экологического кодекса // В сборнике: Концепции устойчивого развития науки в современных

условиях // сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 6 частях. 2017. С. 152–156.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, dated July 1, 2020 No. 11-FKZ) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 01.07.2020. No. 31. Art. 4398.

2. On environmental protection: Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 01/14/2002. No. 2. Art. 133

3. On the basics of public control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 28.06.2014. No. 1. Art. 4213.

4. On environmental safety and environmental protection in the Krasnoyarsk Territory: Law of the Krasnoyarsk Territory dated September 20, 2013 No. 5-1597 // Bulletin of the highest state authorities of the Krasnoyarsk Territory. No. 40(615). 2013.

5. Mustafina S. A., Razdoburdin V. V., Maliev R. T. State land supervision and municipal land control // Bulletin of the North Caucasian Humanitarian Institute. 2018. No. 2 (26). Pp. 103–106.

6. Mustafina S. A., Panova E., Romanchenko N. Problems of creating an environmental code // In the collection: Concepts of sustainable development of science in modern conditions // collection of articles on the results of the International scientific and practical conference: in 6 parts. 2017. Pp. 152–156.

УДК/UDC 347.736

Доказывание недействительности сделок при банкротстве застройщиков

Каушан Валерия Евгеньевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:kaushan.v00@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются новеллы законодательства о несостоятельности (банкротстве), регулирующего порядок удовлетворения требований граждан — участников строительства при банкротстве застройщиков. Анализируется режим погашения требований участников строительства по денежным обязательствам и обязательствам имущественного характера (о передаче жилых помещений). Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве) застройщиков. Рассматриваются особенности удовлетворения требований участников долевого строительства в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) застройщиков. Исследуются законодательные нормы, регулирующие банкротство застройщиков. Обозначается ряд преимуществ, предоставленных дольщикам, которые недоступны иным кредиторам. Анализируются роль арбитражного суда при осуществлении судебного разбирательства, в котором ставится вопрос о признании сделки недействительной, а также роль каждого участника судопроизводства при признании сделок недействительными в рамках банкротства застройщика. Рассматривается роль публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» в процедуре признания недействительными определенных сделок.

Ключевые слова: доказывание, оспаривание сделок, банкротство застройщиков, недействительность сделок, последствия признания сделки недействительной, застройщики, обманутые дольщики.

Proving the invalidity of transactions in case of bankruptcy of developers

Kaushan Valeriya Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:kaushan.v00@mail.ru

Abstract

The article examines the novelties of the legislation on insolvency (bankruptcy), which regulates the procedure for satisfying the requirements of citizens - construction participants in case of bankruptcy of developers. The mode of repayment of claims of construction participants for monetary obligations and obligations of a property nature (on the transfer of residential premises) is analyzed. Proposals are made to improve the current legislation on the insolvency (bankruptcy) of developers. The features of satisfaction of the requirements of participants in shared construction within the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure of developers are considered. The legislative norms regulating the bankruptcy of developers are being investigated. A number of benefits provided to equity holders that are not available to other creditors are indicated. The role of the arbitration court in the implementation of the trial, which raises the issue of declaring the transaction invalid, as well as the role of each participant in the legal proceedings when declaring transactions invalid as part of the developer's bankruptcy, is analyzed. The role of the public law company "Foundation for the Protection of the Rights of Citizens - Participants of Shared Construction" in the procedure for invalidating certain transactions is considered.

Key words: proof, challenging transactions, bankruptcy of developers, invalidity of transactions, consequences of declaring a transaction invalid, development, defrauded equity holders.

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о несостоятельности) [1], регулирующий процедуру признания должника банкротом в целом, дает правовую возможность оспорить «сомнительные» сделки должни-

ка. По общему правилу это осуществляется согласно положениям гражданского законодательства.

Оспариванию подлежат сделки [2]:

- 1) являющиеся подозрительными;
- 2) влекущие в качестве последствия оказание предпочтения какому-либо кредитору перед иными;
- 3) осуществленные в отношении правопреемников.

Конечно, сама процедура оспаривания сделок должника несколько отличается от общего порядка. Она обладает определенной спецификой, которая изложена в ст. 61.4 Закона о несостоятельности [1]. В частности, это области, которые касаются:

- 1) проведения торгов;
- 2) передачи имущества и принятия обязанностей;
- 3) получения встречного исполнения;
- 4) исполнения денежных обязательств, которые проистекают из кредитного договора;
- 5) осуществления разнообразных действий в рамках финансового договора и т. д.

Основное последствие признания сделки недействительной заключается в том, что имущество, являющееся предметом недействительной сделки, подлежит незамедлительному возврату в конкурсную массу [3]. На приобретателя возлагается обязанность, при невозможности возврата имущества, возместить стоимость переданного по недействительной сделке.

Имеется два основания, когда арбитражный суд осуществляет отказ в оспаривании конкретной сделки:

- 1) при стоимости приобретенного должником имущества выше возможного в перспективе возвращенного в конкурсную массу в результате оспаривания;
- 2) при возвращении по недействительной сделке приобретателем имущества в конкурсную массу.

К субъектам, которые имеют право оспаривать осуществленные должником сделки, относятся [4]:

- 1) арбитражный управляющий;
- 2) временная администрация финансовой организации;
- 3) уполномоченный орган;
- 4) конкурсный кредитор.

Исходя из основ гражданского законодательства, сделки в некоторых случаях могут признаваться как оспоримыми, так и ничтожными. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) включает множество оснований, по которым сделка может признаваться недействительной. Заключенная сделка должна иметь некоторое несоответствие каким-либо требованиям закона согласно положениям ст. 166 ГК РФ.

По делам о недействительности сделок при банкротстве застройщика в область предмета доказывания входят следующие элементы [6].

1. Соблюдение некоторого комплекса условий заключенной сделки:
 - соответствие формы сделки установленной законодательными положениями;
 - осуществление сделки лицом, имеющим дееспособность;
 - соответствие законодательству содержания сделки, а также непосредственно юридических последствий;
 - фактическое волеизъявление лица находится в соответствии с действительной волей.
2. Наличие комплекса оснований с целью признания недействительной определенной сделки, которые имеются в законодательных актах (ст. 165, 162, 179, 168 ГК РФ).

Следует отметить, что подлежащие доказыванию обстоятельства определяются в зависимости от аргументов, предъявляемых истцом при подаче заявления, но все факты, на которые ссылаются лица в качестве обоснования своих требований и возражений, должны быть только положительными [7] и доказываться соответствующим образом.

Общий комплекс доказательств представляет собой набор следующих документов:

- 1) договор долевого участия;
- 2) выписка из Росреестра, в которой подтверждается регистрация конкретного договора долевого участия [8];
- 3) квитанция об оплате по договору;
- 4) документарная экспертиза (в необходимых случаях);
- 5) акты выполненных работ и т. п.;
- 6) иные доказательства.

Отдельно стоит выделить квитанцию об оплате по договору, которая имеет ключевое значение при рассмотрении споров подобного рода. Если лицо подтверждает оплату квитанцией, но у противоположенной стороны имеются сомнения, т. е. процессуальная возможность прибегнуть к анализу финансовой возможности произвести оплату по имеющемуся договору в соответствующий период [9].

Следует в процедуре банкротства застройщика при оспаривании каких-либо сделок выделить важный аспект. Публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» (далее по тексту — Фонд) играет достаточно большую роль в процедуре признания недействительными определенных сделок [10]. Регулируется порядок признания Фондом сделок недействительными Законом о несостоятельности.

Важность участия в данной процедуре указанного федерального органа обусловлена тем, что он напрямую участвует в завершении строительства проблемных многоквартирных домов. Поскольку финансирование Фонда осуществляется за счет бюджетных средств, имеется потребность «отсечь» весь комплекс недобросовестных приобретателей и за счет их имущества компенсировать вложенные денежные средства [11].

Таким образом, доказывание недействительности сделок при банкротстве застройщиков имеет, пожалуй, ключевое значение. Связано это с тем, что в подавляющем большинстве случаев в рамках банкротства осу-

ществляется привлечение инвестора для завершения строительства многоквартирного дома, поэтому наличие свободных жилых площадей имеет особую ценность. Конкурсный управляющий в такой ситуации выполняет одну из главных ролей, поскольку именно он проводит первичный анализ заключенных договоров, после чего при необходимости обращается в орган судебной власти. Как правило, ключевым моментом в оспаривании договоров долевого участия является неподтверждение ответчиком исполнения обязательств по заключенной сделке. Иными словами, отсутствует акт приема-передачи выполненных работ либо квитанция об оплате по сделке.

В рамках данного исследования предлагаем несколько рекомендаций:

1. Необходимо использовать в законодательстве однозначный и лаконичный понятийный аппарат, который бы не позволял двусмысленно трактовать положения того или иного института.
2. Следует упростить процедуру доказывания обоснованности своих требований участниками долевого строительства к застройщику, руководитель которого признан приговором суда общей юрисдикции виновным в хищении чужого имущества.
3. Надлежит включить в рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации положения, согласно которым у кредитора — участника долевого строительства появится возможность доказывать факт оплаты договора не только квитанциями, чеками и т. д., а еще и косвенными доказательствами, например показаниями свидетелей.
4. Необходимо обязать собрание кредиторов (на уровне закона) включать в число пайщиков (членов) во вновь созданный ЖСК в рамках банкротства тех лиц, которые были признаны потерпевшими в рамках уголовного дела и внесены в реестр требований кредиторов.
5. Требуется сформировать следующую презумпцию: установить досудебный порядок признания сделок недействительными при

введении конкурсного производства. Иными словами, лицо, не подтвердившее факт оплаты договора, обязано по требованию конкурсного производства предоставить доказательства оплаты. В противном случае конкурсный управляющий обращается в арбитражный суд с соответствующим заявлением, после чего суд заочным решением разрешает.

6. Необходимо возложить на арбитражного управляющего обязанность по доказыванию действительности требований кредиторов — участников долевого строительства, которые не обладают достаточными знаниями и опытом в области юриспруденции

Список литературы:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Фабричная Т. Б., Мартынова Ю. М. Проблема недействительности сделок // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 130–132.
3. Павлова Е. Н. Правовые последствия недействительности сделок // Проблемы науки. 2018. С. 78–81.
4. Селютин А. В. Особенности оснований недействительности сделок должника в рамках процедур банкротства // Территория науки. 2014. № 5. С. 160–168.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
6. Бельшева А.А. Проблема соотношения предмета доказывания и оснований освобождения от доказывания // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2004. № 29. С. 117–120.
7. Кадлец В. А. Зеленская Л. А. К вопросу о доказывании отрицательных фактов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. 2017. С. 778–779.
8. Мезенина О. Б., Михайлова А. Д., Кравченко В. Ю., Сидорова Н. Н. Влияние нестабильной работы электронного ресурса росреестра на управление недвижимостью: основные проблемы, решения // Московский экономический журнал. 2019. № 9. 7 с.
9. Миллер В. И. Исследование доказательств в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 322–323.

10. Юлова Е. С. Новеллы законодательства о банкротстве застройщиков в контексте создания фонда защиты прав граждан — участников долевого строительства // Либерально-демократические ценности. 2018. Т. 2. № 3–4. 4 с.

11. Чуракова Е.В. Новые законодательные гарантии защиты прав участников строительства при банкротстве застройщика // Образование и право. 2021. № 1. С. 134-141.

References:

1. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

2. Fabrichnaya T. B., Martynova Yu. M. The problem of invalidity of transactions // Privolzhsky Scientific Bulletin. 2015. No. 12-2 (52). Pp. 130–132.

3. Pavlova E. N. Legal Consequences of Invalidity of Transactions // Problems of Science. 2018. Pp. 78–81.

4. Selyutin A. V. Features of the grounds for the invalidity of the debtor's transactions in the framework of bankruptcy procedures // Territory of Science. 2014. No. 5. Pp. 160–168.

5. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

6. Belysheva A. A. The problem of the relationship between the subject of proof and the grounds for exemption from proof // Bulletin of the Novgorod State University. Yaroslav the Wise. 2004. No. 29. Pp. 117–120.

7. Kalets V. A. Zelenskaya L. A. On the issue of proving negative facts // Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on materials of the X All-Russian Conference of Young Scientists dedicated to the 120th anniversary of I. S. Kosenko. 2017. Pp. 778–779.

8. Mezenina O. B., Mikhailova A. D., Kravchenko V. Yu., Sidorova N. N. Influence of unstable operation of the Rosreestr electronic resource on real estate management: main problems, solutions // Moscow Economic Journal. 2019. No. 9. 7 p.

9. Miller V. I. The study of evidence in the arbitration process // Young scientist. 2019. No. 48 (286). Pp. 322–323.

10. Yulova E. S. Novelties in the legislation on the bankruptcy of developers in the context of creating a fund for the protection of the rights of citizens — participants in shared construction // Liberal Democratic Values. 2018. Vol. 2. No. 3–4. 4 p.

11. Churakova E. V. New legislative guarantees for the protection of the rights of construction participants in case of bankruptcy of the developer // Education and Law. 2021. No. 1. Pp. 134–141.

УДК/UDC 347.9

Иски о защите деловой репутации юридического лица

Лисогоров Богдан Александрович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail:ptit98@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена защите деловой репутации юридического лица. Актуальность выбранной темы заключается в том, что ежегодно число рассматриваемых дел данной категории как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах неуклонно растет, при этом существует ряд проблемных вопросов, нуждающихся в более детальном регулировании. В работе исследуются положения действующего законодательства, а также материалы судебной практики. Проводится анализ понятия деловой репутации по действующему российскому законодательству, а также рассматриваются процессуальные особенности, связанные с ее защитой в судах. По итогам исследования автором вносятся предложения, касающиеся выявленных проблем. В частности, указывается на необходимость толкования Верховным Судом Российской Федерации некоторых положений, связанных с деловой репутацией, ввиду неоднозначного подхода нижестоящих судов.

Ключевые слова: гражданское право, арбитражный процесс, гражданский процесс, деловая репутация, юридическое лицо.

Claims to protect the business reputation of a legal entity

Lisogorov Bogdan Aleksandrovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:ptit98@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the protection of the business reputation of a legal entity. The relevance of the chosen topic lies in the fact that every year the number of cases in this category, both in the courts of general jurisdiction and in arbitration courts, is steadily growing, while there are a number of problematic issues that need more detailed regulation. The paper examines the provisions of the current legislation, as well as materials of judicial practice. The analysis of the concept of business reputation under the current Russian legislation is carried out, and also the procedural features associated with its protection in courts are considered. Based on the results of the study, the author makes suggestions regarding the identified problems. In particular, it is pointed out that the Supreme Court of the Russian Federation needs to interpret certain provisions related to business reputation, due to the ambiguous approach of lower courts.

Key words: civil law, arbitration process, civil procedure, business reputation, legal entity.

Юридические лица являются субъектами гражданско-правовых отношений, которые могут иметь различные организационные-правовые формы и являться как коммерческими, так и некоммерческими организациями. При этом важное значение для любой организации имеет ее деловая репутация. В частности, деловая репутация оказывает влияние и на стоимость бизнеса, чему примером являются многочисленные ситуации на фондовом рынке, когда стоимость акций компании падала на основе распространения ложной и порочащей деловую репутацию информации.

Рассматривая само понятие деловой репутации, необходимо отметить, что оно в настоящий момент в нормативных правовых актах не закреплено. Под репутацией в общем (от лат. *reputatio*) понимается обдумывание или размышление о конкретном лице, о том, как данное лицо представляют другие; мнение о достоинствах и недостатках лица [1]. Как правильно замечено в научной литературе, «позиции судов в отношении термина “деловая репутация” отличаются многообразием подходов», что, соответственно, приводит к ситуации, когда в постановлениях одно-

го суда можно встретить совершенно разные интерпретации указанного термина [2].

Существует мнение, что в данное понятие следует включать и сведения, которые распространяют о руководителе юридического лица. Но если данные сведения касаются личных качеств руководителя и каких-либо его поступков, то порочить деловую репутацию юридического лица они не будут.

Таким образом, следует сделать вывод, что под деловой репутацией юридического лица надлежит понимать представление о деловых качествах, а также о деловом поведении и деятельности конкретного юридического лица (или же его органов) в сфере общественной и экономической деятельности.

Ст. 12, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) [3] устанавливают положения, в соответствии с которыми под защитой деловой репутации надлежит понимать применение установленных нормами права механизмов, которые нацелены на восстановление репутации, а также пресечение распространения сведений, наносящий вред деловой репутации организации.

Следует обозначить и позицию Верховного Суда Российской Федерации, которая гласит, что право на защиту деловой репутации является конституционным правом организации, а сама по себе деловая репутация представляет одно из условий успешной деятельности этой организации [4].

Следует обозначить, что закон не закрепляет обязательного досудебного порядка урегулирования спора при подаче иска о защите деловой репутации юридического лица. Даже если вред деловой репутации нанесен средством массовой информации [5]. Однако судебная практика арбитражных судов свидетельствует об обратном. В частности, применяются положения ч. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [6], которые предусматривают обязанность соблюдения претензионного порядка, а только после этого — возможность лица обратиться в суд [7].

При определении суда, в который следует обратиться за разрешением спора, необходимо учитывать характер сведений, которые были распространены. В частности, если они имеют отношение к экономической деятельности организации, то данное дело подлежит рассмотрению в арбитражном суде. При этом дело рассматривают в данном суде независимо от того, является второй стороной правоотношения юридическое лицо или физическое лицо. Если спор не имеет отношения к экономической деятельности, то он будет рассматриваться судами общей юрисдикции.

Требования, которые не предусмотрены способами защиты, могут быть отклонены судом. В частности, может быть отклонено требование о принесении извинений. Оно не предусмотрено положениями ст. 152 ГК РФ. Но если же лица в ходе судебного заседания заключают мировое соглашение, то они вправе соответствующее требование в него включить. Это связано с тем, что данное положение не нарушает прав иных лиц, а также не противоречит положениям действующего законодательства.

Исковое заявление может быть удовлетворено, только если установлен факт распространения порочащих сведений и несоответствия этих сведений действительности. Если же хотя бы одно из данных обстоятельств отсутствует, то иск не будет удовлетворен.

Порочащими сведениями будут являться те, которые утверждают, что юридическое лицо нарушает положения действующего законодательства, что его поведение является неэтичным и недобросовестным. При этом данное поведение должно иметь место в ходе осуществления предпринимательской деятельности. Также сюда может относиться нарушение обычаев делового оборота. Вместе с тем необходимо отличать:

- 1) утверждения о фактах, которые соответствуют реальности и которые возможно проверить;
- 2) оценочные суждения лица, которые являются его личными убеждениями и не могут быть проверены на соответствие действительности, однако иметь их и высказывать — законное право лица.

При вынесении решения суд должен отразить в решении порядок, в рамках которого будет происходить процесс опровержения ложных сведений. Данный порядок устанавливается судом и, как правило, может быть представлен в виде требования об удалении подобной информации или пресечения ее распространения.

При этом, как было отмечено выше, имеется ряд сложностей при рассмотрении исков о деловой репутации юридического лица, что связано с самим понятием деловой репутации и особенностями применения данного понятия к юридическим лицам и руководителям юридических лиц.

Ввиду возрастающего числа дел, рассматриваемых в рамках данных споров, а также изменений, которые были внесены в гражданское законодательство, считаем возможным Верховному Суду Российской Федерации опубликовать Постановление, вносящее ясность в имеющиеся место в судебной практике вопросы. На наш взгляд, надлежит четко изложить, что следует понимать под деловой репутацией юридического лица и в каких случаях суд может отказать в приеме искового заявления, т. к. ввиду большого числа исков данной категории нагрузка давление на суды неуклонно растет, а впоследствии выясняется, что часть исков не имеют под собой должных оснований. Ввиду чего действующее толкование 2005 г. требует доработки путем закрепления в нем определения понятия деловой репутации юридического лица, а также уточнения, когда имеет место ее нарушение и лицо обладает правом на удовлетворение иска, а когда такового права не имеет.

Список литературы:

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008. 796 с.
2. Зеленская Л. А., Гаспарян А. К. Деловая репутация юридического лица: понятие и признаки // Право и практика. 2018. № 4. С. 225-232.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2020. № 31. Ст. 5021.

4. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. № 0(3719). 15.03.2005.

5. Слесарев С. А. Деловая репутация. М., 2018. 224 с.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 № 340-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

7. Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного суда от 11.03.2016 № 05АП-993/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e56bc734-2d8d-473d-9f3e-b93c561ee464/068ec18d-8e18-4e66-845d-5ea952b08839/A51-25459-2015_20160311_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 21.11.2021).

References:

1. Kuznetsov S. A. Great Dictionary of Russian language. SPb., 2008. 796 p.

2. Zelenskaya L. A., Gasparyan A. K. Business reputation of a legal entity: concept and features // Law and practice. 2018. No. 4. Pp. 225–232.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301; 2020. No. 31. Art. 5021.

4. On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2005 No. 3 // Rossiyskaya Gazeta. No. 0(3719). 15.03.2005.

5. Slesarev S. A. Business reputation. M., 2018. 224 p.

6. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

7. Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated March 11, 2016 No. 05AP-993/2016 // Card file of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e56bc734-2d8d-473d-9f3e-b93c561ee464/068ec18d-8e18-4e66-845d-5ea952b08839/A51-25459-2015_20160311_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (access date: November 21, 2021).

УДК/UDC 347.9

Особенности доказывания отрицательных фактов в арбитражном процессе

Лисогоров Богдан Александрович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ptit98@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности доказывания отрицательных фактов в арбитражном процессе. Актуальность выбранной темы заключается в том, что, несмотря на законодательное закрепление данного термина, как среди ученых, так и в рамках правоприменительной практики имеются различные взгляды на отрицательные факты в арбитражном процессе, что доказывает потребность в его дополнительном изучении. В работе исследуются основные теоретические разработки, положения действующего законодательства, а также материалы судебной практики. По итогам исследования автор приходит к следующему выводу: общее правило о том, что кто ссылается на тот или иной факт в арбитражном процессе, тот и его и доказывает, должно иметь некоторые исключения в отношении отрицательных фактов.

Ключевые слова: гражданское право, арбитражный процесс, отрицательные факты, доказательство, доказывание

Features of proving negative facts in the arbitration process

Lisogorov Bogdan Aleksandrovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:ptit98@mail.ru

Abstract

The article discusses the features of proving negative facts in the arbitration process. The relevance of the chosen topic lies in the fact that, despite the legislative consolidation of this term, both among scientists and within the framework of law enforcement practice, there are different views on the negative facts in the arbitration process, which proves the need for its additional study. The paper examines the main theoretical developments, the provisions of the current legislation, as well as materials of judicial practice. Based on the results of the study, the author comes to the following conclusion: the general rule that whoever refers to this or that fact in the arbitration process, he proves it, should have some exceptions in relation to negative facts.

Key words: civil law, arbitration, negative facts, proof, proof of facts.

Основопологающей задачей осуществления судопроизводства в судах является защита нарушенных прав. В полной мере это относится и к производству в арбитражных судах. Судопроизводство неразрывно связано с доказыванием тех или иных фактов, которые имеют значение для верного разрешения дела. При этом достаточно противоречивым является вопрос касательно доказывания отрицательных фактов, что показывает необходимость более детального изучения данного вопроса.

Само доказывание базируется на том, что не является допустимым возлагать обязанность по доказыванию тех или иных обстоятельств на лицо в том случае, когда доказательства, способные подтвердить утверждение лица, находятся у другой стороны спора.

Вместе с тем в настоящее время в рамках арбитражного процесса существуют и противоречия, и пробелы. Все это приводит к формированию собственных понятий и принципов в судебной практике. В качестве примера таковой практики следует привести доказывание отрицательных фактов.

Следует отметить, что отечественное законодательство не содержит определения понятия отрицательного факта. При этом в научной литературе под отрицательным фактом понимается отсутствие чего-то в реальной жизни, а также бездействие, уклонение от исполнения обяза-

тельств [1]. Основной проблемой представляются положения, связанные с непосредственно с доказыванием отрицательных фактов в арбитражном процессе [2].

Долгое время считалось, что они не подлежат доказыванию [3]. Сейчас считается, что некоторые из отрицательных фактов должны доказываться.

При этом в законодательстве, а именно в ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) [4], содержится положение, в соответствии с которым любое лицо, которое участвует в деле, должно подтвердить те обстоятельства, на которые оно ссылается.

Таким образом, можно говорить о наличии сомнений при распределении доказывания в рамках судебного процесса. Судебная практика не имеет однозначной позиции по данному вопросу.

Так, в делах о неисполнении арбитражным управляющим своих обязанностей именно последний, как правило, должен доказывать свое добросовестное поведение, а не заявитель доказывать его недобросовестность.

Однако в судебной практике встречается и прямо противоположный подход, который связан с применением к отрицательным фактам общего бремени доказывания, установленного АПК РФ. Примером является решение суда, в соответствии с которым при рассмотрении дела о взыскании неосновательного обогащения суд посчитал, что истец должен доказывать основания своих требований, а у ответчика нет обязанности представления доказательств обоснованности платежа [5].

Таким образом, отечественная судебная система содержит достаточно противоречивые подходы к определению и применению отрицательных фактов в арбитражном процессе. Фактически только от взглядов судьи на рассматриваемый вопрос зависит распределение бремени доказывания.

К сожалению, в настоящее время нет ни законодательного разъяснения, ни разъяснения на уровне Верховного Суда Российской Федерации.

При этом, отвечая на вопрос о подходе к бремени доказывания отрицательных фактов, необходимо признать, что нельзя категорически принять ни один из двух подходов. Рассмотрим указанные подходы более детально.

1. Отрицательные факты не доказываются. Оценивая данный подход, необходимо принять во внимание его существенные минусы:
 1. Существует определенное противоречие. Принципы, о которых говорилось выше, указывают на то, что доказывать те или иные факты должно само лицо, которое обратилось с иском. В противном случае, по нашему мнению, может иметь место злоупотребление правом. Т. е. лицо будет обращаться за защитой нарушенного права и при этом не будет доказывать существенных фактов, указывающих на его правоту и наличие нарушения. Но при этом существуют ситуации, когда доказать отрицательные факты лицо не в состоянии.
 2. В некоторых случаях сторона, не доказывающая отрицательные факты, находится в более выигрышном положении по сравнению с другой.
2. Отрицательные факты подлежат доказыванию наряду с другими обстоятельствами по делу. Данная точка зрения достаточно интересна, однако имеет определенные недостатки. В частности, иногда является сложным доказать тот или иной отрицательный факт как свершившийся. Так, покупателю, который провел предоплату по договору купли-продажи, сложно доказать факт неполучения товара, тогда как продавец может доказать это путем предъявления накладных документов.

Таким образом, по результатам исследования можно отметить следующее:

1. То, что отрицательные факты не могут быть доказаны, далеко не всегда соответствует реальности. Безусловно, процессуальные правила закреплены в действующем законодательстве, чтобы участники следовали им. И эти правила отражают положение о том, что лицо, которое ссылается на наличие того или иного факта, должно самостоятельно его подтвердить. Как правило, лицо может доказать наличие факта, который стал причиной нарушения его прав либо находится во взаимосвязи с данными фактами. Кроме того, судья вправе истребовать те или иные документы по ходатайству лица. Поэтому общее правило и принципы являются справедливыми для арбитражного процесса, а отсутствие доказывания при отрицательных фактах является частной ситуацией, которая имеет место на практике, но тем не менее не является регулярной.
2. То, что все отрицательные факты должны доказываться участниками процесса, также не всегда является верным. Соответственно, правильно говорить о наличии определенных ситуаций на практике, когда действительно доказать отрицательный факт участнику арбитражного процесса не представляется возможным. Вместе с тем подобные ситуации должны разбираться судами, которые должны вырабатывать единые подходы в отношении данного вопроса. Соответственно, безапелляционно стоять на одной или другой точке зрения, на наш взгляд, не является верным. На практике существуют как одни, так и другие ситуации, и в зависимости от обстоятельств суд устанавливает, нуждаются ли отрицательные факты в доказательстве или нет.

Полагаем, что необходимо либо закрепить положения об отрицательных фактах в АПК РФ, либо Пленуму Верховного Суда Российской Федерации дать детальное разъяснение на этот счет.

Список литературы:

1. Шитиков Д. А. Доказывание отрицательных фактов в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 33-40.
2. Кадлец В. А., Зеленская Л. А. К вопросу о доказывании отрицательных фактов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. 2017. С. 778-779.
3. Зайцев И., Фокина М. Отрицательные факты в гражданских делах // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 19-28.
4. Арбитражный Процессуальный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 № 340-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Определение Арбитражного суда города Москвы от 19.07.2017 по делу № А40-159054/14-88-183 «Б» // Карточка арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Постановление АС Московского округа от 02.11.2018 по делу № А40-96326/18-38-476 // Карточка арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.01.2022).

References:

1. Shitikov D. A. Proving negative facts in civil and arbitration proceedings // Arbitration and civil proceedings. 2013. No. 7. Pp. 33-40.
2. Kadlec V. A., Zelenskaya L. A. On the issue of proving negative facts // Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on materials of the X All-Russian Conference of Young Scientists dedicated to the 120th anniversary of I. S. Kosenko. Rep. for issue A. G. Koshchaev. 2017. Pp. 778-779.
3. Zaitsev I., Fokina M. Negative facts in civil cases // Russian justice. 2000. No. 3. Pp. 19-28.
4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 8, 2020 No. 340-FZ) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
5. Determination of the Arbitration Court of the city of Moscow dated July 19, 2017 in case No. A40-159054 / 14-88-183 "B" // Card file of arbitration cases. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (access date: January 15, 2022).
6. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated November 2, 2018 in case No. A40-96326 / 18-38-476 // Card file of arbitration cases. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (access date: January 15, 2022).

УДК/UDC 343.2/.7

Торговля людьми: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации

Литвиненко Диана Игоревна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:diana.litvinenko01@mail.ru

Аннотация

В работе рассматривается уголовно-правовая характеристика такого преступления, как торговля людьми. Исследуются квалификационные признаки данного общественно опасного деяния, а также их практическое значение и влияние на назначение наказания в отношении лица, совершившего указанное преступление. Приводятся мнения выдающихся правоведов в данной области. В статье также анализируются современная правовая доктрина и положения действующего уголовного законодательства. Отмечается, что торговля людьми посягает сразу на целый комплекс прав и законных интересов личности. По мнению автора, законодателю следует внести изменения в ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и квалифицировать такой вид преступления, как торговля людьми в целях их дальнейшего сексуального принуждения.

Ключевые слова: преступление, рабство, насильственное действие, купли-продажа человека, нарушение прав.

Trafficking in human beings: criminal law profile and qualification issues

Litvinenko Diana Igorevna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:diana.litvinenko01@mail.ru

Abstract

The paper considers the criminal-legal characteristics of such a crime as human trafficking. The qualification signs of this socially dangerous act, as well as their practical significance and influence on the sentencing of the person who committed this crime, are investigated. The opinions of prominent jurists in this field are given. The article also analyzes the modern legal doctrine and the provisions of the current criminal law. It is noted that human trafficking encroaches immediately on a whole range of rights and legitimate interests of the individual. According to the author, the legislator should amend Part 2 of Art. 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and qualify such a type of crime as human trafficking for the purpose of their further sexual coercion.

Key words: Crime, slavery, violent action, sale and purchase of a person, violation of rights.

Торговля людьми в современной уголовно-правовой доктрине рассматривается как разновидность рабства. Отечественная криминалистика позиционирует торговлю людьми как одно из наиболее общественно опасных преступлений с учетом того, что указанные действия совершаются организованно. Т. е. перед современными криминалистами и практикующими специалистами встает задача расследования организованного преступления, имеющего повышенную общественную опасность. Именно поэтому данный вопрос вызывает особый научный интерес среди многих отечественных правоведов и основной целью настоящего научного исследования является анализ и раскрытие наиболее существенных особенностей такого преступления, как торговля людьми, а также составление его объективной уголовно-правовой характеристики [1, с. 131].

В рамках изучения уголовно-правовой характеристики необходимо обратить свое внимание на отдельные элементы состава преступления. Начать необходимо с анализа объекта представленного преступного деяния. Исходя из содержания ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) усматривается, что объектом преступления выступают общественные отношения, возникающие в рамках обеспечения свободы личности, ее прав и законных интересов [2]. Таким

образом, жертвой подобного преступления может стать любое лицо. При этом преступное притязание осуществляется на так называемую личную свободу. Под личной свободой следует понимать состояние человека, при котором он может осуществлять любые действия согласно его собственному желанию, воле и выбору.

Личная свобода предусматривает также и физическую свободу, которая предполагает под собой полную свободу перемещения, свободу выбора места жительства. Подобного рода преступление посягает на такие основные интересы человека и гражданина, как честь, достоинство, а также неприкосновенность частной жизни. Таким образом, совершение представленного общественно опасного деяния посягает сразу на целый комплекс прав и законных интересов личности.

Фактически объективная сторона торговли людьми предусматривает противоправное перемещение человека вопреки его собственно воли. Подобные действия в большинстве случаев совершаются путем обмана, злоупотребления доверием, а также применения к жертве насилия.

Торговля людьми может иметь международный масштаб, и в качестве дополнительного объекта данного преступления при наличии факта незаконной миграции выступает порядок управления по обеспечению безопасности государственных границ. Ранее мы уже отмечали тот факт, что предметом указанного общественно опасного деяния выступает любой человек, вне зависимости от его расы, пола, возраста, а также социального статуса и уровня родства с преступником, который, в свою очередь, выступает в качестве продавца.

В диспозиции ст. 127.1 УК РФ указано, что данное преступление предусматривает куплю-продажу человека, совершение иных сделок, предметом которых является человек. Сюда же следует относить вербовку и перевозку человека в целях его дальнейшей эксплуатации вне зависимости от вида такой эксплуатации. При совершении хотя бы одного действия, предусмотренного в указанной выше диспозиции статьи, преступление является оконченным. Наступление каких-либо дальнейших последствий не имеет значения для уголовного дела и признания лица

виновным в совершении данного преступления. При этом перечень таких действий является закрытым и исчерпывающим, что в значительной мере упрощает процедуру квалификации содеянного деяния.

Торговля людьми совершается только посредством активных действий, предпринятых со стороны преступника. У подобных действий должна быть одна общая цель, которая заключается в противоправной эксплуатации человека против его воли. Все лица, участвующие в совершении преступления, должны быть осведомлены о данных целях. Данные условия являются обязательными, в противном случае не образуется объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. В данном случае могут образовываться иные составы преступления, например, незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) или же похищение человека (ст. 126 УК РФ) [3, с. 813].

Что касается квалификации исследуемого преступления, то законодатель предпринял все возможные действия для обеспечения наибольшей точности данной процедуры. Хотелось бы обратить свое внимание, что законодатель внес изменения в содержание ст. 127.1 УК РФ, сущность которых заключалась в добавлении словосочетания «иные сделки». Подобные изменения в значительной степени повлияли на квалификацию преступления, т. к. ранее за дарение человека нельзя было привлечь лицо к уголовной ответственности. Указанное обстоятельство являлось пробелом в праве, которое было устранено законодателем.

В рамках изучения представленного преступления хотелось бы обратить внимание на содержание ч. 2 и 3 ст. 127.1 УК РФ. В представленных частях статьи выделяются квалификационные, а также особо квалификационные признаки совершения указанного преступления. В большинстве случаев, данные признаки являются классическими для действующего уголовного законодательства. Ввиду традиционного характера данных признаков их подробное изучение теряет какую-либо смысловую нагрузку, т. к. их правовая природа является вполне известной для современного правоприменителя [4, с. 58].

Выше уже отмечалось, что продажа людей предусматривает не только совершение обыкновенной сделки по купле-продаже человека или же дарения, но принуждение человека к осуществлению труда и иным действиям. В данном случае речь может идти, например, о сексуальном рабстве или же использовании человека для занятия проституцией. Подобного рода эксплуатация человека и его рабский труд обеспечиваются прямым физическим принуждением. Некоторые правоведы также упоминают и о психологическом принуждении в отношении человека, выступающего в качестве жертвы.

В том случае, если уже проданный человек используется в качестве раба, то возникает совокупность преступлений, т. е. необходимо учитывать содержание ст. 127.1 и ст. 127.2 УК РФ. Однако в данной ситуации возникает проблема, суть которой заключается в том, что на практике торговля людьми, сочетающаяся с их последующим рабством, не квалифицируется ст. 127.1 УК РФ. Т. е. сфера практического применения указанной статьи в определенной степени ограничивается.

Таким образом, торговля людьми является одним из наиболее общественно опасных преступлений, с учетом того что указанные действия совершаются организованно. Также необходимо учитывать, что торговля людьми в определенной степени является транснациональным преступлением. По нашему мнению, отечественному законодателю необходимо поддерживать международное сотрудничество в области взаимодействия и борьбы с представленным преступлением с другими странами. Также в УК РФ необходимо внести определенные корректировки и добавить пункт, который квалифицировал бы данное общественно опасное деяние. Речь идет о торговле людьми в целях их дальнейшего сексуального принуждения, т. е. сексуального рабства. По нашему мнению, данное положение необходимо внести в качестве отдельного пункта в содержание ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Тем самым правовое регулирование указанного преступления будет наиболее полным, а уголовное законодательство — более четким.

Список литературы:

1. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми: Сб. док. / Сост. В. С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004. 300 с. С. 131.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
3. Пивень А. В., Малин П. М. Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого при ознакомлении с материалами уголовного дела // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 133. С. 812–822.
4. Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: учебное пособие / Под общ. ред. И. Ч. Шущкевича. М.: Волтерс Клувер, 2008. 312 с. С. 58.

References:

1. International legal framework for combating illegal migration and human trafficking: Sat. doc. / Comp. V. S. Ovchinsky. M.: INFRA-M, 2004. 300 p. P. 131.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. No. 25. Art. 2954.
3. Piven A. V., Malin P. M. Ensuring the rights of a minor accused when familiarizing himself with the materials of a criminal case // Scientific journal of KubSAU. 2017. No. 133. Pp. 812–822.
4. Features of the prevention and investigation of crimes related to human trafficking: textbook / Ed. ed. I. Ch. Shushkevich. M.: Volters Kluver, 2008. 312 p. P. 58.

УДК/UDC 342.9

К вопросу об административной ответственности незаконных мигрантов

Лучилина Ангелина Романовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:aluchilina@mail.ru

Юшко Александр Викторович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного
и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:jushko@inbox.ru

Аннотация

Явление незаконной миграции в настоящее время содержит множество проблемных аспектов, которые оказывают негативное воздействие на все сферы общественной жизни и деятельности государства и являются объектом научной дискуссии. В статье раскрываются основные вопросы, связанные с установлением административной ответственности в случае совершения правонарушений в области незаконной миграции. Также подробно анализируются признаки и особенности порядка установления представленной юридической ответственности. Особое внимание уделяется миграционному контролю и изучению современного законодательства в данной сфере. В качестве решения выявленных в работе проблем было предложено внести изменения в действующее законодательство, расширив объект охраны общественных отношений, который закреплен в гл. 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, незаконная миграция, наказание, иностранный гражданин, лицо без гражданства.

On the issue of administrative liability of illegal migrants

Luchilina Angelina Romanovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:aluchilina@mail.ru

Yushko Aleksandr Viktorovich
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Administrative and Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:jushko@inbox.ru

Abstract

The phenomenon of illegal migration currently contains many problematic aspects that have a negative impact on all spheres of public life and activities of the state and are the subject of scientific discussion. The article reveals the main issues related to the establishment of administrative responsibility in case of offenses in the field of illegal migration. Also, the signs and features of the procedure for establishing the presented legal liability are subjected to a detailed analysis. Particular attention is paid to migration control and the study of modern legislation in this area. As a solution to the problems identified in the work, it was proposed to amend the current legislation by expanding the object of protection of public relations, which is enshrined in Ch. 18 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.

Key words: administrative liability, offence, illegal migration, punishment, foreign citizen, stateless person.

В настоящее время все более актуальной становится проблема незаконной миграции, которая влечет за собой большое количество различных негативных аспектов. Так, согласно содержания Концепции общественной безопасности в Российской Федерации незаконная миграция способствует возникновению различного рода угроз для общественной

безопасности [1]. В данном документе акцентируется внимание на следующих обстоятельствах:

- 1) способствование значительному ухудшению социальной обстановки, а также общественной напряженности;
- 2) возникновение экстремистских движений, а также пропаганды религиозных учений, запрещенных на территории Российской Федерации;
- 3) возникновение и обострение национализма, который присутствует в отдельных регионах нашего государства.

Таким образом, можно резюмировать тот факт, что незаконная миграция представляет собой социально негативное явление, которое на сегодняшний день представляет собой главную стратегическую угрозу национальной безопасности и экономической сфере России.

Стоит учитывать, что негативные последствия, вызванные незаконным миграционным потоком в Российскую Федерацию, необходимо своевременно устранять. В свою очередь, предупреждение и дальнейшее пресечение подобных правонарушений требует принятия комплексных мер воздействия, которые должны обладать императивным характером. Отечественный законодатель учитывает рост случаев проникновения на территорию России незаконных мигрантов, поэтому в 2013 г. был принят ряд особых мер, направленных на ужесточение юридической ответственности за нарушение правовых положений в области миграционного законодательства. Определенные нововведения были включены и в содержание Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту — КоАП РФ), вследствие чего было образовано несколько новых составов представленного правонарушения [2].

При изучении поставленного вопроса необходимо сказать о том, что Российская Федерация носит статус страны-реципиента. Данное обстоятельство отчасти объясняет относительную жесткость отечественного законодательства в области установления юридической ответственности в отношении иностранных лиц, а также лиц, не имеющих гражданства.

В процессе непосредственного пресечения и дальнейшего предупреждения совершения подобных правонарушений законодателем и правоприменителем используется относительно большое количество правовых инструментов. Тем не менее в качестве наиболее эффективного из них выступает установление административной ответственности. Это обусловлено тем фактом, что правовая природа и сущность миграционных отношений предусматривает применение именно административно-правовых методов воздействия на правонарушителей, иными словами, установление административной ответственности. Именно поэтому законодатель выделил отдельную гл. 18 КоАП РФ, положения которой направлены на правовое регулирование административных правонарушений в сфере защиты как государственной границы, так и режима пребывания иностранных лиц на территории России.

Вместе с этим хотелось бы обратить внимание на существование миграционного контроля, реализацией которого занимаются специализированные органы власти. В качестве основных направлений миграционного контроля выступают следующие:

1. Осуществление контроля за пребыванием иностранных лиц на территории нашего государства, а также их дальнейшего проживания в нашей стране.
2. Проведение специальных мер, направленных на пресечение и предупреждение миграции в целом.
3. Осуществление контроля, а также надзора за деятельностью тех лиц, которые предоставляют иностранным гражданам и лицам без гражданства ту или иную работу. Т. е. производится контроль также и за работодателями, которые предоставляют указанным выше лицам рабочие места [3, с. 183].

По мнению А. Н. Жеребцова, нарушение отечественного законодательства в области незаконной миграции влечет для представленных выше лиц определенные негативные последствия, которые могут выражаться в установлении административной ответственности [4, с. 475].

Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина входит в состав санкций, предусмотренных КоАП РФ (ст. 3.10. «Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства»). Субъектами административной ответственности, к которым может применяться указанная санкция, являются лица, не имеющие гражданства Российской Федерации.

Выдворение является специальным видом санкций, применение которого связано с противоправным поведением граждан иностранного государства или лиц без гражданства [5, с. 173].

В настоящее время в действующей редакции КоАП РФ предусматривается множество статей, в которых законодатель предусмотрел отдельные составы правонарушений в области незаконной миграции. В данном случае речь идет о ст. 18.8–18.20 КоАП РФ. При этом в некоторых из них содержится по несколько составов правонарушения. Многие правоведы обращают свое внимание на то обстоятельство, что законодатель весьма подробно предусмотрел возможные случаи совершения иностранными лицами административных правонарушений [4, с. 475].

За совершение правонарушений в данной сфере в КоАП РФ предусматривается наложение определенных санкций. К наиболее распространенному наказанию относится наложение штрафа или же выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации. Также в некоторых случаях может применяться наказание, суть которого заключается в административном приостановлении деятельности. Как правило, данная санкция применяется в области трудовых правоотношений, в которых участвуют иностранные граждане или же лица без гражданства.

Следует заострить внимание на штрафе, т. к. именно эта санкция в большей степени применяется в отношении лиц, виновных в совершении правонарушений в области незаконной миграции. По общему правилу максимальный штраф, предусмотренный за совершение правонарушений в данной сфере, равняется 5 000 рублей для физических лиц. При

этом для Москвы, Санкт-Петербурга, а также Московской и Ленинградской областей данный штраф составляет 7 000 рублей. Если подобное правонарушение будет совершено повторно, то штраф останется таким же. Штраф для должностного лица несколько больше и составляет уже 50 000 рублей. Максимальный штраф распространяется на юридических лиц и равен 800 000 рублей.

Ранее уже упоминалось о возможности применения такой санкции, как административное выдворение за пределы Российской Федерации, однако подобную санкцию необходимо рассматривать как альтернативу основному наказанию. Данная санкция применяется исключительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства и на практике реализуется достаточно редко. Что касается административного приостановления деятельности, то данное наказание осуществляется лишь в отношении юридических лиц и может составлять до 90 суток. При этом административное приостановление деятельности может выступать не только как альтернатива штрафу, но и как дополнительная санкция.

Таким образом, современная редакция КоАП РФ имеет множество составов административных правонарушений в области незаконной миграции. Отечественное законодательство отличается относительной жесткостью в области установления юридической ответственности в отношении иностранных граждан, а также лиц, не имеющих гражданства. Тем не менее ряд правоведов отмечают тот факт, что современное административное законодательство нуждается в небольшой корректировке [6]. Так, в действующей редакции КоАП РФ содержится отдельная гл. 18, предусматривающая установление административной ответственности. При этом часть составов административных правонарушений выходит за рамки объекта данной главы. По нашему мнению, наиболее целесообразным и корректным решением поставленной проблемы будет расширение объекта охраны общественных отношений, который относится к гл. 18 КоАП РФ. Следовательно, необходимо объединить все составы административных правонарушений в данной области в одну главу и переименовать ее в «Административные правонарушения в области

защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения соблюдения миграционных правил Российской Федерации».

Список литературы:

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: Концепция Президента Российской Федерации от 14.11.2013 № Пр-2685 // Официальный сайт Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 18.10.2021).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

3. Павлов Н. В., Жеребцов А. Н., Юшко А. В. Правовые фикции в механизме административно-правового регулирования управленческих отношений // М.: Издательство Юрайт, 2021. 183 с.

4. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право России: учебник для вузов / Под общей редакцией А. Н. Жеребцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 475 с.

5. Павлов Н. В., Кармаева Т. Н., Якименко К. С. Актуальные проблемы административного выдворения как вида административного наказания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7(146). С. 173–174.

6. Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Совершенствование регистрационного учета в Российской Федерации // Конституционно-правовая стратегия и обеспечение устойчивого развития. Мировой и отечественный опыт. М., 2012. С. 187–201.

References:

1. The concept of public security in the Russian Federation: The concept of the President of the Russian Federation dated 11/14/2013 No. Pr-2685 // Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/19653> (access date: October 18, 2021).

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 01/07/2002. No. 1 (Part I). Art. 1.

3. Pavlov N. V., Zherebtsov A. N., Yushko A. V. Legal fictions in the mechanism of administrative and legal regulation of managerial relations // М.: Yurayt Publishing House, 2021. 183 p.

4. Zherebtsov A. N., Malyshev E. A. Migration law of Russia: a textbook for universities / Under the general editorship of A. N. Zherebtsov. 2nd ed., revised. and additional M.: Yurait Publishing House, 2020. 475 p.

5. Pavlov N. V., Karmaeva T. N., Yakimenko K. S. Actual problems of administrative expulsion as a type of administrative punishment // Eurasian legal journal. 2020. No. 7(146). Pp. 173–174.

6. Andrichenko L. V., Plugina I. V. Improving Registration Accounting in the Russian Federation // Constitutional and Legal Strategy and Ensuring Sustainable Development. World and domestic experience. M., 2012. Pp. 187–201.

УДК/UDC 347.9

Историческое развитие института отвода судьи в гражданском процессе и его место в современном законодательстве

Мешвез Айдамир Асланович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:meshvez02@bk.ru

Аннотация

Институт отвода в гражданском процессе способствует обеспечению объективного и беспристрастного рассмотрения дел в судах общей юрисдикции. Устранение небеспристрастного судьи из процесса обеспечивает защиту интересов участников гражданского процесса, поскольку участие такого судьи в разрешении дела по существу может способствовать принятию неправомерных решений, а также выступает в качестве гарантий законности, независимости суда при разрешении дел по существу. Институт отвода является межотраслевым, и его положения находят выражение не только в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и других процессуальных кодексах, но и в различных федеральных законах. В настоящее время ввиду наличия определенных теоретических и практических проблем институт отвода не в состоянии обеспечить выполнение возложенных на него задач. Целью данного исследования является изучение проблем теоретического и практического характера, связанных с реализацией института отвода судьи в гражданском процессе. Методологическая основа исследования представлена специально юридическими методами, среди которых исторический, формально-логический методы и метод толкования права.

Ключевые слова: отвод судьи, институт отвода, отвод, гражданское процессуальное право, гражданский процесс.

The historical development of the institution of judicial recusal in civil proceedings and its place in modern legislation

Meshvez Aydamir Aslanovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:meshvez02@bk.ru

Abstract

The institution of challenge in civil proceedings contributes to ensuring an objective and impartial consideration of cases in courts of general jurisdiction. The elimination of an unbiased judge from the process ensures the protection of the interests of the participants in the civil process, since the participation of such a judge in resolving the case on the merits can contribute to the adoption of unlawful decisions, and also acts as a guarantee of the legality and independence of the court in resolving cases on the merits. The institution of challenge is intersectoral, and its provisions are expressed not only in the Civil Procedure Code of the Russian Federation and other procedural codes, but also in various federal laws. At present, due to the presence of certain theoretical and practical problems, the institution of withdrawal is not able to ensure the fulfillment of the tasks assigned to it. The purpose of this study is to study the problems of a theoretical and practical nature related to the implementation of the institute of recusal of a judge in civil proceedings. The methodological basis of the study is represented by specifically legal methods, including historical, formal-logical methods and the method of interpreting law.

Key words: recusal of a judge, institution of recusal, recusal, civil procedural law, civil process.

Институт отвода судьи имеет важное значение как для процессуального права в целом, так и для гражданского процесса в частности. Являясь межотраслевым правовым образованием, он включает нормы гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права, административного судопроизводства и уголовного процессуального права. Положения об отводе содержатся в гл. 2 Гражданского процессу-

ального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ), гл. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, гл. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, гл. 9 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации. Помимо этого, положения об отводе содержатся также в законодательстве об исполнительном производстве, о международном коммерческом арбитраже, о третейском разбирательстве.

В ст. 46 Конституции Российской Федерации закрепляется предоставление государством гарантированного права на судебную защиту прав и законных интересов граждан [1]. Данная статья в совокупности со ст. 120 Конституции Российской Федерации позволяет системе судов Российской Федерации работать на началах законности и справедливости.

Институт отвода является необходимой гарантией таких межотраслевых принципов, как законность и независимость суда. Он призван обеспечить правильное, т. е. объективное и беспристрастное рассмотрение и разрешение судом дела и тем самым достижение конечной цели правосудия — защиты действительно нарушенных или оспоренных субъективных прав, свобод и охраняемых законом интересов [2].

Первое упоминание о так называемом устранении пристрастного судьи появилось еще в римском процессуальном праве.

В основе института отвода судей по римскому процессуальному праву лежало правило о том, что судьи выбираются по взаимному согласию сторон в процессе, а впоследствии утверждаются магистратом. Истец в римском процессуальном праве мог предложить кандидатуру судьи из списка претора, а ответчик или согласиться, или отвергнуть предложенную кандидатуру судьи. При этом не требовалось мотивировки причины, по которой отдельный кандидат отвергается.

Таким образом, в случае несогласия ответчика с кандидатурой судьи, предложенной истцом, такой судья считался отведенным.

При отводе судьи истцом предлагалась другая кандидатура, с которой ответчик должен был согласиться. В ином случае процедура по-

вторялась. При достижении согласия относительно кандидатуры судьи претором выдавался приказ соответствующему лицу, на основании которого дело переходило к рассмотрению.

В истории России институт отвода прошел долгий путь становления, чтобы стать таким, каким мы его знаем сегодня. Р. Д. Колпаков связывает возникновение института отвода с появлением его положений в нормах письменных памятников русского права. Но при этом стоит сказать о том, что большая часть данных памятников не содержит указания на отвод судьи. Ни Русская Правда, ни Судебник 1497 г. не предусматривали отвод судей, говоря только о «неправом суде». Судебник 1550 г. также не обговаривал отвод судей, хотя обязывал суд не дружить ни с кем и не мстить никому [3].

Поэтому появление института отвода судей в гражданском судопроизводстве России связывается только с принятием Соборного Уложения 1649 г. [4].

В период с Соборного уложения 1649 г. до Свода законов гражданских 1832 г. отвод был в форме отстранения так называемого пристрастного государственного чиновника. Он являлся ограниченным во времени и должен был быть мотивированным. Самоотвод мог быть лишь для Боярской думы — коллегиального состава суда, единоличный самоотвод не допускался.

Важным этапом развития института отвода является эпоха Петра I. Именно в этот период происходит расширение правил об отводе ввиду рассмотрения гражданских дел в коллегиальном порядке. Так, отводимый судья (офицер) отстранялся от рассмотрения отвода, и отвод рассматривался в его отсутствие остальными членами суда (офицерами). Положительный результат отвода приводил к замене отводимого судьи другим судьей в составе коллегии. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. привнес необходимость единоличного самоотвода судей, если для этого имелись предусмотренные законом мотивы.

Наиболее важным этапом становление института отвода судей является советский период, именно на этом этапе в институт отвода были внесены изменения, сделавшие его таким, каким мы знаем его сегодня.

Правила отстранения советского судьи начали формироваться уже в Положении о Народном Суде РСФСР 1920 г., а затем в ГПК РСФСР 1923 г. Однако наиболее полные и подробные правила об отводе были сформулированы в ГПК РСФСР 1964 г.

В ГПК РСФСР от 11 июня 1964 г. существенным образом изменили институт отвода (самоотвода) действовавшего советского гражданского процессуального законодательства и довели его до современного состояния, известного нам в нормах действующего ГПК РФ. В 2002–2003 гг. гражданское процессуальное законодательство России очередной раз было реформировано, и 1 февраля 2003 г. введен в действие ГПК РФ, а ГПК РСФСР 1964 г. признан утратившим силу. Принятие ГПК РФ было обусловлено сложившимися социально-правовыми реалиями, значительно изменившимися материально правовыми отношениями, а равно потребностями правоприменительной судебной практики, и новый кодекс ориентирован на совершенствование порядка рассмотрения и разрешения дел в целях обеспечения дополнительных гарантий защиты прав граждан. Однако вновь принятый кодекс существенно не изменял и никак не улучшал норм исследуемого института, несмотря на то, что такая необходимость назрела давно [3].

Таким образом, можно однозначно сказать, что институт отвода судьи в гражданском процессуальном праве существует не одно столетие и является важной гарантией справедливого и беспристрастного судопроизводства. Из данного факта должно вытекать, что на современном этапе своего существования данный институт должен быть всесторонне исследован и занимать свое место в системе гражданского процессуального права, однако существует ряд проблем, которые на сегодняшний день так и остаются неразрешенными учеными процессуалистами.

Одной из главных проблем отвода судьи в гражданском процессе на сегодняшний день является отсутствие легального определения в за-

конодательстве как отвода судьи, так и отвода как института в целом. В доктрине также недостаточно внимания уделяется понятию отвода.

Сложившаяся ситуация создает благодатную почву для различного толкования отвода в гражданском процессе.

По мнению А. А. Мохова, отвод судьи — «механизм устранения из процесса судьи в случаях, когда существуют обстоятельства, которые влияют или могут повлиять на его независимость, объективность и беспристрастность» [5].

Большой юридический словарь дает следующее определение отвода: «Отвод — институт гражданского, арбитражного, уголовного процессуального права, средство обеспечения объективности и беспристрастности судебного разбирательства, который означает отстранение судьи от участия в деле в связи с его личной (прямой или косвенной) заинтересованностью в исходе дела либо по иным обстоятельствам, вызывающим сомнение в его беспристрастности» [6].

Р. Д. Колпаков определил понятие отвода (самоотвода) следующим образом: «Отвод (самоотвод) — исключительная организационно-правовая мера гражданского процессуального права, обеспечивающая объективность и беспристрастность судьи при отравлении правосудия по гражданским делам в судах общей юрисдикции посредством его отстранения и замены в определенных ГПК РФ порядке и случаях» [7].

Еще одной серьезной проблемой отвода в гражданском процессе является его неразработанность как полноценного института в системе гражданского процесса. Данная проблема так же, как и отсутствие легального определения отвода в законодательстве, создает плодотворную почву для споров в научном сообществе.

На данный момент существует две точки зрения на эту ситуацию. Одни процессуалисты утверждают, что отвод не является полноценным институтом, и приводят ряд аргументов.

Во-первых, научное исследование и обоснование института отвода судьи в настоящее время оставляют желать лучшего, поскольку институт

отводов в науке гражданского процесса не разработан должным образом и научно не обоснован, а имеющиеся нормы представляются зачастую неработающими и требующими доработки, вследствие чего институт отводов представляется неисследованной правовой категорией.

Во-вторых, нормы института отвода (самоотвода) закреплены в гл. 2 ГПК РФ, которая одновременно определяет состав суда и отводы участников судопроизводства, что, на взгляд сторонников данной теории, убедительно говорит об отсутствии у рассматриваемого института своего места в системе гражданских процессуальных норм.

Другие же процессуалисты придерживаются точки зрения, что отвод судьи является полноценным институтом. Такой вывод они делают на том основании, что нормы об отводах в гражданском процессе имеют общепринятые в общей теории права и теории гражданского процесса черты института права и отвечают критериям отнесения норм права к отрасли, а именно институт отвода имеет свой предмет, метод и общие признаки института права.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: институт отвода судьи в гражданском процессе прошел долгий путь становления и в наши дни он является неотъемлемой частью системы гражданского процесса. Но, к сожалению, отсутствие достаточного уровня разработки данного вопроса приводит к спорам в научной среде, а это, в свою очередь, мешает правильному пониманию и эффективному использованию отвода судьи в гражданском процессе. Эффективное использование института отвода становится лишь актуальнее. С каждым годом количество споров, решение которых необходимо в судебном порядке, не уменьшается, а лишь растет [8].

Таким образом, решение назревшей проблемы возможно лишь при плодотворном сотрудничестве законодателя и ученых процессуалистов. И первым шагом к такому сотрудничеству должно стать внесение в ГПК РФ легального определение понятия отвода судьи.

Список литературы:

1. Гринь Е. А., Калинина П. И. Проблемы заключения и реализации третейских соглашений // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 148–151.
2. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М.: Норма, 2010. 704 с. С. 120.
3. Колпаков Р. Д. Динамика нормативно-правовой регламентации института отвода (самоотвода) в гражданском судопроизводстве России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2 (12). С. 78–87.
4. Науменков А. В. Отвод судей в арбитражном процессе: дисс. . . . канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с. С. 82.
5. Мохов А. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный). М., 2011. 306 с.
6. Большой юридический словарь / Под ред.: А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001. 704 с.
7. Колпаков Р. Д. Место категории отвод (самоотвод) в гражданском процессуальном праве России // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 5. С. 38–53.
8. Гринь Е. А. Применение современных информационных и компьютерных технологий в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 120–125.

References:

1. Grin E. A., Kalinina P. I. Problems of concluding and implementing arbitration agreements // Agrarian and land law. 2019. No. 9 (177). Pp. 148–151.
2. Osokina G. L. civil process. Special part. M.: Norma, 2010. 704 p. S. 120.
3. Kolpakov R. D. Dynamics of legal regulation of the institution of withdrawal (self-withdrawal) in civil proceedings in Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2011. No. 6-2 (12). Pp. 78–87.
4. Naumenkov A. V. Challenge of judges in the arbitration process: diss. . . . cand. legal Sciences. M., 2002. 172 p. P. 82.
5. Mokhov A. A. Commentary on the Civil Procedure Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary (item-by-article). M., 2011. 306 p.
6. Big Law Dictionary / Ed.: A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. 2nd ed., revised. and additional M.: INFRA-M, 2001. 704 p.

7. Kolpakov R. D. The place of the category of branch (self-withdrawal) in the civil procedural law of Russia. //Legality and law and order in modern society. 2011. No. 5. Pp. 38–53.

8. Grin E. A. Application of modern information and computer technologies in civil proceedings // Agrarian and land law. 2021. No. 4 (196). Pp. 120–125.

УДК/UDC 347.97

К вопросу об использовании цифровых технологий в арбитражном судопроизводстве

Мирзоян Анаит Андраниковна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail:anait.mir@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс цифровизации арбитражного судопроизводства в Российской Федерации. Выявляются пробелы в правовом регулировании информатизации судебных разбирательств. Исследуются положения Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. Анализируются позиции арбитражных судов округов Российской Федерации по вопросу онлайн-заседаний в арбитражном судопроизводстве. Рассматриваются преимущества проведения онлайн-заседаний, среди которых обеспечение безопасности здоровья всех участников процесса, возможность участия в процессе удаленно, сокращение временных затрат и судебных издержек. Автором отмечается, что принцип гласности, а также принцип доступности правосудия в условиях информатизации нарушается, поскольку исключается возможность подачи ходатайства на бумажном носителе. В заключении обозначаются перспективы внедрения цифровых технологий в судебную систему.

Ключевые слова: онлайн-заседания, цифровые технологии, информатизация, арбитражное судопроизводство, информационная политика.

On the use of digital technologies in arbitration proceedings

Mirzoyan Anahit Andranikovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:anait.mir@mail.ru

Abstract

The article discusses the process of digitalization of arbitration proceedings in the Russian Federation. Gaps in the legal regulation of informatization of court proceedings are revealed. The provisions of the Concept of Information Policy of the Judicial System for 2020–2030 are being studied. The positions of the arbitration courts of the districts of the Russian Federation on the issue of online meetings in arbitration proceedings are analyzed. The advantages of holding online meetings are considered, including ensuring the safety of the health of all participants in the process, the possibility of participating in the process remotely, reducing time and legal costs. The author notes that the principle of publicity, as well as the principle of accessibility of justice in the context of informatization, is violated, since the possibility of filing a petition on paper is excluded. In conclusion, the prospects for the introduction of digital technologies in the judicial system are outlined.

Key words: online meetings, digital technologies, informatization, arbitration proceedings, information policy.

Научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и развития общества называется информатизацией. Цифровизация, в свою очередь, является высшей ступенью информатизации и представляет собой внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни [1]. Цифровые технологии — это те технологии, которые позволяют хранить, создавать, а также распространять данные (информацию).

Первым шагом к информатизации стало принятие Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг. Основными направлениями такой политики являются: гармонизация отношений судебной власти и общества, открытость и гласность судопроизводства и улучшение способов доступа к информации о деятельности судов [2].

Принципы развития информационной политики судебной системы заключаются в доступности и информационной открытости для граждан и организаций посредством увеличения количества информационных ре-

сурсов судов: порталы, издания, мобильные приложения, социальные сети, информационно-образовательные проекты, видео [2].

Совет судей указывает, что развитие цифровых технологий открывает перспективы для работы со значительным объемом информации. Лучшим на сегодняшний день вариантом решения данного вопроса является ее облачное хранение на специальных серверах.

Облачное хранение аудиопротоколов расширяет понятие открытости судебного процесса. Это позволит уйти, во-первых, от их копирования на электронные носители и приобщения к материалам дела, во-вторых, предоставит участникам процесса возможность ознакомиться с аудиопротоколом независимо от своего места нахождения.

В информационной политике предполагается проведение разъяснительных работ в образовательных организациях, например в школах, училищах, вузах; планируется участие судов в программах профессиональной ориентации школьников и студентов, а также организация дней открытых дверей в судах для студентов — выпускников отделений журналистики. Запланировано создания в системе ГАС «Правосудие» обучающего модуля.

Для соблюдения принципа гласности судопроизводства планируется сформировать при советах судей субъектов Российской Федерации непрерывно действующие комиссии по мониторингу открытости и доступности правосудия на территории субъектов Российской Федерации.

Ускорила процесс информатизации судебной системы неблагоприятная эпидемиологическая обстановка. 8 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации экстренно принимают Постановление № 821 [3], в котором постановавливают приостановить личный прием граждан в судах, рекомендуют подавать документы через электронные интернет-приемные судов или посредством почтовой связи, а при наличии технической возможности предлагают инициировать судам рассмотрение дел путем использования систем видео-конференц-связи.

Ввиду пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 суды были вынуждены информатизировать процесс. Так, в арбитражных судах Российской Федерации разбирательства стали рассматриваться с использованием системы вебконференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания).

При этом следует обратить внимание на то, что суды столкнулись с тем, что отсутствует нормативно-правовое регулирование процесса проведения онлайн-заседаний.

Интересную позицию высказал Арбитражный суд Уральского округа Российской Федерации, утвердив Рекомендацию по участию в судебном онлайн-заседании, в которой дал положительную оценку со стороны судей. Можно выделить такие преимущества онлайн-заседаний:

- 1) обеспечение безопасности здоровья участников процесса, судей, работников аппаратов судов;
- 2) возможность участвовать в судебном заседании и реализовать свое право быть выслушанным судом, находясь в офисе или дома;
- 3) минимизация временных затрат и судебных издержек [4].

Бесспорно, положительные аспекты в проведении онлайн-заседании есть, но стоит разобраться в минусах такого нововведения, а именно: как реализуется принцип гласности и открытости в условиях информатизации арбитражного судопроизводства?

Открытость судебного заседания теряет традиционное понимание. Для того чтобы присутствовать на онлайн-заседании, необходимо заблаговременно подать ходатайство об участии в онлайн-заседании посредством заполнения электронной формы в информационной системе «Мой Арбитр», приложив необходимые документы. Ввиду технических особенностей процесса онлайн-заседаний такое ходатайство подается исключительно в электронном виде.

Согласно ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) граждане вправе вести свои дела в арбитражном суде лично или через представителей. Это на-

рушает права сторон арбитражного процесса, которые в силу возраста не имеют достаточных знаний, чтобы подавать соответствующие процессуальные документы в электронном виде. Как следствие, принцип гласности, а также принцип доступности правосудия в условиях информатизации нарушается, поскольку исключается возможность подачи ходатайства на бумажном носителе.

Одним из важных результатов информатизации является участие в судебном заседании путем использования системы видео-конференц-связь (далее по тексту — ВКС). Такой процесс проведения судебного разбирательства наиболее урегулирован в АПК РФ и позволяет минимизировать личный контакт между людьми в условиях пандемии. Так, Л. А. Зеленская предлагает в стадиях пересмотра использовать систему ВКС, и только при наличии инициативы суда либо соответствующего ходатайства нужно предоставлять возможность личного участия в судебном заседании. Это обусловлено тем, что участие заинтересованных лиц и их представителей в судебных заседаниях при пересмотре судебных актов зачастую сводится к тому, что они, давая объяснения, повторяют то, что уже имеется в материалах дела [5].

Бесспорно, закрепление соответствующих правил повлечет изменения в процессуальном законодательстве, касающиеся регулирования ряда взаимосвязанных вопросов организационного, технического и пр. характера, в целях обеспечения реализации предлагаемых изменений. Однако это является вынужденной мерой в условиях пандемии коронавируса COVID-19 и информатизации арбитражного судопроизводства.

Таким образом, онлайн-заседания в арбитражном судопроизводстве являются элементом информационной политики судебной системы. Однако отсутствие должного нормативно-правового регулирования порождает нарушение ряда основных принципов арбитражного судопроизводства. Ввиду чего необходимо закрепление соответствующих правил проведения онлайн-заседаний в процессуальном законодательстве.

Список литературы:

1. Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // ЭВР. 2019. №3 (61). С. 12–17.
2. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73161586/> (дата обращения: 08.12.2021).
3. Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции COVID-19: Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (утратил силу) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 08.12.2021).
4. Рекомендации по участию в судебном онлайн-заседании (утв. Арбитражным судом Уральского округа) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 08.12.2021).
5. Зеленская Л. А. Использование систем видеоконференц-связи в судебных заседаниях при пересмотре судебных постановлений // В книге: Год науки и технологий 2021. Сборник тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. Краснодар, 2021. С. 206–208.

References:

1. Sklyar M. A., Kudryavtseva K. V. Digitalization: main directions, advantages and risks // EVR. 2019. No. 3 (61). Pp. 12–17.
2. The concept of the information policy of the judicial system for 2020-2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5, 2019) // Garant. URL: <https://base.garant.ru/73161586/> (access date: December 08, 2021).
3. On restrictive measures in courts in order to counteract the spread of the new coronavirus infection COVID-19 in the Russian Federation: Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation No. 821 dated 08.04.2020 (repealed) // Garant. URL: <https://www.garant.ru/> (access date: December 08, 2021).
4. Recommendations for participation in an online court session (approved by the Arbitration Court of the Ural District) // Garant. URL: <https://www.garant.ru/> (access date: December 08, 2021).
5. Zelenskaya L. A. The use of videoconferencing systems in court hearings when reviewing court decisions // In the book: Year of Science and Technology 2021. Collection of abstracts based on materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rep. for issue A. G. Koshchaev. Krasnodar, 2021. Pp. 206–208.

УДК/UDC 347.6

Особенности международного правового режима «раздела» криптовалюты как имущества в бракоразводном процессе

Казарян Ани Ашотовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail:anishak123@mail.ru

Мустафин Рафаэль Фаильевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и
международного права юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail:mustafinrf@yandex.ru

Мустафина Светлана Анатольевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры земельного,
трудового и экологического права юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail:grisertel666@yandex.ru

Аннотация

В настоящей научной статье рассматриваются особенности правового регулирования криптовалюты на международно-правовой арене, а также на территории Российской Федерации. Анализируются преимущества и недостатки цифровой валюты. Приводятся мнения ученых относительно правового статуса криптовалюты. Анализируются положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Семейного кодекса Российской Федерации. Исследуются особенности правовой судьбы криптовалюты в случае расторжения брака. Рассматриваются примеры из судебной практики. Отмечается, что в международной практике сложилось три основных подхода к криптовалюте, согласно которым она воспринимается как цифровая валюта, виртуальный товар или цифровой знак. По мнению авторов, для устойчивого

и однородного регулирования правового положения криптовалюты требуется разработка единого международно-правового акта на базе ООН, который закрепит единое правовое положение криптовалюты для всех государств.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, цифровая валюта, цифровое право, международное право.

Features of the international legal regime of the «division» of cryptocurrencies as property in the divorce process

Kazaryan Ani Ashotovna
student of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail:anishak123@mail.ru

Mustafin Rafael Failyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Procedure and
International Law of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail:mustafinrf@yandex.ru

Mustafina Svetlana Anatolyevna
Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Land, Labor and Environmental
Law of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:grisertel666@yandex.ru

Abstract

This scientific article discusses the features of the legal regulation of cryptocurrency in the international legal arena, as well as on the territory of the Russian Federation. The advantages and disadvantages of digital currency are analyzed. The opinions of scientists regarding the legal status of cryptocurrency are given. The provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation are analyzed.

The features of the legal fate of cryptocurrency in the event of divorce are investigated. Examples from judicial practice are considered. It is noted that in international practice there are three main approaches to cryptocurrency, according to which it is perceived as a digital currency, a virtual product or a digital sign. According to the authors, for stable and uniform regulation of the legal status of cryptocurrencies, the development of a single international legal act based on the UN is required, which will consolidate the uniform legal status of cryptocurrencies for all states.

Key words: cryptocurrency, bitcoin, digital currency, digital law, international law.

Криптовалюта появилась в 2009 г., и с тех пор интерес к ней неукоснительно растет с каждым годом. Уже сейчас имеется множество иностранных научных работ о криптовалюте, переведенных на русский язык, которые описывают определенный правовой порядок, характерный для действий, проводимых с цифровой валютой [1]. В настоящее время также отмечается рост стоимости криптовалюты. Одной из самых известных среди всех цифровых валют признается биткоин. Возможность применения криптовалюты в денежном обороте различных стран рассматривается в первую очередь в связи с повышением значимости информационных технологий, развития электронной валюты и различных электронных платежей. На наш взгляд, правовое регулирование цифровой валюты в нашей стране и некоторых других странах является недостаточным. В разных правовых системах ее признают и как ценную бумагу, и как имущество, кто-то даже приравнивает ее к финансовой пирамиде [2]. Все это говорит о том, что в мировой практике нет единого подхода к такому феномену, как криптовалюта.

Преимущества криптовалюты проявляются в следующих ее характеристиках: анонимность совершаемых платежей; проведение операций без участия посредников; независимость от политической ситуации в стране и свобода от процентов банков; возможность осуществления платежей на рынке криптовалюты без комиссии (в большинстве случаев). Однако следует также сказать и о недостатках криптовалюты. В первую очередь, это частое и «широкое» колебание курса цифровой валюты. Это

несет в себе повышенные риски при совершении действий с криптовалютой. По мнению И. Деготьковой, «цифровая экономика, а следовательно, и использование криптовалюты, может навредить государственному экономическому положению». По ее мнению, «раньше была схожая ситуация, когда в 1990-х гг. наряду с рублем применялся американский доллар», в связи с чем экономика претерпевала кризис. Так и развитие криптовалюты в России приведет к проблемам в проводимой в настоящее время денежно-кредитной политике [3].

Разные страны мира по-разному относятся к криптовалюте и ее правовому режиму. В настоящее время многие государства идут по пути создания собственной криптовалюты. Однако такая практика отнюдь не единственная, некоторые страны идут по пути запрета оборота цифровой валюты. Так, например, в Австралии Резервный банк определяет криптовалюту как альтернативу валютам различных стран. Помимо этого, цифровой валютой может также выплачиваться заработная плата. Закон, действующий на территории Японии, принятый в отношении криптовалюты, определяет ее как стоимость имущества, которая может использоваться для оплаты чего-либо путем электронной системы обработки данных [4]. По иному пути идет Вьетнам. Распоряжением банка Вьетнама установлено, что использование криптовалюты влечет за собой штрафы в размере около 9000 долларов.

В России в 2020 г. был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. В нем были предприняты значительные шаги в сторону принятия криптовалюты: были даны определения понятий криптовалюты, криптобирж, порядка владения и приобретения биткоина и т. д. В законе фигурирует термин «цифровая валюта», который приравнивается к термину «криптовалюта». Согласно ст. 19 указанного Федерального закона при банкротстве в ходе исполнительного производства цифровая валюта признается имуществом. Таким образом, криптовалюта также составляет конкурсную массу в ходе признания должника банкротом. Согласно закону лица

должны раскрывать информацию о владении ими цифровой валютой. Следовательно, в настоящее время идентификация владения криптовалютой возможна только путем самостоятельного заявления, что является достаточно спорным аспектом для правового сектора. Также при продаже биткоина был введен обязательный налог на полученный доход, что не совсем выгодно для владельцев криптовалюты [6]. Помимо этого, закон также устанавливает, что цифровой валютой нельзя расплачиваться за товары и услуги, что ставит под вопрос его платежеспособность. В настоящее время высказывается мнение о возможности отнесения криптовалюты к «иному имуществу» по правилам ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) либо указания криптовалюты как цифрового права согласно ст. 14.1 ГК РФ. Впервые в России криптовалюта была признана имуществом в 2018 г. В ноябре 2018 г. биткоин впервые был внесен в уставной капитал российской компании [7]. Имеется также судебная практика, согласно которой криптовалюта признается «иным имуществом». Так, например, согласно Постановления № 09АП – 76537/2019 Девятого Арбитражного Апелляционного суда криптовалюта была признана «иным имуществом» [8]. Суд в указанном Постановлении указал, что в связи с тем, что нет четкого определения того, к чему относить криптовалюту, ее можно отнести к следующим категориям: имущество; суррогат; актив; информация. По мнению суда, по данному вопросу следует применять ст. 128 ГК РФ [9] и расценивать криптовалюту как «иное имущество».

Интересным является рассмотрение криптовалюты с точки зрения восприятия ее как совместно нажитого имущества при разводе. В настоящее время этот вопрос в полной мере в законодательстве не решен. По правилам п. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — СК РФ) [10] имущество, нажитое в период брака, признается общим и согласно ст. 39 СК РФ доли имущества при разводе делятся в равном значении между супругами. Судебная практика в этой части в настоящее время носит неоднородный характер и является достаточно малозначительной. Это связано с тем, что в первую очередь криптова-

люта является цифровой записью, и она не имеет реальной стоимости, поэтому распределить ее в равных долях при бракоразводном процессе номинально практически невозможно. Одной из проблем является невозможность доказывания приобретения и принадлежности криптовалюты супругу [11]. Эта проблема является сложной с технической точки зрения. Так, например, Ленинский районный суд г. Санкт-Петербурга отказал истцу в признании криптовалюты как совместной собственности ввиду того, что не доказан факт принадлежности цифровой валюты супругу из-за недостаточности и достоверности доказательств [12]. Следует отметить, что если все же супруг докажет, что от него была сокрыта криптовалюта, которая была нажита в период совместного проживания, то согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [13] в случае если супруг сокрыл совместно нажитое имущество, то второй супруг, чье право было нарушено, может требовать перевода причитающегося объема прав на такое имущество либо денежную компенсацию. В связи с вышеперечисленными проблемами нами признается перспективным заключение брачного договора, в котором следует распределить активы, исходя из объема вложений в криптовалюту. Это в некоторой мере позволит обезопасить имущественное положение супругов при разводе.

В настоящее время во втором чтении рассматривается законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [14], который в случае принятия предполагает признать криптовалюту в качестве имущества. Также в этом случае действия с криптовалютой будут облагаться налогом на прибыль или доходы физических лиц. Однако данная валюта не будет облагаться налогом на добавленную стоимость. Следует отметить, что рынок оборота криптовалюты является достаточно незащищенным, и в ходе майнинга криптовалюты происходит значительное количество общественно опасных посягательств на рынок и оборот криптовалюты [15]. Также криптовалюта иногда является средством или инструментом для

легализации (отмывания) денежных средств. Однако в свете данного вопроса разработана Директива о борьбе с отмыванием денег посредством уголовно-правовых мер, где также содержится информация, говорящая о возможности использования криптовалюты как преступного средства [16].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в международной практике сложилось три основных подхода к криптовалюте, согласно которым она воспринимается как цифровая валюта, виртуальный товар или цифровой знак. В настоящее время не существует единого правового регулирования криптовалюты, также этот вопрос недостаточно изучен в научной теоретической правовой литературе. На наш взгляд, для устойчивого и однородного регулирования правового положения криптовалюты требуется разработка единого международно-правового акта на базе ООН, который закрепит единое правовое положение криптовалюты для всех государств. А государства в добровольно-принудительном порядке должны будут принять и утвердить указанные документы в своей правовой системе. По нашему мнению, это является самым перспективным из предложенных решений, которое позволит совершать различные операции с криптовалютой, в т. ч. и раздел ее в качестве совместно нажитого имущества при разводе.

Список литературы:

1. Винья П. Эпоха криптовалют. Как биткойн и блокчейн меняют мировой экономический порядок / Пол Винья, Майкл Кейси; пер. с англ. Э. Кондуковой; [науч. ред. А. Форк]. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.
2. Прокофьев М. Н., Борисова Е. С., Воробьева А. В. Перспективы использования виртуальных валют в целях социально-экономического развития страны // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 4. С. 117–125.
3. Шаламов Г. А., Игумнов М. Г. О бесперспективности внедрения криптовалют в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-4 (103). С. 51–54.
4. Куцоконь И. В. Регулирование криптовалюты в России и в мире в целях обеспечения кибербезопасности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6-2 (76). С. 77–80.

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 13.01.2022).

6. Маврина Л. Криптовалюта // Ведомости. 03.08.2020.

7. Фомин Д. Суд признал Bitcoin имуществом. Как это повлияет на статус монеты в РФ // РБК. URL: <https://amp.rbc.ru/crypto/news/5e4cf9ca9a7947247e228c4d> (дата обращения: 13.01.2022).

8. Постановление девятого ААС № 09АП – 76537/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/FEeAUpDR1666/> (дата обращения: 13.01.2022).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.01.2022).

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 13.01.2022).

11. Дело № 2-393/2019 (2-2526/2018;) М-2429/2018 // Ленинский районный суд города Санкт-Петербурга. URL: <http://lnn.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

12. Дело № 2-393/2019 (2-2526/2018;) М-2429/2018 // Ленинский районный суд города Санкт-Петербурга. URL: <http://lnn.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 13.01.2022).

13. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 13.01.2021).

14. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения цифровой валюты): Законопроект № 1065710-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7#bh_histras (дата обращения: 13.01.2021).

15. Дорж Э., Хайрутдинова И. В. Проблемы легализации (отмывания) денежных средств через криптовалюту // Юридическая наука. 2021. № 2. С. 114–116.

References:

1. Vinya P. The era of cryptocurrencies. How bitcoin and blockchain are changing the world economic order / Paul Vinya, Michael Casey; per. from English. E. Kondukova; [scient. ed. A. Fork]. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 432 p.
2. Prokofiev M. N., Borisova E. S., Vorob'eva A. V. Prospects for the use of virtual currencies for the socio-economic development of the country // Economics. Taxes. Right. 2018. No. 4. Pp. 117–125.
3. Shalamov G. A., Igumnov M. G. On the futility of the introduction of cryptocurrencies in Russia // International Research Journal. 2021. No. 1-4 (103). Pp. 51–54.
4. Kutsokon I. V. Regulation of cryptocurrency in Russia and in the world in order to ensure cybersecurity // Economics and business: theory and practice. 2021. No. 6-2 (76). Pp. 77–80.
5. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (access date: January 13, 2022).
6. Mavrina L. Cryptocurrency // Vedomosti. 03.08.2020.
7. Fomin D. The court recognized Bitcoin as property. How will this affect the status of the coin in the Russian Federation // RBC. URL: <https://amp.rbc.ru/crypto/news/5e4cf9ca9a7947247e228c4d> (access date: January 13, 2022).
8. Decree of the ninth AAS No. 09AP - 76537/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (access date: January 13, 2022).
9. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Consultant Plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: January 13, 2022).
10. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Consultant Plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (access date: January 13, 2022).
11. Case No. 2-393/2019 (2-2526/2018;) M-2429/2018 // Leninsky District Court of St. Petersburg. URL: <http://lnn.spb.sudrf.ru/> (access date: January 13, 2022).
12. Case No. 2-393/2019 (2-2526/2018;) M-2429/2018 // Leninsky District Court of St. Petersburg. URL: <http://lnn.spb.sudrf.ru/> (access date: January 13, 2022).
13. On the application of legislation by the courts when considering cases of divorce: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/05/1998 No. 15 (as amended on 02/06/2007) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (access date: January 13, 2022).

14. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation (in terms of digital currency taxation): Draft Law No. 1065710-7 // Legislative Activity Support System. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7#bh_histras (access date: January 13, 2022).

15. Dorzh E., Khairutdinova I. V. Problems of legalization (laundering) of funds through cryptocurrency // Legal Science. 2021. No. 2. Pp. 114–116.

УДК/UDC 347.1

Принцип презумпции добросовестности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

Нагимулина Камила Андреевна

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ubakaevak@mail.ru

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются различные вопросы соотношения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и гражданско-правового принципа добросовестности. Одной из базовых категорий гражданского права является «добросовестность», которая была известна еще римскому праву. Она используется при определении порядка взаимодействия двух и более субъектов. В отношении отраслей, связанных с частным правом, добросовестность достаточно подробно исследована, однако в публичном праве понятие «добросовестность» в качестве предмета исследований практически не избиралось. В рамках статьи проводится анализ сферы применения рассматриваемой презумпции. В контексте вопроса действия презумпции добросовестности обращается внимание также на презумпцию добросовестности налогоплательщиков; выдвигается тезис о наличии связи между презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений и участников публичных правоотношений, на основании чего отмечается необходимость рассмотрения презумпции добросовестности с позиции межотраслевых принципов.

Ключевые слова: принцип, презумпция, добросовестность, публичные правоотношения, гражданские правоотношения.

Legal status of participants in the real estate market in Russia

Nagimulina Kamila Andreyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:ubakaevak@mail.ru

Abstract

In this article, the author examines various issues, the ratio of the presumption of good faith of participants in civil relations and the civil law principle of good faith. One of the basic categories of civil law is "good faith which was already known to Roman law, it is used to determine the order of interaction between two or more subjects. In relation to the branches associated with private law, good faith has been studied in sufficient detail, however, in public law, the concept of "good faith" was practically not chosen as a subject of research. The article analyzes the scope of the presumption in question. In the context of the question of validity of the presumption of good faith, attention is also drawn to the presumption of good faith of taxpayers; the thesis is put forward about the existence of a connection between the presumption of good faith of participants in civil legal relations and participants in public legal relations, on the basis of which the need to consider the presumption of good faith from the standpoint of intersectoral principles is noted.

Key words: principle, presumption, good faith, public relations, civil relations.

Несмотря на то, что категория добросовестности неоднократно становилась предметом цивилистических исследований, многие вопросы, связанные с ее пониманием, продолжают оставаться спорными. Среди них соотношение презумпции добросовестности с принципом добросовестности. В то же время анализ административной реформы последних лет свидетельствует о достаточно широком использовании категории «добросовестность». При этом заимствование данного принципа для публично-правовых отношений не может быть применено без учета их специфики.

С 1 марта 2013 г. добросовестность получила свое закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) также в качестве принципа гражданского права [1]. Одновременно с этим достаточно широкое освещение приобрела позиция, согласно которой добросовестность следует относить к принципам-презумпциям. В числе доводов, указывающих на необходимость разграничения презумпции добросовестности и принципа добросовестности, следует отметить их различную функциональную принадлежность. Принципам права принадлежит роль прямого регулирования общественных отношений, при этом презумпции — это вероятностные опровержимые предположения о фактах, основанных на закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым.

Однако можно сделать вывод, что любая презумпция является по природе своей принципом, целью которого является разрешение конкретной ситуации неопределенности. По мнению М. П. Прониной, для регулирования общественных отношений презумпции имеют как прикладное, так и техническое функциональное значение; их регулятивная функция проявляется в случаях, когда презумпции являются принципами права [2].

На наш взгляд, презумпцию добросовестности в равной мере возможно интерпретировать и как предположение извинительного незнания определенным лицом каких-либо фактов и обстоятельств (предположение субъективной добросовестности), и как предположение того, что участники гражданских правоотношений соблюдают принцип добросовестности, т. е. действуют добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей (предположение объективной добросовестности).

Разъяснение Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ) по вопросу категории «добросовестности» содержится в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, в постановлении указывается

ется, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в т. ч. в получении необходимой информации; после чего, признав норму п. 5 ст. 10 ГК РФ общим правилом, Верховный Суд подчеркнул, что по данному правилу разумность и добросовестность участников гражданских правоотношений и их действий предполагаются, пока не доказано иное [3]. При этом закон различает два вида незаконного владения чужой вещью: добросовестное владение и недобросовестное владение. При добросовестном владении фактический владделец вещи не знает и не должен знать о незаконности своего владения. Следует учесть, что при этом действует презумпция добросовестности участника гражданских правоотношений, предусмотренная п. 5 ст. 10 ГК РФ [4].

Одним из векторов развития принципа добросовестности стало расширение сферы его применения в публично-правовых областях, таких как административное право и право государственного управления, налоговое право. Одним признаков публично-правовых отношений является отсутствие равенства участников. Таким образом, рассматривая категорию добросовестности в публичной сфере правоотношений, необходимо проанализировать принцип добросовестности в рамках публично-правовых отношений, основными среди которых являются индивидуальные предприниматели или организации, вступающие во взаимодействие с органами власти [5]. Изучая вопрос презумпции добросовестности в российском праве, следует отметить, что в сфере налоговых отношений также действует презумпция добросовестности налогоплательщиков [6], в частности, согласно ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Принимая во внимание близкую связь налоговых и гражданско-правовых отношений, на наш взгляд, можно сказать об имеющейся взаимосвязи категорий добросовестности между отраслями.

По нашему мнению, следует обратить внимание на мнение М. Ю. Челышева, который указывал, что, находясь в рамках единой системы права, системной связи презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений с презумпцией добросовестности налогоплательщиков, будет логичным предполагать, что добросовестный участник гражданско-правовых отношений является и добросовестным налогоплательщиком [7].

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», кроме прямого закрепления прав лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, содержит в ст. 3 принципы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Одним из важнейших принципов является презумпция добросовестности субъектов предпринимательства. Презумпция добросовестности устанавливает хозяйствующий субъект в качестве разумного и порядочного участника предпринимательской деятельности, надзор в отношении которого направлен на устранение или пресечение возможных нарушений [8]. Следует отметить, что данная презумпция является опровержимой, поскольку добросовестность субъекта предпринимательства может быть опровергнута путем зафиксированных грубых нарушений законодательства.

Презумпция добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей названа в качестве одного из основных принципов защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора). Его применение говорит о том, что действия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей должны расцениваться как добросовестные, т. е. соответствующие законодательству, общепринятой практике, обычаям, пока уполномоченными органами не доказано обратное. Таким образом, презумпция добросовестности приводит к заключению, что отношения, складывающиеся между уполномоченным органом и субъектом предпринимательства в пределах проверки его деятельности, представляют со-

бой не обвинительный процесс, а взаимодействие в рамках проведения проверки для помощи юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, т. к. последняя помогает выявить вероятные нарушения, которые могут отразиться отрицательным образом на эффективности его предпринимательской деятельности [9].

Таким образом, развитие презумпции добросовестности субъекта предпринимательства будет способствовать улучшению правовой обстановки в России за счет изменения отношения публичных органов к хозяйствующим субъектам, равно как и изменения отношения организаций и индивидуальных предпринимателей к уполномоченным органам, поскольку такая презумпция является опровержимой и добросовестное поведение находится в интересах самого хозяйствующего субъекта.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что презумпцию добросовестности на современном этапе следует рассматривать с более широких, межотраслевых позиций, называя ее при в данном случае презумпцией добросовестности субъектов гражданского оборота. Традиционная для частного права категория добросовестности активно проникает в сферу публичного права. При этом применение ее в публично-правовых отношениях связано с определенной трансформацией ее содержания. При осуществлении государственного надзора как отражения взаимодействия граждан и организаций с публичной властью категория добросовестности приобретает качественно новые значения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть первая: от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве // Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 285–301.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Нетишинская Л. Ф. Проблемы ответственности в гражданском праве: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ. 2020. 88 с.

5. Дашин А. В., Сальников С. П. Современная отечественная юридическая наука и «обычное право» // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8. С. 49–59.

6. Очаковский В. А., Усенко А. С. К вопросу об установлении сбора за интернет-покупки в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 376–385.

7. Гришковец А. А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2. 2020. С. 135–157.

8. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 Ст. 6249.

9. Анциферова Э. Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (6). С. 42–46.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation Part One: dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Vinichenko Yu. V. On the presumption of good faith in Russian law // Humanities. 2018. No. 2. Pp. 285–301.

3. On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

4. Netishinskaya L. F. Problems of responsibility in civil law: textbook. allowance. Krasnodar: KubGAU. 2020. 88 p.

5. Dashin A. V., Salnikov S. P. Modern domestic legal science and "customary law" // Legal science: history and modernity. 2016. No. 8. Pp. 49–59.

6. Ochakovsky V. A., Usenko A. S. On the issue of establishing a fee for online purchases in Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 376–385.

7. Grishkovets A. A. Administrative reform: origins, current state, prospects // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. No. 2. 2020. Pp. 135–157.

8. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control: Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 Art. 6249.

9. Antsiferova E. Yu. Principles of reasonableness, conscientiousness and justice as fundamental categories of private law // Bulletin of the Mari State University. 2016. No. 2 (6). Pp. 42–46.

УДК/UDC 336.221.262

Вопрос о совершенствовании ставок НДС

Павлоградский Илья Владимирович

студент экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:Okylys72@gmail.com

Чернов Юрий Иванович

кандидат юридических наук

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

Налог на добавленную стоимость является бюджетообразующим налогом для Российской Федерации. В статье рассмотрены основные проблемы налога на добавленную стоимость в России, связанные с отрицательным влиянием на экономику страны. Исследован объем ВВП и темпы его роста в ретроспективе. Проанализирована французская налоговая система, где налог на добавленную стоимость также составляет наибольшую долю от всех государственных денежных средств. На основе анализа автором даны рекомендации по совершенствованию российских ставок налога на добавленную стоимость, особенный упор сделан на расширение налоговых льгот. По мнению автора, реализация мер по внедрению разных льгот и пониженных ставок будет способствовать обеспечению социальной справедливости, меньшему необоснованному росту цен и инфляции, появлению новых предприятий.

Ключевые слова: НДС, налоговая система, ставка, совершенствование ставок.

The issue of improving VAT rates

Pavlogradskiy Ilya Vladimirovich

Student of the Faculty of Economics

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:Okylys72@gmail.com

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

Value added tax is a budget-forming tax for the Russian Federation. The article deals with the main problems of value added tax in Russia, associated with a negative impact on the country's economy. The volume of GDP and its growth rates are studied in retrospect. The French tax system is analyzed, where value added tax also makes up the largest share of all public funds. Based on the analysis, the author gives recommendations for improving the Russian rates of value added tax, with particular emphasis on expanding tax benefits. According to the author, the implementation of measures to introduce various benefits and reduced rates will help ensure social justice, less unjustified price increases and inflation, and the emergence of new enterprises.

Key words: VAT, tax system, rate, rate improvement.

Налог на добавленную стоимость (далее по тексту — НДС) играет основополагающую роль в формировании государственного бюджета. По подсчетам Министерства Финансов России по состоянию на 2020 г. на долю НДС приходится 40% всех денежных средств государства [1]. Обложение НДС активно развивается в новых сферах экономической деятельности, например в сфере оказания электронных услуг [2].

Согласно ст. 164 Налогового кодекса Российской Федерации (далее по тексту — НК РФ) при расчете НДС действуют следующие налоговые ставки — 0%, 10%; 20%. Размер ставки зависит от того, какие товары, работы, услуги реализует продавец [3].

Чтобы производство на территории страны было выгодным для организаций, ставка НДС должна быть разумной. Если государство с помощью НДС будет изымать значительную часть чистой прибыли организаций, будут снижаться стимулы к предпринимательской деятельности, поскольку будут расти расходы продавца. Поэтому вопрос о том,

каким должен быть оптимальный уровень НДС, всегда был актуален. До 1 января 2019 г. ставка НДС в России составляла 18%, затем ее подняли до 20%, объясняя эту меру тем, что при ее реализации за 2,5 г. государственный бюджет пополнится на 1 675 млрд рублей. Рассмотрим, как это повлияло на российскую экономику (табл. 1).

ВВП России по годам [4]

Год	ВВП (в текущих ценах)	Темп роста, %
2017	91 трлн 843,2 млрд рублей	7,3
2018	103 трлн 861,7 млрд рублей	13,1
2019	109 трлн 193,2 млрд рублей	5,1
2020	106 трлн 967,5 млрд рублей	-2,04

Таблица 1

Так, анализируя ВВП России в ретроспективе, следует заметить, что увеличение НДС в 2019 г. хотя и не привело к падению объемов ВВП, однако способствовало замедлению темпов его роста. Это произошло на фоне быстрого повышения цен и роста инфляции, т. к. себестоимость производства возросла. А поскольку уровень доходов покупателей остался прежним, потребительский спрос снизился. По данным Росстата, инфляция только в январе 2019 г. достигла 5%.

Помимо непосредственного влияния на рост цен, НДС тормозит российскую экономику из-за большого количества проблем при его вычислении и немалых ресурсов для его обслуживания, желании людей уклониться от «чрезмерного налогового бремени». Также одной из основных проблем НДС является его регрессивность: независимо от доходов, каждый человек выплачивает одинаковое количество налога в казну, в процентном соотношении к заработной плате для одних этот налог будет более невесом, а для других окажется значительной налоговой нагрузкой. В этом проявляется его «антисоциальность». Таким образом, вопрос о совершенствовании НДС на сегодняшний день стоит остро.

Сравним НДС в России и во Франции, где стандартная ставка также равняется 20%.

Отличительной особенностью французской налоговой системы является гибкость, которая выражается в широкой системе налоговых скидок и льгот. Парламент ежегодно изменяет налоговые ставки, в зависимости от социально-экономической и политической обстановки в стране. По состоянию на 2020 г. НДС в 20% представляет собой стандартную ставку, ставка 22% применяется на предметы роскоши, 10% и 5,5% — пониженные ставки на товары культурного назначения и первой необходимости соответственно, ставка 2,1% установлена для периодических изданий, организаций, занимающихся продажей лекарств с возмещением от системы социального обеспечения Франции. Так, медицина, образование, страховка освобождены от выплаты НДС. Еще одной особенностью является возможность уменьшения НДС на сумму, направленную на инвестиции.

При настолько гибкой системе налогообложения доля НДС в бюджете Франции очень высока и составляет 45%, что говорит об эффективности использования ставок на данный налог. Успех хорошей собираемости НДС лежит не только в карательных мерах при налоговых преступлениях, но и в социально-организационной системе.

Таким образом, для совершенствования ставок НДС в Российской Федерации целесообразно пересмотреть количество льготных ставок и увеличить их. Это поспособствует тому, что население будет менее подвластно желанию укрытия от налогов, поскольку будет больший выбор возможной налоговой нагрузки для них и их деятельности. Потенциальные предприниматели, которых пугали высокие ставки, смогли бы выйти на рынок и запустить свое производство.

На наш взгляд, чтобы не уйти только в предложения снижения ставок, можно, ориентируясь на практику других стран, увеличить НДС в отношении табака и алкоголя. Эта мера в т. ч. будет содействовать контролю потребления данной продукции, что положительно скажется на здоровье нации.

Для успешного развития российской экономики и, как следствие, увеличения ВВП, а значит и отчислений в государственный бюджет,

необходимо стимулировать инвестиционную деятельность предприятий. В России отсутствуют какие-либо льготные условия такого характера, так что, беря в пример французскую налоговую систему, предлагаем уменьшать НДС на сумму, направленную на инвестиции.

В российской системе существуют налоговые платежи по авансам. Однако это представляется абсурдным, поскольку налогооблагаемая база на момент предоставления аванса еще не подсчитана. Это только путает бухгалтеров и создает лишние проблемы при составлении налоговой и бухгалтерской отчетности, замедляя весь процесс. Платить НДС разумнее с полностью вычисленной налогооблагаемой базы, исключая промежуточный НДС с авансов.

Обобщая вышесказанное, реализация мер по внедрению разных льгот и пониженных ставок будет способствовать обеспечению социальной справедливости, меньшему необоснованному росту цен и инфляции, появлению новых предприятий.

Список литературы:

1. Краткая информация об исполнении федерального бюджета // Министерство Финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/id_65=80041yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g (дата обращения: 14.01.2022).
2. Бочков В. С, Очаковский В. А, Чернов Ю. И. НДС на электронные услуги, оказываемые иностранными компаниями в РФ: практика, проблемы и пути решения // Евразийский юридический журнал. 2019. №12 (139). С. 192–194.
3. Ставки НДС в 2020-2021 годах // Портал Бизнес.ру. URL: <https://www.business.ru/article/3062-stavki-nds> (дата обращения: 14.01.2022).
4. ВВП // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения: 14.01.2022).

References:

1. Brief information on the execution of the federal budget // Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g (*accessdate* : January 14, 2022).

2. Bochkov V. S, Ochakovsky V. A, Chernov Yu. I. VAT on electronic services provided by foreign companies in the Russian Federation: practice, problems and solutions // Eurasian Law Journal. 2019. No. 12 (139). Pp. 192–194.

3. VAT rates in 2020-2021 // Portal Biznes.ru. URL: <https://www.business.ru/article/3062-stavki-nds> (access date: January 14, 2022).

4. GDP // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (access date: January 14, 2022).

УДК/UDC 347.61/.64

Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства

Парий-Сергеенко Евгения Павловна

кандидат наук государственного управления, доцент кафедры

гражданско-правовых дисциплин

Сочинский филиал ВГУЮ (РПА Минюста России)

г. Сочи, Россия

e-mail:paryi@mail.ru

SPIN-код: 2578-1061

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования института опеки и попечительства. Особое внимание автором акцентировано на разграничении понятий «опека» и «попечительство». Выявляются также проблемы в практике правоприменения по категории дел, связанной с опекой и попечительством. Опека и попечительство является комплексным межотраслевым институтом права, регулирование которого осуществляется нормами гражданского, семейного и административного права, что обеспечивает охрану законных интересов и прав несовершеннолетних. В качестве выводов обозначаются пути решения выявленных проблем. В частности, предлагается изменить ч. 2 ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации, заменив текст статьи на «До достижения несовершеннолетними родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия их ребенку назначается опекун».

Ключевые слова: опека, попечительство, правовое регулирование, несовершеннолетний, недееспособный.

Problems of legal regulation of the institution of guardianship and guardianship

Pariy-Sergeyenko Yevgeniya Pavlovna

Candidate of Sciences in Public Administration, assistant professor of the Department of Civil Law Disciplines

Sochi branch of VSUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Sochi, Russia

e-mail:paryi@mail.ru

SPIN Code: 2578-1061

Abstract

This article examines topical problems of legal regulation of the institution of guardianship and trusteeship. The author focuses particular attention on the distinction between the concepts of "guardianship" and "guardianship". There are also identified problems in the practice of law enforcement in the category of cases related to guardianship and trusteeship. Guardianship and trusteeship is a complex intersectoral institution of law, which is regulated by the norms of civil, family and administrative law, which in turn ensures the protection of the legitimate interests and rights of minors. The ways of solving the identified problems are outlined as conclusions. In particular, it is proposed to amend Part 2 of Art. 62 of the Family Code of the Russian Federation, replacing the text of the article with "Until minor parents reach the age of eighteen and in other cases when they acquire civil legal capacity in full before reaching adulthood, their child is assigned a guardian."

Key words: guardianship, guardianship, legal regulation, minor, incapacitated.

Одним из неотъемлемых и чрезвычайно важных конституционных положений является то, что Российская Федерация провозглашает себя социальным государством. Это означает то, что государство берет на себя обязанность по обеспечению достойной жизни каждого гражданина, а также обеспечивает заботу в аспекте благосостояния населения. Данная обязанность является признанной как на международном уровне, так и на национальном. В связи с тем, что Российская Федерация провозглашает себя демократическим и социальным государством, а также является участницей ряда международных актов, которые закрепляют указанную обязанность, она закреплена также в ст. 7 Конституции Рос-

сийской Федерации [1]. Данное положение особенно актуально в сфере освещения вопросов, связанных с опекой и попечительством.

Институт опеки и попечительства в России имеет богатую историю, начиная со эпохи Древней Руси. На каждом из этапов становления российского государства существовали меры поддержки и защиты детей.

Однако на сегодняшний день само правовое регулирование опеки и попечительства является не в полной мере совершенным. Так, достаточно дискуссионным является вопрос о понимании таких терминов, как «опека» и «попечительство».

В настоящее время действует самостоятельный закон в данной сфере — Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — ФЗ «Об опеке и попечительстве») [2].

В рамках указанного нормативного правового акта законодатель подробным образом урегулировал отношения, возникающие в сфере опеки и попечительства. Кроме того, установлены легальные определения данных понятий, что говорит о разном смысловом значении «опеки» и «попечительства. Иными словами, подчеркивается, что такие категории не являются синонимами, взаимозаменяющими друг друга, поскольку каждый из них направлен на разные субъектные категории.

Так, согласно ст. 2 ФЗ «Об опеке и попечительстве», опека — «форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия».

В свою очередь, в той же статье указано, что попечительство — «форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охра-

нять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации» [3].

Указанные понятия фактически дублируют положения гражданского и семейного законодательства в аспекте определения опеки и попечительства над несовершеннолетними категориями граждан [4].

Следует также отметить, что в научной среде легальные определения рассматриваемых понятий подвергаются обоснованной критике. Например, по мнению Ю. Н. Аргуновой, определение понятия опеки, данного в ФЗ «Об опеке и попечительстве», не отражает целей опеки (защита прав и интересов, в частности недееспособных) [5, с. 14].

М. Н. Шаршак считает, что единого и точного определения опеки и попечительства дать невозможно, поскольку данные категории охватывают достаточно широкий круг общественных отношений [6, с. 430].

Соответственно, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство также не лишено недостатков в аспекте определения указанных понятий, что говорит о необходимости пересмотра терминологических основ института опеки и попечительства.

На сегодняшний день проблем в правовом регулировании опеки и попечительства достаточно много несмотря на то, что в законодательство по данным вопросам регулярно вносятся изменения.

Так, в настоящее время отсутствует порядок, регулирующий взаимодействие учреждений здравоохранения и органов опеки в отношении недееспособных. Кроме того, остается открытым вопрос о форме медицинского освидетельствования гражданина, выразившего желание стать опекуном (попечителем) совершеннолетнего недееспособного или ограниченно дееспособного гражданина. Данные проблемы нуждаются в устранении путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

На практике гражданам достаточно сложно реализовать свои права на то, чтобы оформить опеку или попечительство. Особенно это относится к опеке и попечительству над несовершеннолетними.

Фактически практика назначения опекуна или попечителя на сегодняшний день идет больше в отказном порядке. Об этом свидетельствуют и материалы правоприменения.

Например, Ч.С.В., Ч.С.С. (далее по тексту — административные истцы) обратились в суд с административным исковым заявлением к администрации города Воткинска Удмуртской Республики о признании незаконными: постановления администрации г. Воткинска, постановления администрации г. Воткинска об отстранении административных истцов от исполнения обязанностей опекунов на возмездной основе по договору о приемной семье в отношении несовершеннолетней А, и несовершеннолетней Б. Впоследствии к участию в деле в качестве административного соответчика судом привлечен глава муниципального образования города Воткинск Удмуртской Республики.

Отменяя решение суда первой инстанции по данному делу, судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Удмуртской Республики обоснованно пришла к выводу о том, что обстоятельства, возникшие до момента заключения с административными истцами договоров N и N о приемной семье, о которых было известно администрации г. Воткинска, не могут рассматриваться как основания для отстранения административных истцов от опеки, поскольку не расценивались административным ответчиком как обстоятельства, препятствующие заключению указанных договоров. Кроме того, судебной коллегией учтено, что в соответствии с актами проверки условий жизни несовершеннолетнего подопечного, соблюдения опекуном прав и законных интересов несовершеннолетнего подопечного, обеспечения сохранности его имущества, а также выполнения опекуном требований к осуществлению своих прав и исполнению своих обязанностей администрацией проверены условия жизни несовершеннолетних А и Б, претензий к опекунам (административным истцам) по исполнению возложенных на них обязанностей не

имеется, требования по воспитанию, содержанию, образованию выполняются, указано об отсутствии предложений о привлечении опекунов к ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение ими обязанностей [7].

В другом примере истцы обратились в суд с иском к ответчику УСЗН Зеленоградского АО г. Москвы о признании незаконным отказа в заключении договора о приемной семье и обязательстве заключить договор о приемной семье, ссылаясь в обоснование исковых требований на то, что они являются опекунами (попечителями) трех несовершеннолетних детей на основании распоряжений Межрайонного Управления Министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области, а также постановления Администрации города Сургута истцы назначены опекунами. По каждому ребенку Администрацией города Сургута были заключены договоры о приемной семье. В ноябре 2018 г. семья в полном составе переехала на постоянное место жительства в город Москва, о чем было своевременно уведомлены Управление опеки и попечительства в г. Сургуте. По приезду несовершеннолетние дети были зарегистрированы по месту пребывания. С момента переезда С неоднократно обращался в Управление опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы (по новому месту его жительства) с заявлением о признании семьи приемной, однако Отделом социальной защиты населения районов Старое Крюково и Силино Зеленоградского административного округа города Москвы 27 декабря 2019 г. истцам было отказано в заключение договора о приемной семье. Полагая их права нарушенными, истцы просили признать незаконным акт УСЗН ЗАО города Москвы об отказе в заключение договора о приемной семье в отношении каждого несовершеннолетнего ребенка и обязать УСЗН заключить договор о приемной семье в отношении каждого несовершеннолетнего ребенка. Исследовав материалы по делу, суд отказал в удовлетворении заявленных требований [8].

Анализ судебной практики позволяет говорить о том, что по данному вопросу у судов отсутствует единообразие. Это, безусловно, негативно сказывается и на самих несовершеннолетних. На наш взгляд, такая практика указывает на то, что сами законодательные положения о требованиях к опекунам и попечителям должны быть более тщательно структурированы и урегулированы. В первую очередь это нужно для того, чтобы суды при разрешении такой категории дел руководствовались не только судебным усмотрением применительно к конкретной ситуации (спору), но и определенными нормами, которые должны быть выработаны с учетом уже сложившейся и достаточно обширной практики правоприменения (в данном случае речь идет именно о требованиях, которые должны предъявляться к опекунам и попечителям).

Также одной из существенных проблем в области опеки и попечительства является проблема системности и последовательности норм в обозначенной сфере.

Решить данную проблему можно путем изменения и внесения дополнений в ФЗ «Об опеке и попечительстве». Например, в ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об опеке и попечительстве» ограничить круг отношений, урегулированный настоящим федеральным законом, т. е. обозначить, что «настоящий Федеральный закон регулирует отношения, не урегулированные гражданским и семейным законодательством» [9, с. 143].

Следующая проблема связана с правовым статусом несовершеннолетнего родителя в возрасте от 16 до 18 лет, не эмансипированного и не находящегося в браке. В связи с тем, что несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 не обладает всей полнотой прав, в отличие от полностью дееспособного гражданина (например, опекуна), считаем целесообразным изменить ч. 2 ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации, заменив текст статьи на «До достижения несовершеннолетними родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия их ребенку назначается опекун».

Таким образом, в рамках настоящей статьи нами было уделено внимание практическим проблемам реализации института опеки и попечительства, которые вызваны в первую очередь несовершенством правового регулирования. Опека и попечительство является комплексным межотраслевым институтом права, регулирование которого осуществляется нормами гражданского, семейного и административного права. На сегодняшний день практика по такой категории дел является неединообразной. Нижестоящие суды выносят решение, которое в последующем отменяется, что отрицательно сказывается на несовершеннолетних. В связи с этим на законодательном уровне следует урегулировать более подробно требования к опекунам и попечителям.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Аргунова Ю. Н. Опека над недееспособными: законодательные // Независимый психиатрический журнал. 2015. № 2. С. 14–15.
6. Шаршак М. Н. Многоаспектность понятия опеки и попечительства // Потенциал современной науки: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Прага, Чехия, 30 ноября 2020 года. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2020. С. 430–433.
7. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2021 № 88А-930/2021 // СПС «Консультант Плюс».
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2021 по делу № 33-10885/2021, 2-1482/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/514755d1-8231-11eb-bc28-d75564a9522b> (дата обращения: 12.12.2021).

9. Чаптыкова В. Е. Опекa и попечительство: современные проблемы реализации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-4 (49). С. 141–144.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144.

2. On guardianship and trusteeship: Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 17. Art. 1755.

3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

4. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

5. Argunova Yu. N. Guardianship of the incapacitated: legislative // Independent psychiatric journal. 2015. No. 2. Pp. 14–15.

6. Sharshak M. N. The multidimensionality of the concept of guardianship and guardianship // The potential of modern science: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference, Prague, Czech Republic, November 30, 2020. Neftekamsk: Scientific and Publishing Center "World of Science" (IP Vostretsov Alexander Ilyich), 2020. Pp. 430–433.

7. Cassation ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 14, 2021 No. 88A-930/2021 // Consultant Plus.

8. Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 18, 2021 in case No. 33-10885 / 2021, 2-1482 / 2020 // Official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/514755d1-8231-11eb-bc28-d75564a9522b> (access date: December 12, 2021).

9. Chaptykova V. E. Custody and guardianship: modern problems of implementation // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 10-4 (49). Pp. 141–144.

УДК/UDC 347.9

Особенности предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридического лица

Пефтиев Денис Денисович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ptit98@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридического лица. Актуальность выбранной темы обусловлена сложностями, которые имеют место в судах при защите деловой репутации. При этом особое внимание уделяется именно предмету доказывания, т. к. он нуждается, по мнению автора, в более детальном правовом регулировании. В работе исследуются положения действующего законодательства, а также рассматриваются материалы судебной практики. По итогам исследования делается вывод о том, что для удовлетворения требований в рамках данной категории дел доказательству подлежат три основных условия в совокупности. Наличие данных условий предполагает выяснение судом обстоятельств в каждом конкретном случае, что подчеркивает сложность дел о защите деловой репутации.

Ключевые слова: предмет доказывания, гражданское право, арбитражный процесс, гражданский процесс, деловая репутация, юридическое лицо.

Claims to protect the business reputation of a legal entity

Peftiyev Denis Denisovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:ptit98@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the features of the subject of proof in cases of protecting the business reputation of a legal entity. The relevance of the chosen topic is due to the difficulties that take place in the courts in the protection of business reputation. At the same time, special attention is paid to the subject of proof, because to it needs, according to the author, more detailed legal regulation. The paper examines the provisions of the current legislation, as well as considers the materials of judicial practice. Based on the results of the study, it is concluded that in order to satisfy the requirements within the framework of this category of cases, three main conditions in aggregate are subject to proof. The presence of these conditions requires the court to clarify the circumstances in each specific case, which emphasizes the complexity of cases for the protection of business reputation.

Key words: subject of proof, civil law, arbitration process, civil procedure, business reputation, legal entity.

Ст. 29 Конституции Российской Федерации [1] закрепляет за каждым право на свободу мысли и слова, а также на возможность распространения информации законным способом. При этом ч. 3 ст. 17 Основного закона страны закрепляет правило, по которому реализация прав одним лицом не должна нарушать прав других лиц. Таким образом, право лица на распространение информации не должно нарушать прав лица, о котором он ее размещает.

Деловая репутация юридических лиц подлежит защите [2]. Само понятие «деловая репутация» может пониматься как «положительный либо отрицательный уникальный и динамичный информационный образ юридического лица, который возникает с момента его создания на основании общественной оценки его деловых качеств и профессиональной деятельности и не подлежит отчуждению в пользу других лиц» [3].

Однако, проводя обобщение материалов судебной практики по данной категории дел, можно прийти к выводу, что наибольшие сложности представляет определение предмета доказывания.

Определение обстоятельств, которые имеют значение для дела, тесно связано с самим предметом доказывания. В процессуальном праве

существует широкая и узкая трактовка предмета доказывания по гражданскому делу.

Под узкой трактовкой понимаются факты, которые обладают материально-правовым значением для разрешения дела. Исходя из наличия или отсутствия данных фактов, возникают, изменяются или прекращаются соответствующие правоотношения [4]. Согласно широкой трактовке, в предмет доказывания включаются факты, которые должны быть установлены для того, чтобы суд мог верно разрешить гражданское дело. В частности, устанавливаются факты как материально-правового характера, так и процессуального [5].

По нашему мнению, именно широкий подход является наиболее верным. При подготовке дела к рассмотрению должны быть определены все юридические факты, которые подлежат исследованию в рамках процесса, наличие или отсутствие которых является необходимым для правильного разрешения спора.

Говоря о предмете доказывания по делам о защите деловой репутации юридического лица, следует отметить, что искивые требования будут удовлетворены только при совокупности трех элементов [6]. Рассмотрим их более детально:

1. Наличие самого факта распространения сведений. В соответствии с положением ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) защите подлежит право, которое было нарушено посредством распространения сведений, которые порочат деловую репутацию юридического лица [7]. Соответственно, доказать необходимо наличие данного факта. Это возможно сделать посредством любых доказательств. Единственным условием является соответствие требованиям процессуального права касательно их относимости и допустимости. Так, если данные сведения распространялись путем трансляции по телевидению, то, помимо записей телеканала, возможно предоставление записей, сделанных зрителями во время трансляции, или сообщение о данной трансляции из иных

источников (в т. ч. и посредством свидетельских показаний) [6]. В том случае если порочащая информация была распространена в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», то в качестве доказательств могут использоваться заверенные копии страниц, скриншоты данных страниц и иные доказательства. Это связано с тем, что ко времени рассмотрения дела данные доказательства в сети «Интернет» могут отсутствовать, однако деловой репутации юридического лица вред уже был нанесен. Считаем, что вопрос с возможными доказательствами и то, в каком виде они должны быть предоставлены по данной категории дел, является открытым.

2. Распространяемая информация должна иметь порочащий юридическое лицо характер либо же являться недостоверной. Недостоверной информацией признается та, которая содержит информацию о событиях, которые не имели место в реальной жизни, либо же о фактах, которые отсутствовали, кроме тех случаев, которые закреплены в официальных документах, обжалование которых предусмотрено в особом порядке. В частности, это могут быть судебные решения, акты органов власти. Однако справедливый вопрос также вызывает понятие «порочащая». Нередко для определения того, являются ли сведения порочащими деловую репутацию, необходимо провести лингвистическую экспертизу. Если же речь идет о научных, технических спорах, а также спорах в отношении искусства или ремесла, проведение экспертизы является обязательным, поскольку судья не является профессионалом в данных вопросах. Эксперт может привлекаться к участию в процессе в качестве свидетеля.
3. Распространяемые сведения не соответствуют действительности. В случае если распространяемые сведения (даже «порочащие») соответствуют действительности, лицо не будет привлечено к ответственности. Помимо этого, если информация носит оценочный характер, то она тоже не может быть предме-

том спора. В частности, в сети «Интернет» пользователи часто оставляют отзывы на сайте на тот или иной товар. При этом администрация веб-сайта не несет ответственности за отзывы, а только предоставляет право пользователям делиться впечатлениями о товаре. Если данные отзывы будут иметь оценочный характер, то нарушать деловую репутацию они не будут. Вместе с тем иногда бывает достаточно сложно определить оценочный характер отзыва, ввиду чего данное положение нуждается в дополнительном изучении [8]. Также лицо не подлежит привлечению к ответственности за распространение данных, которые были изложены в ином средстве массовой информации, а лицо их дословно процитировало.

Таким образом, нами был рассмотрен предмет доказывания по делам о защите деловой репутации юридического лица. Для удовлетворения искового требования по защите деловой репутации юридического лица доказательству подлежат три основных условия в совокупности. Все вышеизложенное подчеркивает высокую сложность рассматриваемой категории дел и необходимость дальнейшего изучения обозначенных проблем.

В частности, нуждается в дополнительном изучении и рассмотрении понятие оценочного суждения. Нередко под видом оценочного суждения наносится вред деловой репутации. И наоборот, юридическое лицо может ошибочно обратиться в суд по поводу того или иного оценочного суждения, которое, по его мнению, нарушает деловую репутацию. Считаем, что критерием оценочности может являться факт ее отражения в соответствующем материале или информации, поскольку без упоминания оценочности информация будет носить утверждающий и безапелляционный характер.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144 (8198). 04.07.2020.
2. Определение Верховного Суда РФ от 26.10.2015 по делу № 307-ЭС15-5345 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1385806 (дата обращения: 21.11.2021).
3. Зеленская Л. А., Гаспарян А. К. Деловая репутация юридического лица: понятие и признаки // Право и практика. 2018. № 4. С. 229–235.
4. Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 2014. 612 с.
5. Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2015. 644 с.
6. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Российская газета. № 0 (3719). 15.03.2005.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Иванова С. В. Пределы и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2018. 176 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with changes approved during the nationwide vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 144 (8198). 04.07.2020.
2. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 26, 2015 in case No. 307-ES15-5345 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf_ec.php?id=1385806 (access date: November 21, 2021).
3. Zelenskaya L. A., Gasparyan A. K. Business reputation of a legal entity: concept and features // Law and practice. 2018. No. 4. Pp. 229–235.
4. Treushnikov M. K. Forensic evidence. M., 2014. 612 p.
5. Reshetnikova I. V. Evidence law course in Russian civil proceedings. M., 2015. 644 p.
6. On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2005 No. 3 // Rossiyskaya Gazeta. No. 0 (3719). 15.03.2005.

7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

8. Ivanova S. V. Limits and ways of protecting honor, dignity and business reputation. M., 2018. 176 p.

УДК/UDC 347.9

Судебный приказ в гражданском и административном судопроизводствах

Пефтиев Денис Денисович

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ptit98@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросу сравнения приказного производства в гражданском и административном судопроизводствах. Актуальность выбранной темы заключается в том, что, несмотря на единое значение термина судебного приказа, существует различный подход к его регулированию в различных видах судопроизводств. Проводя исследование, автор рассматривает мнения ученых, положения действующего законодательства. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации называют различные и лишь частично совпадающие основания для приказного производства. Наибольшее количество оснований содержит Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации относит к сфере приказного производства дела о взыскании обязательных платежей и санкций.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, судебный приказ, приказное производство.

Court order in civil and administrative proceedings

Peftiev Denis Denisovich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:ptit98@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the issue of comparing writ proceedings in civil and administrative proceedings. The relevance of the chosen topic lies in the fact that, despite the common meaning of the term court order, there is a different approach to its regulation in various types of legal proceedings. During the research, the author considers the opinions of scientists, the provisions of the current legislation. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation name different and only partially coinciding grounds for writ proceedings. The greatest number of grounds contains the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation refers to the sphere of writ proceedings cases on the collection of mandatory payments and sanctions.

Key words: civil process, arbitration process, court order, order proceedings.

В настоящее время существует потребность в упрощенных процедурах, что обусловлено необходимостью разгрузки судей и обеспечения соблюдения сроков рассмотрения дел. Приказное производство нашло закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ) [1], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [2] и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее по тексту — КАС РФ) [3].

Однако к данным нововведениям далеко не все ученые отнеслись положительно. В частности, есть мнение о том, что судебный приказ нарушает принцип диспозитивности сторон [4].

При этом и сама сущность судебного приказа определяется учеными по-разному. В частности, имеется точка зрения о том, что судебный приказ представляет собой один из видов производства в рамках того или иного судопроизводства. Однако, существует мнение, что судебный приказ — это лишь процедура, которая не является отдельным видом производства. Определенный практический интерес вызывают исследования вопросов соотношения приказного и упрощенного производств [5] и иные.

Вместе с тем в рамках настоящей статьи считаем необходимым обозначить особенности судебного приказа в гражданском и административном судопроизводствах.

Рассмотрим особенности регулирования судебного приказа в ГПК РФ. Так, ст. 23 ГПК РФ закрепляет, что дела о выдаче судебного приказа рассматриваются только мировым судьей. При этом лицу следует руководствоваться правилами общей территориальной подсудности.

Заявление о вынесении судебного приказа должен подписать взыскатель или его представитель. После этого в трехдневный срок судья имеет право на возврат соответствующего заявления по основаниям, закрепленным в ст. 135 ГПК РФ. Затем в рамках гражданского процесса судья высылает копию приказа должнику, который может представить свои возражения в срок десяти дней со дня получения. Следует при этом помнить, что если возражения поступили только лишь от одного из солидарных должников, то приказ отменяется в отношении всех должников.

Сам приказ может быть оспорен в кассационном порядке. Действующее гражданское законодательство не устанавливает момент его вступления в законную силу, что, по нашему мнению, является упущением.

Исследуя данный институт в административном судопроизводстве, следует отметить, что его рассмотрение точно также производится мировыми судьями. Если же заявление было возвращено заявителю в результате того, что он нарушил те или иные положения, то он может совершить подачу заявления повторно. Главное правило в данном случае — это устранение тех обстоятельств, по которым заявление было возвращено.

В соответствии с положениями ст. 123.5. КАС РФ вынесение судебного приказа осуществляется в течение пяти дней после того, как поступило заявление. При этом он выносится без вызова сторон. Как таковое разбирательство не проводится. Суд только лишь изучает представленные ему доказательства. После вынесения приказа его копия в соответствии с КАС РФ направляется должнику, у которого есть срок в течение двадцати дней на то, чтобы предоставить возражения касатель-

но судебного приказа. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что судебный приказ вступает в силу по истечении данного срока.

В целом, рассмотрев различия в отношении судебного приказа в гражданском и административном судопроизводствах, можно прийти к следующим выводам.

В каждом кодексе названы различные и лишь частично совпадающие основания для приказного производства. Наибольшее количество оснований содержит ГПК РФ. КАС РФ относит к сфере приказного производства дела о взыскании обязательных платежей и санкций.

Общим у всех кодексов основанием является то, что указанные обстоятельства могут подтверждаться документами и особого рода доказательствами, которые по своим свойствам не могут быть опровергнуты.

В свою очередь, КАС РФ дополнительно предусматривает предварительное направление должнику копий заявления и приложенных к нему документов, в то время как в ГПК РФ упоминание об этом отсутствует.

Имеются различия в способах извещения должника о вынесении судебного приказа. Различия имеются по срокам и порядку их исчисления.

Полагаем, что различия в кодексах имеют под собой основания ввиду различного подхода судов к судебному приказу, но вместе с тем считаем, что данные отношения должны быть регламентированы как можно более идентично, поскольку в конечном итоге правовое регулирование судебного приказа должно быть схожим для лиц в арбитражном и административном судопроизводстве.

Считаем, что в ГПК РФ и КАС РФ следует установить единые правила касательно уведомления должника и сроков данного уведомления. За основу можно взять положения КАС РФ о двадцатидневном сроке для возражения касательно исполнения приказа. При этом в отношении должников считаем необходимым их обязательное уведомление о месте и времени рассмотрения соответствующего дела и предваритель-

ного направления документов в их адрес. Это позволит соблюсти право должника на защиту.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 50. Ст. 8024.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 2391.
4. Громошина Н. А. Упрощение гражданского процесса как проявление тенденции его унификации // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 5–12.
5. Зеленская Л. А. Некоторые вопросы соотношения приказного и упрощенного производств в гражданском процессе // В книге: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. 2019. С. 365–366.

References:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532; 2020. No. 50. Art. 8024.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 2391.
4. Gromoshina N. A. Simplification of the civil process as a manifestation tendencies of its unification // Laws of Russia. Experience, analysis, practice. 2016. No. 9. Pp. 5–12.
5. Zelenskaya L. A. Some questions of the correlation of ordered and simplified proceedings in civil proceedings // In the book: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of abstracts based on the materials of the All-Russian (national) conference. Rep. for issue A. G. Koshchaev. 2019. Pp. 365–366.

УДК/UDC 343.9.01

Актуальные проблемы противодействия организованной преступности

Попова Ангелина Владиславовна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:aaannnv@mail.ru

Влезько Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:projecrs16@yandex.ru

SPIN-код: 2290-5454

Аннотация

В рамках проведенного исследования автором рассмотрены различные точки зрения на понятие организованной преступности. Проведен анализ криминогенных причин и факторов, лежащих в основе формирования в социуме такого явления, как организованная преступность. В статье приведены статистические данные, позволяющие сделать выводы об эффективности существующих в современном правовом поле механизмов, направленных на ликвидирование и предотвращение роста организованной преступности. Проведена сравнительная характеристика понятий «организованная преступность» и «терроризм». В ходе исследования автором классифицированы и раскрыты способы противодействия организованной преступности, подробно описаны общесоциальные меры профилактики распространения организованной преступности. В завершение проведенного исследования автор рассматривает необходимость и целесообразность принятия единого нормативно-правового акта, объединяющего в себе нормы, направленные на противодействие организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, предпосылки, профилактические меры, криминалистическая характеристика, террористическая деятельность.

Actual problems of countering organized crime

Popova Angelina Vladislavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:aaannnv@mail.ru

Vlezko Dmitriy Aleksandrovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Criminalistics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: projects16@yandex.ru
SPIN Code: 2290-5454

Abstract

Within the framework of the conducted research, the author considers various points of view on the concept of organized crime. The analysis of criminogenic causes and factors underlying the formation of such a phenomenon as organized crime in society is carried out. The article presents statistical data that allow us to draw conclusions about the effectiveness of existing mechanisms in the modern legal field aimed at eliminating and preventing the growth of organized crime. A comparative characteristic of the concepts of "organized crime" and "terrorism" is carried out. In the course of the study, the author classified and disclosed ways to counter organized crime, described in detail the general social measures to prevent the spread of organized crime. At the end of the research, the author considers the necessity and expediency of adopting a single regulatory legal act that combines norms aimed at countering organized crime.

Key words: organized crime, prerequisites, preventive measures, criminalistic characteristics, terrorist activity.

Все протекающие в социуме процессы глубоко взаимосвязаны и формируют систему взаимозависимых социальных явлений. Нестабильная ситуация на политической арене как внутри государства, так и за его пределами, смещение фокуса деятельности органов государственной власти и охраны правопорядка на новые виды правонарушений, связанные в т. ч. с эпидемиологической обстановкой, являют собой череду благо-

приятных для деятельности преступных формирований обстоятельств. В свете данного утверждения существование в обществе организованной преступности как агрессивного антисоциального явления может считаться катализатором развития таких проблем криминального характера, как коррупция, наркомания, криминализация общества в целом, что, на наш взгляд, обуславливает необходимость формирования комплексного подхода к борьбе с вышеуказанным явлением.

Публикуемые МВД РФ статистические данные позволяют нам сделать вывод об актуальности рассматриваемой темы, а также утверждать, что законодательная база, действующая на сегодняшний день, демонстрирует низкую степень эффективности, что, в свою очередь, не может не сигнализировать об острой необходимости реформирования существующих правовых норм, регулирующих процесс противодействия организованной преступности. Так, за январь 2018 г. в Российской Федерации организованными преступными группами было совершено 1644 преступления, когда за аналогичный период 2020 г. количество преступлений указанной категории выросло до 1885, а за аналогичный период 2021 г. — до 2584 [1].

Следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, как это было указано ранее, рост числа преступлений, совершенных организованными преступными группами, обусловлен как нестабильной экономической и политической ситуации в стране, так и несовершенством действующего законодательства.

Для определения мер, подлежащих совершенствованию, целесообразно определить содержание определения понятия организованной преступности, а также выявить основные законодательные проблемы противодействия ей.

Рассматривая понятие «организованная преступность» и определяя его содержание, необходимо обратиться к точкам зрения различных авторов.

По мнению А. И. Гурова, организованная преступность представляет собой «...относительно массовое функционирование устойчивых

управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как промыслом (бизнесом) и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля» [2].

Э. Ф. Побегайло подчеркивает, что «...организованная преступность есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве и функционировании преступных сообществ (преступных организаций)» [3].

Анализируя указанные понятия, можно сделать вывод о наличии у организованной преступности двух обязательных признаков: массовости и устойчивости.

Рассматривая организованную преступность, уместно было бы упомянуть и террористическую деятельность, зачастую существующую «рука об руку» с организованной преступностью в тесном симбиозе, несмотря на преследование различных целей в процессе осуществления противоправной деятельности.

Как отмечают Д. В. Влезько и К. А. Зуева, «... терроризм в общем тесно связан с экономическими, социальными, политическими и духовными сферами, существующими в мире и обществе в целом. Все стороны терроризма объясняют его высокую общественную опасность. <...> Из анализа практики видно, что террористический акт часто осуществляется группой лиц. Такая группа формируется для проведения единичного теракта или для совершения серии актов террористического характера. Она может характеризоваться организованностью, сплоченностью и конспиративностью. Участники сознательно жертвуют своими возможностями при осуществлении плана проведения акта терроризма» [4].

В свою очередь, С. Маллинс и Д. К. Уизер подчеркивают, что «... участие террористов в преступной деятельности варьируется от группы к группе и в разные моменты времени и в основном определяется географическими возможностями, изменяющимся политическим ландшафтом и межличностными связями» [5]. В своем исследовании «Терроризм и организованная преступность» С. Маллинс и Д. К. Уизер делают вы-

вод о том, что угроза слияния террористических группировок и организованной преступности на сегодняшний день достаточно маловероятна. Однако мы не можем в полной мере согласиться с данным утверждением и считаем, что в процессе разработки мер по противодействию организованной преступности нельзя забывать о возможности конвергенции указанных направлений преступной деятельности.

Под противодействием организованной преступности В. А. Бондаренкова и В. К. Зеникина понимают принятие интенсивных мер влияния на преступность, но недостаточных для качественного, положительного его изменения [6].

Как отмечает Р. Р. Исмаилова, противодействие организованной преступности в обязательном порядке включает в себя профилактические мероприятия, объединяемые в две категории:

- 1) общепрофилактические меры, направленные на выявление и устранение причин и условий, которые способствуют возникновению и распространению преступлений рассматриваемой категории;
- 2) специальные меры — меры, применяемые в отношении конкретных лиц, участвующих в совершении данных преступлений [7].

Основным направлением борьбы с организованной преступностью является комплексная профилактика.

Общесоциальный уровень охватывает мероприятия экономического, политического, правового характера, которые содействуют развитию социальных отношений в различных сферах общества и не имеют специальной направленности. Главным различием такой направленности считается то, что они представляют собой фундамент для эффективного применения специальных криминологических мер в предупреждении преступлений. К данной категории мероприятий относится и совершенствование законодательно закрепленного механизма борьбы с организованной преступностью.

Нормативная правовая база, регулирующая противодействие организованной преступности, требует, на наш взгляд, значительного совер-

шенствования. Существующая законодательная база, как отмечает Р. Р. Исмаилова, только создает условия для борьбы, а самой борьбы ведется недостаточно.

Известно, что эффективное преодоление противодействия расследованию организованной преступности возможно путем комплексного использования всех имеющихся в распоряжении следствия процессуальных средств, в сочетании с возможностями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [8]. В свете данной проблемы необходимо обратить внимание на такое упущение законодателя, как отсутствие в рамках российского законодательства комплексного нормативно-правового акта, содержащего положения о порядке взаимодействия органов предварительного следствия, органов оперативно-розыскной деятельности и судебных органов в борьбе с организованной преступностью.

Следует отметить, что на сегодняшний день данные нормы содержатся в ряде нормативно-правовых актов, в частности в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», что значительно затрудняет деятельность правоприменителей [9].

Необходимость принятия федерального закона, сконцентрировавшего в себе основные нормы и положения по борьбе с организованной преступностью, возникла еще в конце XX в.

Так, в 1995 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен на рассмотрение проект Федерального закона № 94800648-1 «О борьбе с организованной преступностью» [10], однако данный акт так и не был принят.

Впоследствии еще не раз предпринимались попытки рассмотрения и принятия указанного закона, однако на сегодняшний день попытки не увенчались успехом.

Необходимо отметить, что борьба с организованной преступностью в государстве должна носить разносторонний характер и включать в себя не только меры уголовно-правового воздействия.

Представляет интерес личность преступника, занимающегося организованной преступной деятельностью. В своем большинстве это профессиональные преступники, обладающие рядом антисоциальных личностных качеств [11]. Данные свойства личности должны учитываться при определении мер борьбы с ними.

С учетом рассмотренных обстоятельств считаем необходимым подготовку нового комплексного нормативно-правового акта, содержащего в себе специальные положения, направленные на борьбу с организованной преступностью, предназначенного для использования правоприменителями на всех этапах расследования и разрешения в судебном порядке дел, связанных с преступлениями, совершенными организованными преступными группами.

Таким образом, развитие устойчивой и высокоэффективной системы мер противодействия организованной преступности было и остается на сегодняшний день одной из важнейших задач, стоящих перед законодателем в Российской Федерации, необоснованно помещенной «на второй план». Необходимо помнить также и о важности разработки и реализации превентивных мер, гарантирующих минимизацию деятельности организованной преступности в будущем, что должно быть конечной целью нормотворческой и правоохранительной деятельности. Последовательное применение данных норм будет в целом способствовать оздоровлению общества и государства от посягательств организованных преступных формирований.

Список литературы:

1. Портал правовой статистики // URL: http://crimestat.ru/offenses_m.asp (: 12.01.2022).
2. Гуров А. И. Организованная преступность — не миф, а реальность. М., 1990. 80 с.
3. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. М., 1990. 47 с.

4. Влезько Д. А., Зуева К. А. Криминалистическая характеристика терроризма // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 963–978.
5. Маллинс С., Уизер Д.К. Терроризм и организованная преступность. // Connections: the quarterly journal. 2015. № 3. С. 71–91.
6. Бодренков В. А. К началу дискуссии о содержании криминальной безопасности общества (государства) и роли ОРД в ее обеспечении // Оперативник (сыщик). 2008. № 2 (15). С. 17–23.
7. Исмаилова Р. Р., Уторов О. Р. Проблемы противодействия организованной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. С. 33–37.
8. Влезько Д. А. О методах преодоления противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар, 2019. С. 232–238.
9. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 12.01.2022).
10. О борьбе с организованной преступностью: Проект Федерального закона № 94800648-1 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=21973#Mhb4pvSoCPF1DMAm> (дата обращения: 12.01.2022).
11. Влезько Д. А. Личность преступника в системе элементов криминалистической характеристики убийств // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции преподавателей. Краснодар, 2018. С. 649–650.

References:

1. Portal of legal statistics // URL: [http://crimestat.ru/offenses_map\(accessdate : January12, 2022\)](http://crimestat.ru/offenses_map(accessdate : January12, 2022)).
2. Gurov A. I. Organized crime is not a myth, but a reality. M., 1990. 80 p.
3. Pobegailo E. F. Trends in modern crime and improvement of the criminal law fight against it. M., 1990. 47 p.
4. Vlezko D. A., Zueva K. A. Forensic characteristics of terrorism // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 963–978.
5. Mullins S., Wither D.K. Terrorism and organized crime. // Connections: the quarterly journal. 2015. No. 3. Pp. 71–91.

6. Bodrenkov V. A. To the beginning of the discussion about the content of the criminal security of society (the state) and the role of the police department in its provision // Operative (detective). 2008. No. 2 (15). Pp. 17–23.

7. Ismailova R. R., Utorov O. R. Problems of combating organized crime // Law and order: history, theory, practice. 2018. Pp. 33–37.

8. Vlezko D. A. On methods of overcoming opposition to investigation // Modern problems of domestic criminology and prospects for its development: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics. Krasnodar, 2019. Pp. 232–238.

9. On operational-search activities: Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (access date: January 12, 2022).

10. On the fight against organized crime: Draft Federal Law No. 94800648-1 // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=21973#Mhb4pvSoCPF1DMAM> (access date: January 12, 2022).

11. Vlezko D. A. The identity of the offender in the system of elements of the forensic characterization of murders // Results of research work for 2017: a collection of articles based on the materials of the 73rd scientific and practical conference of teachers. Krasnodar, 2018. Pp. 649–650.

УДК/UDC 658

Проект как объект юридического сопровождения и управления

Руденко Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Аннотация

Проектный подход уже оценен по достоинству и используется ведущими мировыми организациями. Широкое распространение проектной деятельности в последнее время связано с тем, что данный подход позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы и достигать поставленных целей в необходимые сроки. В свою очередь, профессиональное управление проектами позволяет наиболее эффективно распределить обязанности между участниками проекта, сэкономить время и средства, повысить результативность проектной деятельности, что позволило бы быстро и успешно решать поставленные перед ними задачи. В данной статье рассматриваются роль и значение проектной деятельности в организации, ее соотношение с правовой сферой деятельности организации. Исследуются цели и задачи, возникающие перед участниками юридических проектов.

Ключевые слова: юридические услуги, проект, юридический проект.

The project as an object of legal support and management

Rudenko Yevgeniya Yuryevna

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Rights

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Abstract

The project approach has already been appreciated and is used by the world's leading organizations. The widespread use of project activities in recent years is due to the fact that this approach allows the most efficient use of the resources available and achieve the goals in the required time frame. In turn, professional project management allows you to most effectively distribute responsibilities between project participants, save time and money, increase the effectiveness of project activities, which would allow you to quickly and successfully solve the tasks assigned to them. This article discusses the role and importance of project activities in the organization, its relationship with the legal sphere of the organization. The aims and tasks that arise before the participants of legal projects are investigated.

Key words: legal services, project, legal project.

В деятельности современных хозяйствующих субъектов очевидна тенденция перехода от традиционной культуры долгосрочного планирования к проектированию, в котором происходит дробление предпринимательской деятельности на отдельные проекты, позволяющие быстрее удовлетворять требования рынка и лучше приспособливаться к новым условиям. Проектная деятельность служит своего рода линзой, с помощью которой организация или отдельный человек могут сфокусировать ресурсы и возможности на достижение поставленной цели.

Термин «проект» не имеет однозначного определения. В различных сферах деятельности он будет пониматься по-разному.

Приведем некоторые определения данного понятия. Проект — последовательность взаимосвязанных событий, происходящих в течение установленного ограниченного периода времени и направленных на достижение неповторимого, но определенного результата [1, с. 14]. Проект — целенаправленная ограниченная во времени деятельность, осуществляемая для удовлетворения конкретных потребностей при наличии внешних и внутренних ограничений и использовании ограниченных ресурсов [2, с. 197].

Независимо от того, как мы понимаем проект, он имеет ряд несомненных признаков:

1. Наличие конкретной четко определенной конечной цели (результата). Именно конечная цель (результат) является первым и исходным этапом любого проекта. Без конечной цели (результата) проект невозможен. В рамках проекта может быть несколько промежуточных целей (результатов), но в конечном итоге все они должны привести к итоговой цели (результату).
2. Каждый проект уникален. Даже при условии, что разные проекты имеют одинаковые цели (результаты), сами проекты будут уникальными. У них не будут полностью совпадать методы, время осуществления, участники и пр. С учетом этого признака даже типовые проекты являются уникальными.
3. Разовый характер. Проект — неповторяющаяся деятельность, т. е. он реализуется ради конкретной, но разовой цели. В этом смысле проекты следует отличать от бизнес-процессов, а именно повторяющейся, часто стандартизированной, деятельности. Например, организация, оказывающая юридические услуги, решила начать оказывать еще одну, новую для нее услугу: юридическое сопровождение создания юридического лица. Результатом проекта будет создание конкретного юридического лица. Это результат, которого организация достигнет впервые. После создания первого юридического лица организация понимает процедуру создания юридического лица и возможные проблемы и решает оказывать эту услугу на постоянной основе. Как только принято данное решение, запускается бизнес-процесс, который повторяется много раз. Понятно, что юридические лица будут разными, но для организации цель будет одна — оказать услугу по созданию юридического лица безотносительно к его организационно-правовой форме, учредителям и особенностям. Если же смотреть более широко и рассматривать услугу не по созданию абстрактного юридического лица, а, например, кон-

кретного юридического лица ООО «Х», тогда для организации это будет не бизнес-процесс, а проект, потому что результат будет уникальным. Проект сосредоточен на получении результата как такового. При этом неважно, сколько времени и ресурсов будет потрачено на достижение результата. По сути, затевая проект и называя его таковым, следует ответить себе на вопрос: «Какой результат мы желаем получить в итоге?». Когда речь идет о процессе, то результат нам уже известен. Нам важен метод его получения. Процесс можно условно свести к вопросу: «Как?».

4. Ограниченность проекта во времени. Проект тем и отличается от процесса, что осуществляется в конкретных временных рамках, он имеет срок выполнения, в то время как процесс реализуется в текущее время. Понятно, что в процессе тоже могут быть фиксированные сроки, но они не привязаны к конкретным датам и временным отрезкам. Как правило, проект имеет конкретную дату начала и конкретную дату завершения. Завершение проекта связано с достижением его цели (результата). Если становится очевидно, что результат не может быть достигнут или в нем отпала необходимость, тогда проект тоже завершается, возможно досрочно.
5. Ограниченность ресурсов. У каждого проекта есть выделенный на него бюджет, материальные и технические, а также человеческие ресурсы.

Любой проект имеет несколько следующих друг за другом стадий: вначале выявляется проблема, затем определяется цель (результат) проекта, после проект разрабатывается и в итоге — реализуется и завершается.

Точкой отсчета любого проекта является *проблематизация*.

Проблематизация — установление проблемы или задачи. Например, юристу поручено организовать договорную работу в компании. Первым делом юрист должен понять, почему необходима организация дого-

ворной работы: потому что нет понятной процедуры организации договорной работы; слишком громоздкий процесс договорной работы; нужен локальный акт, в котором будет зафиксирован порядок договорной работы.

Когда установлена проблема или задача, наступает этап *целоположения*, на котором решается, к какому результату должен привести проект. От качества формулировки цели (результата) во многом зависит успех проекта.

Традиционно считается, что хорошо сформулированная цель проекта должна быть конкретной (т. е. однозначно воспринимаемой всеми участниками), измеримой (т. е. сформулированной в конкретных показателях) и достижимой при имеющихся временных и ресурсных ограничениях.

Вернемся к примеру, когда юристу поручено организовать договорную работу в организации. В зависимости от выбранной проблемы будет формулироваться цель проекта по организации договорной работы. Допустим, в качестве проблемы было названо отсутствие понятной процедуры договорной работы. Поэтому в качестве цели можно сформулировать следующую: детально описать процесс заключения договоров в организации. Если в качестве проблемы был назван громоздкий процесс заключения договоров, то в качестве цели можно поставить следующую: максимально сократить этапы заключения договоров. Если задачей является необходимость в локальном акте, содержащем порядок договорной работы, то результатом проекта будет такой акт.

Далее происходит *разработка проекта*: планируется деятельность по достижению цели (результата), определяются требования к результату проекта, выбираются ресурсы и способы достижения результата, фиксируются сроки выполнения проекта, определяются участники проекта, обозначаются допущения и ограничения в проекте, устанавливаются контрольные точки (связанные с датами, временем, событиями, действиями и т. п.), фиксируются способы оценки качества и пр.

О рисках стоит сказать отдельно. В любом проекте на этапе его разработки должны быть заранее просчитаны и оценены риски. Зная риски, можно заранее выработать несколько вариантов реагирования на них. Работа юристов невозможна без прогнозирования рисков и определения стратегии управления ими. Например, если в ответ на определенные действия юриста последует обращение в суд, то линия защиты будет построена на определенных ответных действиях, связанных с подготовкой документов (кстати, пакеты документов на случай возникновения такой ситуации желательно подготовить заранее, до реализации проекта).

Следующим этапом является непосредственно *реализация проекта*. На этом этапе важно отслеживать прогресс реализации, фиксировать контрольные точки и качество их прохождения, проводить оценку с точки зрения сроков и достигнутых промежуточных результатов. При необходимости изменения условий выполнения проекта на данном этапе можно это сделать, при этом все изменения должны быть адекватными и способствующими достижению цели (результата) проекта. Если цель (результат) проекта в результате изменений меняется, то меняется сам проект и его выполнение должно начинаться заново — с установления проблематизации. На этом же этапе происходит постоянный мониторинг рисков и своевременное реагирование на них.

Далее следует этап *завершения* проекта. На этом этапе происходит передача конечного продукта (если он был заявлен) заказчику. Например, если целью проекта по организации договорной работы в компании был локальный акт, фиксирующий порядок договорной работы, тогда конечным продуктом проекта будет такой акт. Если конечный продукт не был заявлен (например, в качестве цели проекта было заявлено удовлетворение иска заказчика), то на этапе завершения проекта будет передаваться само судебное решение и отчет по проекту. Конечно, мы понимаем, что судебный акт в пользу заказчика проекта не нуждается в комментариях. Под отчетом в данном случае будет пониматься переда-

ча судебного акта. Почему судебный акт в данном случае — не продукт проекта? Потому что он исходит не от юриста, а от третьих лиц.

Если, например, проект был направлен на экспертизу договорной работы в организации, то в данном случае продукта проекта и не будет, а будет отчет, в котором юрист отразит все особенности договорной работы в организации, обозначит положительные стороны работы, укажет на проблемы и на возможные пути их решения. В данном случае отчет будет выглядеть именно так, как мы привыкли его понимать, — в виде отдельного документа с подписью юриста.

Любой проект подразумевает под собой наличие участников. В зависимости от вида проекта участники будут разными.

Участники проекта — элементы в структуре проекта. Они обеспечивают реализацию замыслов, заложенных в проекте. В зависимости от сложности проекта число участников проекта будет различным. Исходя из степени участия каждого ученика в проекте, перед каждым из них ставятся конкретные задачи, фиксируются функции и полномочия. Каждому участнику должна быть определена своя мера ответственности за качество его участия в реализации проекта [3, с. 17].

Поскольку предметом изучения данной статьи являются юридические проекты, то рассмотрим участников юридических проектов.

Заказчик проекта — будущий владелец и пользователь результатов проекта. Это может быть как физическое, так и юридическое лицо. Как правило, заказчик бывает один, но в ряде случаев их может быть и несколько. Тогда они объединяют свои силы и средства для создания проекта и использования его результатов. Иногда инициаторы создают юридическое лицо для реализации проекта.

Инвестор — это юридическое или физическое лицо, финансирующее проект. Инвестор и заказчик часто могут быть одним лицом, но иногда они бывают разными. В этом случае они заключают договор. Инвестор при этом осуществляет расчеты со всеми участниками проекта. Он же может контролировать ход и результаты проекта.

Исполнитель — юрист или группа юристов. Говоря об исполнителе, стоит сказать еще об одном участнике проекта — его руководителе. Для юридического сопровождения и управления проектом характерно то, что этот участник не выделяется отдельно. Руководителем проекта будет сам юрист (если он реализует проект единолично) либо один представитель группы юристов. Руководитель проекта — лицо, которому заказчик или другие участники проекта делегируют полномочия по руководству работами по проекту: планированию работы, координации действий всех участников проекта и контролю за ходом его разработки и реализации. Иногда руководителя проекта называют менеджером проекта.

Помощник исполнителя — лицо, которому исполнитель проекта поручает выполнение некоторых задач, как правило, технического характера. Например, помощники исполнителя выполняют распоряжения юриста в границах своей компетенции; оказывают юристам помощь при взаимодействии с помощниками других юристов, а также с представителями государственных служб; замещают юриста по его прямому поручению в пределах своей компетенции; участвуют в подготовке документов к юридическим процедурам; сопровождают юриста при его участии в судебных разбирательствах и деловых встречах; осуществляют поиск необходимой для юриста информации; отслеживают появление новых затрагивающих проект нормативно-правовых актов, судебных решений и аналитики, готовят их обзоры; работают с текущей корреспонденцией; информируют юриста об обнаруженных проблемных ситуациях.

Таким образом, можно прийти к выводу, что проектная деятельность в юриспруденции играет важную роль, т. к. позволяет предусмотреть все возможные трудности, которые могут возникнуть на стадии реализации поставленных задач, в т. ч. за счет грамотного взаимодействия между всеми участниками проекта.

Список литературы:

1. Бэгьюли Ф. Управление проектом / пер. с англ. М.: Гранд ФАИР-ПРЕСС, 2002. 208 с.

2. Фунтов В. Н. Основы управления проектами в компании. СПб : Питер, 2011. 336 с.

3. Сinyaк, Н. Г. Управление проектами: пособие для студентов учреждений высшего образования по спец. 1-26 02 02 «Менеджмент (по направлениям)», направление спец. 1-26 02 02-04 «Менеджмент недвижимости» / Н. Г. Сinyaк, В. А. Акулич. Мнк: БГТУ, 2013. 195 с.

References:

1. Bagyuli F. Project management / per. from English. M.: Grand FAIR-PRESS, 2002. 208 p.

2. Funtov V. N. Fundamentals of project management in the company. St. Petersburg: Piter, 2011. 336 p.

3. Sinyak, N. G. Project management: a manual for students of higher education institutions on special. 1-26 02 02 "Management (by directions) specialty 1-26 02 02-04 Real Estate Management / N. G. Sinyak, V. A. Akulich. Minsk: BSTU, 2013. 195 p.

УДК/UDC 347

Методы юридического аудита

Руденко Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Аннотация

Деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей должна соответствовать нормативно-правовым требованиям, установленным действующим законодательством Российской Федерации. Нарушение норм и правил может повлечь за собой наложение на хозяйствующий субъект штрафов и иных санкций — размер взыскания может достигать сотен тысяч и даже миллионов рублей или может привести организацию к принудительной ликвидации и иным негативным последствиям. Чтобы минимизировать вероятность возникновения таких последствий, необходимо периодически проводить юридический анализ всех процессов, протекающих внутри организации, и создаваемых в результате этого нормативных документов как силами самой организации, так с помощью сторонних специалистов. Для этих целей служит юридический аудит. В данной статье автором рассмотрены основные методы, применяемые при проведении юридического аудита.

Ключевые слова: юридические услуги, юридический аудит, предпринимательская деятельность, методы аудита.

Legal audit methods

Rudenko Yevgeniya Yuryevna

Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Rights

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail: golushko1@rambler.ru

SPIN-код: 3898-8331

Abstract

The activities of organizations and individual entrepreneurs must comply with the legal requirements established by the current legislation of the Russian Federation. Violation of the rules and regulations may result in the imposition of fines and other sanctions on the economic entity - the amount of the penalty may reach hundreds of thousands and even millions of rubles or may lead the organization to forced liquidation and other negative consequences. To minimize the likelihood of such consequences, it is necessary to periodically conduct a legal analysis of all processes occurring within the organization, and the regulatory documents created as a result of this, both by the organization itself and with the help of third-party specialists. For these purposes, a legal audit is used. In this article, the author considers the main methods used in the conduct of legal audit.

Key words: legal services, legal audit, entrepreneurial activity, audit methods.

Юридический аудит является новым понятием в сфере осуществления предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, под которым понимается юридическая услуга, при оказании которой проводится проверка соответствия всех элементов работы организации или индивидуального предпринимателя требованиям действующего законодательства, выявляются возможные риски и негативные последствия принимаемых руководством решений прежде, чем возможные негативные последствия наступят или будут выявлены нарушения законодательства в ходе проведения плановых или внеплановых проверок со стороны государства. Юридический аудит осуществляется в отношении всех операций, проведенных организацией. После его проведения формируется отчетность, в которой излагаются имеющиеся нарушения, а также даются предложения об исправлении недочетов [1].

В отличие от бухгалтерского (финансового) аудита, в процессе юридического аудита проверяется эффективность и результативность работы юридического блока организации на разных стадиях ее работы. В ходе такого аудита, например, осуществляется:

- 1) проверка системы организации работы подразделений или отдельных сотрудников, выполняющих функции юридического сопровождения, на разных этапах деятельности организации;
- 2) проверка системы контроля и оперативности управления качеством юридической деятельности;
- 3) проверка внутренней документации, регламентирующей работу организации, относительно достоверности представленных на проверку документов и пояснений сотрудников;
- 4) проверка обоснованности применяемых стратегических и технических решений, финансовых затрат на содержание и бюджетирование юридического блока организации, способов управления подразделениями, профессиональной пригодности сотрудников этих подразделений для выполнения поставленных задач и пр. [2].

Юридический аудит осуществляется посредством определенных методов, которые во многом заимствованы из методов аудита. Конечно, они применяются юристами не безусловно, а с учетом специфики юридической деятельности [3].

Все методы юридического аудита можно разделить на две большие группы: методы фактической проверки и методы документальной проверки.

Методы фактической проверки включают:

1. Осмотр. Применяется при юридическом аудите документов. Выясняются условия хранения документов, их структурирования. Например, в ходе юридического аудита договорной работы может выявиться, что действующие договоры хранятся в общем коридоре, в шкафах, которые не запираются. Понятно, что при таких условиях хранения договоров велик риск их утраты или повреждения. Также, например, в ходе аудита может быть установлено, что действующие и недействующие договоры хранятся вместе. Такой способ хранения крайне неудобен,

поскольку не позволяет своевременно отыскать нужный договор любому заинтересованному лицу.

2. **Обследование и опрос.** Являются продолжением осмотра. Обследование предполагает запрашивание комментариев и объяснений по вопросам, не понятным юристам. В ходе юридического аудита юрист может, если иное прямо не было обговорено при заказе юридического аудита, общаться с сотрудниками заказчика. Например, юрист управляет проектом организации договорной работы. Он может запросить информацию о том, кто, в каком порядке и на основании чего осуществляет согласование проектов договоров. Рассмотрим такую ситуацию: работа штатного юриста часто связана с работой бухгалтеров. Допустим, юрист работает над договором поставки товара, и в процессе работы выясняется, что контрагент не является плательщиком налога на добавленную стоимость, в то время как организация юриста является. С точки зрения бухгалтерского учета и налоговых последствий данный вопрос может поставить организацию, в которой работает юрист, в затруднительное положение. Поэтому он в этом случае должен согласовать возможность заключения договора с бухгалтером.
3. **Инвентаризация.** С ее помощью выясняется фактическое наличие документов, являющихся основанием для ведения хозяйственной деятельности, кадрового делопроизводства, иной деятельности. В некоторых случаях эти данные сопоставляются с данными бухгалтерского учета. Например, по данным бухгалтерского учета, в собственности компании числится стол. Необходимо определить основание, по которому произвели данную запись в бухгалтерских документах. Таким основанием может быть, допустим, договор купли-продажи стола. Другой пример: в ходе инвентаризации выясняется, что к договору имеются дополнительные соглашения под номерами 2, 3 и 4, но нет дополнительного соглашения под номером 1.

4. Экспертная оценка. В ходе юридического аудита, как правило, экспертная оценка касается качества имеющихся юридических документов. Например, юристу представляют на рассмотрение проект договора. Юрист выносит свое заключение по итогам рассмотрения проекта, причем не только относительно его содержания, правильности оформления, но, и, возможно, о целесообразности его заключения с правовой точки зрения.
5. Проверка объема выполненных работ. Этот метод в основном применяется в случае юридического аудита деятельности другого юриста.

Методы документальной проверки включают:

1. Метод формальной проверки, посредством которого осуществляется проверка соблюдения правил составления, оформления, полноты и подлинности документов. От этого зависит объективность получаемой информации, что, в конечном итоге, может влиять на результат аудиторской проверки.
2. Сопоставление документов с требованиями действующего законодательства, складывающейся судебной практикой и локальными актами организации [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юридический аудит осуществляется при помощи определенных методов, заимствованных из бухгалтерского аудита, приспособленных под свои нужды.

Список литературы:

1. Макарова Л. Г., Штефан М. А., Ковина А. К. Основы аудита. Самоучитель. М.: Высшая школы экономики, 2013. 406 с. С. 11.
2. Особенности юридического аудита компании // Ассистентус. URL: <https://assistentus.ru/vedenie-biznesa/yuridicheskij-audit/> (дата обращения: 16.01.2022).
3. Фунтов В. Н. Основы управления проектами в компании. СПб: Питер, 2011. 336 с.
4. Сорокотягин, И. Н. Судебная бухгалтерия: учебник для бакалавриата 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 284 с.

References:

1. Makarova L. G., Stefan M. A., Kovina A. K. Fundamentals of audit. Tutorial. Moscow: Higher School of Economics, 2013. 406 p. P. 11.
2. Features of the legal audit of the company // Assistant. URL: <https://assistentus.ru/vedenie-biznesa/yuridicheskij-audit/> (date of access: 16.01.2022).
3. Pounds V. N. Fundamentals of project management in the company. St. Petersburg: Piter, 2011. 336 p.
4. Sorokotyagin, I. N. Forensic accounting: textbook for undergraduate studies 2nd ed., revised. and additional Moscow: Yurayt, 2019. 284 p.

УДК/UDC 347.9

Использование видео-конференц-связи в арбитражном процессе

Смирнов Никита Валерьевич

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:smirnovnikita8800@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается регулирование использования систем видео-конференц-связи. Отмечается, что применение систем видео-конференц-связи не должно препятствовать соблюдению прав и законных интересов лиц, участвующих в деле. Нормы, позволяющие использовать систему видео-конференц-связи, были внесены в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в 2010 г. Согласно положениям ст. 153.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации лица, участвующие в деле, и иные участники вправе использовать видео-конференц-связь для участия в судопроизводстве. В науке ряд ученых ставят под сомнение возможность реализации всех принципов арбитражного процесса при рассмотрении дела с применением видео-конференц-связи. Например, нельзя говорить о полной реализации принципов непосредственности и состязательности из-за фактического отсутствия лиц в момент судебного разбирательства. По мнению автора, применение видеоконференцсвязи имеет как преимущества, так и недостатки.

Ключевые слова: арбитражный процесс, видео-конференц-связь, информационные технологии в арбитражном процессе.

The use of videoconferencing in the arbitration process

Smirnov Nikita Valeryevich

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:smirnovnikita8800@mail.ru

Abstract

The article discusses the regulation of the use of videoconferencing systems. It is noted that the use of videoconferencing systems should not interfere with the observance of the rights and legitimate interests of the persons participating in the case. The rules allowing the use of a videoconferencing system were introduced into the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in 2010. According to the provisions of Art. 153.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the persons participating in the case and other participants have the right to use videoconferencing to participate in legal proceedings. In science, a number of scientists question the possibility of implementing all the principles of the arbitration process when considering a case using videoconferencing. For example, one cannot talk about the full implementation of the principles of immediacy and competitiveness due to the actual absence of persons at the time of the trial. According to the author, the use of video conferencing has both advantages and disadvantages.

Key words: arbitration process, video conferencing, information technology in the arbitration process.

Нормы, позволяющие использовать систему видео-конференц-связи (далее по тексту — ВКС), были внесены в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) в 2010 году. Согласно положениям ст. 153.1 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники вправе использовать ВКС для участия в судопроизводстве. Для этого им необходимо заявить соответствующее ходатайство. Также важно, чтобы в судах было соответствующее техническое оснащение. Одновременно с этим при разрешении вопроса о применении данной системы следует помнить о сроках рассмотрения дела по существу. Так, если рассмотрение судом дела с применением ВКС невозможно в течение установленного срока рассмотрения, то в данном случае отсутствует возможность применения ВКС.

Заявление об использовании ВКС в процессе могут подавать участники в период до начала слушания, а также непосредственно указывать

об этом в исковом заявлении. Лицо не обязано обосновывать обстоятельства, которые препятствуют лично явиться на рассмотрение дела. Применение ВКС возможно не только в судах первой инстанции при рассмотрении и разрешении дела по существу. Некоторые ученые высказывают небезынтересные предложения о необходимости закрепления общего правила для проведения всех судебных заседаний при пересмотре судебных постановлений с использованием ВКС, и только в случаях, когда заявлено ходатайство либо по усмотрению суда лица могут быть вызваны для личного участия в судебном заседании [1].

На заявленное ходатайство о применении систем ВКС можно получить отказ в случае, если дело рассматривается в закрытом судебном заседании, а также в случае, если нет технического оснащения для применения данной системы. Здесь следует подчеркнуть, что нужно разделять технические неполадки и отсутствие технической возможности. Так, при наличии неполадок арбитражный суд вправе отложить рассмотрение дела. Нельзя применять систему ВКС в закрытом судебном заседании в связи с необходимостью охраны тайны (государственная, коммерческая и др.) [2].

В науке высказывается позиция о том, что ВКС предназначена только для использования в спорах с субъектами из разных регионов страны. Законодатель не закрепил данное положение. Оно аргументируется тем, что при применении ВКС снижаются затраты обеих сторон. Однако нельзя согласиться с данным положением иначе мы будем наблюдать ограничение доступности судебной защиты, т. к. в данном случае ограничиваются права лиц на использование ВКС, находящихся в субъекте, в котором расположен суд, рассматривающий дело.

Лицо, которое будет ответственно за организацию применения ВКС с другими арбитражными судами, должно учитывать следующие обстоятельства:

- 1) часовой пояс в регионе расположения иного суда;
- 2) особенности использования системы «План видеоконференций»;

- 3) расписание работы лиц, уполномоченных на организацию разбирательств с применением систем ВКС, которому будет направлено соответствующее поручение.

Так, в случае значительной разницы между часовыми поясами или в случае невозможности использования зала заседаний, который технически оснащен, из-за его занятости для другого разбирательства, эти основания могут быть рассмотрены как отсутствие технической возможности применения ВКС.

Судья по распоряжению арбитражного суда, в котором рассматривается дело, обеспечивает производство действий организационного характера с участниками, которые заявляли ходатайства о применении ВКС, проверяет явку лиц, устанавливает их личность и возможность их участия в судебном процессе.

В протоколе судебного заседания следует указывать о том, что имеет место применение ВКС. В суд, где непосредственно рассматривалось дело, в течении пяти дней с даты проведения разбирательства следует направить материальные носители, на которых содержится видеозапись заседания, которая будет дополнять протокол. Видеозапись осуществляется судом, при помощи которого применялась система ВКС, и передается в суд, где идет непосредственное рассмотрение дела по существу.

Законодателем допускается получение объяснений лиц, участвующих в деле, заслушивание свидетельских показаний, объяснений экспертов путем использования ВКС [3].

Однако зачастую вышеуказанные доказательства не составляют всю доказательственную базу. В большинстве разбирательств исследуются письменные доказательства, большой объем документов в печатном виде. Документы можно предоставить для визуального ознакомления через систему ВКС, также подразумевается, что снятые копии с представленных документов будут направлены в арбитражный суд, где рассматривается дело, используя средства связи. К данным доказательствам применяются общие правила оценки доказательств. При этом необходимо отметить, что если лицо, участвующее в судебном заседании

с использованием ВКС, ходатайствует о приобщении к материалам дела доказательств непосредственно при проведении судебного заседания, то невозможно восприятие доказательства судом и другими лицами, участвующими в деле, непосредственно.

В научной литературе исследуется также проблема возможности введения суд в заблуждение путем предоставления письменных доказательств, к которым будут применены технические и иные способы подделки содержания, применение факсимильной подписи, подчисток [4]. Таким образом, суд может неверно оценить доказательства.

Также в качестве отрицательных черт применения ВКС можно обозначить:

- 1) отсутствие личного контакта суда с участниками;
- 2) злоупотребление процессуальными правами;
- 3) отсутствие надлежащей защищенности информации, хранящейся в системах, обеспечивающих функционирование органов судебной системы;
- 4) неоднородность оснащённости судов техническими инструментами.

Положительный результат использования современных технологий записи и передачи информации, адаптации данных технологий к правилам и традициям российского судебного процесса, на наш взгляд, создаст реальную основу для более полной реализации целей и принципов осуществления правосудия, будет способствовать повышению роли суда в защите прав и интересов лиц.

Сейчас говорить о скором преодолении отрицательных факторов применения ВКС в арбитражном процессе в силу ряда объективных причин не приходится. Но в то же время их наличие не может отрицать перспективность использования данной информационной технологии, которая обладает рядом безусловных преимуществ, выражающихся в сокращении временных, трудовых и финансовых затрат участников процесса.

Список литературы:

1. Зеленская Л. А. Использование систем видеоконференц-связи в судебных заседаниях при пересмотре судебных постановлений // В книге: Год науки и технологий 2021. Сборник тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за вып. А. Г. Коцаев. Краснодар, 2021. С. 206.
2. Дашкин А. В. Использование видеоконференцсвязи в арбитражном процессе // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 6 (22). С. 320–325.
3. Терентьева Л. В. Организационно-правовые особенности использования видеоконференцсвязи в арбитражных судах // Правовая информатика. 2017. № 3. С. 59–65.
4. Драганова А. С. Видеоконференцсвязь как способ реализации принципа состязательности в современном арбитражном процессе // Молодой ученый. 2020. № 40(330). С. 107–109.

References:

1. Zelenskaya L. A. The use of videoconferencing systems in court hearings when reviewing court decisions // In the book: Year of Science and Technology 2021. Collection of abstracts based on materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference. Rep. for issue A. G. Koshchaev. Krasnodar, 2021. P. 206.
2. Dashkin A. V. The use of video conferencing in the arbitration process // Alley of Science. 2018. Vol. 2. No. 6(22). Pp. 320–325.
3. Terent'eva L. V. Organizational and legal features of the use of video conferencing in arbitration courts // Legal informatics. 2017. No. 3. P. 59–65.
4. Draganova A. S. Video conferencing as a way to implement the principle of competitiveness in the modern arbitration process // Young scientist. 2020. No. 40(330). Pp. 107–109.

УДК/UDC 336.3

Проблемы правового регулирования института государственного кредита

Соколова Дарья Олеговна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:sokolovadaria1531@gmail.com

Крутова Яна Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:navona2005@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается институт государственного кредита, а именно проблемы его правовой регламентации. Указывается на отсутствие законодательного закрепления базовых аспектов института, в связи с чем возникают сложности в процессе его применения. В работе освещаются различные подходы к определению понятия государственного кредита. Поднимается вопрос о месте государственного кредита в системе финансового права. Отмечается, что проблема определения правовой природы института связана с тем, что правовое регулирование государственного кредита осуществляется нормами как частного, так и публичного права. Приводятся позиции ученых, касающиеся указанных вопросов, анализируются их подходы к разрешению рассматриваемых проблем. В заключении автором формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере государственного кредитования.

Ключевые слова: государственный кредит, правовое регулирование, проблемы, государство, кредитор, заемщик.

Problems of legal regulation of the Institute of public credit

Sokolova Darya Olegovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:sokolovadaria1531@gmail.ru

Krutova Yana Aleksandrovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and
Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:navona2005@yandex.ru

Abstract

The article deals with the institution of state credit, namely the problems of its legal regulation. It is pointed out that there is no legislative consolidation of the basic aspects of the institution, in connection with which difficulties arise in the process of its application. The paper highlights various approaches to defining the concept of public credit. The question is raised about the place of state credit in the system of financial law. It is noted that the problem of determining the legal nature of an institution is related to the fact that the legal regulation of state credit is carried out by the norms of both private and public law. The positions of scientists concerning these issues are given, their approaches to solving the problems under consideration are analyzed. In the conclusion, the author formulates recommendations for improving legislation in the field of public lending.

Key words: state loan, legal regulation, problems, state, lender, borrower.

Государство для выполнения своих функций и задач, достижения целей государственной политики привлекает денежные средства, однако не всегда потребности государства могут быть удовлетворены за счет денежных фондов, которыми оно располагает. Такое явление называется дефицитом бюджета, т. е. расходы государства превышают его доходы.

Важным источником финансирования дефицита бюджета является государственный кредит.

На сегодняшний день существует множество подходов к определению понятия «государственный кредит». Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой государственный кредит — совокупность экономических отношений, возникающих между государством с одной стороны и физическими или юридическими лицами с другой стороны, в которых государство может выступать в качестве кредитора, должника (заемщика) или гаранта. Некоторые ученые, в т. ч. и Д. Л. Головачев, говорят о «пассивной» и «активной» стороне государственного кредита и о том, что под термином государственный кредит понимается кредит, где государство выступает исключительно в качестве заемщика, т. е. речь идет о «пассивной» стороне государственного кредита [1].

Согласно другой точке зрения, которой, например, придерживается О. И. Лаврушина, необходимо разграничивать понятия «государственный кредит» и «государственный заем», поскольку заем — лишь те правоотношения, в которых государство выступает исключительно в качестве должника [2].

Как институт финансового права государственный кредит — совокупность правовых норм, регулирующих определенную сферу однородных общественных отношений, возникающих в результате получения или предоставления государством денежных средств, необходимых для осуществления функций в сфере государственного управления [3].

Некоторые ученые и вовсе не рассматривают государственный кредит как самостоятельный институт, поскольку отношения, которые образуют его предмет, являются составной частью института государственных финансов. Так, О. А. Полякова в своей работе пишет, что средства, полученные в виде заимствований, уже учтены в финансовой системе как средства бюджетов. Поэтому вряд ли целесообразно выделять звено, дублирующее часть бюджетов разного уровня [4]. Возможно, причиной этому служит недостаточная регламентация института законодателем, а также наличие пробелов в правовом регулировании государственно-

го кредита. Следует отметить, что государственный кредит — институт финансового права, являющийся предметом многих дискуссий. На протяжении всего времени существования института ученые задавались вопросом о месте государственного кредита в системе финансового права.

Важной проблемой представляется определение правовой природы государственного кредита. Выделяют три подхода к рассмотрению данного вопроса.

Сторонниками первого подхода являются, в частности, Е. Г. Ситникова и М. И. Слуцкий [5, 6]. Они утверждают, что в отношениях, возникающих по поводу государственного кредита, используется властный метод правового регулирования, поскольку условия предоставления данного кредита определяются государством. Это, в свою очередь, свидетельствует о публично-правовом характере государственного кредита.

Вторая группа ученых говорит о проявлении в данных отношениях диспозитивности. Так, С. А. Хохлова, Е. А. Суханов, ссылаясь на ст. 817 Гражданского кодекса Российской Федерации, указывают на договорную природу данных кредитных отношений [7, 8]. Поскольку одним из принципов государственного кредита является добровольность, стоит говорить о частно-правовых началах института. По мнению В. А. Очаковского, А. С., Архиреева и Д. И. Серопол иных ученых, любая обязанность вызывает относительно гражданское правоотношение [9].

Ну и, наконец, третья точка зрения, которой придерживаемся и мы, — государственный кредит имеет смешанную правовую природу. Нормы о государственных заимствованиях закреплены в Бюджетном кодексе Российской Федерации, т. е. данные правоотношения регулируются нормами бюджетного права, которое, в свою очередь, составляет раздел специальной части финансового права. С другой стороны, кредит — институт гражданского права, а государство в правоотношениях, образующих предмет данного института, не обладает теми признаками, которыми его принято наделять в рамках публично-правовых отношений, т. е. нельзя говорить о его главенствующем положении, а также об отношениях власти и подчинения.

Таким образом, государственный кредит входит в «компетенцию» нескольких отраслей права. Согласно ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации нормы гражданского права применяются к публично-правовым образованиям в случае, если иное не вытекает из особенностей данных субъектов [10]. Следовательно, можно говорить о Российской Федерации и субъекте Российской Федерации как специфическом субъекте кредитных отношений. Т. е. в случае возникновения споров в сфере государственного кредита нормы действующего гражданского законодательства не всегда могут применяться к спорам, возникающим в данных правоотношениях.

Одной из проблем рассматриваемого нами института является проблема несоблюдения принципа открытости деятельности государственных органов. А. С. Ложечко отмечает, что начиная с 2007 г. программа предоставления государственных финансовых и государственных экспортных кредитов стала утверждаться секретными приложениями [11]. Однако ст. 122 Бюджетного кодекса Российской Федерации о внешних долговых требованиях Российской Федерации положения о секретности данной информации не содержит [12].

Стоит также отметить, что ранее законодателем уже были урегулированы государственные кредитные правоотношения. Федеральный закон от 26 декабря 1994 г. № 76-ФЗ «О государственных внешних заимствованиях Российской Федерации и государственных кредитах, предоставляемых Российской Федерацией иностранным государствам, их юридическим лицам и Международным организациям» закрепил понятие государственных внешних заимствований, понятие государственного кредита; установил, что данные правоотношения осуществляются на основе международных договоров, гражданско-правовых соглашений [13].

Таким образом, считаем необходимым создать отдельный федеральный закон, нормы которого могли бы эффективно урегулировать споры, возникающие в данной сфере, и который бы заменил вышеупомянутый федеральный закон, утративший силу в 1999 г. При разработке нормативного правового акта следует четко определить принципы го-

сударственного кредита, поскольку принципы — исходные положения, предопределяющее содержание института. Представляется, что предложенные идеи могли бы «облегчить жизнь» правоприменителю, а также способствовали бы укреплению законности в деятельности государственных органов.

Список литературы:

1. Головачев, Дмитрий Леонидович. Регулирование государственного долга в рыночной экономике : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.01 / МГУ. - Москва, 1996. 25 с.
2. Деньги, кредит, банки [Текст] : учебник для студентов, обучающихся по направлению "Экономика" / [Лаврушин О. И. и др.] ; под ред. О. И. Лаврушина ; ФГБОУ ВПО "Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации". - 15-е изд., стер. - Москва : КноРус, 2016. 448 с.
3. Селюков А. Д. Государственный и муниципальный кредит: правовое обеспечение. М.: Право и закон, 2002. 228 с.
4. Полякова О. А. Особенности финансовой системы Российской Федерации // Дайджест Финансы. 2011. № 4. С. 10–15.
5. Ситникова, Елена Геннадьевна. Финансово-правовое регулирование отношений государственного кредита в Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. - Москва, 2004. - 26 с.
6. Слуцкий М. И. Популярные лекции по финансовому праву. СПб., 1902. 157 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: Изд-во Международного центра финансово-экономического развития, 1996. Ч. 2. 704 с.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. Т. II. 704 с.
9. Очаковский В. А., Архиреева А. С., Серопол Д. И. К вопросу о соотношении гражданского и налогового права в части применения отдельных способов обеспечения исполнения обязательств // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39. № 3. С. 109–112.
10. Можарова М. Е. К вопросу о правовом регулировании государственного кредита // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). С. 87–94.

11. Ложечко А. С. Государственные кредиты Российской Федерации: проблемы теории и практики // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. Вып. 9. С. 522–536.

12. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-19702/ (дата обращения: 12.01.2022).

13. О государственных внешних заимствованиях Российской Федерации и государственных кредитах, предоставляемых Российской Федерацией иностранным государствам, их юридическим лицам и Международным организациям: федеральный закон от 26.12.1994 № 76-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5316/ (утратил силу).

References:

1. Golovachev, Dmitry Leonidovich. Regulation of public debt in a market economy: Abstract of the thesis. ... candidate of economic sciences: 08.00.01 / Moscow State University. - Moscow, 1996. 25 p.

2. Money, credit, banks [Text]: a textbook for students studying in the direction of "Economics" / [Lavrushin O. I. and others]; ed. O. I. Lavrushina; FGBOU VPO "Financial University under the Government of the Russian Federation". - 15th ed., revised. - Moscow: KnoRus, 2016. 448 p.

3. Selyukov A. D. State and municipal loans: legal support. M.: Law and Law, 2002. 228 p.

4. Polyakova O. A. Features of the financial system of the Russian Federation // Digest Finance. 2011. No. 4. Pp. 10–15.

5. Sitnikova, Elena Gennadievna. Financial and legal regulation of state credit relations in the Russian Federation: Abstract of the thesis. ... candidate of legal sciences: 12.00.14 / Ros. acad. state service under the President of the Russian Federation. - Moscow, 2004. 26 p.

6. Slutsky M. I. Popular lectures on financial law. SPb., 1902. 157 p.

7. Civil Code of the Russian Federation. Text, comments, alphabetical index / ed. O. M. Kozyr, A.L. Makovsky, S.A. Khokhlova. M.: Publishing House of the International Center for Financial and Economic Development, 1996. Part 2. 704 p.

8. Civil law: textbook: in 2 volumes / otv. ed. E. A. Sukhanov. 4th ed., revised. and additional M.: Statut, 2015. Vol. II. 704 p.

9. Ochakovsky V. A., Arkhireeva A. S., Seropol D. I. On the question of the relationship between civil and tax law in terms of the application of certain methods of ensuring the fulfillment of obligations // Legal Bulletin of the DSU. 2021. Vol. 39. No. 3. Pp. 109–112.

10. Mozharova M. E. On the issue of legal regulation of state credit // Journal of Russian law. 2008. No. 10 (142). Pp. 87–94.

11. Lozhechko A. S. State loans of the Russian Federation: problems of theory and practice // Finance and credit. 2018. Vol. 24. Iss. 9. Pp. 522–536.

12. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (access date: January 12, 2022).

13. On state external borrowings of the Russian Federation and state loans provided by the Russian Federation to foreign states, their legal entities and international organizations: federal law of 26.12.1994 No. 76-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5316/ (invalidated).

УДК/UDC 347.73

Проблема финансового контроля в Российской Федерации

Шубина Полина Евгеньевна

студентка юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:pshubina1901@gmail.com

Аннотация

Любой вид управления без осуществления контроля социально-экономических процессов и деятельности людей становится неэффективным. Финансовый контроль является универсальным, охватывает все сферы деятельности и играет важную роль в системе хозяйствования Российской Федерации, потому что правильно функционирующая система финансового контроля является неотъемлемой частью социального развития. Эффективность финансового контроля зависит в первую очередь от соблюдения субъектами данной деятельности правовых норм, которые установлены законодательством. В данной статье обозначены проблемы организации финансового контроля в Российской Федерации. Приводится определение понятия государственного финансового контроля. Особое внимание уделено отсутствию отдельного федерального закона, посвященного осуществлению финансового контроля. Предложены пути совершенствования системы финансового контроля.

Ключевые слова: финансовый контроль, финансы, бюджет, контрольные органы, бюджетное законодательство.

The problem of financial control in the Russian Federation

Shubina Polina Evgenievna

student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia

e-mail:pshubina1901@gmail.com

Abstract

Any type of management without control over socio-economic processes and people's activities becomes ineffective. Financial control is universal, covers all areas of activity and plays an important role in the economic system of the Russian Federation, because a properly functioning system of financial control is an integral part of social development. The effectiveness of financial control depends primarily on the observance by the subjects of this activity of the legal norms that are established by law. This article outlines the problems of organizing financial control in the Russian Federation. The definition of the concept of state financial control is given. Particular attention is paid to the absence of a separate federal law on the implementation of financial control. The ways of improving the system of financial control are proposed.

Key words: financial control, finance, budget, control bodies, budget legislation.

Финансовый контроль представляет собой инструмент государства для регулирования бюджетных правоотношений между субъектами. Государство благодаря реализуемым процедурам финансового контроля создает благоприятные условия для функционирования бюджетной системы.

В науке финансового права существует несколько подходов к определению понятия «государственный финансовый контроль». Так, по мнению Е. Ю. Грачевой, финансовый контроль — это регламентированная нормами права деятельность уполномоченных государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования в целях достижения стоящих перед обществом задач [1]. Тем не менее законодатель на текущий момент нормативно не закрепил соответствующее понятие, что создает большой простор для различных толкований в профессиональной среде. Для полноценного регулирования бюджетных правоотношений необходима государственная деятельность с грамотно выстроенной нормативно-правовой базой. Несмотря на то, что законо-

датель каждый год совершенствует бюджетное законодательство путем несения поправок для осуществления успешной политики в сфере государственных финансов, возникают сложности в реализации, распределении и использовании функций финансового контроля.

Воздействие финансов на экономику тесно связано с деятельностью государства, являющегося субъектом управления, обеспечивающим организацию и функционирование всех элементов социально-экономической системы [2]. Исходя из этого, современной финансовой системе России необходим самостоятельный нормативно-правовой акт, регламентирующий институт финансового контроля и реализующий в должной мере возложенные на него цели и задачи, а также обеспечивающий надлежащее функционирование финансовых сфер. Именно благодаря слаженной работе всех составляющих государственного финансового контроля государство приобретает способ управления, с помощью которого может как предупреждать и пресекать возможные правонарушения в финансовой сфере, так и осуществлять корректирующую функцию между субъектами правоотношений для устранения негативных явлений.

Так, перед государством появляется целый инструментарий по управлению денежными средствами в целях их аккумулирования, распределения и использования соответствующими субъектами. Благодаря финансовому контролю государство приобретает возможность перераспределять средства из федерального бюджета в бюджет субъекта федерации в размере фактической потребности, что снижает финансовую нагрузку на денежные фонды субъектов Российской Федерации. На разных уровнях власти существуют различные нормативно-правовые акты, касающиеся сферы финансового контроля. Тем самым, становится очевидно, что при обособлении государственного финансового контроля в отдельный правовой институт необходима систематизация законодательства в данной сфере.

Наиболее актуальной проблемой осуществления финансового контроля, по нашему мнению, является отсутствие единого специализиро-

ванного нормативно-правового акта, посвященного именно данному контролю [3].

Поэтому ключевым направлением совершенствования государственного финансового контроля как важнейшей составляющей финансового контроля в Российской Федерации является принятие единой концепции государственного финансового контроля в Российской Федерации, которая должна установить единые методологические и правовые основы осуществления государственного финансового контроля в Российской Федерации, определить систему органов, осуществляющих контроль, а также механизм их взаимодействия [4].

На наш взгляд, в целях снижения административной нагрузки и устранения структурной путаницы необходимо создание отдельных контрольно-надзорных органов, которым будут переданы соответствующие полномочия Счетной палаты Российской Федерации, Федерального Казначейства, органов субъектов Российской Федерации и местной власти. Данная мера позволит также разрешить проблемы во взаимодействии внешнего и внутреннего финансового контроля. Следует подчеркнуть важность критериев оценки эффективности контроля при принятии отдельного федерального закона о государственном финансовом контроле. В первую очередь, деятельность контрольного органа должна основываться на фундаментальных положениях, определенных конституцией Российской Федерации, а в предлагаемом нормативно-правовом акте должны быть детально проработаны и дополнены основополагающие принципы, на основе которых происходило бы осуществление деятельности контрольного органа. Например, принцип законности одновременно определит и ограничит деятельность органа в рамках законодательства. Принцип централизации поможет выстроить иерархию и установит вертикаль власти в контрольных органах, что окажет положительное воздействие на деятельность уполномоченных на то субъектов. По нашему мнению, данный нормативно-правовой акт должен будет включать разделы, касающиеся объекта финансового контроля, их прав и обязанностей.

Таким образом, решение проблем в сфере финансового контроля может быть достигнуто путем совершенствования нормативно-правовой базы. На наш взгляд, законодательной власти Российской Федерации необходимо принять отдельный федеральный закон «О государственном (финансовом) контроле», где будут закреплены понятие, цели, задачи и принципы финансового контроля. Это поможет организовать и систематизировать данный институт, позволив повысить эффективность осуществляемой деятельности. Также важно обеспечить системный подход в ходе реформирования и организации финансового контроля. Решение этих вопросов в дальнейшем подтолкнет к законодательному урегулированию взаимодействия органов финансового контроля с правоохранительными.

Предложенные меры требуют тщательной проработки со стороны законодательной власти, но в целом при компетентном и грамотном подходе представляется возможным выстроить единую и должно функционирующую систему государственного финансового контроля, которая позволит целесообразно использовать имеющиеся финансовые ресурсы, а также будет препятствовать нарушению законности финансовой деятельности хозяйствующих субъектов.

Список литературы:

1. Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования. 5-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА ИНФРА-М, 2021. 272 с. С. 31.
2. Подшивалов Ю. И. Понятие государственного финансового контроля // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31. С. 24–26.
3. Крутова Я. А., Бахченян А. С. О некоторых вопросах сущности и специфики предмета финансового права // Modern Science. 2021. № 12-3. С. 226–228.
4. Кузнецова А. А., Мельник Д. М. Проблемы и перспективы финансового контроля в России // Science Time. 2014. № 6. С. 95–97.

References:

1. Gracheva E. Yu., Sokolova E. D. Financial law: a textbook for secondary vocational education. 5th ed., rev. and additional M.: NORMA INFRA-M, 2021. 272 p. P. 31.
2. Podshivalov Yu. I. The concept of state financial control // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. No. 31. Pp. 24–26.
3. Krutova Ya. A., Bakhchenyan A. S. On some issues of the essence and specifics of the subject of financial law // Modern Science. 2021. No. 12-3. Pp. 226–228
4. Kuznetsova A. A., Melnik D. M. Problems and prospects of financial control in Russia // Science Time. 2014. No. 6. Pp. 95–97.

УДК/UDC 343.98

Характерные особенности оперативно-розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации»

Фролкин Николай Павлович

кандидат юридических наук, доцент

ведущий научный сотрудник

Центр исследования проблем российского права «Эквитас»

г. Москва, Россия

e-mail:marinafrolkina@mail.ru

Яковец Евгений Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

ведущий научный сотрудник

Центр исследования проблем российского права «Эквитас»

г. Москва, Россия

e-mail: koshka997@mail.ru

SPIN-код: 8190-5220

AuthorID: 524115

Аннотация

В статье рассматриваются сущность и содержание оперативно-розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации, требующих получения судебного решения. Приводятся дефиниции этих мероприятий, определяется нормативно-правовая основа их проведения, а также называются объекты, предметы, субъекты и другие элементы рассматриваемых понятий. Анализируются подходы к оценке некоторых (несекретных) аспектов организации и тактики проведения указанных мероприятий. Уточняется порядок использования их результатов в уголовном судопроизводстве. Снятие информации с технических каналов связи дифференцируется по отношению к использованию в исправительных учреждениях системы ФСИН России аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, а также нарушений установленного порядка отбывания на-

казания осуждёнными. Рассматриваются процессуальные действия, которые также следует отличать от указанных оперативно-розыскных мероприятий. Обращается особое внимание на недопустимость нарушения норм действующего законодательства и соблюдение тайны связи при снятии информации с технических каналов связи и получении компьютерной информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-технические мероприятия, судебное решение, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации, операторы связи, каналы связи, носители информации.

Characteristic features of operational search activities "removal of information from technical communication channels" and "obtaining computer information"

Frolkin Nikolay Pavlovich

Candidate of Law, Associate Professor

Leading Researcher

Center for the Study of Problems of Russian Law "Equitas"

Moscow, Russia

e-mail: marinafrolkina@mail.ru

Yakovets Evgeny Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Leading Researcher

Center for the Study of Problems of Russian Law "Equitas"

Moscow, Russia

e-mail: koshka997@mail.ru

SPIN-код: 8190-5220

AuthorID: 524115

Abstract

The article discusses the essence and content of operational investigative measures "removing information from technical communication channels" and "obtaining computer information requiring a court decision. Definitions of these events are given, the regulatory

framework for their implementation is determined, and objects, objects, subjects and other elements of the concepts under consideration are also named. The approaches to the assessment of some (unclassified) aspects of the organization and tactics of these events are analyzed. The procedure for using their results in criminal proceedings is being clarified. The removal of information from technical communication channels is differentiated in relation to the use of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to prevent escapes and other crimes, as well as violations of the established procedure for serving sentences by convicts. The procedural actions are considered, which should also be distinguished from the specified operational investigative measures. Special attention is paid to the inadmissibility of violating the norms of current legislation and observing the secrecy of communication when removing information from technical communication channels and receiving computer information.

Key words: operational-investigative activity, operational-technical measures, court decision; removal of information from technical communication channels, acquisition of computer information, communication operators, communication channels, information carriers.

Общая характеристика и правовая основа снятия информации с технических каналов связи. Снятие информации с технических каналов связи (СИТКС) – это оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ), связанное с получением, преобразованием и фиксацией путём съёма характеристик электронных и других физических полей с помощью специальных технических средств различных видов сигналов, передаваемых по техническим каналам связи (исключая телефонные, телеграфные и компьютерные каналы связи), для решения задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Каналы связи представляют собой связующее звено в любой современной системе передачи данных и могут создаваться различными способами в зависимости от своей схемы и особенностей объекта коммуникации. Они могут представлять собой физические проводные каналы, которые основываются на использовании специализированных кабелей, а также могут быть волновыми. Волновые каналы связи формируются для организации в определённой среде всевозможных видов радиосвязи

с использованием антенн, а также выделенной полосы частот. Проводные каналы связи как оптические, так и электрические, в свою очередь, подразделяются на два основных типа – проводные и беспроводные. В связи с этим оптический и электрический сигналы могут передаваться через провода, эфир, а также другими способами [1].

С учётом того, что телефонные, телеграфные и компьютерные каналы связи являются неизменными атрибутами осуществления иных ОРМ (контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; получение компьютерной информации) можно предположить, что к числу контролируемых технических каналов связи в ходе осуществления СИТКС относятся только *телексные, факсимильные, селекторные, радиорелейные* каналы передачи данных. Осуществляется рассматриваемое ОРМ и на сетях глобальной подвижной персональной спутниковой связи [2].

СИТКС предусмотрено п. 11 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]. Отдельные моменты, связанные с его осуществлением, нашли отражение и в других нормах ФЗ об ОРД: ст.ст. 5–8, п. 1 ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 17, а также в ст.ст. 53, 63, 64 Федерального закона «О связи» [4]; ч. 5 ст. 15 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» [5] и в следующих подзаконных, ведомственных и межведомственных нормативных правовых актах: Указе Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 «*Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств*» [6]; *Правилах взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность*, утверждённых постановлением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 (с изм. и доп.) [7]; *Типовых требованиях к плану мероприятий по внедрению технических средств для проведения оперативно-розыскных мероприятий*, утверждённых приказом Минкомсвязи России и ФСБ России от 1 августа 2017 г. № 391/437 [8]; *Требованиях к сетям электросвязи для проведения оперативно-розыскных мероприятий*. Часть I. Общие тре-

бования. Утверждены приказом Мининформсвязи России от 16 января 2008 г. № 6 [9]; Требованиях к сетям электросвязи для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Часть II. Требования к сетям передачи данных. Утверждены приказом Минкомсвязи России от 27 мая 2010 г. № 73 [10]; *Правилах применения оборудования систем коммутации, включая программное обеспечение, обеспечивающее выполнение установленных действий при проведении оперативно-разыскных мероприятий.* Часть III. Правила применения оборудования коммутации и маршрутизации пакетов информации сетей передачи данных, включая программное обеспечение, обеспечивающее выполнение установленных действий при проведении оперативно-разыскных мероприятий. Утверждены приказом Минкомсвязи России от 16 апреля 2014 г. № 83 [11]; и др. Кроме того, для реализации результатов СИТКС в уголовном процессе применяют *Инструкцию о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд:* утв. приказом МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68[12].

СИТКС относится к классу оперативно-технических мероприятий (ОТМ). Для технического обеспечения подобных ОРМ на сетях (службах) документальной электросвязи, используемых для предоставления услуг передачи данных телематических служб [13]¹, создана Система технических средств по обеспечению оперативно-разыскных мероприятий (СОРМ). Требования, предъявляемые к Системе технических средств, регламентированы приказом Государственного комитета РФ по связи и информации от 27 марта 1999 г. № 47 [14]. *Порядок внедрения Системы технических средств по обеспечению оперативно-разыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования* утверждён приказом Минсвязи России от 25 июля 2000 г. № 130 (ред. от 25.10.2000) [15].

¹Телематические службы – службы электросвязи, за исключением телефонной, телеграфной служб и службы передачи данных, предназначенные для передачи информации через сети электросвязи.

Общая характеристика и правовая основа получения компьютерной информации. Получение компьютерной информации (ПКИ) занимает особое место среди оперативно-розыскных мероприятий. В современном мире виртуальные (электронные, цифровые) данные сопровождают человека буквально на каждом шагу. Они концентрируются в информационных системах, циркулируют в сети Интернет, других информационно-телекоммуникационных сетях (ИТКС). В связи с этим в оперативно-розыскной науке и на практике ведётся активный поиск оптимальных форм и методов сбора компьютерной информации, представляющей оперативный интерес. При этом, как правило, отмечается недостаточная правовая регламентация получения доступа к компьютерным данным в интересах ОРД. До недавнего времени вариант законодательного закрепления соответствующих действий был предложен лишь в Модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности (новая редакция)», принятом на XXVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6), где данное мероприятие именуется *«мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем»* и определяется как *«получение сведений, необходимых для решения конкретных задач ОРД, и их фиксация путём наблюдения с применением специальных технических средств за характеристиками электромагнитных и других физических полей, возникающих при обработке информации в информационных системах и базах данных и её передаче по сетям электрической связи, компьютерным сетям и иным телекоммуникационным системам»*.

В принципе данное определение верно по своей сути и его можно принять за основу в ходе дальнейших рассуждений.

ПКИ наряду с СИТКС и ПТП также относится к классу ОТМ. Для технического обеспечения его проведения используется СОРМ, о которой говорилось выше.

Действия оперативных сотрудников, осуществляющих ПКИ, нацелены на проникновение в аппаратные компьютерные средства (персо-

нальные компьютеры, периферийные устройства, ИТКС, носители информации), принадлежащие подозреваемым в совершении преступлений лицам, с помощью определённых способов, которые предполагают использование специальных технических или программных средств, с целью копирования компьютерной информации, представляющей оперативный интерес. К таким способам, в частности, могут быть отнесены:

- негласное применение специального программного обеспечения и оборудования для скрытого съёма данных на закрытых сетевых ресурсах, которые могут представлять потенциальный оперативный интерес;

- оперативно-розыскной мониторинг сетевых информационных ресурсов, представляющих оперативный интерес, который реализуется через автоматизированный поиск данных, содержащих запрещённую к распространению информацию;

- изучение материалов, связанных с деятельностью организованных преступных сообществ;

- контроль закрытых для общего доступа мест сетевого общения представителей криминальной среды;

- негласная установка в компьютерные устройства, принадлежащие проверяемым лицам, специального программного обеспечения, позволяющего фиксировать содержание осуществляемых с них сеансов связи [16].

Свойства компьютерной информации, имеющие криминалистическое и оперативно-розыскное значение, заключаются в следующем:

- 1) она достаточно просто и быстро *преобразуется* из одной объектной формы в другую, *копируется* (размножается) на различные виды машинных носителей и *пересылается на любые расстояния*, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;
- 2) при изъятии компьютерной информации, в отличие от изъятия материального предмета (вещи), она *сохраняется в первоисточнике*;

- 3) в случае необходимости доступ к ней могут иметь одновременно *несколько пользователей сети ЭВМ*.

Выделяются *два основных вида* компьютерной информации – *общего пользования* (общедоступная) и *охраняемая законом* (ограниченного доступа).

К сведениям ограниченного доступа относится та компьютерная информация, которая удовлетворяет двум обязательным условиям:

- она должна быть документированной – зафиксированной на материальном носителе, с реквизитами, позволяющими её идентифицировать;

- доступ к такой информации должен ограничиваться в соответствии с законодательством Российской Федерации [17].

Компьютерная информация обладает также особым свойством, которое активно используется злоумышленниками при совершении противоправных деяний. Это – обезличенный характер последней (отсутствие признаков, прямо указывающих на связь с подозреваемым), а также возможность её быстрого и полного уничтожения.

Понятие компьютерной информации на уровне отечественного законодательства закреплено лишь в гл. 28 УК РФ, где в примечании 1 к ст. 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации) отмечается, что под этим термином следует понимать сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Таким образом, под компьютерной информацией подразумевается не какой-то особый вид информации, а лишь специфическая *форма* её представления, приспособленная для обработки с помощью средств компьютерной техники.

Средства компьютерной техники, как известно, по своему функциональному назначению подразделяются на две основные группы: 1) аппаратные средства (Hard Ware); 2) программные средства (Soft Ware).

Под *аппаратными средствами* понимаются механические, электрические и электронные технические устройства, используемые для со-

здания, систематизации, обработки, хранения, приёма и передачи данных. К ним относятся:

- 1) персональный компьютер (ПК) – комплекс технических средств, предназначенных для автоматической обработки информации в процессе решения вычислительных и информационных задач (персональные и сетевые компьютеры, серверы, ноутбуки, сотовые телефоны, смартфоны, планшеты, банкоматы и др.). ПК является *оконечным оборудованием обработки данных*, которое предназначено для преобразования пользовательской информации в данные для передачи по линиям связи (кодирование) и осуществления обратного преобразования (декодирование). Таким образом, ПК может являться средством передачи информации, её получателем или тем и другим одновременно. Компьютерная информация может на некоторое время «задерживаться» в микросхемах памяти ПК. Передача и (или) приём компьютерной информации посредством использования ПК предполагает наличие линий связи и каналов связи [18]. В качестве таковых рассматриваются ИТКС. При обработке на промежуточных сетевых устройствах (серверах, маршрутизаторах, концентраторах, модемах и др.) компьютерная информация может оставлять *цифровые следы*;
- 2) периферийное оборудование – аппаратные средства, имеющие в информационной системе подчинённый кибернетический статус (принтеры, сканеры, факсы и др.). В их микросхемах также может временно накапливаться компьютерная информация;
- 3) физические носители компьютерной информации, перечень которых достаточно широк (встроенные и внешние накопители на жёстких магнитных дисках, флэш-карты, CD-диски, DVD-диски и др.). На этих носителях такая информация сохраняется длительное время и может перемещаться, копироваться с одного ПК на другой.

Под *программными средствами* компьютерной техники в соответствии с положениями ст. 1261 ГК РФ понимается представляемая в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенная для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата, включая подготовительные материалы, получаемые в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Практически все ОРМ, фигурирующие в ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД, нацелены на получение оперативной информации в той или иной форме (в устной или текстовой, графической, в форме видео- или аудиозаписи, фотоизображения и т.д.). Некоторые из них допускают получение результатов ОРМ и в виде компьютерных файлов (снятие информации с технических каналов связи, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и др.). В связи с этим ПКИ как оперативно-розыскное мероприятие *отражает* способ получения оперативной информации, представленной в компьютерной (виртуальной) форме.

Следует подчеркнуть, что до издания Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ (так называемый Закон Яровой) [19] ПКИ охватывалось содержанием таких ОРМ, как «Снятие информации с технических каналов связи» и «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (в последнем случае – в качестве средства слежения за электронной почтовой перепиской), с которыми оно имеет много общего. Вполне очевидно, что решение о закреплении ПКИ в качестве самостоятельного ОРМ связано с *широчайшей распространённостью* компьютерной формы представления оперативно значимой информации и специфическими свойствами последней, обуславливающими особые способы её получения, а также *исключительной важностью* в плане противодействия киберпреступности и кибертерроризму [20].

Как показывает практика, в своей профессиональной деятельности оперативно-розыскные органы (ОРО) могут сталкиваться со следующими киберпреступлениями:

- сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершаемый с использованием ИТКС, включая сеть Интернет, квалифицируемый по признакам ст. 228.1, ч. 2, п. «б» (Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества);

- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ);

- распространение или оборот с помощью сети Интернет порнографических материалов, подпадающее под признаки п. «б» ч. 3 ст. 242 (Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов), п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), а также п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ (Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов);

- распространение через Интернет материалов экстремистского характера, подпадающее под признаки ст. 282.1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества) и ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации), которые тесным образом связаны с терроризмом.

Известны и другие виды киберпреступлений, представляющих высокую общественную опасность, включая организацию через Интернет заказных убийств [21] и различных видов вымогательства [22], склонение к самоубийству, незаконное приобретение и продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов [23], и др.

Общеизвестно, например, насколько активно действует в киберпространстве запрещённая в России террористическая организация ИГИЛ, решая задачи распространения своей идеологии, вербовки новых членов, демонстрации своей беспрецедентной жестокости [24].

Нормативная регламентация рассматриваемого ОРМ определена п. 15 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД. Отдельные моменты, связанные с его осуществлением, нашли отражение и в других нормах ФЗ об ОРД: ч. 4 ст. 6 и ч. 2 ст. 8, а также ст.ст. 53, 63, 64 Федерального закона «О связи», ч. 5 ст. 15 ФЗ о ФСБ, пп. 3.1, 4, 6 ст. 10.1; подпункте 2 п. 2; п. 3 ст. 15.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [25]. Кроме того, к регламентации ПКИ имеют отношение следующие нормативные правовые акты:

- *Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации* (ETS № 185). Заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. (Российская Федерация к данной Конвенции не присоединилась²) [26];

- *Доктрина информационной безопасности Российской Федерации*, утверждённая Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [27];

- *Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы*, утверждённая Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [28];

- *Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации*, утверждённый постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 (с изм. и доп.) [29];

- *Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-*

²Нашей стране не удалось договориться о приемлемых для себя условиях трансграничного доступа к компьютерным системам. В марте 2008 г. по инициативе Президента РФ было признано утратившим силу ранее принятое распоряжение «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15 ноября 2005 г. № 557-рп, в соответствии с которым Россия оставляла за собой право определяться с участием в Конвенции при условии пересмотра положений п. «b» ст. 32. Тем не менее, большинство положений данной Конвенции являются ориентиром для российских государственных органов в ходе международного сотрудничества в данной области.

розыскную деятельность, утверждённые постановлением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 (с изм. и доп.);

- *Правила хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приёма, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях, предоставления её уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации*, утверждённые постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 [30]; и др.

Использование результатов ОРД в уголовном судопроизводстве основывается на нормах уголовно-процессуального законодательства (ст. 89 УПК РФ), оперативно-розыскного закона (ст. 11 ФЗ об ОРД). Механизм использования результатов ОРД детально регламентирован Инструкцией О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд.

Сходство и основные различия между СИТКС и ПКП.

Правила осуществления СИТКС во многом аналогичны тем, которые регламентируют ПКП. Поэтому и *юридические условия* проведения этих двух ОРМ являются сходными. Это две группы условий – общеобязательные, а также характерные для экстренных ситуаций.

Как известно, СИТКС и ПКП, затрагивающие право граждан на тайну частной жизни, проводятся на основании соответствующих судебных решений. В этой связи *общеобязательными условиями* являются:

- 1) наличие оперативной информации, предусмотренной ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД;
- 2) получение судебного решения для начала проведения данного ОРМ (ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД) и, в случае необходимости, – продление срока его осуществления (ч. 6 ст. 9 ФЗ об ОРД);

- 3) наличие документально оформленного задания оперативно-го подразделения (в форме мотивированного постановления, утверждённого соответствующим руководителем) для специализированного подразделения;
- 4) проведение указанных ОРМ с использованием оперативно-технических сил и средств исключительно органов федеральной службы безопасности или органов внутренних дел (ч. 4 ст. 6 ФЗ об ОРД);
- 5) запрет на проведение СИТКС и ПКИ по основаниям, предусмотренным пп. 1–4 и 6 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД, в целях осуществления оперативно-проверочной работы. Исключением является возможность их осуществления для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД (см.: п. 5 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД).

Условия, характерные для экстренного проведения указанных ОРМ (согласно чч. 3 и 7 ст. 8 ФЗ об ОРД), подразделяются на следующие категории.

Первая *категория* условий (свойственна как для СИТКС, так и для ПКИ) реализуется в следующих случаях:

- а) наличие обстоятельств, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления;
- б) получение данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности Российской Федерации.

В этих ситуациях предусмотрено:

- 1) оформление мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД;
- 2) наличие документально оформленного задания для осуществления указанного мероприятия специализированными подразделениями;
- 3) уведомление в течение 24 час. о начале проведения данного мероприятия суда (судьи);

- 4) при необходимости продолжения СИТКС или ПКИ – получение инициатором указанного ОРМ в течение 48 час. с момента его начала соответствующего судебного решения.

Вторая категория условий (относится только к проведению СИТКС) реализуется в случае получения сообщения о без вести пропавшем лице, в связи с чем допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием. В этой ситуации предусмотрено:

- 1) получение письменного согласия законного представителя без вести пропавшего лица в том случае, если последнее является несовершеннолетним либо лицом, признанным в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособным;
- 2) оформление мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, вынесенного в течение 24 час. с момента поступления сообщения о без вести пропавшем лице;
- 3) подготовка документально оформленного задания для осуществления указанного мероприятия специализированными подразделениями;
- 4) уведомление в течение 24 час. о начале проведения данного мероприятия суда (судьи);
- 5) при необходимости продолжения данного мероприятия – получение инициатором СИТКС в течение 48 час. с момента его начала соответствующего судебного решения.

А.В. Чуркин отмечает частный случай проведения ПКИ, когда искомая компьютерная информация может быть получена и без судебного решения либо без вынесения об этом компетентным руководителем оперативно-розыскного органа мотивированного постановления. Например, в ситуации, когда подозреваемый непосредственно задержан с личным на месте совершения преступления в общественном или ином месте, и оперативный сотрудник осматривает его личное техническое сред-

ство (компьютер, смартфон, планшет или другое аналогичное устройство) [31].

Следует подчеркнуть, что сбор компьютерной информации из открытых источников (получение общедоступной информации) также не требует судебного решения, но он и не относится к ПКИ, а представляет собой наведение справок или его автоматизированную разновидность – «информационный поиск».

Формы проведения СИТКС и ПКИ могут быть различными. Профессор А.Ю. Шумилов отмечал допустимость как гласной, так и негласной форм их осуществления, причём, приоритет отдавал негласному проведению указанных ОРМ [32]. В.Н. Медведев называет исключительно негласную форму проведения данных ОРМ [33].

С учётом сказанного представляется предпочтительней точка зрения авторов курса лекций «Правовые основы оперативно-розыскной деятельности», которые предлагают рассматривать три формы проведения указанных ОРМ: 1) гласную (реализуется непосредственно самим инициатором – оперативным сотрудником); 2) зашифрованную (осуществляется с участием представителей предприятий, учреждений и организаций); 3) негласную (проводится самостоятельно оперативно-техническими подразделениями федеральной службы безопасности и органов внутренних дел) [34].

В связи с этим в качестве субъектов СИТКС и ПКИ рассматриваются:

- сотрудники оперативных подразделений, обладающие специальными познаниями и навыками в области информационных технологий;
- конфиденты, выполняющие задания оперативных сотрудников во время пребывания на объектах внедрения;
- сотрудники ОТП федеральной службы безопасности и органов внутренних дел, которые осуществляют соответствующие ОРМ по заданиям оперативных подразделений как самостоятельно, а также путём конспиративного подключения к стационарной аппаратуре предприятий связи, других организаций и учреждений, располагающих необходимыми

ми техническими каналами и средствами связи для снятия соответствующей информации;

- операторы связи, которые по требованию органов федеральной службы безопасности обязаны включать в состав аппаратных средств дополнительные оборудование и программные средства и создавать другие условия, необходимые для проведения ОТМ [35], а также работники иных предприятий, организаций и учреждений, участвующие в проведении данного мероприятия.

Профессор А.Ю. Шумилов наряду с перечисленными в качестве дополнительных субъектов рассматривал также руководителя оперативно-розыскного органа, утверждающего задание на проведение СИТКС или ПКИ, судью, который санкционирует их проведение, а применительно к проведению ПКИ – также специалиста по компьютерной информации, оказывающего помощь при проведении данного ОРМ [36].

Объекты СИТКС и ПКИ являются сходными, к ним относятся:

- 1) лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;
- 2) случайные лица, не относящиеся к криминальной среде, контактирующие с проверяемыми объектами СИТКС и ПКИ по техническим каналам связи.

А вот *предметы* рассматриваемых ОРМ различаются между собой.

Предметом СИТКС является: 1) информация, передаваемая по контролируемым техническим каналам связи (кроме телефонной, телеграфной и компьютерной); 2) данные о местоположении соответствующего абонентского устройства, получаемые путём снятия информации с технических каналов связи.

Особый интерес представляют возможности СИТКС, связанные с *геолокацией*, применение которой позволяет сотрудникам ОРО идентифицировать или определять реальное географическое местоположение таких объектов, как радарные источники, мобильные телефоны, базо-

вые станции или любые девайсы, подключённые к Интернету. Наряду с этим появляются дополнительные возможности, связанные с противодействием средствам технической разведки организованных преступных группировок.

Предметом ПКИ является компьютерная информация, передаваемая по контролируемым техническим каналам связи.

Профессор А.Л. Осипенко справедливо отмечает, что получение оперативно значимой компьютерной информации предполагает в частности обследование информационных объектов сети Интернет, среди которых следует выделить:

а) закрытые информационные ресурсы, содержащие сведения о совершении преступлений и лицах, их совершающих (сайты криминальных структур, через которые распространяется социально опасная информация, реализуются предметы, запрещённые к обороту, ведётся пропаганда криминального образа жизни, вовлекаются в противоправную деятельность новые участники и т.п.);

б) места сетевого общения (закрытые сетевые форумы и чаты, сообщества криминальной направленности в социальных сетях и др.) криминально настроенных лиц и их персональные страницы в социальных сетях. Оперативно значимая информация на указанных объектах может концентрироваться в виде следов противоправной деятельности, ссылок на материалы, запрещённые к распространению, сообщений лиц, осведомлённых об обстоятельствах подготовки и совершения преступлений.

Среди источников получения оперативно значимой компьютерной информации, по мнению указанного автора, особое место занимают сетевые каналы коммуникации, задействованные злоумышленниками для координации действий с использованием электронной почты, средств обмена сообщениями, приложений VoIP (интернет-телефонии), мессенджеров и т.п. Обнаружение и контроль таких каналов оперативными подразделениями обеспечивает им существенные преимущества. При этом важно учитывать, что количество сетевых сервисов, устанавливающих текстовую, голосовую и видеосвязь между компьютерами через Интер-

нет, постоянно увеличивается (ICQ, Skype, WhatsApp, Viber, Telegram и др.), причём многие из них предоставляют услуги шифрования передаваемых данных [37].

Следует учитывать, что спектр технических источников оперативно значимой компьютерной информации в ближайшее время будет расширяться и за счёт новых видов так называемых «умных вещей», оснащённых микропроцессорами и способных осуществлять обмен данными с ИТКС (навигационные системы автотранспорта, системы «умного дома», «умные» бытовые приборы, информационные датчики в местах общественного пользования и т.п.). Смена в современном обществе концепции «Интернета вещей» на «Интернет всего» предполагает подключение к сети практически всех объектов и инфраструктур, обслуживающих интересы как отдельных граждан, так и общества в целом [38]. Вполне очевидно, что в потоках данных, формируемых в соответствующих системах, объективно присутствуют значительные объёмы информации, представляющей интерес и для оперативно-розыскных органов [39].

Место проведения СИТКС и ПККИ Закон не определяет. Можно предположить, что в качестве такового следует рассматривать помещения предприятий мобильной связи, иных организаций и учреждений, а также помещения специализированных подразделений органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

Рассматриваемые ОРМ, как правило, являются продолжаемыми, длительными по времени мероприятиями. *Срок их проведения* может составлять до 180 суток со дня получения судебного решения, если иное не указано в самом постановлении. При необходимости продления срока действия постановления судья выносит судебное решение на основании вновь представленных материалов. Однако, располагая информацией о конкретных сроках поступления интересующей его информации, инициатор вправе провести в этот период ОРМ *разового* характера. При этом течение срока вынесенного решения не прерывается.

Контроль за циркулирующей в контролируемых сетях информацией, которая содержит сведения, составляющие *государственную тайну*, допускается только при условии соблюдения режима секретности.

Полученные в ходе СИТКС и ПКИ данные оформляются:

- при их проведении лично сотрудником оперативного подразделения – справкой или рапортом;
- сообщением лица, оказывающего содействие оперативно-розыскному органу, если последнее задействовано при их осуществлении;
- при проведении зашифрованного или негласного осуществления рассматриваемых ОРМ специализированным подразделением самостоятельно или с участием других лиц и специалистов – актом, а также объяснениями (заявлениями) лиц, участвовавших в проведении данного мероприятия.

К оперативно-служебным документам приобщается звукозапись в тех случаях, если она осуществлялась (в ходе проведения СИТКС) или полученная компьютерная информация в виде файлов, представляющих собой последовательный набор данных, хранящийся на определённом физическом носителе и имеющий собственные имя и расширение (при осуществлении ПКИ).

Полученные результаты ОРД вводятся в уголовный процесс путём допроса сотрудников оперативных подразделений (за исключением сотрудников ОТП) и иных лиц, осуществлявших данное мероприятие (кроме лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскному органу), осмотра и прослушивания представленных звукозаписей и носителей компьютерной информации, их приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

СИТКС, кроме всего прочего, следует отличать от использования в исправительных учреждениях (ИУ) системы ФСИН России аудиовизуальных, электронных и иных *технических средств надзора и контроля* для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осуждённых, которое осуществляется без

соответствующего судебного решения, поскольку последние заранее предупреждаются об их применении [40]. Вместе с тем, как отмечает профессор С.С. Епифанов, некоторые виды специальных технических средств, предназначенных для получения оперативной информации в условиях ИУ, могут использоваться сотрудниками иных оперативно-розыскных органов для решения стоящих перед ними задач [41], в том числе – по осуществлению СИТКС.

Процессуальным аналогом СИТКС является следственное действие «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», предусмотренное ст. 186.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ [42]. Его содержание заключается в получении следователем (дознавателем) от оператора связи сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также данных о номерах и месте расположения приёмо-передающих базовых станций (п. 24.1 ст. 5 УПК РФ). Оно также проводится по постановлению следователя (дознавателя) на основании полученного судебного решения.

Данное следственное действие необходимо отличать от контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), а также выемки носителей информации о соединениях между абонентами (ст. 183 УПК РФ). Получение информации о соединениях не предусматривает установления содержания самих контролируемых переговоров. Выемка предполагает принудительное изъятие носителей информации о соединениях, состоявшихся в прошлом. Контроль и запись переговоров предусматривает производство выборки необходимых сведений, осуществляемой операторами связи, и их представление следователю (дознавателю), являясь процессуальным аналогом ОРМ «прослушивание телефонных переговоров».

Что касается ОРМ «получение компьютерной информации», то привести подробное описание всех особенностей его применения в настоящее время не представляется возможным, поскольку, как уже под-

чёркивалось, пока отсутствует чёткое нормативное толкование содержания данного мероприятия, и в достаточной мере не наработана практика его применения. Между тем, потенциал применения ПКИ в сочетании с СИТКС и другими ОТМ при решении задач ОРД, несомненно, высок, особенно если речь заходит об использовании при этом искусственного интеллекта (ИИ). Самые серьёзные перспективы ИИ открывает в ходе обработки так называемых Больших Данных (Big Data), содержащих разрозненную и неявную компьютерную информацию об объектах, представляющих оперативный интерес. В ходе подобного анализа появляется возможность формирования «электронного досье» на потенциальных преступников, обнаружения и визуализации их латентных связей с иными представителями криминалитета, выявления организованных преступных группировок и установления их специализации, а также степени организованности, распределения ролей, причастности фигурантов к тем или иным криминальным событиям. Более того, результаты анализа Больших Данных создают реальную основу для применения оперативно-розыскных мер в ходе прогнозирования событий, угрожающих безопасности государства за счёт обнаружения «цифровых следов» с заданными свойствами, указывающими на высокую вероятность подготовки либо совершения определённых криминальных деяний.

Таким образом, для оптимизации ПКИ и других, тесно связанных с ним ОТМ, для поиска и исследования компьютерной и иной информации необходимо использование автоматизированных логико-аналитических систем, основанных на применении ИИ. Судя по последним материалам, поступающим, например, из МВД России [43, 44], в целесообразности подобных мер никто из должностных лиц, определяющих стратегию информатизации органов внутренних дел, сегодня нисколько не сомневается. Данное обстоятельство можно расценивать как отрадный факт и значительный шаг вперёд в противодействии преступности, поскольку ещё каких-то 20–25 лет назад эта идея у многих руководителей указанного ведомства вызывала определённое недопонимание.

Список литературы:

1. Андреевич Е. Каналы связи: виды, характеристики // URL: SYL.ru: https://www.syl.ru/article/201507/new_kanalnyi-svyazi-vidyi-harakteristiki (дата обращения: 23.06.2021).
2. Положение о порядке, общих условиях и принципах использования на территории Российской Федерации систем глобальной подвижной персональной спутниковой связи (ГППСС) и требованиях по обеспечению информационной безопасности для российских сегментов указанных систем: утв. приказом Гостелекома РФ от 21 июля 1999 г. № 22. Пп. 1.5; 2.2.6: 3.12; 3.14; 4.47 // Российская газета. 1999. 14 декабря.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 августа. Далее – ФЗ об ОРД.
4. О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (с изм. и доп.) Ст.ст. 12–16 // Российская газета. 2003. 10 июля. Далее – Федеральный закон «О связи».
5. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Российская газета. 1995. 12 апреля. Далее – ФЗ о ФСБ.
6. Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств: Указ Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 24. Ст. 2954.
7. Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: утв. постановлением Правительства РФ от 27 августа 2005 г. № 538 // Российская газета. 2005. 2 сентября.
8. Типовые требования к плану мероприятий по внедрению технических средств для проведения оперативно-розыскных мероприятий: утв. приказом Минкомсвязи России и ФСБ России от 1 августа 2017 г. № 391/437 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 31 августа 2017 г.
9. Требования к сетям электросвязи для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Часть I. Общие требования: утв. приказом Мининформсвязи России от 16 января 2008 г. № 6 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9. Ст. 11057.
10. Требования к сетям электросвязи для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Часть II. Требования к сетям передачи данных: утв. приказом Минкомсвязи России от 27 мая 2010 г. № 73 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 30. Ст. 17748.
11. Правила применения оборудования систем коммутации, включая программное обеспечение, обеспечивающее выполнение установленных действий при

проведении оперативно-розыскных мероприятий. Часть III. Правила применения оборудования коммутации и маршрутизации пакетов информации сетей передачи данных, включая программное обеспечение, обеспечивающее выполнение установленных действий при проведении оперативно-розыскных мероприятий: утв. приказом Минкомсвязи России от 16 апреля 2014 г. № 83 // Российская газета. 2014. 18 июля.

12. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. приказом МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Российская газета. 2013. 13 декабря.

13. Об утверждении руководящего документа отрасли «Телематические службы»: приказ Минсвязи РФ от 23 июля 2001 г. № 175.

14. Общие технические требования к системе технических средств по обеспечению функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях (службах) документальной электросвязи: утв. приказом Государственного комитета РФ по связи и информации от 27 марта 1999 г. № 47 // СвязьИнформ. 1999. № 7.

15. Порядок внедрения Системы технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования: утв. приказом Минсвязи России от 25 июля 2000 г. № 130 // Российская газета. 2000. 29 августа.

16. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. С. 354.

17. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // URL: http://www.cyberpol.ru/public/metodica_vehov-r1.doc (дата обращения: 09.06.2021).

18. Основы телекоммуникаций // URL: <http://www.vicgain.ru/modems/1.htm> (дата обращения: 01.06.2021).

19. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Ст. 3 // Российская газета. 2016. 8 июля.

20. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В.С. Овчинский. – М.: Норма, 2017. – 528 с.

21. Ищенко Е. П. Новые информационные технологии обеспечения раскрытия и расследования преступлений // URL: <http://kkrimlguvd.org.ua/conferences/article/3> (дата обращения: 07.02.2021).

22. Степанова Ю. Мошенники научились ботать. Информацию из Telegram начали использовать для шантажа // Коммерсант. 2021. 2 марта // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4711513> (дата обращения: 02.03.2021).

23. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря. Ст. 258.1, ч. 1.1.

24. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в период Четвёртой промышленной революции // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 356.

25. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

26. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185). Заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 23.08.2021).

27. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

28. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Президент Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 24.06.2021).

29. Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, утверждённый постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 28, ст. 3382.

30. Правила хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приёма, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях, предоставления её уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, утверждённые постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 // Российская газета. 2014. 6 августа.

31. Чуркин А. В. Некоторые правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» // Оперативник (Сыщик). 2018. № 2(55). Апрель. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2018. С. 28–34.

32. Основы оперативно-разыскной деятельности: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / [С.П. Жданов, О.Г. Карпович, Е.С. Недосекова и др.]: предисл.: В.Б. Мантусова; под ред.: Шумилова А. Ю. – Люберцы: РИО Российской таможенной академии, 2020. – С. 251.

33. Медведев В. Н. Правовое регулирование снятия информации с технических каналов связи в оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – С. 10.

34. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. – С. 98.

35. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. 1995. 12 апреля. Ст. 15, ч. 5.

36. Основы оперативно-разыскной деятельности: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / [С. П. Жданов, О. Г. Карпович, Е.С. Недосекова и др.]: предисл.: В.Б. Мантусова; под ред.: Шумилова А. Ю. – Люберцы: РИО Российской таможенной академии, 2020. – С. 255.

37. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 353.

38. Ваннах М. Через Интернет вещей – к Интернету всего // URL: <https://www.computerra.ru/183215/chez-internet-veshhey-k-internetu-vsego/> (дата обращения: 26.06.2021).

39. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 316.

40. Уголовно-исправительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп.) Ст. 92, ч. 5 // Российская газета. 1997. 16 января. Ст. 83.

41. Епифанов С. С. Научно-техническое обеспечение правоохранительной деятельности в уголовно-исполнительной системе (междисциплинарное исследование правовых, организационных и методологических аспектов): монография. – Рязань: Издательство «Концепция», 2018. – С. 163.

42. Уголовно-исправительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп.) Ст. 92, ч. 5 // Российская газета. 1997. 16 января. Далее – УПК РФ.

43. В МВД России подведены итоги первого в истории ведомства хакатона «Искусственный интеллект на службе полиции» // Официальный сайт МВД России. 2021. 27 мая // URL: <https://мвд.рф/news/item/24328582/> (дата обращения: 29.05.2021);

44. В МВД России обсудили вопросы внедрения искусственного интеллекта в работу полиции // Официальный сайт МВД России. 2021. 27 мая // URL: <https://мвд.рф/news/item/24411920/> (дата обращения: 29.05.2021).

References:

1. Andreevich E. Communication channels: types, characteristics // URL: SYL.ru: https://www.syl.ru/article/201507/new_kanalyyi-svyazi-vidyi-harakteristiki (access date: June 23, 2021).

2. Regulations on the procedure, general conditions and principles for the use of global mobile personal satellite communications systems (GPPSS) on the territory of the Russian Federation and requirements for ensuring information security for the Russian segments of these systems: approved. by order of the State Telecom of the Russian Federation dated July 21, 1999 No. 22. Pp. 1.5; 2.2.6: 3.12; 3.14; 4.47 // Russian newspaper. 1999. December 14.

3. On operational-search activity: Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1995. August 18. Next - the Federal Law on OSA.

4. On Communications: Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 Art. 12-16 // Russian newspaper. 2003. 10 July. Further - the Federal Law "On Communications".

5. On the Federal Security Service: Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995 // Rossiyskaya Gazeta. 1995. April 12. Next - the Federal Law on the FSB.

6. On streamlining the organization and conduct of operational-search activities using technical means: Decree of the President of the Russian Federation of September 1, 1995 No. 891 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1999. No. 24. Art. 2954.

7. Rules for the interaction of telecom operators with authorized state bodies carrying out operational-search activities: approved. Decree of the Government of the Russian Federation of August 27, 2005 No. 538 // Rossiyskaya Gazeta. 2005. September 2.

8. Typical requirements for the action plan for the introduction of technical means for conducting operational-search activities: approved. Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia and the Federal Security Service of Russia dated August 1, 2017 No. 391/437 // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) August 31, 2017

9. Requirements for telecommunication networks for carrying out operational search activities. Part I. General requirements: approved. by order of the Ministry of Information and Communications of Russia dated January 16, 2008 No. 6 // Bulletin of Norms. federal acts. authorities of the isp. authorities. 2008. No. 9. Art. 11057.

10. Requirements for telecommunication networks for carrying out operational search activities. Part II. Requirements for data transmission networks: approved. Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia dated May 27, 2010 No. 73 // Bulletin of Norms. federal acts. authorities of the isp. authorities. - 2010. No. 30. Art. 17748.

11. Rules for the use of switching systems equipment, including software that ensures the implementation of established actions during operational-search activities. Part III. Rules for the use of equipment for switching and routing information packets of data transmission networks, including software that ensures the implementation of established actions during operational-search activities: approved. Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of Russia dated April 16, 2014 No. 83 // Rossiyskaya Gazeta. 2014. July 18.

12. Instructions on the procedure for presenting the results of operational-search activities to the body of inquiry, investigator or court: approved. by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of Russia, the FSB of Russia, the FSO of Russia, the Federal Customs Service of Russia, the SVR of Russia, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Federal Drug Control Service of Russia, the Investigative Committee of the Russian Federation dated September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398 / 68 // Russian newspaper. 2013. December 13.

13. Approval of the guiding document of the industry "Telematic services": order of the Ministry of Communications of the Russian Federation dated July 23, 2001 No. 175.

14. General technical requirements for the system of technical means to ensure the functions of operational-search activities on networks (services) of documentary telecommunications: approved. Order of the State Committee of the Russian Federation for Communications and Information dated March 27, 1999 No. 47 // SvyazInform. 1999. No. 7.

15. The procedure for implementing the System of technical means to ensure operational-search activities on telephone, mobile and wireless networks and public personal radio call: approved. by order of the Ministry of Communications of Russia dated July 25, 2000 No. 130 // Rossiyskaya Gazeta. 2000. August 29.

16. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. – 4th ed., revised. and additional – M.: INFRA-M, 2018. P. 354.

17. Vekhov V. B. Forensic characteristics of crimes in the field of computer information // URL: http://www.cyberpol.ru/public/methodica_vehov-p1.doc (date of access: 06/09/2021).

18. Fundamentals of telecommunications // URL: <http://www.vicgain.ru/modems/1.htm> (access date: June 01, 2021).

19. On Amendments to the Federal Law “On Combating Terrorism” and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety: Federal Law No. 374-FZ of July 6, 2016. Art. 3 // Russian newspaper. 2016. July 8.

20. Fundamentals of combating cybercrime and cyberterrorism: a reader / comp. V. S. Ovchinsky. – M.: Norma, 2017. 528 p.

21. Ishchenko E. P. New information technologies for ensuring the disclosure and investigation of crimes // URL: <http://kkrimlguvd.org.ua/conferences/article/3> (access date: July 02, 2021).

22. Stepanova Yu. Fraudsters have learned to bot. Information from Telegram began to be used for blackmail // Kommersant. 2021. March 2 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4711513> (access date: February 03, 2021).

23. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2001. Dec 22. Art. 258.1, part 1.1.

24. Osipenko A. L. Operative-investigative activity during the Fourth Industrial Revolution // Actual problems of the theory of operational-investigative activity: collection of scientific papers / ed. ed. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. – M.: INFRA-M, 2017. – P. 356.

25. On information, information technologies and information protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2006. July 29.

26. Computer Crime Convention (ETS No. 185). Concluded in Budapest on November 23, 2001 // URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (access date: August 23, 2021).

27. Doctrine of information security of the Russian Federation: approved. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016 No. 50. Art. 7074.

28. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030: approved. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 // President of the Russian Federation // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (access date: June 24, 2021).

29. The list of types of special technical means intended (designed, adapted, programmed) for secretly obtaining information, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of July 1, 1996 No. 770 // Collection of the legislation Russian Federation. 1996. No. 28. Art. 3382.

30. Rules for the storage by the organizers of the dissemination of information in the Internet information and telecommunications network of information about the facts of reception, transmission, delivery and (or) processing of voice information, written text, images, sounds or other electronic messages of users of the Internet information and

telecommunications network and information about these users, providing it to authorized state bodies carrying out operational-investigative activities or ensuring the security of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of July 31, 2014 No. 759 // Rossiyskaya Gazeta. 2014. 6 August.

31. Churkin A. V. Some legal aspects of the operational-search activity "Obtaining computer information" // Operative (Detective). 2018. No. 2(55). April. M.: Shumilova I. I. Publishing House, 2018. Pp. 28–34.

32. Fundamentals of operational-investigative activities: a textbook in 2 volumes. T. 1: General part / [S. P. Zhdanov, O. G. Karpovich, E. S. Nedosekova and others]: foreword: V. B. Mantusov; under the editorship of: Shumilova A. Yu. - Lyubertsy: RIO of the Russian Customs Academy, 2020. P. 251.

33. Medvedev V. N. Legal regulation of the removal of information from technical communication channels in operational-search activities: author. dis. ... cand. legal Sciences. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. P. 10.

34. Legal foundations of operational-search activity: a course of lectures. - Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. P. 98.

35. On the Federal Security Service: Federal Law No. 40-FZ of April 3, 1995 (as amended and supplemented) // Rossiyskaya Gazeta. 1995. April 12. Art. 15, part 5.

36. Fundamentals of operational-investigative activities: a textbook in 2 volumes. T. 1: General part / [S. P. Zhdanov, O. G. Karpovich, E. S. Nedosekova and others]: foreword: V. B. Mantusov; under the editorship of: Shumilova A. Yu. - Lyubertsy: RIO of the Russian Customs Academy, 2020. P. 255.

37. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. – 4th ed., revised. and additional – M.: INFRA-M, 2018. P. 353.

38. Vannakh M. Through the Internet of things - to the Internet of everything // URL: <https://www.computerra.ru/183215/chez-internet-veshhey-k-internetu-vsego/> (access date: June 26, 2021).

39. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. – 4th ed., revised. and additional -M.: INFRA-M, 2018. P. 316.

40. Criminal Correctional Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ Art. 92, part 5 // Russian newspaper. 1997. January 16. Art. 83.

41. Epifanov S. S. Scientific and technical support of law enforcement in the penitentiary system (an interdisciplinary study of legal, organizational and methodological aspects): monograph. - Ryazan: Publishing house "Concept 2018. P. 163.

42. Criminal Correctional Code of the Russian Federation of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended and supplemented) Art. 92, part 5 // Russian newspaper. 1997. January 16. Further - Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

43. The Ministry of Internal Affairs of Russia summed up the results of the first hackathon in the history of the department "Artificial intelligence in the service of the police" // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. May 27 // URL: <https://mvd.rf/news/item/24328582/> (access date: May 29, 2021).

44. The Ministry of Internal Affairs of Russia discussed the implementation of artificial intelligence in the work of the police // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. May 27 // URL: <https://mvd.rf/news/item/24411920/> (access date: May 29, 2021).

УДК/UDC 336.221

Транспортный налог в Российской Федерации: основные проблемы и пути их решения

Яловая Алина Сергеевна

студентка экономического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:alinayalovaya31082002@gmail.com

Чернов Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Аннотация

Преобразование экономических отношений способствует усилению роли региональных налогов, в т. ч. и транспортного налога, который, в свою очередь, стал не только главным источником доходной части бюджета государства, но и участником регулирования экономических процессов, формирования материальной основы суверенитета субъектов Российской Федерации. В данной статье рассмотрены вопросы, отражающие сущность транспортного налога. Приведена характеристика его основных элементов: объекты налогообложения, налоговая база, налоговая ставка, порядок уплаты налога, налоговый период, срок уплаты. Указан порядок и особенности предоставления налоговых льгот физическим и юридическим лицам. Рассмотрены основные проблемы в сфере транспортного налогообложения. Результатом исследования являются выявленные пути решения приведенных проблем на уровне региональной налоговой политики. Сформулирован вывод, в котором показана взаимосвязь налогового законодательства федерального и регионального уровней.

Ключевые слова: транспортный налог, налоговые льготы, ставка налогообложения, объекты налогообложения, транспортные средства.

Transport tax in the Russian Federation: the main problems and ways to solve them

Yalovaya Alina Sergeyevna
student of the Faculty of Economics
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:alinayalovaya31082002@gmail.com

Chernov Yuriy Ivanovich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and
Financial Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:admfinkubsau@yandex.ru

Abstract

The transformation of economic relations contributes to the strengthening of the role of regional taxes, including the transport tax, which, in turn, has become not only the main source of revenue for the state budget, but also a participant in the regulation of economic processes, the formation of the material basis of the sovereignty of the subjects of the Russian Federation. This article discusses the issues reflecting the essence of the transport tax. The characteristics of its main elements are given: objects of taxation, tax base, tax rate, tax payment procedure, tax period, payment period. The procedure and specifics of granting tax benefits to individuals and legal entities are specified. The main problems in the field of transport taxation are considered. The result of the study is the identified ways to solve the above problems at the level of regional tax policy. The conclusion is formulated, which shows the relationship between the tax legislation of the federal and regional levels.

Key words: transport tax, tax incentives, tax rate, objects of taxation, vehicles.

Актуальность данной статьи заключается в том, что на современном этапе развития общества вопросы, связанные с транспортной системой, занимают важное место в национальной экономике. Существующие проблемы в сфере транспортного налогообложения требуют незамедли-

тельного решения, и если они будут решены своевременно и правильно, то это приведет к положительной динамике развития экономики страны и пополнению государственного бюджета.

Транспортный налог устанавливается и вводится в действие законами субъектов Российской Федерации, а также обязателен к уплате на территории субъекта [1]. Данный налог формирует основу дорожного фонда и регулируется в Российской Федерации гл. 28 Налогового кодекса Российской Федерации (далее по тексту — НК РФ). В соответствии со ст. 357 НК РФ все владельцы транспортных средств (далее по тексту — ТС) (физические и юридические лица) обязаны ежегодно уплачивать налог. Гражданин может самостоятельно составить акт, регулирующий транспортный налог. При расчете данного налога основой определения налоговой базы является мощность двигателя в лошадиных силах (л. с.) [2].

Объектом налогообложения признаются ТС, зарегистрированные в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации. К таким относятся: автомобили, мотоциклы, мотороллеры, автобусы и другие самоходные машины и механизмы на пневматическом и гусеничном ходу, а также самолеты, яхты, теплоходы и другие водные и воздушные ТС. Но существуют также объекты, которые не подвергаются к налогообложению по транспортному налогу. Это весельные и моторные лодки с двигателем мощностью до 5 л. с., легковые автомобили для инвалидов, промысловые морские и речные суда, ТС, находящиеся в розыске, и иные виды транспорта, указанные в ст. 358 НК РФ.

При назначении налога законами субъектов РФ определяются налоговая ставка, а также порядок и сроки уплаты налога [3].

Следует отметить, что единой ставки по транспортному налогу не существует. Власти регионов могут вводить свои размеры, уменьшить или увеличить ставку, но не более чем в 10 раз от установленных в НК РФ. В зависимости от типа транспорта (водное, наземное, воздушное) и наличия мотора и его мощности ставка может как снижаться, так и увеличиваться.

Из вышесказанного вытекает несколько проблем, которые складываются в системе транспортного налогообложения. Одна из них связана с тем, что налоги на транспорт взимаются лишь с малой группы людей, имеющих в своем распоряжении ТС. Для решения этой проблемы должны создаваться дорожные фонды, которые не только отправляли бы денежные средства в государственный бюджет, но и следили бы за передачей части полученных средств на обслуживание и ремонт дорог, на ремонт общественного транспорта, на строительство новых автомагистралей, на погашение дорожных кредитов из федерального бюджета, а также на очистительные сооружения, т. к. выброс выхлопных газов из автомобилей наносит непоправимый ущерб экологии.

Другой существенной проблемой в сфере транспортного налога является то, что размеры сборов в субъектах Российской Федерации могут иметь существенные различия. Преференции, предоставляемые группам и категориям граждан в одном регионе, могут не действовать на других территориях.

Таким образом, пенсионеры относятся к такой категории граждан, как льготная группа, в некоторых российских субъектах. Для того чтобы узнать, есть ли какие-либо скидки, предоставляемые пожилым людям, необходимо обратиться в местный Пенсионный фонд. Основное условие получения льготы — мощность ТС. Например, в Краснодарском крае скидки в размере 50% ставки налога предоставляются пенсионерам — владельцам автомобилей с мощностью двигателя до 150 л. с. включительно (п. 1.1 ст. 5 Закона Краснодарского края от 26 ноября 2003 г. № 639-КЗ «О транспортном налоге на территории Краснодарского края» [4]). Иная ситуация складывается в Свердловской области, где в соответствии со ст. 4 Закона Свердловской области от 29 ноября 2002 №43-ОЗ «Об установлении и введении в действие транспортного налога на территории Свердловской области» [5], пенсионеры не обязаны платить за легковые и грузовые автомобили с двигателями до 150 л. с. Данные примеры показывают степень различия транспортного налога в зависимости от субъекта, в котором взимается данный налог.

В Москве специальных льгот для пенсионеров-автовладельцев не предполагается, однако существуют льготы для других категорий граждан, среди которых основная часть пенсионеры. Так, по данным Департамента экономической политики и развития города Москвы, транспортный налог за один автомобиль мощностью до 200 л. с. в Москве не платят: ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны; Герои Советского Союза; бывшие несовершеннолетние узники фашистских концлагерей; чернобыльцы и инвалиды вследствие ядерных испытаний [6].

В соответствии со ст. 358 НК РФ уплату по транспортному налогу не производят за автомобиль, который был специально оборудован для инвалида или приобретен для него через органы соцзащиты. В таком случае мощность двигателя не должна превышать 100 л. с. В городах Москве, Санкт-Петербурге, а также в Краснодарском крае, Иркутской, Челябинской, Воронежской, Ростовской, Волгоградской областях и в других регионах инвалиды I и II группы полностью освобождены от оплаты налога, но при этом мощность двигателя автомобиля должна быть не более 100 л. с. Транспортную льготу для инвалидов III группы устанавливают региональные власти. В таких областях, как Ростовская, Воронежская, Нижегородская, Свердловская, Самарская, а также Республике Башкортостан и в Красноярском крае налог вовсе отменен.

Оформление льготы на транспортный налог многодетным семьям доступно только одному из родителей и на одно из ТС: мотоцикл, мотоллер или автомобиль с мощностью не больше 150 л. с [7].

На решение данных противоречий в системе налогообложения различных субъектов Российской Федерации должны повлиять изменения в налоговом законодательстве. Для этого необходимо определить и установить фиксированные принципы работы системы налогообложения, изменить ставку налога на приемлемую для всех регионов Российской Федерации и закрепить ее как единую для всех субъектов Российской Федерации для того, чтобы снизить существенную разницу в размерах оплаты транспортного налога и снизить степень напряженности среди налогоплательщиков. Безусловно, система администрирования в каждом из ре-

гионов должна позаботиться о повышении уровня и качества обслуживания транспортными услугами населения. Однако налогоплательщикам, в свою очередь, следует порекомендовать следить за тем, чтобы мощность в паспорте ТС соответствовала действительности, а при малейшем несоответствии своевременно обращаться за специальной экспертизой.

Таким образом, транспортный налог является одним из самых главных региональных налогов. Именно поэтому просто необходимо усовершенствовать нормы в данной сфере и улучшить систему законодательства для эффективного и прогрессивного функционирования экономики в целом. Например, внести изменения в ст. 361 НК РФ о том, что налоговая ставка будет установлена в фиксированном размере для всех субъектов Российской Федерации, но также будет устанавливаться в зависимости от мощности двигателя ТС, что повлечет уменьшение напряженности среди налогоплательщиков, увеличит продажи автомобилей и снизит риск уклонений от транспортного налога. Последнее, в свою очередь, увеличит доходы государства. Федеральный и региональный уровни законодательства неразрывно связаны между собой, поэтому изменения на одном уровне повлекут за собой изменения на другом. Так, реорганизация общего налогового законодательства окажет позитивное влияние на благосостояние экономики всей страны.

Список литературы

1. Зачеса Е. Н. Финансовое право: учебное пособие. Тула: Институт законоведения и управления ВПА, 2018. 93 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-19671/ (дата обращения: 16.01.2022).
3. Заболотни Г. И. Налоги и налогообложение: учебное пособие. Самара: Самарский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2020. 88 с.
4. О транспортном налоге на территории Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 26 ноября 2003 г. № 639-КЗ // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. № 13 (2). 2004.

5. Об установлении и введении в действие транспортного налога на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 29 ноября 2002 №43-ОЗ // Собрание законодательства Свердловской области. 2002. № 11 (2002). С. 1314.

6. О транспортном налоге: Закон г. Москвы от 09.07.2008 № 33 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=93236#c02хоqS0f2lyjkhy> (дата обращения: 16.01.2022).

7. Тимонина В. С. Совершенствование системы налогообложения физических лиц. Транспортный налог // Дневник науки. 2019. № 8 (32). URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2019/8/economy/Timonina.pdf> (дата обращения: 16.01.2022).

References:

1. Zachessa E. N. Financial law: textbook. Tula: VPA Institute of Law and Administration, 2018. 93 p.

2. Tax Code of the Russian Federation dated July 31, 1998 No. 146-FZ // ATP Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (access date: January 16, 2022).

3. Zabolotni G. I. Taxes and taxation: a study guide. Samara: Samara State Technical University, EBS DIA, 2020. 88 p.

4. On the transport tax on the territory of the Krasnodar Territory: Law of the Krasnodar Territory dated November 26, 2003 No. 639-KZ // Information Bulletin of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory. No. 13(2). 2004.

5. On the establishment and enforcement of the transport tax on the territory of the Sverdlovsk region: Law of the Sverdlovsk region dated November 29, 2002 No. 43-OZ // Collection of the legislation of the Sverdlovsk region. 2002. No. 11 (2002). P. 1314.

6. On transport tax: Law of the city of Moscow dated 09.07.2008 No. 33 // Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=93236#c02хоqS0f2lyjkhy> (access date: January 16, 2022).

7. Timonina V. S. Improving the system of taxation of individuals. Transport tax // Diary of Science. 2019. No. 8 (32). URL: <http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2019/8/economy/Timonina.pdf> (access date: January 16, 2022).